

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМЕдиа»
2006

ББК 84-4
О-33

Составитель Г.И. Касабова

О времени, о Норильске, о себе... Книга 8 /
О-33 Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*»,
2006. — 576 с.

ISBN 5-89180-053-5.

ББК 84-4

© Составление. Касабова Г.И., 2006

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2006

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Каждый том издания «О времени, о Норильске, о себе...» можно читать как самостоятельную книгу. Восьмой том продолжает тему сопротивления в сталинских лагерях, которой посвящены и два предыдущих — 6-й и 7-й.

В любую эпоху история — это всегда судьбы конкретных людей, сохранившиеся документы, письма, фотографии, старые вещи. Эти очеловеченные свидетельства времени потрясают больше всего и лучше всего дают нам прочувствовать пережитое ушедшими поколениями.

Когда возник замысел собрать под одной обложкой материалы, рассказывающие о норильском восстании з/к в 1953 году, я обратилась к норильчанам, живущим в Москве и Подмосковье, с просьбой помочь в сборе воспоминаний. Это было на очередной встрече в клубе «69 параллель» (географическое место Норильска — для тех, кто не знает). Я назвала сопротивление в Горлаге актом исторического мужества и отчаяния и сказала, что спустя более чем полвека хочется увидеть восстание глазами его активистов, очевидцев, работников охраны и администрации лагеря. Тогда один из присутствующих норильчан громко возмутился: по его мнению, в основном в лагерях сидели уголовники и враги народа, которые не заслуживают доброго слова. Еще один человек поддержал его, сказав, что норильское восстание — это до сих пор темная история: документов о нем нет или они разноречивы. Это неправда. Другое дело, что ознакомиться с ними не так просто, ибо это потребует поиска

и далеко не всякая библиотека удовлетворит заявку пытливого читателя.

Позже председатель правления Тульского областного историко-просветительского общества «Мемориал», журналист Сергей Львович Щеглов, взявший псевдоним Норильский, рассказал мне, что однажды жительница Тулы искренне усомнилась в многочисленности сталинских лагерей: «Да не может быть, чтобы столько людей репрессировали!» Подобную реакцию понять можно: ну отказывается ум простого человека найти хоть какое-то здравое объяснение тому, почему государство уничтожало миллионы своих же граждан. Если б не эти катастрофические людские потери, сколько нас было бы сегодня? А разве вычеркнешь гражданскую войну, раскулачивание, голод?.. И неужели без огромных армий рабов мы бы ничего достойного в своей стране так бы и не создали?

История семьи С.Л. Щеглова — ответ женщине из Тулы. В 1937 году расстреляли его отца, в этом же году на 10 лет лагерей осудили его мать — там она и сгинула. А его самого как сына «врагов народа» арестовали в 1941 году, свой срок он отбывал в Норильлаге. Все Щегловы реабилитированы. Сколько таких семей было репрессировано в стране? Сколько людей погибло в войне государства с собственным народом? До сих пор официально оно не назвало этих цифр, не осудило преступления эпохи социализма... Потому и не отпускает нас страшное прошлое, мы продолжаем жить в нем, а оно — в нас.

О восстании в Горлаге до сих пор даже многие норильчане мало что знают. Например, А.Ф. Паншина, в те годы жившая в Норильске, с удивлением услышала о бунте заключенных только в горбачевскую перестройку. А все потому, что как раз лето 1953 года она провела на «материке»: вернулась из отпуска в октябре, и никто не решился даже заикнуться ей об этом. Вот какой силы были запреты и страхи у людей...

До сих пор нет-нет да слышу раздраженное «опять о лагерях...». Как будто об этом уже давно все

всё знают. Вернувшись, выжившие в лагерях не стали рассказывать о пережитом из-за страха за своих близких. Они-то понимали, что умер только Сталин, а система насилия сохранилась. Страхом, житейскими лишениями государство принудило человека к покорности и молчанию. И только много лет спустя, когда началась вторая оттепель, горбачевская перестройка, оставшиеся в живых заговорили в полный голос... Но и это длилось недолго... И разве удивительно, что многие нынешние дети уже не знают, кто такой Ленин, немногие из взрослых скажут, что в Европе первые концлагеря для инакомыслящих были созданы в нашей стране в 1918 году. И при этом почти не найдется семей, где не помнят близкого или дальнего родственника, который не был бы репрессирован, а позже реабилитирован. Но даже этим людям, к сожалению, мало известны вопиющие факты, цифры и документы, свидетельствующие о беспрецедентном беззаконии и несправедливости людей в советские времена. Может быть, это потому, что по большому-то счету и в наше время мало что изменилось: правоохранные органы своего названия не оправдывают — остаются карательными (это подтверждают наша жизнь и социологические службы: например, милиции не доверяют, ее боятся абсолютное число опрошенных).

Мера, которая отделяет одно время от другого (по Вальтеру Скотту), 60 лет. Если взять за точку отсчета XX съезд КПСС, развенчавший культ Сталина, то только после 2016 года мы сможем объективно и публично рассмотреть историю массовых репрессий народов своей страны, а до тех пор это для нас живая и противоречивая действительность — мысли порой путаются, а душа болит...

Мы хотим успеть записать тех, кто, пройдя круги ада, дожил до наших дней. С каждым годом их все меньше и меньше... А те, кто служил в охране, администрации лагерей, не спешат объявиться, не публикуют своих рассказов о лагерной жизни. Недостаток этот в какой-то мере компенсирует это письмо.

Письмо инспектора инспекции Норильского комбината В.В. Закитина М.И. Калинину

[24 августа 1940 года]¹

Москва. Кремль.

Председателю президиума Верховного Союза ССР

Михаилу Ивановичу Калинину от инспектора

Мобинспекции Норильского комбината

Закитина Василия Васильевича

Обращаюсь к Вам, Михаил Иванович. Я хочу Вам рассказать причины моей судимости, а вследствие чего, может быть, исключения из рядов ВЛКСМ и снятия меня с занимаемой должности.

Мне всего 19 лет. Я закончил 8 классов ср[едней] школы. На производстве работаю полтора года, и за время моей работы я не имел ни одного прогула. Чл[ен] ВЛКСМ. Я командирован в Заполярный городок Норильск работать и строить, как представитель передовой молодежи, т[о] е[сть] член ВЛКСМ.

За время работы в Норильском полиметаллическом комбинате не имел ни одного административного взыскания так же и по линии ВЛКСМ тоже не имел. 3-го июля 1940 года я опоздал на работу на 40 мин[ут]. Причины моего опоздания неуважительные: вечером работал, а утром проспал. Мы живем в квартире с товарищем и не имеем в квартире даже часов, да их в условиях г[орода] Норильска очень трудно достать. Я проспал механически. Я никогда этого не хотел сделать, и никогда у меня не было таких случаев.

По своему происхождению я – сын крестьянина, в настоящее время – инспектор Моб[илизационной] Инспекции Норильского Комбината и лагеря. До сих пор я имел не плохие документы о происхождении, работе и общественно-политической жизни.

20 июля 1940 я осужден судом Таймырского Национального округа и приговорен по суду к 6-ти месяцам и[справительно]-т[рудовых] р[абот] с вычетом 25 % из моей заработной платы и без права обжалования приговора. Я считаю, что суд ко мне подошел неправильно, приговорив меня к 6 месяцам и[справительно]-т[рудовых] р[абот]. Я сделал опоздание не злобно на 40 минут, а есть случаи, что люди по три рабочих дня пьянствуют официально, и они получили меньшую меру наказания, чем я.

Нельзя не отметить и того, что бывшие з[а]к[люченные] занимают ответственные должности и пользуются в некоторых случаях большими пощрениями и уважением, чем даже комсомольцы².

ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 25, д. 30, л. 36–36 об. Подлинник, рукопись.

¹ Письмо зарегистрировано в Секретариате 24 августа 1940 года.

² В деле сохранилась копия ответа от 12 сентября 1940 на данное письмо за подписями заведующего приемной Савельева и консультанта Чигина: «Из ознакомления с Вашим заявлением видно, что за нарушение трудовой дисциплины Вы приговорены к 6 мес[яцам] и[справительно]-т[рудовых] работ с удержанием из заработной платы 25 %. Поэтому данное Вам наказание нужно отбыть».

Очень красноречивая жалоба... В те годы власть и к «передовой молодежи» относилась не лучше, чем к «врагам народа». Уж кто-кто, а таймырские судьи знали, что купить часы (а также посуду, одежду, мебель) в те годы было негде, а уж сколько времени уходило у каждого вольнонаемного на дорогу, тоже имели представление. Мало того что «воронков» не хватало и в них набивалось столько народу, что сидели друг на друге, так еще на каждой вахте (их тоже на пути было немало!) все пассажиры выходили, чтобы часовым предъявить документы. И, несмотря на все это и «неплохие документы о происхождении, работе и общественно-политической жизни», опоздание 19-летнего работника на 40 минут (заметим: первое!) признали неуважительным. Неудивительно, что вольнонаемные и заключенные часто испытывали друг к другу сочувствие и понимание. Нередко это распространялось и на охранников. В уже опубликованных нами воспоминаниях можно найти примеры, когда вольные люди подкармливали зэков, когда в злую пургу одних охранников колонны з/к спасали, а других позволяли унести ветру, и они где-то замерзали...

Восьмой том издания «О времени, о Норильске, о себе...» знакомит не только с воспоминаниями участников восстания, но и с документами. Это обстоятельно аргументированная жалоба Ворошилову на несправедливое следствие и суд от одного из руководителей сопротивления Б.А. Шамаева, справки, докладные записки начальника Тюремного Управления МВД СССР Берии и его замам об обстановке в восставшем лагере, проект письма об этом на имя Хрущева, обращение заключенных к Советскому правительству, докладная записка московской комиссии, побывавшей в Норильске. Это лишь малая толика документов, опубликованных в

семитомнике «История сталинского ГУЛАГа» (М.: РОССПЭН, 2004). Эти документы подтверждают правдивость рассказов участников о причинах и ходе норильского сопротивления з/к.

Мы и сегодня приглашаем к освещению лагерной темы всех, кому есть что рассказать или представить воспоминания, фотографии, документы из семейных архивов. Мы рассматриваем все точки зрения участников и очевидцев лагерных событий, в том числе и противоположных по смыслу. Читатель сам составит свое мнение о событии, факте, человеке. Например, по-разному в своих воспоминаниях норильчане оценивают врача П.М. Беспалову, горняка Н.А. Ходюню, других. И это нормально.

В 2006 году от М.Г. Властовского я услышала неизвестные до сих пор факты о взрыве в кабинете начальника рудника № 7/9 Н.А. Ходюни осенью 1954 года. Один из наших авторов — Ю.Ф. Головин в третьем томе «О времени, о Норильске, о себе...» (с. 332) описал этот случай как теракт криминала и назвал Молчанова, обвязавшегося 10 кг аммонита, каторжанином-влазовцем. «Взрыв был такой силы, что все находящиеся в кабинете были ранены или контужены... Но и в этой ситуации именно Николай Афанасьевич продолжал хладнокровно руководить рудником до прибытия руководства комбината (И.В. Усевича и С.С. Лисюка)».

Эту же историю со слов отца описал и Б.С. Лисюк (т. 4 нашего издания, с. 431). Он написал, что начальника рудника Н.А. Ходюню «многие не любили за несправедливость». Сам он не пострадал, легкую контузию получил парторг, а главный инженер лечился после взрыва два года. Считалось, что заключенный проиграл начальника в карты, но, прежде чем взорвать себя, он выгнал секретаршу руководителя.

Маю Георгиевичу Властовскому о Молчанове, единственном погибшем в «теракте», рассказал

И.В. Усевич, тогда зам. директора комбината по горному хозяйству. Оказывается, он был неоднократным нарушителем. Например, нельзя было подходить к ограждению лаготделения, а Молчанов не только подходил, но и перелезал через него, выбегал на дорогу с криком охраннику на вышке, который делал предупредительные выстрелы вверх: «Ты в меня стрелять должен! Давай, пристрели меня!» Он был фронтовиком, попал в плен. Следствие этого — 58-я статья, лагерь. Его Н.А. Ходюня звал не иначе как фашистская или бандитская морда... Перед тем как взорвать себя, Молчанов попросил выйти двух присутствующих в кабинете начальника, за них грубо ответил отказом Ходюня. Вот тут и прогремел взрыв. Далее я привожу рассказ М.Г. Властовского.

«На следующий день Ходюня пришел на работу с забинтованной головой. Он вызвал меня (я тогда был инженером по вентиляции) и сказал: «Вот сволочи, думают, запугали меня. Пойдем в шахту». «Ты что? — возразил я. — Может, кто другой снова попытается...» «А мне безразлично, — ответил Ходюня. — Если кто что задумал, все равно сделает свое...» В итоге через полчаса-час мы поехали на главную вентиляторную установку, но под землю не спустились. Поначалу Ходюня говорил, что никуда не уедет, но жена просто умоляла его, а Первый отдел ему настоятельно рекомендовал покинуть Норильск.

Перед отъездом мы, человек восемь, вечером собрались у кого-то, чтобы проводить начальника. Выпили, как водится, и помню, как я спросил то, что так и вертелось у меня на языке: «Как считаешь, за дело тебя взрывали?» Ходюня кинулся ко мне, схватил за грудки, прижал к стене. Трое из нашего мальчишника растащили нас. Ходюня сел со словами: «И ты хотел, чтоб меня подорвали?» А уж потом, когда и мы все снова уселись за стол, помолчали, он сказал: «За дело».

Ходюня в Норильске появился в 1950 году. Говорили, что был командиром штрафной роты, а от других слышал, что ничего такого в его биографии не было. Я знаю, что, когда он был мастером, бывало, спасал заключенных, которые нарушали технику безопасности, рисковал, вытаскивая их из завалов. Но со временем, во всяком случае так мне кажется, он стал действовать по принципу Зверева: лучше перегнуть, чем недогнуть».

Даже одну эту чрезвычайную ситуацию нельзя обрисовать только черно-белыми красками, что уж говорить о тяжелой лагерной жизни, которая давала множество примеров слабости и силы, предательства и верности, свободы духа и духовного рабства до мозга костей. И все это в разных обстоятельствах может проявляться даже в одном человеке...

Иногда ко мне обращаются с просьбой прислать нашу книгу, которая, например, рассказывает об энергетиках или каких-то конкретных годах. Это невозможно, потому что содержание формируется из тех воспоминаний, которые прислали норильчане (за некоторым исключением: 5-й том — о директорах комбината, 6, 7, 8-й — о норильском восстании з/к). Разными путями разным людям в разные города и страны попадают наши книги. И норильчане (все-таки бывшими они себя не считают, где бы ни жили) откликаются на наш призыв: ведь каждый, кому есть что рассказать о жизни и работе в Заполярье, может стать одним из авторов издания «О времени, о Норильске, о себе...», и это так же верно, как то, что каждый, купивший книги, становится нашим спонсором, ибо мы издаемся на деньги, вырученные от их продажи.

За время работы над девятью томами (9-й выйдет следом за 8-м) не пропало ни одного снимка, документа, письма, старой газеты — все исторические и семейные ценности возвращены авторам в целостности и сохран-

ности. Так что присылайте свой вклад в историю Норильска, а также замечания, уточнения, дополнения и возражения по поводу, который кажется вам важным. В каждом томе есть координаты издательства «*НоллМЕдиа*», которое стало единомышленником и настоящим другом фонда «Норильский». В издательство можно позвонить по контактному телефону в Москве 159-86-11 или написать и обратиться с вопросом о покупке книг по адресу: 143003, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101, ООО «*НоллМЕдиа*».

*Галина Касабова,
генеральный директор некоммерческого
издательского фонда «Норильский».*

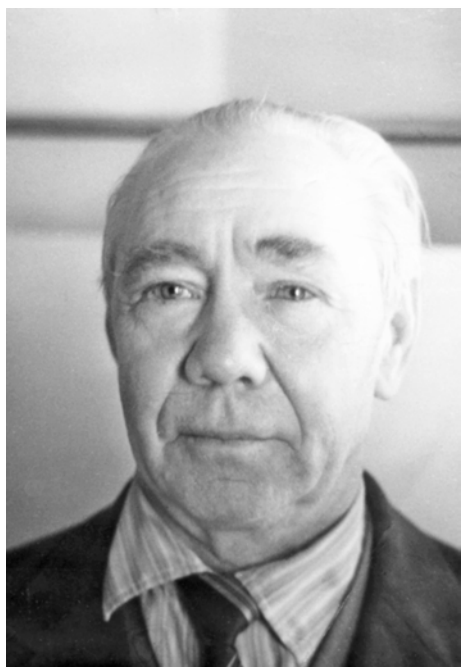

Борис Шамаев. 1941 г.

Борис Шамаев:

«... возмущает не столько бездушное, халатное, сколько трусливое поведение Красноярского краевого суда, разбиравшего наше дело. Казалось, что не интересы народа и государства отстаивал этот суд, а как будто бы задался единственной целью — помочь норильским лагерным работникам и не испортить с ними отношений».

Борис Александрович Шамаев

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Родился 14 сентября 1918 года в г. Ауле-Ата (ныне Джамбул) Казахской ССР. Происхожу из крестьян-бедняков. Русский.

До 1934 года проживал в г. Фрунзе Киргизской ССР, селе Ворошиловском Казахской ССР, г. Ашхабаде Туркменской ССР, снова в с. Ворошиловском, г. Фрунзе и Ашхабаде.

В 1934 году во Фрунзе окончил неполную среднюю школу. В том же году, переехав с семьей в Ашхабад, поступил в механико-тепловозный техникум, который окончил в 1938 году. В 1939 году был зачислен в Московское военно-инженерное училище (МВИУ). Вместо двух лет в связи с войной с белофиннами в училище проучился лишь 13 месяцев и в октябре 1940 года был выпущен в звании лейтенанта инженерных войск РККА. Награжден нагрудным знаком «Отличник РККА» (№ 250).

По окончании техникума и до зачисления в училище работал в Управлении Ашхабадской железной дороги: сначала в должности инспектора по подготовке кадров, затем — ст. инженером по ремонту и эксплуатации тепловозов локомотивной службы Управления дороги.

После выпуска из МВИУ был командирован для прохождения службы в 282 ОСБ 118 СД в Кострому, где исполнял обязанности начальника школы мл. комсостава. 17 мая 1941 года откомандирован в 3-ю армию Западного военного округа. В в/ч 3287, дислоцировавшейся в м. Ружаный Сток Домбровского района Белостокской области, временно замещал командира технической роты, а затем назначен командиром саперного взвода.

В этой должности я состоял, когда началась Великая Отечественная война.

О том, что произошло в моей жизни впоследствии и как я оказался в заключении, подробно описано в части I

настоящей подборки — в жалобе на приговор Военного трибунала ЛенВО от 26–29 сентября 1945 года.

Пробыв более 8 лет в лагере, я ни на минуту не терял веры в то, что дело, по которому меня осудили, без моего вмешательства скоро будет проверено, приговор суда в отношении меня — отменен, мне будет возвращена свобода, и я вольюсь в большую трудовую семью как равноправный гражданин своей Родины.

Пока же я решил честно трудиться и сделать таким образом свой скромный, посильный вклад в титаническую работу народа по восстановлению разрушенной и разграбленной в годы войны страны — в том положении, в котором я оказался по воле случая.

Вот что можно было бы записать в моей трудовой книжке за годы заключения:

1. Октябрь 1945 г. — май 1946 г. — кузнец, слесарь в мастерских ширпотреба в 4 л/п Мариинского л/о Сиблага.

2. Октябрь 1946 г. — май 1947 г. — рабочий в песчаном и глиняном карьерах конторы нерудных ископаемых Норильского никелевого комбината, г. Норильск. (Все нижеперечисленные предприятия являются цехами Норильского комбината.)

3. Май 1947 г. — апрель 1949 г. — землекоп, конструктор, техник-сметчик на строительстве Большой обогатительной фабрики (БОФ).

4. Апрель 1949 г. — январь 1951 г. — конструктор, техник-сметчик, и.о. начальника производственно-технической группы и зам. главного инженера стройконторы «Цементстрой» на строительстве цементного, кирпичного, известкового, минераловатного заводов.

5. Январь—июнь 1951 г. — прораб по капремонту зданий цементного завода.

6. Июнь 1951 г. — февраль 1952 г. — технический руководитель на строительстве Дома связи, Центральной химлаборатории, здания управления Норильского комбината, гаража автобусов — при стройконторе «Бофстрой».

В той же должности на строительстве кузнечно-термического цеха УРМЗ и в должности мастера на

расширении кобальтового завода — при стройконторе «Металлургстрой».

7. Февраль 1952 г. — июнь 1953 г. — производитель работ на строительстве автодороги ДОЗ — Цемстрой, гаража УПСМ и по капремонту комплекса зданий цементного, известкового и минераловатного заводов; технорук на капремонте 36-камерной кольцевой печи кирпичного завода № 2.

За добросовестную работу, внесение рационализаторских предложений неоднократно премировался администрацией производства.

В течение 8 лет, проведенных в заключении, не имел ни одного случая нарушения лагерного режима, ни одного взыскания.

Так, работая, я отбывал незаслуженный срок наказания вплоть до 4 июня 1953 года, когда в нашем лагере (3 л/о УГЛ (управление Горного лагеря) г. Норильск) в результате неспровоцированного обстрела жилой зоны военной охраной был убит и ранен 21 заключенный.

Этот неслыханный акт произвола местной администрации глубоко возмутил все население лагеря, он растревожил так долго сдерживаемые чувства. Всеобщим стало желание решительно протестовать против беззакония и разоблачения перед Советским правительством произвола лагерных органов в Норильске. Заключенные хотели раскрыть перед специально присланной для этой цели правительственной комиссией всю вереницу тех не оправданных никакими деловыми соображениями унижений и издевательств, которым подвергались заключенные до 1953 года.

При таких обстоятельствах стихийно вспыхнуло движение за вызов правительственной комиссии в 3 л/о УГЛ г. Норильска. За участие в этих событиях меня осудила в 1954 году судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда в Норильске, незаслуженный приговор которой и является предметом моих многочисленных жалоб, заявлений, писем II части настоящей подборки документов.

Отбывая назначенное приговором тюремное заключение, также не имел ни одного случая нарушения

режима. С сентября 1956 года добился привлечения к работе и работал в учебно-производственных мастерских Владимирской тюрьмы № 2 — в переплетном, пакетном, тарном и столярном цехах. Имею две благодарности от администрации тюрьмы.

В августе 1959 года по ходатайству тюремной администрации народный суд г. Владимира оставшиеся 4 года и 4 месяца тюремного заключения заменил отбытием в ИТК.

В настоящее время содержусь в 19 л/п Дубравлага МВД СССР в Мордовской АССР. Зачислен в рабочую бригаду, которая, однако, вот уже больше месяца пока ничего не делает за отсутствием работы.

На фоне тех грандиозных масштабов работ, которые ведутся в стране по семилетнему плану, такое положение, когда сотни здоровых, трудоспособных людей отлеживают бока, по меньшей мере, кажется странным.

*З/к Шамаев
24 октября 1959 года*

Р.С. Б.А. Шамаев свой срок по приговору отбыл полностью — на свободу он вышел 28 августа 1968 года. Реабилитирован 10 марта 1993 года. Самому ему этого добиться не удалось, эту работу сделал Норильский «Мемориал». В итоге приговор Красноярского краевого суда от 17–24 июня 1954 года и определение судебной коллегии по уголовным делам РСФСР от 30 октября 1954 года в отношении Б.А. Шамаева, И.Е. Воробьева, П.В. Николайчука, П.У. Тарковцаде и А.Д. Игнатьева по ст. 59, ч. 2, 1 пункт «а» УК РСФСР отменены, дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

24 февраля 1998 года Б.А. Шамаев после очередного сердечного приступа скончался. Похоронен в г. Алматы, где он жил и трудился после освобождения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

З/к Шамаева Бориса Александровича,
содержащегося в тюрьме № 5 УМВД
Иркутской обл.

ЖАЛОБА

**на приговор Красноярского краевого суда
от 17–24.07.1954 г. по делу «о беспорядках
в 3 л/о УГЛ г. Норильска», имевших место
с 4 июня по 4 августа 1953 года**

I. Предпосылки событий, породивших дело

Данное дело можно правильно понять при условии, если рассмотреть его в совокупности всех тех явлений, которые его породили. Рассматривая же дело отдельно от этих обстоятельств, мы, естественно, увидим картину неясную, неполную, и поэтому суждение, вынесенное на основании такой картины, будет неправильным, тенденциозным, несправедливым. Поэтому, прежде чем рассказать о том, как солдаты из дивизиона охраны лагеря по команде майора Полостяного открыли огонь по заключенным, находившимся в зоне 3-го лаготделения, 04.06.1953 г., прошу Вас посмотреть, в каких условиях жили люди в лагерях в период 1945–1953 гг.

1. До 1947 года в лагерях для каторжан весь младший обслуживающий персонал назначался из числа лиц, осужденных за воровство, бандитизм, грабежи и т.д. Этот уголовно-бандитствующий элемент на глазах у лагадминистрации, а нередко и под покровительством отдельных надзирателей систематически обворовывал, грабил каторжан. Это тем проще было делать, потому что в руках уголовников находились и пищеблок, и склады, и камеры хранения личных вещей каторжан. Те же, кто пытался поднять

свой голос протеста против этих безобразий, подвергался жестоким избиениям. Так было, например, в 4-м лагпункте и на «торфболоте» Мариинского лаготделения, в 9-м лаготделении в Норильске и во многих других местах заключения.

2. В тот же период нам было запрещено переписываться с родными, получать от них письма, денежные переводы.

3. Вплоть до 1947 года наш труд совершенно не оплачивался. На наши запросы по этому поводу нам разъяснили, что делается это в соответствии с предписаниями ГУЛАГа. С 1947 года до марта 1952 года нам выплачивали так называемое премвознаграждение от 30 до 90 рублей в месяц.

4. Рабочий день для каторжан был установлен 10 часов.

5. Зачеты рабочих дней на нас не распространялись.

6. Бараки, в которых мы помещались, днем и ночью закрывались на замки, в окнах были установлены решетки.

7. Исключительно дискриминационным, унижающим человека было распоряжение бериевского руководства МВД о номерах (высотой 10 см), которыми помечались все предметы одежды каждого каторжанина.

8. С 1946 года была запрещена и больше не производилась вывозка инвалидов — калек, гипертоников, больных открытой формой туберкулеза легких, бесперспективных в условиях Заполярья и лагеря. Напротив, в навигацию 1952 года во 2-м лаготделении (Кайеркан) Норильского УГЛ инвалиды были доставлены с «материка».

9. В 1949 году были созданы так называемые спецлагеря — Горные, Степные, Песчаные, Озерные и т.п., в которые заключенных направляли по статейным признакам. Таким лагерем было и 3-е лаготделение УГЛ, куда водворили большую группу

каторжан после успешного окончания строительства 1-й очереди Большой обогатительной фабрики (БОФ) Норильска. Так, статья, а не отношение к труду, стала мерилom для человека.

Вот какими были условия для каторжан в Горном лагере:

а) Инвалидов там принуждали к тяжелому физическому труду, что привело к их преждевременной смерти. Так, в комиссовку с 1951 по 1952 год начальник санотдела Горлага Норильска лейтенант м/сл. Беспалова списала на работу большое количество инвалидов 3-го лаготделения, многие из которых умерли. Гипертоники умирали даже на производственных объектах и в жилых бараках. (Подробно об этом и содержании инвалидов вообще в нашем лаготделении могут показать бывшие фельдшеры лагеря з/к Р. Билень и И. Казлаускас.)

В июне—июле 1953 года в лагере на 3,5 тысячи заключенных находилось более 400 человек инвалидов, то есть около 15 %. Такое положение создалось, по мнению заключенных-врачей Джваршейшвили, Евтенко, Мельгуй и Россон, из-за того, что действовавшая в то время инструкция по определению категории трудоспособности не учитывала специфики труда и жизни заключенных вообще и в Заполярье в частности.

б) Положительное нововведение — выплата каторжанам Горлага заработной платы с марта 1952 года в 3-м лаготделении — было сведено на нет, ибо вследствие введения множества каких-то понижающих коэффициентов к нашему заработку он не превышал, а в большинстве случаев даже был меньше той суммы, которая выдавалась нам при системе премвознаграждений. Кроме того, многими цехами, особенно в системе Управления строительства Норильского комбината, просто не оплачивался целый ряд работ, фактически вы-

полненных заключенными. Это делалось под тем предлогом, что работы якобы не предусмотрены сметой, то есть заключенные должны были расплачиваться за бездарную организацию работ цехами комбината. Наконец, удержания за питание, обмундирование и пр. администрация производила без учета имевших место снижений цен на продукты и товары.

в) Вследствие неорганизованности конвоя мы находились на производственных объектах до 14 часов в сутки (выход в 7.00, возвращение около 21.00).

г) В зимнее и весеннее время командование охраны лагеря (майор Полостяной) по согласованию с начальником лаготделения капитаном Тарховым принуждало нас работать на уборке снега с территории дивизиона охраны. Причем такие работы нам приходилось выполнять после 14-часового пребывания на производстве и бесплатно.

д) Весной 1953 года в присутствии и по личному указанию майора Полостяного нас ставили в грязь на колени, травили собаками без всякой к тому причины. Однажды был покусан собакой з/к С.Г. Головки.

е) В лагере имели место случаи избиения заключенных лицами лагадминистрации. Отдельные факты избиения были признаны самим бывшим начальником 3-го лаготделения старшим лейтенантом Свищевым, допрошенным в качестве свидетеля по обжалуемому делу.

В жалобах же и заявлениях, собранных во время протеста для правительственной комиссии, заключенные рассказывали об огромном количестве таких и подобных случаев произвола, чинимого администрацией различных лагерей над заключенными на протяжении целого ряда лет. Так, по свидетельству з/к М.М. Грима, в Тайшетских лагерях (1951–1952 гг.) имели место случаи, когда солдаты конвойных войск убивали заключенных, которые в процессе работы на лесоповале, сами того не замечая, случайно оказыва-

лись за пределами запретной зоны, обозначенной к тому же лишь колышками*.

ж) В январе 1953 года оперативные работники лаготделения — старшина Калашников, лейтенант Воронцов попытались (к счастью, безуспешно) создать в лагере атмосферу национальной вражды между русскими и украинцами. Заключенный Лемеха в заявлении, адресованном ожидавшейся правительственной комиссии, в этой связи писал, что по указанию старшины Калашникова лично он, Лемеха, прятал в снег на территории лагеря топоры, ножи и т.п., которые впоследствии были «найжены» опергруппой и выданы за оружие, якобы заготовленное украинцами против русских. Для большей убедительности было брошено в изолятор около 70 украинцев, вскоре, однако, «реабилитированных». Подробнее об этом могут показать бывшие заключенные 3-го лаготделения К.П. Король, Р. Загоруйко, И. Бухало, которые назовут целый ряд других свидетелей. Вообще же этот случай знает любой заключенный, содержащийся в то время в 3-м лаготделении в г. Норильске.

з) Те же оперработники (Калашников и Воронцов), пользуясь услугами осведомителей из числа заключенных, не только не пресекали клеветы с их

* Зимой 1945/46 г. в 4-м лаготделении Мариинского куста Сиблага (Новоивановка) в соседней с нашей женской зоне лично я и тысячи заключенных были свидетелями душераздирающих сцен. Там содержались осужденные, имевшие с собой грудных детей. Когда детям исполнялось полтора-два годика, надзиратели вывозили их из лагеря, чтобы поместить в специальном бараке за зоной (но не рядом!). И вот когда этих крох отнимали у матерей, те, видя, как дети тянут к ним ручонки и, надрывно плача, кричат: «Мама, мамочка, возьми меня, не отдавай! Я хочу к тебе!» — рыдали и бросались на колючую проволоку...

Были случаи, когда в матерей стреляли и даже убивали.

Свидетели, которых еще помню: Иван Сысоев, Василий Васильев, Александр Бедрак, Найменов, Андрей Абдуллаев (Давлетов), Василий Цыганков. Это только те, кто осужден со мной в 1945 году.

стороны, но нередко даже поощряли ее, устраивая осведомителей-клеветников на хорошую работу.

«Хорошая работа» в лагерях бериевского периода — это большое дело. Это какая-либо работа в тепле, не сопряженная с тяжелыми физическими усилиями. Сверх того, посредством предоставляемых такому «работнику» возможностей различных «комбинаций» хорошая работа обеспечивала значительно лучшие материальные условия, нежели те, которые были уделом простых землекопов и пр. Поскольку такие назначения делались на глазах у всех заключенных, то этим развращались широчайшие массы лагерного населения. Каждому становилось ясно, что легче и сытнее живет не простой рабочий с киркой в руках, а тот, кто за особые услуги оперработникам пользуется их покровительством, не представляя, однако, никакой ценности для производства. Такими действиями работники лагадминистрации прививали заключенным самые аморальные принципы.

Наконец, в связи с тем, что на основании ложных, клеветнических доносов осведомителей заключенные незаслуженно наказывались, такие методы работы оперативной части лагеря вызвали справедливое возмущение заключенных по отношению к лагадминистрации и в конечном счете дискредитировали Советское государство.

и) Работники лагадминистрации, командование и даже солдаты охранных войск, пользуясь своим служебным положением, принуждали заключенных как на производственных объектах, так и в лагере бесплатно делать для них мебель и ряд других предметов из материалов, принадлежащих государству, приносить им краски, лаки, оконное стекло, замки и т.п., ставя таким образом заключенных в необходимость воровать, разбазаривать рабочее время и государственное имущество.

к) Для укрощения и «дрессировки» непокорных в подобных делах, а также и тех, кого следовало проучить, по мнению оперработников, в штрафных

изоляциях ими создавались так называемые камеры-молотилки, в которые бросали такого заключенного и где его избивали. Как правило, избиванием занимались заключенные из числа так называемых стукачей, то есть секретных осведомителей оперчасти лагеря.

Помимо этого, не руководствуясь никакими нормами общепринятой морали, лагадминистрация и руководство Норильского комбината взяли себе за правило бессовестное отношение к заключенным. Так, например, при строительстве БОФ (1947–1949 гг.) без всякой необходимости заключенным было обещано в случае досрочного и качественного окончания строительства 1-й очереди фабрики выдать в награду шерстяные костюмы, предоставить двухнедельные производственные отпуска, а особенно отличившихся представить к досрочному освобождению.

Заключенные выполнили возложенную на них задачу. А руководство лагеря и комбината вместо обещанного водворило их в спецлагеря, даже не попытавшись хоть что-нибудь выполнить из своих обещаний.

Подобные «воспитательные» методы применялись и в мелочах, и в крупном деле, что породило в заключенных сознание того, что они находятся в руках людей недостойных, не имеющих ничего общего с действительно народным, советским подходом к делу. И на фоне творимого администрацией произвола у заключенных более не оставалось сомнения в правильности такой оценки.

В ответ на все эти безобразия заключенные неоднократно писали жалобы в различные партийные и советские органы. Но они не направлялись администрацией адресатам. А обычные жалобы на приговоры судов сопровождались незаслуженными грязными, клеветническими характеристиками, заведомо обрекавшими на неудачу любую жалобу или протест.

Надзор со стороны прокуратуры отсутствовал: за 8 лет наш лагерь не посетил ни один прокурор. Благодаря этому администрация норильских лагерей,

чувствуя, что она ни перед кем не отвечает, творила все, что ей хотелось, не руководствуясь ни кодексами, ни Советской Конституцией, ни человеческой совестью.

Для ожидавшейся правительственной комиссии в лагере было собрано более 700 жалоб и заявлений. В них заключенные рассказывали о многочисленных фактах произвола и беззакония, чинимых над ними.

(Во время вооруженной ликвидации протеста вся документация, приготовленная для правительственной комиссии, в том числе эти жалобы и заявления, были захвачены администрацией и скрыты не только от Советского правительства, которому были адресованы, но и от суда и следствия по делу, хотя эти документы в первую очередь должны быть приобщены к материалам дела и фигурировать в суде как поясняющие материалы.)

В свете всего вышеизложенного, думаю, Вы согласитесь со мной, что **случай незаконного и неспровоцированного применения оружия охраной лагеря против заключенных 04.06.1953 г.* не мог не взорвать терпения каторжан. Ведь это терпение так долго и так бессмысленно жестоко, садистски подвергалось испытанию!** При этом прошу Вас особо обратить внимание на то обстоятельство, что, как будет видно из дальнейшего, несмотря на всю эту длинную цепь издевательств, которым подвергались тысячи людей в лагерях, эти люди с величайшей надеждой были готовы доверить свою судьбу советской правительственной комиссии. Они каким-то инстинктом чувствовали, что дикие действия органов тогдашнего МВД чужды природе государства трудящихся. Словом, мы были далеки от того, чтобы отождествлять понятия «МВД» и «Советское государство».

Полагая, что из коротко изложенных выше фактов перед Вами слагается достаточно ясная картина

* Этот факт на суде подтвердили солдаты Бантуров и Баринов, допрошенные в качестве свидетелей.

тех причин, которые морально санкционировали движение за вызов правительственной комиссии. Не вдаваясь в излишнее смакование многочисленных безобразий, считаю возможным перейти к изложению сути обжалуемого дела.

II. Начало событий, породивших дело

В пояснение самих фактов считаю необходимым описать Вам, как было положено начало событиям в 3-м лаготделении, что явилось той искрой, от которой вспыхнуло пламя протеста, вылившегося в форму мирного движения за вызов правительственной комиссии.

С конца 1948 года в ИТЛ, а с 1949 года и в спецлагерях начались случаи волнений среди заключенных. Они были прямым следствием тогдашних «порядков» в лагерях, на некоторых сторонах которых просил бы остановить сейчас Ваше внимание.

Согласно старой преступной практике бериевского руководства МВД оперативные отделы создали и культивировали аморальный тип стукача — шпиона-provokatora из числа заключенных, который был нужен тогдашним работникам, потому что благодаря своей бездарности они не умели вести оперативную работу среди заключенных. Кроме бездарности многие — конечно, не все — оперработники отличались еще и очень низким моральным уровнем. Так, например, во время одного из обысков оперуполномоченный 3-го лаготделения лейтенант Воронцов, просматривая альбом с фотокарточками з/к В.С. Цыганкова, указав на карточку матери заключенного, сказал:

— Что это за баба?

А в отношении двоюродной сестры Цыганкова этот хам спросил:

— А это что за б..?

Таких примеров можно было бы привести много. Логическим следствием таких фактов — бездарность и низкий моральный уровень оперработников лагерей того периода — и было использование ими

своих особых полномочий в чисто карьеристских целях. Совершенно логично, что всякий карьерист пытается прежде всего стяжать лавры именно в той сфере, которая является его служебным поприщем. И опять неумолимая логика вещей хочет, чтобы в своем карьеристском стяжательстве многие оперработники становились на путь фабрикации фиктивных обвинений, которые обосновывались и подтверждались стукачами же. Вот эти-то несоветские, чисто иезуитские методы бериевско-абакумовского периода и породили жесточайшую ненависть заключенных к стукачам. К этой же иезуитской практике следует отнести также уже упоминавшиеся выше камеры-молотилки в штрафных изоляторах. (О них подробнее может рассказать осужденный со мною по делу П.В. Николайчук*.)

Как уже говорилось, оперативные работники лагерей систематически проституировали морально неустойчивую часть заключенных, понуждая их к наушничеству и провокациям во вред другим заключенным. При этом использовался такой фактор, как голод, запугивание и пр. Поскольку такие негласные сотрудники, как правило, являлись плохими, если не самыми худшими рабочими, но благодаря покровительству оперработников пользовались лучшими материальными условиями, то, естественно, такая практика порождала вражду среди лагнаселения, не говоря уже о том, что она дискредитировала саму идею исправительно-трудового лагеря. Вражда возникала по-разному и принимала разные формы. Морально неустойчивые люди с антиобщественными наклонностями откровенно занялись грабежом, разбоем, так как упомянутая практика работы оперотделов наглядно показывала, что «горбом не проживешь». В переводе на русский язык эта общелагерная поговорка означает: честным трудом сыт не будешь. А в то время лагерники были голодные, очень голодные!

* Умер в 1988 году в пос. Зеленый Гай Белозерского района Херсонской области.

Другая же категория заключенных прибегала к методу физического уничтожения стукачей, ибо они терроризировали лаграселение не только тем, что доносили на своих товарищей, но очень часто создавали целые ложные дела, по которым выносились судебные приговоры невиновным людям.

Так как действия лагерной администрации направлялись в централизованном порядке бериевским ГУЛАГом в Москве, то вызвавшие их волнения в лагерях имели массовый характер, то есть происходили почти повсюду.

В конце мая и начале июня 1953 года они начались в Норильске, в частности в 1, 4, 5 и 6-м лагерных отделениях Горного лагеря. В 1-м лаготделении волнения возникли вследствие того, что оперуполномоченный этого лаготделения старший лейтенант Ширяев застрелил из пистолета двух заключенных-староверов на глазах у всех и без достаточных или вообще без всяких к тому оснований; в 5-м лаготделении их спровоцировала охрана, открыв огонь по заключенным-мужчинам, разговаривавшим с женщинами из смежной зоны женского лагеря, при этом было убито и ранено около 10 человек. И т.д.

Узнав (числа 26–27 мая) о волнениях в этих лаготделениях из нелегально поступивших записок с призывами к солидарности, каторжане 3-го лаготделения не только не откликнулись на эти призывы, но даже не сделали их предметом обсуждения, а по-прежнему продолжали работать, не проявляя ни малейшего беспокойства.

Несмотря на это и вопреки здравому смыслу, 2 июня по распоряжению руководства Горлага (начальник генерал-майор Семенов) все заключенные нашего лаготделения в неурочное время с большой поспешностью были сняты с работы и приведены под усиленным конвоем в лагерь. Таким образом, там оказалась сконцентрированной 3,5-тысячная масса каторжан, возбужденных мероприятиями лагадминистрации и охраны лаготделения, которые оцепили

жилую зону усиленной охраной, патрулирующими автоматчиками, установили много пулеметов. Все эти мероприятия были проделаны ко времени возвращения каторжан в лагерь.

В этой связи заслуживают внимания и следующие три факта:

1. В течение 1, 2 и 3 июня оперработники Воронцов и Калашников, как указывалось в заявлениях дневальных опергрупп з/к Бузинского и Айвозьяна, адресованных правительственной комиссии, выносили из жилой зоны и даже сжигали в бараке № 28 множество каких-то документов, проводили продолжительные совещания. Узнавая о таких действиях оперработников, заключенные терялись в догадках, беспоконных предположениях.

2. По заявлению того же з/к Бузинского, 2 или 3 июня оперуполномоченный Калашников лично передал в камеру № 3 штрафного изолятора каторжанам Мамаеву, Себесяку, Вепштасу и др. завернутые в полотенце ножи. (Заявление предназначалось и было адресовано также правительственной комиссии.)

3. В конце мая 1953 года в штрафной изолятор нашего лаготделения (и снова по указанию руководства Горлага) была помещена группа заключенных в 24 человека, в большинстве состоявшая из бандитствующего элемента. Имея сведения о поведении этих заключенных в штрафном изоляторе (ШИЗО), старший оперуполномоченный лаготделения старший лейтенант Егоров доложил начальнику лаготделения капитану Тархову о необходимости немедленного удаления из лагеря этих людей для сохранения спокойствия в лаготделении. Капитан Тархов поставил об этом в известность Управление Горлага, которое оставило их по-прежнему в 3-м лаготделении.

И события не заставили себя долго ждать.

Справедливости ради следует сказать, что начальник лаготделения делал все для того, чтобы предотвратить их наступление, чтобы успокоить личный

состав вверенного ему лагеря. Наблюдая возбужденное состояние каторжан и желая как-то рассеять его, капитан Тархов 3 и 4 июня на собраниях заключенных заявил им, что их поведением он доволен, и потребовал такого же поведения в дальнейшем. Он заверил заключенных в том, что «ничего особенного не произошло» и им просто-напросто «предоставлен временный отдых», после которого они по-прежнему будут выводиться на работу. На вопрос: «Почему же в таком случае, если «ничего особенного не произошло», лагерь так усиленно охраняется, почему установлены пулеметы?» — капитан Тархов так и не смог ответить более или менее убедительно и только сказал: «Это вас не касается» (?!).

После собрания по распоряжению капитана Тархова в клубе начался киносеанс. Я присутствовал на нем до конца, а затем ушел в свой барак и лег спать. Это было в 16 часов 04.06.1953 г. **Меня разбудили выстрелы, явившиеся, как рассказывали очевидцы, результатом безрассудных действий командира дивизиона охраны майора Полостяного.**

Вот как все произошло по их словам. В клубе в 17.00 начался очередной киносеанс. А в ШИЗО, где содержалась привезенная к нам в конце мая группа заключенных, вселявших беспокойство своим поведением и об удалении которой вследствие этого просил старший оперуполномоченный лаготделения старший лейтенант Егоров, произошло, по свидетельству многих заключенных, следующее.

Возвращавшихся из санчасти в сопровождении надзирателей заключенных упомянутой группы Милова и И. Смирнова якобы попытались бросить в камеру № 3, где содержались каторжане Мамаев, Себяк, Вепштас и др. Последние, как говорили Милов и Смирнов, угрожали им через «глазок» ножами, полученными накануне от старшины Калашникова. Видя опасность для жизни, Милов и Смирнов подняли крик с призывом о помощи к заключенным ШИЗО. В ответ их сокамерники (около 20 человек) под пред-

водительством Воробьева выбили дверь своей камеры и вырвались сначала в коридор, а затем вместе с Миловым и Смирновым в прогулочный дворик штрафного изолятора и стали требовать вызова начальника Управления Горлага.

Опасаясь, что сокамерники Милова и Смирнова, вырвавшись из камеры в коридор, могут ворваться к ним и расправиться с ними, заключенные — каторжане из камеры № 3 Мамаев, Себесяк, Вепштас и др. прорезали в потолке отверстие и вылезли через него на крышу ШИЗО и оттуда с помощью надзирателей бежали через проволочное ограждение под защиту солдат дивизиона охраны. В зону они, конечно, больше не возвратились.

В целях насильственного водворения в камеру вырвавшихся во двор ШИЗО заключенных капитан Тархов вызвал из дивизиона охраны 50–70 солдат. Вооруженные палками, солдаты вошли в прогулочный дворик ШИЗО и стали избивать заключенных, заставляя их возвратиться в камеру. Избиваемые с криками обратились к каторжанам, находившимся в лагере, говоря, что их убивают.

Услышав шум, крики и поняв, что действительно идет массовое избиение, находившаяся в это время поблизости группа каторжан подбежала к забору, отделявшему ШИЗО от жилой зоны, оторвала от него несколько досок, дав тем самым возможность избиваемым вырваться в жилую зону. Они быстро разбежались по баракам.

Солдаты, пролезая через проволоку, вышли за пределы лагеря.

В это время по вызову капитана Тархова в лагерь прибыл генерал-майор Семенов*. В результате избиения в дворике ШИЗО остался тяжело раненный в голову з/к Воробьев**. Встретив в зоне оперуполно-

* Начальник Управления Горлага Норильска.

** Умер в тюрьме № 5 УВД Иркутской области (Александровский централ) в 1955 году. По рассказам, от водянки и в результате избиения в ШИЗО 3-го лаготделения 04.06.1953 г.

моченного Воронцова, заключенные попросили его присутствовать при эвакуации Воробьева из ШИЗО в больницу. Когда Воробьев был унесен в больницу, лейтенант Воронцов направился к выходу из лагеря. Едва Воронцов скрылся за здание больницы, раздались залпы, автоматные и пулеметные очереди. Видя возбуждение в лагере и по привычке ни в чем не разбираясь, не вникая и здесь в обстоятельства дела, находившийся у ворот дивизиона охраны майор Полостяной дал солдатам команду открыть огонь по находившимся в зоне заключенным. По свидетельству допрошенных в судебном заседании солдат Баринова и Бантурова, «огонь был открыт преждевременно» и «без видимой причины». Это находит себе подтверждение даже в том простом факте, что именно в это время в лагере находился генерал-майор Семенов, который беседовал с каторжанами у амбулатории. Услышав стрельбу, он подбежал к штрафному изолятору, откуда было метров 20 до майора Полостяного, и, потрясая кулаками над головой, закричал:

— Полостяной! Что ты делаешь ...твою мать!!! Немедленно прекратить.

Но было уже поздно. В результате преступной выходки распоясавшегося Полостяного было убито 4 и ранено 17 человек, два из которых вскоре также умерли.

Пытаясь впоследствии, при возбуждении дела, хоть как-нибудь скрыть явно провокационный, преступный характер своих действий, майор Полостяной, сговорившись со своими коллегами, дал при их поддержке ложные показания, согласно которым огонь был открыт якобы для спасения от нападения заключенных лейтенантов Воронцова и Безверхого, а также якобы из опасения прорыва заключенными зоны (?!). К своим клеветническим показаниям Полостяной приложил сфальсифицированную им лично схему, где в районе ШИЗО на маленькой площадке в 150 м² он отметил якобы собравшихся там 2000 заключенных. И, несмотря на очевидную абсурдность

такого утверждения, его даже не попытались опровергнуть ни следствие, ни суд.

Показания майора Полостяного опровергаются:

1. Тем, что на лейтенанта Воронцова не было произведено никакого нападения, имела место лишь перебранка между ним и заключенными. Она происходила еще до прибытия в лагерь генерала Семенова. Во время этой перебранки заключенные, чего-то требуя от Воронцова, случайно дернули его за хлястик, который, будучи плохо пришитым, оторвался. И вот этот-то оторванный хлястик служил достаточным юридическим оправданием убийства и ранения 21 человека! (В материалах дела нет никакого документа, который свидетельствовал бы получение Воронцовым от заключенных побоев или травм.)

Таким образом, разговор с лейтенантом Воронцовым заключенные вели до прибытия в лагерь генерала. Огонь же для его, Воронцова, «спасения» был открыт уже в присутствии генерала, то есть в то время, когда заключенные даже не говорили с Воронцовым, они говорили с генерал-майором Семеновым. Следовательно, объяснения Полостяного не совпадают со временем и местом действия, что неопровержимо доказывает необоснованность и преступность применения оружия. Тем не менее они послужили достаточным оправданием Полостянному.

2. Показаниями на суде солдат Бантурова и Баринова.

3. Наконец, представьте себе человека, окруженного хотя бы и нападающими; представьте, что это нападение делается на Вас. А спасающая Вас милиция открывает и ведет огонь по всей группе, где, как невольный член этой группы, и Вы в равной степени подвержены опасности быть убитым какой-нибудь шальной пулей...

Где же логика в утверждениях майора Полостяного о том, что огонь им был открыт «для спасения лейтенанта Воронцова». Если, кроме того, принять во внимание еще и тот факт, что площадка у штрафного изолятора, где Полостяной расположил 2000 человек,

в действительности могла бы вместить не более 200 человек, простреливалась и пронизывалась пулями во всех направлениях. (Об этом свидетельствовали пробоины на стенах бараков. Они говорили о том, что укрыться на этой площадке возможности не было никому, в том числе и лейтенанту Воронцову.) И только ввиду того, что там было не 2000, а всего 30–40 человек и не в куче, потери исчислялись 21 человеком. (А ведь раненые были и в жилом бараке № 26, и даже за клубом — з/к Баранчик.)

Обстрелу подверглись больница, амбулатория, полустационар инвалидов, жилой барак № 26, столовая общепита, клуб.

И еще одна деталь. На своей схеме Полостяной расположил все 3,5 тысячи заключенных, то есть весь списочный состав, все они у Полостяного были вне бараков, в разных местах жилой зоны. Он, видимо, не знал, что в момент открытия огня (18–45 м) около 600 человек смотрели кинокартину в клубе, более 400 человек-инвалидов были в бараках, около 100 человек лежали в палатах в больнице, человек 150 были в столовой, многие отдыхали в своих бараках и т.д.

Все это еще раз опровергает схему Полостяного и его утверждение, будто у ШИЗО было 2000 человек, а также доказывает, что при таком простреле участка лейтенант Воронцов был бы скорее убит, чем спасен. Но дело в том, что его на простреливаемом участке не было: он находился между барак № 26 и столовой.

4. Последнее в равной степени относится также и к открытию огня якобы для спасения старшего лейтенанта Безверхова.

С начальником культурно-воспитательной части старшим лейтенантом Безверхим заключенные говорили (о случившемся в ШИЗО) у клуба.

Утверждение, будто бы старший лейтенант Безверхий подвергся нападению заключенных, не только абсурдно ввиду очевидности фактов, противоречащих этому, — оно носит явно провокационный характер.

Дело в том, что Безверхий пользовался заслуженным доверием и симпатией заключенных за его гуманное отношение к ним и заботу об их быте и культурном развлечении, что было особенно ценно на фоне общей неприглядной картины жизни заключенных того периода. Именно старший лейтенант Безверхий на протяжении всего протеста, один из всей лагадминистрации, кроме капитана Тархова, свободно, ничего не боясь, неоднократно заходил в лагерь и ходил среди заключенных.

В этом свете становится совершенно очевидным стремление лжеобвинителей «доказать», что даже и самый гуманный человек из числа лагадминистрации все равно не имел пощады от этих «зверей-заключенных». Отсюда напрашивается логический вывод: «Бей этих мерзавцев, патронов не жалей!» Именно потому, что виновники расстрела заключенных ясно осознали свою вину за это и ту ответственность, которая ложится на них и от которой им никуда не уйти, если дело предстанет во всей его действительной неприглядности, именно поэтому они так усердно стремились создать ложное представление о нем. С помощью лжи и клеветы им было необходимо создать впечатление, что при таких обстоятельствах даже сам ангел мира применил бы оружие. И здесь очень характерно то, что ни Безверхий, ни Воронцов в качестве свидетелей по делу привлечены не были.

5. Никаких побоев, оскорблений или иных незаконных или хулиганских действий, таким образом, не было допущено ни в отношении Безверхова, ни Воронцова. Это лишний раз бросает свет на нечестное, чтобы не сказать больше, лицо администрации и охраны лагеря, которые перед судом и правительством, когда надо было дать правдивую картину происшедшего, с привычной в то время наглостью прибегли к фальсификации и обману.

6. Как следует из материалов дела, ни один из солдат, на которых показывали другие солдаты, что они вели огонь на поражение заключенных 04.06.1953 г.

(их было человек 14–16), так в этом и не признался; майор Полостяной показал, что команды об открытии огня по заключенным он не давал и что солдаты с караульных вышек открыли его якобы самостоятельно.

7. Обратите, наконец, внимание на расплывчатую формулировку комиссии, которая расследовала факт применения охраной оружия 4 июня 1953 года (в состав комиссии входил, кстати сказать, также и полковник Кузнецов — бывший начальник Тюремного Управления МВД СССР). В акте, составленном комиссией, сказано дословно следующее:

«Полагали бы, что оружие было применено правильно». Почему «полагали бы»? Почему не сказать об этом вполне уверенно, определенно, скажем, так: «Комиссия считает (или установила), что оружие и т.д.»? Да, видимо, потому, что и сама комиссия не была уверена в том, что огонь был применен правильно. Компетентная комиссия и та говорит: «Полагали бы». А где же было нам, заключенным, разобраться в этом — перед нами был факт убийства ни в чем не провинившихся людей. Один из этих несчастных сидел на крыльце сушилки и ел кусок хлеба; его так и нашли с судорожно зажатым в руке этим куском хлеба; другой был убит в бараке, на нарах, сонным; третьего пуля сразила, когда он выходил из библиотеки и был в метрах двухстах от ШИЗО. Как мы могли разобраться, правильно ли стреляли в нас или нет, перед лицом этих потрясающих фактов?

Описывая ниже действия Полостяного в период протеста, я дополнительно расскажу Вам о том, что представлял из себя этот человек.

Как говорилось выше, меня разбудили выстрелы. Выйдя из барака, я вместе с другими заключенными, поднявшими раненого Баранчика, пришел в больницу, где оставался, помогая санитарам, часов до 8 вечера.

В одной из палат был и капитан Тархов*. Он сидел, глубоко задумавшись, и глядел на лежавших на

* Начальник лаготделения.

полу у его ног четырех убитых заключенных. В раздумье Тархов качал головой и говорил:

— Безобразия... Безобразия... Наверное, теперь и мне придется сидеть с вами... А ведь у меня дети...

На глазах капитана были слезы. Присутствовавшие при этом лежащие на койках больные, как могли, успокаивали своего начальника, уверяя его, что ничего с ним не случится, ибо в убийстве этих людей он-то не виноват.

Этим фактом опровергается версия о том, что лагадминистрация покинула жилую зону, якобы боясь нападения заключенных. Кроме капитана Тархова в этот день все вольнонаемные медработники находились среди заключенных в больнице до глубокой ночи. Помимо этого, как указывалось выше, свободное хождение по жилой зоне старшего лейтенанта Безверхова на протяжении протеста, а также неоднократные посещения лагеря Тарховым и выполнение медработниками своих обязанностей в течение недели после случая 04.06.1953 г. — все это наголову разбивает утверждение о том, что лагадминистрация покинула зону якобы под угрозой расправы*.

Это утверждение представляет из себя деталь общей попытки администрации лагеря нарисовать события в 3-м лаготделении черными красками и за этой черной занавесью спрятать всю свою виновность, перепугать ее видом следствие и суд, дезориентировать вышестоящие инстанции, то есть это опять-таки старые приемы подтасовки фактов, клевета, ложь. Моральной основой этой лжи явилась необходимость либо встать на путь честного разоблачения событий и противопоставить себя всему коллективу своих коллег, либо по привычке сплотиться и, совместно оклеветав заключенных, оправдать свои действия.

И сила привычки восторжествовала. Встав перед выбором одного из этих двух путей, большинство, к сожалению, избрало последний из них, то есть путь лжи.

* Впоследствии вход им был запрещен военной охраной лагеря. Подробнее об этом см. ниже.

Этот выбор, видимо, оправдывался жизненным опытом приспособленцев — «мыть рукой руку», не бороться против сильных, опасением встать на сторону политических заключенных и тем самым вызвать о себе кривотолки «морально-политического» порядка.

В результате всего поведение администрации, а равно и посещавших во время протеста лагерь представителей Горлага, о чем будет сказано ниже, было недостойно граждан рабоче-крестьянского государства. Это доказанный юридический факт. Очень печальный факт.

III. Ход событий

Вот что представлял из себя лагерь, когда по окончании работы в больнице, около 8 часов вечера, я вышел в жилую зону. К этому времени там уже не было ни одного оперработника, ни одного надзирателя. На некоторых бараках в знак траура появились черные флаги. Главная линейка была заполнена снующими туда и обратно возбужденными заключенными, местами они собирались в группы. Среди собравшихся выступали незнакомые мне в то время заключенные, призывая требовать вызова правительственной комиссии.

Напротив барака № 26 висели лозунги: «Долой тюрьмы и лагеря!», «Требуем возвратить нас к нашим семьям!», у клуба, против штаба лаготделения, был прибит щит, на котором было написано: «Москва, Правительству.

- 1. Требуем правительственную комиссию.**
- 2. Требуем сурового наказания виновников расстрела заключенных.**
- 3. Требуем уважения прав человека!»**

Как заключенному, самому пережившему многое, что наконец взорвало терпение людей, мне была понятна моральная правота, которая побудила заключенных к вызову правительственной комиссии. Однако явная тенденциозность и ультимативный характер кем-то вывешенных вгорячах лозунгов яв-

лялись, на мой взгляд, дурным предзнаменованием. Пройдя к художнику лагеря, я попросил его не писать никаких антисоветских и им подобных лозунгов. Будучи одного со мной на этот счет мнения, он так и поступил в дальнейшем.

Эту первую ночь после расстрела людей в лагере почти никто не спал. Заключенные группами, парами и в одиночку ходили по зоне. Всех волновал один и тот же вопрос: что будет дальше? Говорили об этом и в нашем бараке. Одни говорили о возможном прибытии комиссии из Москвы, другие предполагали, что местная администрация предпримет какие-нибудь обманные шаги для того, чтобы создать такое положение, которое возложило бы вину за происшедшее на нас, заключенных.

С наступлением утра заключенные увидели, что, несмотря на рабочее время, никто из надзорсостава в лагере не появляется.

Видя такое положение и, кроме того, то, что зона оцеплена еще более усиленной в эту ночь охраной и пулеметами, собираясь группами, заключенные решили обсудить создавшееся положение. Так они собрались в клубе, зазывая туда и других бродивших по лагерю своих товарищей.

На этом собрании, как и на предыдущем, вечером 4 июня я не присутствовал. Тем не менее мне стало известно, что на этих собраниях было вынесено общее решение о том, чтобы:

- 1) не препятствовать входу в лагерь лицам администрации и медсоставу;
- 2) не препятствовать нормальной работе пищеблока, КВЧ, торговой точки, бани и т.п.;
- 3) не выдавать из лагеря трупы до прибытия правительственной комиссии;
- 4) заменить вывешенные в знак траура черные флаги красными с черным крепом;
- 5) простить все промахи и проступки друг другу, даже тем, которые ранее занимались клеветой, в том числе и всем известным стукачам, ибо заключен-

ные понимали, что, как бы правы они ни были, им придется держать ответ за каждый неверный шаг. Понимали они также и то, что каждый преступный поступок будет препятствовать прямому разрешению вопросов правительственной комиссией.

Таким образом, 5 июня стихийно оформилось начало протеста и приняло четкую форму желаний заключенных добиться приезда правительственной комиссии.

Шестого июня в жилой зоне, у клуба, были похоронены шесть человек, погибшие 4 июня 1953 года при обстреле жилой зоны солдатами охраны.

Вечером, собравшись в клубе, заключенные решили написать жалобу от имени всех содержащихся в лаготделении и адресовать ее Правительству СССР и правительственной комиссии. Около 6 часов вечера жалоба была написана заключенными С.Ф. Бондаренко и Колясниковым, прочтена на общем собрании, по баракам и всеми одобрена.

На этом собрании присутствовал также и я, и поэтому могу коротко изложить содержание жалобы.

Говоря вначале, что до Великой Отечественной войны все они были людьми мирного, созидательного труда, заключенные, однако, далее не скрывали и того, что, оказавшись в плену или оккупации, под страхом голодной смерти, одни из них работали у немцев, другие служили в созданных немцами военных формированиях, третьи, не понимая национальной политики Советского государства, приняли участие в националистическом движении.

«В условиях произвола и беззакония, — говорилось далее в жалобе, — в следственных органах бывшего Министерства госбезопасности на них были сфабрикованы обвинения (в которых им приписывались и не совершенные ими преступления), и все они, с нарушением элементарных принципов советского судопроизводства, были осуждены на долгие годы каторжных работ.

Находясь с лагерях, — писали заключенные, — мы испытали на себе произвол, который продолжа-

ется и поныне, принимая все более отвратительные и грубые формы, одной из которых и явился расстрел заключенных в жилой зоне 4 июня, что так ярко показало, с какой преступной халатностью верховные органы бериевского МВД доверяли жизнь множества людей безответственным негодьям, имеющим в подчинении автоматчиков!»

В заключении жалобы каторжане просили Советское правительство:

«1. Сурово наказать виновников расстрела 4 июня, а также всех других лиц, виновных в произволе и беззаконии в отношении заключенных на протяжении целого ряда лет.

2. Учесть и считать достаточным отбытые ими сроки наказания и освободить их из заключения на любых приемлемых для Советского правительства условиях».

Основанием этой просьбы выдвигалось то, что многие из них уже отбыли почти десятилетний срок наказания, на протяжении которого в суровых климатических условиях севера и тяжелом материально-бытовом положении лагеря ими построены десятки крупных социалистических предприятий, составляющих целые комбинаты, какими по праву гордится Советская страна. Таким предприятием является и Норильский комбинат. Многие заключенные потеряли в этом труде свое здоровье.

Под жалобой подписались все заключенные — советские граждане. Иностранцы, содержащиеся в лагере, написали отдельные жалобы.

После того как на собрании была зачитана жалоба и одобрена, я попросил слова и посоветовал товарищам помимо этой общей жалобы каждому написать свою, индивидуальную жалобу, от рассмотрения которой и будет зависеть решение вопроса о досрочном освобождении. (Этот факт подтвердили на суде свидетели Головки, Бархатов и др.)

Как будет видно ниже, заключенные последовали моему совету.

Оказавшиеся в первые дни протеста во главе лаготделения, некоторые вышедшие из ШИЗО заключенные, а вместе с ними и хулиганы из каторжан начали безобразничать. Как стало известно, 7 июня у з/к Капыловского были отобраны деньги, со сцены клуба исчез хлопчатобумажный материал, из хранившихся в камере домашних посылок, полученных заключенными, забирались продукты питания, табачные изделия, вещи, кем-то были присвоены и «узаконены» несколько пайков диетпитания и т.д.

Столкнувшись сразу же с такими последствиями бегства из жилой зоны лагерной администрации и видя серьезность обстановки, перед лицом имевших место отдельных хулиганских, а подчас прямо провокационных выходов со стороны некоторой части заключенных основная масса пришла к выводу, что наличие преступных явлений в столь ответственный момент может повлечь за собой тяжелые последствия и затруднит разрешение основных вопросов правительственной комиссией.

Исходя из необходимости организованного поддержания порядка, организованной подготовки материалов для вручения их правительственной комиссии, а также недопущения воздействия отдельных крайних элементов на массу заключенных и на ход событий, по решению всего лаготделения 8 июня был избран комитет, в который в качестве его председателя, как руководящий работник на производстве, бывший советский офицер, знающий советские правопорядки, был избран и я.

В соответствии с теми задачами, которые продиктовали создание комитета, на первом его заседании обязанности между членами комитета были распределены следующим образом:

1. Заключенным Тарковцаде, Гуль, Валюму, Плужнику, Осовалюку и В. Смирнову было поручено организовать помощь неграмотным и малограмотным заключенным в написании жалоб, если они пожелают написать таковые, прием этих жалоб и классифика-

ция их по характеру; жалобы на неправильное осуждение не должны быть подшиты вместе с таковыми на произвол и беззаконие со стороны лагадминистрации. З/к Валуему*, кроме того, было поручено обозначить на месте, где были убиты или ранены заключенные 04.06.1953 г., разыскать и отметить все пулевые пробоины в стенах бараков, начертить план жилой зоны лагерного отделения и нанести на нем обстановку на момент открытия огня.

2. Заключенному Цыганкову** — забота о быте лаготделения, то есть обеспечение нормальной работы пищеблока, бани, прачечной, поддержание чистоты на территории и в бараках.

3. Заключенным врачу Евтенко, фельдшеру Казлаускасу*** и Запаренко — медико-санитарная часть, амбулатория, больница, проверка поступающих со склада продуктов питания, контроль за приготовлением пищи, наблюдение за сансостоянием жилой зоны и т.п.

4. Заключенному Доронину**** — организация культурного досуга заключенных, доведение до сведения каждого путем бесед пропагандистов в бараках решений, принимаемых на общих собраниях, содержания переговоров и переписки с администрацией, содержания писем, направляемых в Советское правительство, агитация и пропаганда среди лагнаселения в духе веры в Советское правительство, в справедливость советских законов, ликвидация всех вывешенных ранее лозунгов, не соответствующих этому духу, и замена их лозунгами с цитатами из советских газет и т.п.; впоследствии Доронину было

* Ныне проживает по адресу: г. Даугавпилс, ул. Нометню, д. 18, кв. 7.

** Ныне проживает в г. Грозном, пр. Ленина, д. 74/100, кв. 262.

*** Умер в 1981 году в г. Каунасе (пр. Красной Армии, д. 108, кв. 1).

**** До 1982 г. жил в Москве (Б-232, ул. Сокольническая слободка, д. 14/18, кв. 19).

поручено контролировать содержание листовок. В помощь в части пропагандистской работы ему был выделен з/к Тарковцаде. Однако ответственность за работу пропагандистов и руководство ими с Доронина не снимались до конца протеста.

5. Заключенным Король и Загоруйко поручили вести широкую разъяснительную работу среди западных украинцев, составлявших около 90 % всего лагнаселения. Этим мероприятием преследовалась цель — не допустить среди заключенных каких-либо действий на почве национальной вражды. Для разъяснительной работы использовались пропагандисты Доронина, которому было поручено вывесить в лагере лозунги на эту тему. З/к Король, кроме того, ведал еще и пищеблоком.

6. З/к Николаев и Вождев оставались без определенных обязанностей, и первый был дежурным по лагерю в ночное время, а второй избран моим заместителем.

Впоследствии з/к Плужник и Осовалюк из комитета вышли (по болезни) и на их место избрали Воробьева и Николайчука. К концу событий, по болезни же, из комитета вышли Николаев, В. Смирнов, Гуль. Воробьев некоторое время был моим заместителем.

Затем события развивались следующим образом.

9 июня группа заключенных в 10–15 человек, услышав, что во двор тюрьмы, находившейся возле нашей зоны, въехали пожарные автомашины якобы для усмирения взбунтовавшихся заключенных в тюрьме, стала бросать в тюремный двор кирпичи, требуя, чтобы автомашины выехали оттуда. Узнав об этом, Доронин, Вождев и я пошли к месту происшествия. Общими усилиями нам удалось прекратить незаконные действия наших товарищей. Вечером того же дня на общем собрании я рассказал заключенным о случившемся и потребовал от них не повторять подобных выходов в будущем самим и пресекать такие

проявления со стороны других. По указанию Доронина в лагере вывесили несколько обращений такого содержания: «Товарищи! Не вмешивайтесь в дела, происходящие за пределами нашей зоны!»

10 июня в лагерь пришел начальник КВЧ старший лейтенант Безверхий и сказал, что в Норильске находится московская комиссия, которая сегодня посетит наш лагерь. По его указанию у вахты № 2 был поставлен стол, его покрыли красной скатертью и поставили 15 стульев. Около 11 часов охранные войска усилили оцепление, у вахты, где в 5 метрах от ворот стоял стол внутри лагеря, установили пулемет. За воротами собралась вся лагадминистрация. Все заключенные в ожидании комиссии выстроились у своих барачков. Члены комитета ожидали ее у вахты.

Незадолго до прибытия комиссии от барачков к вахте пришли заключенные и передали мне, что люди предлагают членам комитета проверить документы у членов комиссии, чтобы убедиться, что они действительно уполномочены Советским правительством. На эту мысль заключенных навели мероприятия по усилению охраны лагеря, проведенные перед прибытием комиссии.

Наконец из ворот дивизиона охраны вышла группа офицеров и направилась вдоль зоны к вахте лагеря. Среди них был один в штатской одежде. Когда группа подошла к воротам, впереди нее в лагерь вошла лагадминистрация в полном составе во главе с капитаном Тарховым и выстроилась впереди стола. Вслед за ними вошли, как стало известно лишь во время следствия по делу, начальник Тюремного Управления МВД СССР полковник Кузнецов — председатель комиссии, генерал-лейтенант Сироткин, полковник Киселев (в штатской одежде). Их сопровождал начальник Горного лагеря Норильска генерал-майор Семенов.

После того как комиссия расположилась за столом, член комитета Тарковцаде попросил полковника Кузнецова от имени всех заключенных приказать

лагадминистрации покинуть зону. Это наше желание было исполнено. Но полковник Кузнецов наотрез отказался подтвердить каким-либо документом, что возглавляемая им комиссия уполномочена Советским правительством, несмотря на троекратную просьбу в самой корректной форме обратившихся к нему членов комитета Запаренко, Вожедова, Евтенко, Короля и мою. Он отказался также выполнить просьбу лагнаселения обойти и выслушать ожидавших комиссию выстроившихся у своих бараков заключенных. Вместо этого полковник Кузнецов потребовал выстроить перед столом, за которым разместились комиссия, весь лагерь, хотя на имевшейся там площадке едва могли поместиться и 300 человек, а в лагере было 3,5 тысячи. Заключенные все же выполнили распоряжение председателя комиссии. Несколько сотен человек строем пришли от своих бараков и выстроились перед столом комиссии.

Полковник Кузнецов, конечно, знал, что заключенные ожидают комиссию, уполномоченную кем-либо из членов Советского правительства, но не министром внутренних дел, на работников которого они и хотели подать свои жалобы. Именно поэтому полковник Кузнецов не назвал врага народа Берия министром внутренних дел, когда выступил перед собравшимися. Свое выступление он начал так:

— Узнав о беспорядках в вашем лагерьном отделении, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Лаврентий Павлович Берия поручил нам...

Далее полковник Кузнецов изложил поручение Берии, в свете которого потребовал:

1. Немедленно восстановить в лаготделении «прежний порядок».

2. Допустить в зону лагадминистрацию (это касалось только оперработников и надзорсостава, так как все остальные лица администрации имели все время беспрепятственный вход в лагерь).

3. Завтра выйти на работу.

4. Выдать трупы убитых 4 июня.

5. Выслать за пределы лагеря, в штаб лаготделения, пять представителей для ведения переговоров с комиссией.

Сказав, что ответ заключенных комиссия будет ожидать через час, представители МВД покинули лагерь.

В течение предоставленного для ответа времени заключенные, собравшись в клубе, обсудили создавшееся положение.

Еще не зная в то время, что ровно через месяц Берия будет разоблачен как враг народа и предан Верховному суду, между прочим, как раз и за применение недопустимых в СССР методов содержания заключенных, не зная еще этого, заключенные, которые столько лет выносили именно на себе эти самые недопустимые в СССР методы, сочли факт прибытия к ним комиссии Министерства внутренних дел актом величайшей несправедливости, если не издевательства. Это сознание усугублялось еще и тем, что представители МВД, так и не обойдя и не выслушав заключенных, выставили им свои ультимативные требования, которые расценивались заключенными как очередная попытка органов скрыть от Советского правительства действительное положение дел, создавшееся именно по их вине.

В ответе комиссии заключенные еще раз просили ее о подтверждении полномочий, после чего лагерь готов был вести переговоры.

По получении ответа представители МВД повторили свои требования, прислав в зону полковника Киселева. Сопровождавший Киселева капитан Тархов отрекомендовал его как секретаря московской комиссии. Для ответа на вторичное требование нам давалось 15 минут. Через 10 минут заключенные передали через капитана Тархова требуемый ответ, аналогичный предыдущему.

Вскоре комиссия покинула штаб лаготделения и в дальнейшем обращалась к нам только по радио.

После того как комиссия потребовала наших представителей в штаб лаготделения, несколько членов комитета, в частности Доронин, Тарковцаде и я, заявили собравшимся в клубе для обсуждения ответа, что мы готовы выйти из жилой зоны для переговоров с комиссией. Однако собрание категорически запретило нам покидать лагерь, опасаясь, что нас арестуют и мы не возвратимся.

Приблизительно через час после отъезда представителей МВД по их распоряжению всему лагерю была снижена норма питания на 50 %, в том числе раненым, больным, инвалидам. Впоследствии последним норма питания была восстановлена, а для остальной части заключенных установлена штрафная, № 9.

На следующий день, 11 июня, на общем собрании было решено написать и отправить через администрацию письмо лично Вам, Климент Ефремович, и Г.М. Маленкову. Мы считали необходимым поставить Вас в известность о случившемся в лагере и просить направить к нам авторитетную правительственную комиссию. «По прибытии комиссии на место, — говорилось в письме, — ей будут сообщены данные и вручены документы государственной важности». Свое письмо мы назвали «Просьбой» и вручили его начальнику Управления Горлага генерал-майору Семенову и начальнику лаготделения капитану Тархову — каждому по два экземпляра.

В тот же день по распоряжению представителей МВД военная охрана лагеря запретила вход в жилую зону вольнонаемным медработникам.

15 июня в сопровождении капитана Тархова в жилую зону вошел представитель Прокуратуры СССР — государственный советник юстиции II класса Вавилов. Узнав об этом, все выстроились у своих барачков и ожидали высокого гостя.

По своей инициативе Вавилов показал свое удостоверение личности. На мой вопрос, прибыл ли он

к нам специально по нашему делу или в порядке обычного служебного обследования мест заключения, Вавилов ответил, что посетил нас в порядке служебного обследования. О происходящем в нашем лагере ему стало известно лишь в Красноярске, откуда он и прилетел к нам.

Здесь же, у барака № 13, где происходил наш разговор, я попросил Вавилова принять от нас письмо на Ваше имя, четыре экземпляра которого ранее мы уже передали Семенову и Тархову. В присутствии более 500 заключенных Вавилов, принимая письмо, заявил:

— Ваше письмо я передам лично Клименту Ефремовичу.

Представитель прокуратуры заверил нас, что комиссия к нам прибудет.

Заключенные, окружавшие нас, и лично я попросили Вавилова быть у нас в составе просимой комиссии. Он обещал нам и это.

Затем Вавилов изъявил желание обойти лагерь и поговорить с заключенными. Он, Тархов и я пошли от одного барака к другому, останавливаясь у выстроившихся возле бараков заключенных, которые обращались к Вавилову с вопросами.

Проходя мимо бараков и читая вывешенные лозунги, Вавилов говорил: «Правильно». На одном из них он узнал выдержку из своей статьи. Это была цитата из передовой «Правды» за 06.04.1953 г. (о Рюмине).

Во время беседы с заключенными Вавилов ничего не приказывал, ничего от них не требовал, а лишь посоветовал «прекратить волынку» и, выходя на работу, ожидать правительственную комиссию. На это заключенные отвечали, что, после того как по ним, находившимся в жилой зоне, 4 июня беспричинно открыли огонь, они боятся выходить из лагеря, тем более что солдатами по-прежнему командует майор Полостяной, приказавший стрелять 4 июня. Эти солдаты и сам Полостяной, проходя на смену постов мимо лагеря, угрожали заключенным расправой,

как только они выйдут за зону. Вместе с тем все заключенные заверили Вавилова в том, что, выйдя на работу немедленно по прибытии правительственной комиссии, они наверстают все упущенное, выполняя нормы выработки на 200 и 300 %, как это было уже не однажды. После этого Вавилов больше не настаивал на своем предложении и пожелал осмотреть раненых, бараки, подвергшиеся обстрелу 4 июня, посетить инвалидов, больницу и штрафной изолятор.

В больнице я показал Вавилону найденную в день обстрела лагеря врачом Евтенко разорвавшуюся оболочку пули и акт медицинского освидетельствования убитых и раненых. В акте врачи лаготделения Евтенко, Мельгуй, Дважашвили* и Россон высказывали предположение, основываясь на характере ранения, о том, что з/к Огнищев ранен разрывной пулей. Найденная разорвавшаяся оболочка пули подтверждала это их предположение.

Внимательно ознакомившись с актом и оболочкой пули, сидя в глубоком раздумье, Вавилов сказал:

— Да, тяжелый случай...

Собираясь уходить из больницы, он пожелал взять с собой то и другое, но после моей просьбы он согласился оставить их в лагере до прибытия правительственной комиссии.

В штрафном изоляторе мы показали Вавилону прорезанное в потолке камеры № 3 прямоугольное отверстие размером примерно 0,6×0,6 м. Выслушав то, что рассказали ему очевидцы о происшедшем в ШИЗО 4 июня, и осмотрев отверстие в потолке, Вавилов назвал бежавших из этой камеры «беспредельниками».

Очень тяжелое впечатление на Вавилова произвели инвалиды, эти останки когда-то здоровых, жизнерадостных людей.

* В докладной записке начальника Тюремного Управления МВД СССР М.В. Кузнецова (см. в этом томе с. 231) сказано: «...заключенный врач Дважашвили, отказавшись подписать провакационный документ, в знак протеста принял отравляющее вещество». (Примеч. ред.)

Выйдя из барачков инвалидов, Вавилов покинул лагерь.

Через день, 17 июня, он был свидетелем безуспешной попытки полковника Кузнецова заставить заключенных выйти из лагеря.

Кузнецов решился на это по следующей причине.

16 июня, выступая по радио, полковник помимо многого другого говорил и о том, что комиссия намерена «расследовать случай применения оружия 4 июня». Не поняв хорошенько всего, что говорилось о случае применения оружия, многие заключенные, в большинстве западные украинцы, плохо понимавшие русский язык, обратили внимание лишь на слова «применение оружия» и, расценив это как предупреждение о том, что к тем, кто не выйдет из лагеря, к чему призывал полковник Кузнецов, якобы будет применено оружие, вышли за зону, всего 336 человек.

Однако на этот раз, 17 июня, в присутствии Вавилова, к великому огорчению Кузнецова, ни один заключенный не покинул лагеря, хотя, как и прежде, никто никого не удерживал, каждый поступал как ему хотелось, и усилия представителей МВД продолжались несколько часов.

Безнадежно и с сердцем махнув рукой, Вавилов приказал закрыть ворота, заделать прорезанные в проволочном ограждении проходы и уехал, взяв с собой Кузнецова и всех его помощников.

Периодически обращаясь к нам в течение месяца через специально установленные динамики, полковник Кузнецов призывал заключенных «расправиться с комитетом», «ликвидировать незаконно созданные штабы и комитеты и, ничего не боясь, выходить из жилой зоны». Однажды, даже унизившись до лжи, он заявил, будто комитет украл у заключенных 60 кг сала, якобы выданного администрацией на кухню.

Полковник слышал звон, да не знал, где он.

Дело в том, что в столовой общепита — но не на кухне лаготделения! — после 4 июня в зоне действительно оставались кое-какие продукты, в том числе 60 кг... только опять-таки не сала, а растительного масла. Все эти продукты по моему личному распоряжению были описаны и сохранены старшим поваром столовой общепита заключенным Мамедовым, имевшим ключи от кладовой.

Весь лагерь несколько дней посмеивался над незадачливой выдумкой председателя так называемой московской комиссии.

Характерно оформление этих выступлений полковника Кузнецова. Лагерь внезапно начинают окружать вооруженные солдаты, в полной боевой готовности, со скатками на спине. Они залегают, занимая оборону, устанавливают пулеметы. Вслед за этим появляются надзиратели с топорами и прорубают проходы в проволочном заборе. Открывают все ворота. А в это время по радио полковник обращается к лагнаселению, призывая их расправляться с членами комитета и уходить из лагеря.

Иными словами, эти выступления имели страшный вид, вид какой-то провокации, на которую конечно же ни один здравомыслящий человек пойти не мог. Не случайно поэтому такие мероприятия Кузнецова заключенные метко окрестили «психическими атаками».

Следует, однако, сказать, что желавших выйти из зоны лагеря никто не удерживал. Как указывалось выше, 16 июня зону покинули 336 человек, в другое разное время ушли еще 18, в том числе 14 человек 6 июня, в самом начале протеста. Среди них были, между прочим, старший нарядчик, один из мастеров, два-три бригадира, которым заключенные сами предложили покинуть лагерь, не желая быть с ними вместе. Что и говорить, они заслужили это.

В последующие дни нашего протеста, вплоть до трагической его развязки, выступления представите-

лей МВД, а затем руководства Горного лагеря Норильска имели своей целью взять из лагеря всех инвалидов, больных туберкулезом легких, умалишенных якобы для немедленной отправки на материк. Инвалиды и больные туберкулезом до прибытия правительственной комиссии выйти из лагеря не согласились сами, а умалишенных не выдали заключенные.

Помимо постоянных призывов выйти из лагеря в своих выступлениях полковник Кузнецов говорил, будто по ходатайству возглавляемой им комиссии Советское правительство разрешило снять номера с одежды заключенных, в бараках снять решетки с окон, писать вместо двух писем в год ежемесячно по одному письму, сократить на 1 час рабочий день и т.д.

Расценивая эти действия представителей МВД и руководства Горлага как их упорное стремление скрыть от Советского правительства действительное положение дел в своем «хозяйстве» и тем самым замести следы своих многолетних преступлений, а также потому, что к этому времени лагерь пробыл 17 дней на штрафном питании, вследствие чего среди заключенных появились случаи заболевания дизентерией, полагая, наконец, что администрация не отправила Вам их писем, — а это так и было, как я узнал потом, — заключенные, понимая серьезность и опасность сложившегося положения, обратились к населению Норильска с листовками следующего содержания:

«Нас расстреливают и морят голодом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим советских граждан сообщить Правительству о произволе над заключенными в Норильске.

Каторжане Горлага».

Через два дня нам была восстановлена норма питания.

Действия администрации 3-го лаготделения, равно как и руководства Горлага с самого начала и до кровавого подавления нашего законного мирного протеста, в части отношения к заключенным по своему

характеру ничем не отличались от действий комиссии, возглавляемой полковником Кузнецовым.

Это, в свою очередь, в значительной мере только усугубляло создавшееся не по вине заключенных положение в лагере.

Вот краткий и далеко не полный перечень их. С 4 июня зона была лишена электроэнергии, что, во-первых, лишало возможности нормальной работы больницу и амбулаторию и, во-вторых, создавало буквально нечеловеческие условия для работы на кухне, так как круглосуточно работавшие ранее вентиляторы бездействовали. По той же причине и из-за отсутствия трансформаторного масла (для реостата рентгенустановки) врачи лишались возможности рентгеноконтроля при лечении раненых. После того как военная охрана запретила вольнонаемному медперсоналу посещать лагерь, мы были лишены возможности делать исследования в лаборатории, крайне необходимые лечащим врачам, ибо микроскоп оказался запертым в аптеке, ключи от которой хранились у заведующей. Прекращение доступа в аптеку привело еще и к перебоям в снабжении крайне необходимыми медикаментами. Неоднократно в лагерь засылались испорченные продукты питания (заплесневевшая мука, совершенно гнилая рыба), которые врачи не могли пустить для питания и, составляя на них акты, отправляли обратно. Такие продукты ничем не заменялись. Имевшиеся в лагере магазин Горторга и столовая общепита не работали. Зарплата всем заключенным за май месяц, а лагобслуге, работавшей все время, также за июнь и июль месяцы не выплачивалась, хотя расчетные ведомости были составлены и переданы в штаб лаготделения по первому требованию лагерной администрации. Надзорсостав и оперработники, постоянно патрулируя вокруг лагеря, угрожали заключенным расправой, то и дело фотографировали лагерь, стоя на вышках, записывали номера заключенных, многих из них фотографировали, а однажды даже установили пеленгатор и т.д.

В первые дни протеста командование охранных войск распространило среди солдат ложный слух о том, что вывешенные в лагере траурные флаги есть не что иное, как опознавательные знаки для якобы ожидавшихся заключенными англо-американских десантов (?!). В связи с этим в лагере около ворот было вывешено обращение: «Солдаты! Траурные флаги вывешены нами в знак глубокой скорби по невинно расстрелянным товарищам».

А вот два вопиющих случая:

1. В ночь на 29 июня в сопровождении двух автоматчиков со стороны вахты № 2 в лагерь вошли пьяный майор Полостяной, капитан Тархов, начальник штаба дивизиона охраны старший лейтенант Никифоров и оперуполномоченный 3-м лаготделением старшина Калашников. Пройдя метров 5 в глубь жилой зоны, они остановились. Здесь, увидев стоявших возле одного из бараков нескольких заключенных, майор Полостяной приказал автоматчикам:

— Огонь по фашистам!

Солдаты благоразумно не выполнили приказа своего пьяного командира. Тогда майор Полостяной попытался взять автомат у одного из солдат, но тот ему не позволил этого сделать. После этого Полостяной выхватил свой пистолет и хотел стрелять из него по заключенным, но старший лейтенант Никифоров отобрал пистолет у своего начальника. Озверевший майор, качаясь и безобразно бранясь, вынул... и, показывая его заключенным, крикнул:

— Вот вам, а не правительственную комиссию!

Затем он спустил брюки, нагнулся и, повернувшись голый задницей к заключенным, по-прежнему матерно ругаясь, несколько раз прокричал:

— Вот вам! Вот вам, а не комиссию!

Никифоров и другие вытащили пьяного хулигана под руки из лагеря и вместе с ним удалились*.

* Этот факт дискриминации советских органов подтвердил на судебном следствии з/к Табатадзе; его подтвердят и десятки других свидетелей этого безобразного случая.

Хулиганская выходка распоясавшегося Полостяного не только возмутила нас, но и вынудила к тому, что, опасаясь повторения случая 4 июня, мы обратились к солдатам с листовками такого содержания:

«Солдаты войск МВД! Не проливайте братской крови! Да здравствует мир, демократия и дружба народов!»

Эти листовки явились прямым следствием провокационной выходки пьяного майора Полостяного.

2. 30 июня заболевший перитонитом з/к Андреюк на вызванной через штаб лаготделения карете «скорой помощи» был направлен в больницу. Для того чтобы спасти его, по заключению врачей, требовалась срочная операция. Вместо этого через 2–2,5 часа больного возвратили в лагерь. Причем врачам не вернули даже направленные с ним санкарту и историю болезни, безответственно заявив при этом, будто у Андреюка всего-навсего сильное истощение (?! — *Б.Ш.*).

На следующий день з/к Андреюк умер.

Его тело до приезда правительственной комиссии временно было похоронено также в жилой зоне.

Чтобы противодействовать клеветнической кампании, поднятой против нас представителями МВД, новым начальником норильского Горного лагеря генерал-майором Царевым и прочими, о чем будет сказано ниже, и чтобы не допустить ложного мнения о действительном положении дел, а также о целях нашего протеста, мы об этих двух случаях сообщили листовками населению Норильска. В листовках мы по-прежнему просили довести до сведения правительства о произволе, чинимом над нами, который уже распространился и на тяжело больных.

Естественно, что такие действия лагадминистрации не только не ослабляли недоверия заключенных к ней, но, напротив, еще более усиливали его.

Оба описанных выше случая произошли в то время, когда возглавляемая полковником Кузнецовым комиссия находилась в Норильске.

Числа 7–8 июля стоявшие на караульных вы-

шках солдаты рассказали заключенным, что для подавления протеста в одно из лаготделений Горного лагеря, кажется в 4-е, в конце июня генерал-майором Семеновым были введены вооруженные палками и ножами заключенные из бандитствующего элемента. В результате учиненных ими (при активном содействии лагадминистрации) избиений и даже убийств протест, по словам солдат, удалось подавить. Тогда же в нашем лагере комитетом была раскрыта и пресечена попытка з/к Кирпиченкова, Любинецкого и Михайлова склонить мирно ожидавших правительственную комиссию заключенных лагеря к прорыву зоны и захвату дивизиона охраны; заключенный И. Смирнов, собирая в кабинке барака № 9 тайные сборища, агитировал заключенных поддержать повстанцев, которые, по его словам, шли из Дудинки в Норильск; заключенный Банарцев на одном из общих собраний в клубе лаготделения открыто призвал к захвату штаба лаготделения для того, чтобы взять якобы имевшееся там трансформаторное масло, так необходимое для возобновления работы рентгеновской установки; наконец, заключенный Ирнев тайно пытался создать какую-то организацию «МОС» (Международная организация свободы) с никому не известными целями.

Все эти намерения и попытки отдельных авантюристов, разоблаченные и выставленные комитетом на обсуждение широкой массы лагнаселения, встретили суровый отпор со стороны абсолютного большинства заключенных.

В свете всех этих фактов, несмотря на всеобщее осуждение их, заключенные не без основания все же опасались проявления каких-либо безрассудных противозаконных действий со стороны отдельных крайних элементов, как, скажем, попытка прорыва зоны. Они не желали также допустить у себя ликвидации протеста таким бандитским способом, как, по рассказам солдат, было сделано в 4-м лаготделении, и лишиться вследствие этого возможности добиться правительственной комиссии. Сознывая серьезность положения, на собрании 8 или 9 июля заключенные потребовали от

комитета принять все меры к тому, чтобы не допустить наступления подобных явлений в нашем лагере.

10 июля комитетом была создана невооруженная самообрана. Жилая зона была разбита на 4 участка, были назначены старшие участков, барачков, секций, указаны места для круглосуточных наблюдательных постов и патрулей. Последние, функционируя только в ночное время, должны были явиться той силой, которая предотвратила бы в первый момент попытку совершить прорыв зоны, как предлагали сделать Кирпиченков, Банарцев и др. Патрули и наблюдатели ничем не вооружались.

Невооруженная самообрана была создана лично мною и Воробьевым.

Проводя инструктаж старших участков, барачков и секций, я требовал от них прежде всего быть вежливыми в обращении с лицами лагадминистрации, военной охраной и прочими должностными лицами, ни в коем случае не вступать с ними в какие-либо конфликты. Точно такую же установку заключенные получили на общих собраниях как от членов комитета, так и от меня лично, а также через пропагандистов. При этом особое внимание обращалось на поведение заключенных во время так называемых «психических атак» полковника Кузнецова, когда заключенных специально пытались толкнуть на какие-либо противозаконные действия. Наконец, к тому же призывали лагнаселение вывешенные комитетом обращения к заключенным: «Товарищи! Будьте вежливы в обращении с лагадминистрацией и солдатами!»

Для противодействия вооруженным палками и ножами бандитам из числа уголовного элемента, в случае их ввода в лагерь, заключенные подносили к своим барачкам имевшийся в лагере битый кирпич*.

* Сказанное выше в части организации невооруженной самообраны, инструктажа старших, обращений к лагнаселению, а также цель заготовки битого кирпича подтвердили на судебном следствии допрошенные в качестве свидетелей Головки, Бархатов, Табатадзе, Шевцов, Песоцкий и др.

Против этого ни я, ни другие члены комитета не возражали, тем более что заключенные во время «психических атак» относились к администрации и солдатам предельно вежливо или просто не вступали с ними в разговор.

Узнав, однако, в середине июля о том, что по указанию Воробьева (в подвале барака № 2) Игнатьев организовал изготовление заостренных металлических прутьев $D=12-14$ мм, длиной 1,5 м, так называемых пик из разбиравшихся оконных решеток и ножей, по моему личному указанию комитет немедленно закрыл кузницу вместе со всем, что там имелось, и выставил у дверей специальный круглосуточный пост. Заключенный Радик, бывший начальник участка, который выставлял пост, подтвердил этот факт на суде.

Как показали на судебном следствии капитан Тархов, надзиратели Шниперов, Медведев, Жиров, солдаты дивизиона охраны Бантуров, Баринов, заключенные Головки, Бархатов, Песоцкий и др., на протяжении двух месяцев протеста не произошло ни одного конфликта между заключенными и кем-либо из должностных лиц, не было даже нанесено никому из них ни одного оскорбления. Доказательства этого факта содержат даже сами весьма пристрастно составленные материалы предварительного следствия по делу.

Таким образом, несмотря на все старания, администрации так и не удалось спровоцировать хотя бы малейший инцидент.

Убедившись в том, что заключенные не намерены «расправляться с комитетом» и выходить на добровольных началах из лагеря, полковник Кузнецов и заменивший Семенова генерал-майор Царев прибегли к угрозам. Они заявили по радио: «Массовый беспорядок в 3-м лагерном отделении принял форму ничем не прикрытого антисоветского мятежа», потребовали снять вывешенные в лагере «антисоветские лозунги», прекратить выбрасывания «антисоветских прокла-

маций», угрожали всем нам суровым наказанием. Это было в ночь на 10 июля, то есть в тот самый день, когда официально сообщили о предании врага народа Берии Верховному суду СССР. (Не получая с 4 июня газет, мы узнали об этом только 20 июля.) А утром 10 июля полковник Кузнецов и сопровождавшие его лица поспешно покинули штаб нашего лаготделения, откуда вели свои выступления по радио, и после этого мы ничего не слышали о них. На посланное в день поспешного бегства из лагеря представителей МВД письмо полковнику Кузнецову и генералам Цареву и Семенову, в котором указывалось на целый ряд незаконных, если не сказать прямо провокационных подчас действий как со стороны администрации лагеря, а также комиссии полковника Кузнецова, ответа мы так и не получили.

18 и 19 июля по радио к нам обратился новый начальник Горлага генерал-майор Царев. Он, как и полковник Кузнецов, угрожал нам суровым наказанием, назвал наш протест антисоветским мятежом, одобренные даже Вавиловым лозунги — антисоветскими, наши правдивые листовки — антисоветскими прокламациями и т.д.

20 июля из случайно попавшей к нам газеты мы узнали о разоблачении Берии.

В этот же день было написано письмо, которое, как и первое (от 11.06), мы назвали «Просьбой» и адресовали его в ЦК КПСС Вам, Климент Ефремович, и Г.М. Маленкову. В письме в общих чертах описывались начало нашего протеста, дальнейший ход событий, действия комиссии, направленной к нам Берией, отношения к нам лагадминистрации, командования охранных войск. В нем мы снова просили о направлении к нам правительственной комиссии.

Для того чтобы передать «Просьбу» в надежные руки, мы просили прибыть в лагерь начальника политотдела комбината. Об этом мы ему сообщили письмом, переданным через старшего оперуполно-

моченного лагеря старшего лейтенанта Егорова. Но начальник политотдела так и не посетил нас.

Полагая, что наше письмо не было передано по назначению, мы вынуждены были прибегнуть к выбрасыванию листовок такого содержания:

«Просим сообщить начальнику политотдела комбината о том, что его просят посетить их для решения важного вопроса.

Каторжане Горлага».

Но и после этого к нам никто не приехал, и свою «Просьбу» от 20.07.1953 г. мы передали в закрытом конверте для отправки адресату капитану Тархову.

К этому времени норильские лагерные органы дали нам достаточно оснований полагать, что они не отправят правительству нашу «Просьбу». Так, в частности, нам не удалось добиться уведомления об отправке нашего первого письма. Этот горький опыт и побудил нас вновь обратиться к гражданам Норильска с листовками, в которых говорилось: «Комиссия, посланная к нам врагом народа Берией, нами не принята. За это наш законный протест объявлен антисоветским мятежом. Мы добиваемся правительственной комиссии. Просим сообщить об этом Советскому правительству».

В связи с затянувшимся ожиданием правительственной комиссии, а также под влиянием уже описанного выше отношения к нам администрации лагеря и особенно представителей МВД, которые именовали себя московской комиссией, в лагере усиленно начали говорить о возможном возвращении этой комиссии. Мы предполагали, что, побывав в Москве и информировав в выгодном для них свете Советское правительство о происходящем в Норильске, они заручатся необходимыми полномочиями и придут к нам вновь, но уже как правительственная комиссия. Такая комиссия в отместку за прошлый прием, конечно, не захочет удовлетворить наших просьб как в части улучшения условий содержания в лагере, так и

в части возбуждения вопроса о пересмотре следственных дел, по которым мы были осуждены ранее.

Используя это неустойчивое состояние заключенных, состояние сомнений и догадок, и имея поддержку со стороны крайне настроенного контингента, ранее приведенные к порядку провокаторы Кирпиченков, Любинецкий, Михайлов возобновили свою тайную агитацию, направленную на то, чтобы все же склонить заключенных к прорыву зоны и захвату дивизиона охраны. Они преследовали также и другую цель — подорвать авторитет комитета в глазах лагнаселения.

При таком состоянии умов (в конце июля месяца) Воробьев предложил на одном из совещаний комитета свою программу дальнейших действий. Эта программа состояла из двух частей. В первой части под заголовком «Наши недостатки» говорилось об отсутствии у нас, по мнению автора, определенной цели, в свете которой следует вести агитацию заключенных, а также об отсутствии «хорошо налаженного руководства» протестом — «военной диктатуры». Во второй части программы, озаглавленной «Что делать?», Воробьев предлагал организовать «военную диктатуру», «оперативно действующую группу по защите общих интересов», а также «перейти к агитации масс не в духе веры в Советское правительство, а в духе военной организованности» и т.п.

(Из этого вполне очевидно, что комитетом велась агитация не в духе военной организованности, которая потребовалась бы при наличии намерения оказать властям вооруженное сопротивление, а в духе веры в Советское правительство, что полностью опровергает рыхлые и неосновательные умозаключения и домыслы следственных органов о якобы имевшей место со стороны комитета пропаганде, направленной на оказание вооруженного сопротивления войскам и администрации лагеря, на предъявление Правительству СССР в лице правительственной комиссии уль-

тимативного требования о предоставлении свободы всем содержащимся в лагере.)

Предложенная Воробьевым программа встретила единодушный отпор со стороны членов комитета. Здесь же лично я и другие члены комитета выступили с критикой самовольных действий Воробьева, являвшегося моим заместителем, в частности: арестов заключенных Осовалюка, Короткого, Катаева, Умарова и др., освобожденных комитетом из-под ареста; организованного Воробьевым протеста против освобождения арестованных им же заключенных Борисенко и Бублий, в результате чего выполнение решения комитета об освобождении из-под ареста этих людей было провокаторски сорвано; его попытки вопреки решению, принятому комитетом, продолжать изготовление пик, выбрасывания Воробьевым в одну из ночей листовок в соседние лаготделения, что строго запрещалось комитетом, и других действий Воробьева.

Программа, предложенная Воробьевым, была единодушно отклонена, сам он из комитета был исключен (а не вышел, как пишут в обвинительном заключении), Кирпиченков, Любинецкий и Михайлов, вызванные на общее собрание, получили достойную отповедь за их провокаторскую деятельность.

В свете всех этих событий вопрос о том, как нам поступить, если к нам действительно возвратится комиссия полковника Кузнецова как настоящая правительственная комиссия, принял особую остроту и серьезность.

Началось брожение умов, все ожидали ответа от комитета.

В связи с этим на одном из заседаний мне поручили подготовиться и выступить перед заключенными с ответом на мучивший их вопрос.

Мнение большинства заключенных склонялось к тому, что мы должны прибегнуть к какому-либо такому маневру, который расстроил бы намерение повторно возвращающегося к нам полковника Кузнецова

замять перед общественностью и правительством обстоятельства нашего протеста, представив ему неправильный отчет. Скажем, попросить комиссию (в случае отказа удовлетворить наши просьбы) заменить нам приговор к каторжным работам смертной казнью, мотивируя такую просьбу тем, что многие из нас в условиях Крайнего Севера, в тяжелом труде, потеряв здоровье, станут инвалидами и наконец, так и не отбыв долгого срока наказания, погибнут. (Вот в чем и состоял смысл символического девиза «Свобода или смерть!», который фигурировал в кратком конспекте моего выступления, ныне приобщенном к делу в качестве документа под названием «Как говорить с правительственной комиссией».) Полагая, что, озадачив комиссию такой необычной просьбой, решить которую самостоятельно она, конечно, не сможет, мы вынудим ее все же доложить о ней правительству. Мы считали также, что правительство заинтересуется просьбой такого необычного порядка 3,5-тысячного коллектива заключенных и вышлет к нам своего полномочного представителя, которому мы наконец и расскажем обо всем, в том числе об истории этой просьбы. Иными словами, этим маневром мы опять-таки преследовали цель — добиться настоящей правительственной комиссии.

Подготовившись, я показал свой конспект членам комитета Король, Запаренко и др., они одобрили его, и я выступил на общем собрании два или три раза. В тех же выступлениях я призывал лагнаселение не поддаваться слухам, влияниям, провокациям со стороны, а делать только то, что будет указано комитетом открыто со сцены клуба, а не кем-нибудь где-то в подвале или кабинке, как делали Смирнов, Кирпиченков и др. Я лично провел инструктаж пропагандистов на эту тему, потребовав от них широкого разъяснения лагнаселению необходимости держаться в нашем деле раз принятого курса — **мирного ожидания правительственной комиссии.**

Передав 11 июня и 20 июля администрации адресованные лично Вам, Г.М. Маленкову и ЦК КПСС наши письма, в которых мы просили направить к нам правительственную комиссию, мы мирно ожидали ее прибытия.

И вот, в ночь на 4 августа совершенно неожиданно, в двенадцатом часу ночи, из ворот дивизиона охраны потянулись вооруженные, со скатками на спине солдаты. Они оцепили весь лагерь и залегли, заняв оборону. Их было порядка одного стрелкового батальона. На столбе проволочного ограждения лагеря позади клуба установили динамик.

Вскоре нам зачитали по радио приказ начальника Норильского гарнизона подполковника Артюшина. В этом приказе говорилось, в частности, что «для ликвидации неповиновения заключенных через 20 минут в лагерь будут введены войска, которые в случае оказания им сопротивления будут применять оружие».

В это время я находился на балконе барака № 26 и увидел, как два заключенных вынесли из клуба детский трехколесный велосипед (из реквизита драмкружка), положили на него швабру, накрыли ее бушлатом и повезли это сооружение в направлении ШИЗО и, следовательно, дивизиона охраны. Двое других вскоре вышли из клуба, имея на плечах двухметровый отрезок четырехдюймовой трубы, завернутый в бумагу, и направились со своей ношей в противоположную сторону, к бараку № 1.

Понимая, что такие действия произведут на солдат невыгодное впечатление, и желая немедленно пресечь их, я спустился с балкона и пошел в клуб. Войдя на сцену, я увидел собравшихся там человек около 20 из числа старших участков, барачков и секций (всего же их насчитывалось около 80 человек). Как мне стало известно позднее, это было сделано по указанию Воробьева, уже исключенного к тому времени из состава комитета. Среди собравшихся были сторонники Воробьева: Банарцев, Ирнев, И. Смирнов и др. На мой вопрос: «Зачем собрались?» — кто-то ответил: «Надо

договориться, как мы будем действовать, если введут солдат». На это я ответил: «Конечно, не так, как начали — с провокаций».

Далее я заявил собравшимся:

— Действовать так, как всегда во время «психических атак».

Дав всем четкое указание, что при вводе в жилую зону солдат никто из заключенных не должен вступать ни с кем из них в какие-либо конфликты, я приказал всем разойтись по своим баракам и вышел из клуба, чтобы дать такое же указание дежурным, находившимся в столовой общепита.

Когда я поравнялся с барак № 26, то увидел, что к воротам центральной (№ 1) вахты идут три автомашины с солдатами, вооруженными автоматами. Они шли с большой скоростью и вскоре подошли к лагерю. Ворота открылись, и автоматчики, въезжая в лагерь со скоростью 10–15 км/ч, от самых ворот открыли шквальный огонь, хотя на линейке и по сторонам не было ни одного заключенного. Слыша, как вокруг свистят пули, я упал на землю и пополз к кювету, чтобы скрыться от пуль. В то время, когда я падал, меня ранило в правый бок. В кювете я увидел еще двух, уже стонавших от ранений заключенных. Автомашины остановились в трех метрах от меня.

Услышав стрельбу, все заключенные, одиночки, случайно оказавшиеся на улице, поспешили укрыться в бараках. Основная же масса в это время ввиду позднего часа давно уже спала, однако, услышав выстрелы, боясь быть убитыми, никто не выходил из барakov.

Лежа в кювете, я услышал, как кто-то подал команду: «В белых халатах не стрелять!»

Следовательно, из этого можно заключить, что стреляли во всех, кто не успел спрятаться в бараке и почему-либо оказался на линейке, независимо от того, оказывали они сопротивление солдатам или нет. Да, так оно и было.

Потеряв много крови, я ослаб и забылся, а пришел в себя и встал, когда почувствовал, что меня избивают. Бил меня оперуполномоченный старшина Калашников в присутствии капитана Тархова. После того как я попросил Тархова не допускать этого зверства — избияния раненого, Калашников стал меня бить с еще большим ожесточением, и я потерял сознание. В таком состоянии меня, как рассказывали товарищи, бросили в «воронок» и увезли в центральный изолятор Горлага. Двое суток я находился без сознания, а перевязку мне сделали лишь через 5 дней.

О том, как проводилась так называемая ликвидация протеста в нашем лагере, мне известно лишь из рассказов очевидцев. По их словам, в бараки и другие помещения, из которых спрятавшиеся там, боясь быть убитыми, не выходили, стреляли из автоматов, через окна бросали взрывпакеты. Материалы дела содержат подтверждение этого факта: из акта осмотра жилой зоны, составленного комиссией после того, как из лагеря были выведены все заключенные, видно, что трупы убитых находились главным образом в помещениях, между нарами и т.п. Имели место также случаи, когда по выходившим из барачных заключенным стреляли из пистолетов офицеры, по приказанию которых они и выходили. Больше того, раненого заключенного Милова, лежавшего на узкоколейной линии к угольному складу лагеря, зарезал Муханов, освободившийся в 1953 году из нашего лаготделения и странным образом оказавшийся среди усмирителей; начальник изолятора 4-го лаготделения старшина Ларин приказал бросить на землю раненого з/к Н. Худобу, которого несли в больницу фельдшеры, а затем пристрелил его из пистолета; наконец, надзиратели (или солдаты) зверски убили ломом двух заключенных, спрятавшихся под зданием магазина в лагере, в момент, когда те, повинуясь приказу, высунули головы в вентиляционные окна, с тем чтобы выбраться из подполья магазина.

Как рассказывали, избияния заключенных во время подавления протеста носили массовый характер. Заключенных избивали не только сами усмирители, как это было со мною. Кроме того, еще была организована старшим оперуполномоченным Егоровым специальная группа из бандитствующего элемента. Руководил этой группой заключенный К. Борисенко, убивший в 1952 году старшего нарядчика 3-го лаготделения Кучеревского. Избиение происходило следующим образом. Все население лагеря было выведено за зону, а затем поодиночке каждый подходил к вахте, где у установленного стола производилась проверка личности заключенного по формуляру. После этой проверки заключенного пропускали обратно в лагерь. И здесь, у самого входа, по личному указанию старшего лейтенанта Егорова упомянутая выше группа избивала заключенных. В частности, избиянию группой Борисенко подвергался и осужденный по этому делу П.В. Николайчук.

Избиение продолжалось также и в центральном штрафном изоляторе Горлага, куда были свезены по указанию администрации около 100 человек. Им подвергались, в частности, з/к Доронин, Сидорчук, Тарковцаде, Евтенко, Гуль, Казлаускас, И. Смирнов, Шумук, Чернобай, Николайчук, Мациев, Игнатьев, Лапуга, Исович. Последнему вследствие этого потребовалось сделать операцию, чтобы извлечь отбитые почку и селезенку. Заключенный Гуль, которого привезли в изолятор на одной со мной автомашине, видел, как там поступили со мной, находившимся без памяти после ранения и зверств Калашникова. Он рассказывал, что, когда меня привезли в штрафной изолятор, то буквально выбросили на землю, а затем мне на грудь вскочил какой-то надзиратель и стал бить ногами, подпрыгивая на мне.

Избиением занимались старший лейтенант Никифоров, старшины Калашников, Ларин, Бейнер, надзиратели Воробьев, Шниперов и др. В изоляторе Горлага им руководил начальник изолятора старший

лейтенант Ширяев. (Заклученный 1-го лаготделения Измайлов рассказал мне, что именно этот Ширяев в 1953 году лично из пистолета убил двух заключенных-староверов.)

Очень примечательно, что следственные органы преднамеренно не захотели проверить перечисленные выше факты, хотя им было известно о них, и они выезжали «для расследования» из Красноярска в Норильск. Ими не было привлечено ни одного свидетеля для выяснения этого обстоятельства, столь существенного для правильного освещения дела. Вместо этого следствие заявило, что «план мероприятий по ликвидации неповиновения заключенных 3-го лаготделения был утвержден министром внутренних дел СССР генерал-лейтенантом Кругловым». Не думаю, однако, чтобы в этом «плане» были предусмотрены такие методы ликвидации, о которых рассказано выше.

Итак, наш законный протест был свирепо подавлен с применением грубой вооруженной силы в ночь на 4 августа, когда мы, передав администрации еще 11 июня и 20 июля наши письма Вам, мирно ожидали прибытия правительственной комиссии, о направлении которой к нам мы просили в письмах, и твердо надеялись, что дождемся ее. А эти письма, как оказалось, до сентября месяца находились еще в Норильске и лишь через 3 месяца после подавления протеста были якобы направлены красноярскими органами в какую-то коллегия МВД! Ведь через ожидающуюся правительственную комиссию мы хотели вскрыть перед партией и правительством множество фактов преступного нарушения советских законов, вскрыть для того, чтобы они уж никогда больше не повторялись!

Это ли не возмутительное преступление?!

Таким образом, эта ликвидация явилась продолжением цепи гнусного произвола и прямого уничтожения незащитных людей. Некоторые факты этого произвола приведены выше. Они составляют лишь

незначительную часть того, что пришлось испытать тысячам заключенных Норильска. Эти люди сегодня, может быть, молчат, но в душах этих тысяч осталось чувство глубокой обиды за несправедливость, а в душах исполнителей, рядовых солдат, — чувство совершенного ими тяжелого преступления. Ибо факты говорят о следующем.

В результате подавления, даже по официальным данным, убито 57, ранено 98 и искалечено несколько десятков заключенных. Со стороны же солдат, офицеров и других лиц, принимавших участие в ликвидации, нет ни одного получившего какой-нибудь хотя бы легкий ушиб или царапину. И это после «ожесточенного двухчасового вооруженного сопротивления с криками «Ура!» 3,5-тысячной массы каторжан»!!!

Характерно, что во всех 10 томах нашего следственного дела, которые мне разрешили прочесть, не нашлось местечка, чтобы хотя бы один раз упомянуть это столь важное для вскрытия истины обстоятельство!

Таким образом, заручившись от правительства правом на ликвидацию протеста, администрация лагерей Норильска во исполнение этого поступила, как обычно поступала и ранее на протяжении длительного времени. Жестоко расправившись с безоружными и незащитными людьми, она снова обманула правительство и лично Вас, состряпав ничем не подтвержденную фальшивку о несуществовавшем ожесточенном двухчасовом вооруженном сопротивлении заключенных.

Не оказались на высоте, как Вы увидите ниже, и следственные органы. **Чтобы скрыть факты безобразного издевательства над людьми на протяжении целого ряда лет, документы, подготовленные заключенными для правительственной комиссии — более 700 жалоб и заявлений, план жилой зоны с обстановкой на момент открытия огня 04.06.1953 г., с результатами этого обстрела, хроника событий, переписка**

заклученных с лагадминистрацией во время протеста и т.п., — все эти документы были захвачены администрацией во время ликвидации и скрыты от следствия (которое, скажем откровенно, не очень-то ими интересовалось).

Они не попали на суд, не попали, как нам известно, и в правительство. И вот, чтобы сделать состряпанную администрацией фальшивку более убедительной, на помощь ей пришли следственные органы. Они сфабриковали огромное 13-томное дело, долго пытаюсь доказать, что наш законный протест — это антисоветское вооруженное восстание и даже более — восстание, продиктованное извне. (В этом отношении характерны несколько допросов обвиняемого Тарковцаде* майором Ушацким.) Следственные органы никак не хотели согласиться с тем, что наш протест не являлся организованным выступлением против установленного законом правопорядка, но лишь стихийной самозащитой от произвола лагадминистрации — при всей убедительной очевидности этого.

IV. Следствие по делу

Поскольку, как известно, в исходе всякого дела, а нашего — в особенности, процедура следствия играет, по существу, решающую роль, я расскажу о ней в свете допущенных следственными органами Красноярского УКГБ нарушений и прямого игнорирования норм советского уголовного права.

Вопреки указаниям ст. III УПК РСФСР, которая обязывает следователя «выяснить и исследовать... все обстоятельства» дела, майор Ушацкий, старший лейтенант Лещенко, лейтенант Разумов и другие, которым было поручено провести расследование обжалуемого дела, с самого начала преднамеренно оставили в стороне все, что могло бы вскрыть истинные

* В 1955 году депортирован в Германию как немецкий подданный, проживал в г. Халле (Halle).

причины возникновения протеста заключенных 3-го лаготделения УГЛ Норильска, причины, по которым он продолжался на протяжении двух месяцев, оставили, наконец, все то, из чего стало бы понятным, почему некоторые руководящие работники Прокуратуры СССР и Тюремного Управления МВД СССР, по сути говоря, были вынуждены, сами укрываясь от ответственности перед Советским правительством, по взаимному согласию, подавить законный протест вооруженной силой. Ибо они ни в коем случае не хотели допустить прибытия в лагерь комиссии, уполномоченной ЦК КПСС и Советским правительством. Надо полагать, что у них имелись основания опасаться посещения нашего лаготделения такой комиссией.

В неменьшей мере были заинтересованы в этом многие органы МВД и прокуратуры Красноярского края, которым именно поэтому и было поручено провести расследование по делу как одной из заинтересованных сторон. Они безмотивно отвергали неоднократное требование многих участников протеста о том, чтобы следствие по делу было проведено не в Красноярске, а в Москве, где мы надеялись добиться встречи с кем-нибудь из руководящих работников ЦК КПСС, с кем-нибудь из членов правительства. Но все наши усилия в этом отношении были тщетны.

Такое упорство помешать нам сообщить правительству о происшедшем весьма характерно. Оно предельно ясно показывает, что препятствовавшие нам в этом боялись того, что правительство будет информировано о происшедшем не ими, которые сами виновны в нем, а другой стороной.

Следуя принятым курсом, следственные органы вначале предъявили привлеченным к ответственности парадоксальное обвинение в совершении ими, а равно и всеми участниками протеста преступлений, предусмотренных ст. 58-2 и 58-11 УК РСФСР. Как известно, эта статья гласит:

«Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию

вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной Союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры».

Это уже не только парадокс, это клевета на советскую действительность: у нас нет даже почвы для повстанческого движения!

Но следствие твердо стояло на своем пути: все материалы предварительного следствия — 10 объемистых томов (!), с которыми разрешили ознакомиться обвиняемым (а всего 13!), — составлены в аспекте повстанческого контрреволюционного движения. Допрашиваемым преподносилась следователем уже готовая оценка событий. Так, например, в числе протоколов допроса свидетелей имеется и такой документ:

«Вопрос: Кем Вы являлись во время антисоветского мятежа в 3-м лаготделении?

Ответ: Я был мятежником.

Вопрос: Что Вы практически делали во время мятежа?

Ответ: Ничего, я, как и все, ожидал правительственную комиссию».

Что же это за «мятеж», где практическая деятельность «мятежников» выражается словами: «Ничего не делал, ожидал правительственную комиссию»?!

Это место, зафиксированное в следственных материалах, ясно говорит о том, что следователям было дано указание относительно заранее принятой окраски, которую они должны придать «расследуемому» делу.

Ведя таким образом «расследование», следственные органы умышленно избегали выяснения множества существенно важных фактов и обстоятельств, которые неизбежно должны были бы повлиять на исход всего дела. А именно:

1. Факт и цель сжигания документов работниками опергруппы 3-го лаготделения в течение 1–3 июня 1953 года.

2. Передача старшиной Калашниковым ножей в камеру № 3 ШИЗО з/к Мамаеву, Себесяку, Вепштасу и др. 03.06.1953 г.

3. Какие отношения были между заключенными 3-й камеры и камерой, в которой содержались привезенные в наше лаготделение в мае 1953 года?

4. Почему заключенные этой камеры во главе с Воробьевым взбунтовались и вырвались из камеры?

5. Почему заключенные камеры № 3, услышав, что группа Воробьева вырвалась в коридор, бежали из своей камеры под защиту солдат, а не в лагерь к своим товарищам-каторжанам? Почему они заранее (ибо для этого потребовалось много времени) прорезали отверстие в потолке и чем?

6. О чем говорит тот факт, что находившийся в лагере среди каторжан генерал Семенов, услышав стрельбу, подбежал к Полостянному и приказал немедленно прекратить огонь? (04.06.1953 г.)

7. Кто же все-таки дал команду об открытии огня по заключенным 04.06.1953 г., если Полостяной утверждает, что им не давалась такая команда?

8. Кто из солдат стрелял тогда по заключенным?

9. Где находились и что делали заключенные, которые были убиты или ранены в результате этого обстрела, — 21 человек?

10. Какой участок жилой зоны подвергнут обстрелу 4 июня и, в частности, какие помещения?

11. Имел ли место факт применения разрывных пуль 4 июня? («Расследование» этого обстоятельства окончилось тем, что следствие заручилось справкой штаба дивизиона охраны о том, что в складе боепитания и на вооружении солдат дивизиона разрывных пуль не имеется.)

12. Обстоятельства, при которых было убито и

ранено 165 (57+98) человек во время подавления протеста, равно как и факты многочисленных зверских избиений заключенных как в лагере, так и в штрафном изоляторе Горлага в ночь на 4 августа 1953 года.

13. Почему, например, ни одному из обвиняемых и, если мне не изменяет память, почти ни одному из других участников протеста следствием не было задано ни одного вопроса о так называемом «ожесточенном двухчасовом вооруженном сопротивлении», якобы оказанном заключенными солдатам во время ликвидации протеста, ни одного вопроса по этому самому главному пункту обвинения? Почему об этом вообще не было и речи во время 10 месяцев «следствия», и вопрос о вооруженном сопротивлении всплыл как-то вдруг и только в обвинительном заключении, о содержании которого обвиняемые узнали уже тогда, когда они не могли даже увидеть кого-нибудь из следователей, не то чтобы как-то повлиять на это обвинительное заключение? (Как будет видно ниже, на суде тоже этот вопрос как-то «стыдливо» замалчивался судьями, он не был поставлен ни одному из свидетелей.)

В нарушение статей 111, 112 и 67 УПК, не желая всесторонне расследовать дело, следственные органы не разыскали множество существенно важных документов, не ознакомились с ними и, главное, не приобщили их к делу, хотя эти документы могли помочь раскрыть истину. В частности:

1. Более 700 жалоб и заявлений заключенных, написанных ими во время протеста для ожидавшейся правительственной комиссии. А ведь в них вскрывались истинные причины возникновения протеста и указывались конкретные виновники.

2. План жилой зоны 3-го лаготделения. На нем была нанесена правдивая обстановка в лагере на момент открытия огня 4 июня, были обозначены места, где были убиты и ранены заключенные, откуда велся огонь, и т.п.

3. Копии просьб в ЦК КПСС и в правительство от 11.06 и 20.07.1953 г., которые указывали на цели протеста.

4. «Хроника событий», происшедших в лагере за период с 04.06 по 03.08.1953 г., написана лично мною. «Хроника» ясно рисовала всю картину протеста, включая действия заключенных, лагадминистрации, охраны, руководства Горного лагеря, представителей Тюремного Управления и др., которые неизбежно влияли на развитие событий. «Хроника» предназначалась как отчет для правительственной комиссии. В материалах следственного дела имеются всего 3 ученические тетради первого (чернового и неполного) экземпляра «Хроники». Но там нет ни одного документа, приложенного к ней, без чего «Хроника» теряет свою ценность как документ. Второй же ее экземпляр — полный и со всеми вписанными в текст документами, а также продолжение первого экземпляра и все приложения к нему бесследно исчезли и следствием «не найдены», несмотря на неоднократные требования с моей стороны — и в письменной, и в устной форме.

Таким образом, из сказанного выше вполне очевидно, что предварительное следствие по делу проведено так, что остались невыясненными обстоятельства, выяснение которых неизбежно должно было повлиять на приговор. А такое следствие, согласно ст. 414 УПК, признается недостаточным.

О том, что оно проведено, кроме того, и неправильно, говорят хотя бы следующие факты:

1. Как показали на суде свидетели Бархатов, Табатадзе, Головки, Шевцов, Рудик, следователи писали в протоколах допроса «то, что они хотели», то есть грубо нарушали ст. 165 УПК, и вопреки указаниям ст. 168 не желали вносить поправок и дополнений в эти протоколы, заявляя при этом, что «это не имеет значения» (свидетель Головки). Кроме того, свидетель Табатадзе, плохо знающий русский язык, допрашивался без переводчика.

Свидетели Головки, Табатадзе, Шевцов, Бархатов, Рудик в ходе судебного следствия полностью отказались от «своих» показаний, данных «ими» на предварительном следствии, и заявили, что они «этого не показывали». Подсудимые обратили внимание суда на этот факт и потребовали зафиксировать его в протоколе судебного заседания. (Этот протокол вопреки указаниям УПК нам показан или зачитан так и не был.)

2. Пренебрегая указаниями советских законов, майор Ушацкий прибегал даже к фальшивым уловкам. Видя, что следствие по делу направляется в сторону придания протесту окраски антисоветского повстанческого движения, и желая поэтому давать показания только в Москве, однажды я отказался выйти из тюремной камеры, чтобы пойти на допрос. Меня вызвал начальник тюрьмы майор Толстихин, и после разговора с ним я все же пошел на допрос. Войдя к Ушацкому, я заявил ему, что не хотел идти на допрос, и попросил его не вызывать в дальнейшем. На вопрос: «Почему?» — я изложил мотивы отказа (см. выше).

Майор Ушацкий знал, что, знакомясь с протоколом перед подписанием, я, как правило, вопросов следователя не читаю, а читаю лишь, как изложены мои ответы. Воспользовавшись моей оплошностью, он составил протокол допроса, в первом вопросе которого шла речь «о дальнейших планах комитета», о чем раньше, а тем более в этот день не было даже и разговора. В ответ на этот вопрос майор Ушацкий написал, что я отказываюсь давать показания. Затем, поставив вопрос «Почему?», он изложил мотивы моего отказа. Не читая вопросов, я подписал протокол допроса, из которого следует, будто меня приперли к стенке вопросом о дальнейших планах комитета и я отказался давать показания. Но ведь идти на допрос я отказался еще в камере, когда не только не знал, но и не мог знать, какой вопрос мне поставит Ушацкий!

Это было 04.06.1954 г. Протокол этот приобщен к делу.

3. Хотя по всем документам дело состоит из 13 томов и в суд было передано 13, мне и другим обвиняемым разрешили ознакомиться лишь с 10 томами. Этим была нарушена статья 206 УПК.

4. В процессе ознакомления с материалами дела я хотел сделать для себя выписки. Ушацкий запретил мне это делать в ходе ознакомления, пообещав вызвать меня для этого потом. Он меня так и не вызвал, хотя я неоднократно напоминал ему об этом через начальника тюрьмы. Само собой разумеется, что, не дав мне сделать выписки из материалов дела, Ушацкий существенно ограничил мои возможности на защиту своих интересов не только в суде, но и после него.

Думаю, что эти факты дают право сказать, что предварительное следствие по делу проведено неправильно.

Обвинительное заключение майор Ушацкий составил, руководствуясь не ст. 207 УПК, а желанием исказить все до такой степени, чтобы дело приняло те формы, которые были необходимы следственным органам, явно старавшимся почему-то выручить норильских и других работников из системы ГУЛАГа путем сваливания вины за убийство 63 заключенных с большой головы этих работников на здоровую голову заключенных, и в частности на мою голову. Когда у работников УКГБ Красноярского края провалилась попытка придать законному протесту заключенных характер антисоветского мятежа (после моей беседы с представителем крайкома), они предъявили нам другое обвинение, ничуть не более обоснованное, обвинение в учинении организованного контрреволюционного саботажа на фоне массового беспорядка (58-14, 58-11, 59-2)*. В разрезе последнего и составлено обвинительное заключение. Прибегая к всевозмож-

* Впоследствии, по возвращении дела из Норильского лагсуда, добавившего четверым обвиняемым ст. 58-10, у которых ее не было, обвинительное заключение было переделано с учетом этого добавления старшим лейтенантом Лещенко.

ным уловкам и ухищрениям — натяжке, подтасовке фактов и обстоятельств, искажению их смысла и т.п., умышленно упуская из виду целый ряд фактов исключительной важности, следственные органы представили суду не документ, в котором, согласно ст. 207 УПК РСФСР, должна быть изложена сущность дела с приведением обстоятельств, говорящих как против, так и в пользу привлеченного к ответственности, а то, что нужно было самому следствию лишь для обвинения заключенных.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько фактов:

1. В обвинительном заключении следствие (а суд в приговоре) указывает, что в мае 1953 года в штрафной изолятор 3-го лаготделения была привезена группа заключенных — 24 человека, которая 4 июня вырвалась из камеры, что в конечном счете и привело к началу протеста.

Но что же побудило этих людей выбивать дверь своей камеры и вырваться в коридор? Правда ли, что заключенных из этой группы Милова и И. Смирнова надзиратели пытались водворить в камеру № 3, в которой содержались бандиты из старожил лагеря? Почему, наконец, содержащиеся в 3-й камере, услышав, что «новички» вырвались в коридор, бежали из камеры в дивизион охраны, а не к себе в лагерь?

Почему же следствие, а следуя ему, и суд не выяснили этих важных вопросов? А ведь есть целый ряд фактов, которые проливают свет на эти затемненные места.

Как известно, протест явился непосредственным следствием расстрела охранными войсками каторжан 04.06.1953 г., находившихся в жилой зоне. Это было, в свою очередь, следствием бунта в штрафном изоляторе. Стало быть, логически полагать, что именно эти события, а равно и породившие их обстоятельства должны быть предметом самого тщательного изучения. Вместо этого следствие не только оставило без внимания, но прямо замалчивает исключительной

важности факты, известные ему из целого ряда показаний, которые помогли бы выяснить упомянутые события в ШИЗО и причины, их повлекшие.

а) Как следует из заявления з/к Бузинского в правительственную комиссию, 2 или 3 июня в камеру № 3 штрафного изолятора лично старшиной Калашниковым были переданы ножи. Да, да, тем самым Калашниковым, который еще в январе 1953 года, к счастью, безуспешно попытался спровоцировать в лагере поножовщину на почве национальной вражды, который с этой целью поручал з/к Лемеха прятать в лагере ножи, топоры и прочее, тем самым старшиной Калашниковым, который зверски избивал меня, уже раненного, 04.08.1953 г. Вместо тщательного изучения этого факта следствие ограничилось получением справки о том, что свидетельствующий этот факт очевидец з/к Бузинский к этому времени оказался... в Брестской тюрьме (!). Туда его, видимо, поспешили убрать как нежелательного свидетеля. Правда, следствие допросило еще и тех, кому, по заявлению Бузинского, Калашников передал ножи. Совершенно логично, что они (Себесяк, Мамаев, Вепштас и др.) не показали правды. Отвечая, например, на вопрос: «Чем был прорезан потолок в камере?» — они ответили: «Штырем»(?!). А между тем даже сам помощник Генерального прокурора СССР Вавилов согласился с тем, что отверстие прорезано ножом.

б) 04.06.1953 г. заключенных Милова и И. Смирнова, из группы вновь прибывших, вели обратно в камеру от врача. Но, как говорили они сами и другие, вместо того чтобы завести их в свою камеру, надзиратели попытались посадить их в камеру № 3 к вооруженным ножами Мамаеву, Себесяку и др. Как сказано выше, это и спровоцировало бунт в ШИЗО.

Очень характерно, что не только столь важный свидетель, как Бузинский, был выслан за тридевять земель, но еще была совершена попытка убрать так-

же и двух других свидетелей — Милова и Смирнова. Попытка водворить этих двух людей в камеру № 3 и была причиной бунта в ШИЗО. Оба эти человека видели, как из «глазка» этой камеры сидевшие в ней высовывали ножи, угрожая Милову и Смирнову. Совершенно ясно поэтому, кто мог быть заинтересован в молчании этих двух свидетелей. И одного из них заставили замолчать: грязными руками подосланного убийцы заключенный Милов был убит.

Каким образом Муханов, зарезавший Милова, оказался среди солдат и надзирателей в лагере 4 августа? Почему из 3,5 тысячи он выбрал именно Милова? Вот вопросы, ответ на которые совершенно не заинтересовал следственные органы УМВД Красноярского края. Эта странная нелюбознательность более похожа на умышленное укрывательство действительных виновников.

2. Вместо необходимого вдумчивого исследования обстоятельств в обвинительном заключении имеются пространные разглагольствования о «всевозможных лозунгах», вывешенных в лагере. Но ни один из них не приведен как конкретный факт преступления — за отсутствием таковых. Такая пустая болтовня потребовалась следствию для того, чтобы компенсировать свою несостоятельность лишней горстью пыли в глаза суду. Между прочим, представитель генерального прокурора Вавилов не нашел в наших лозунгах ничего незаконного.

3. В обвинительном заключении говорится, якобы в листовках мы «ранее имевшие место факты нарушения советской законности охранными войсками искусственно связывали с деятельностью врага народа Берия», но снова в доказательство своего голословного утверждения следствие не привело ни одной листовки, ибо их не имелось.

Там же говорится, будто «имелись листовки, направленные на разложение войск МВД». И опять —

ни одного конкретного примера. Единственная листовка с обращением к солдатам была такая:

«Солдаты войск МВД! Не проливайте братской крови. Да здравствует мир, демократия и дружба народов!»

Как говорилось выше, эта листовка явилась прямым следствием безобразной выходки пьяного Полостяного в ночь на 30.06.1953 г.

О листовках, как и о лозунгах, не располагая фактическими доказательствами преступности данного действия, следствие, хотя у него имелись образцы всех листовок, разглагольствует: «...всевозможные листовки различного содержания». Такое жонглирование словами потребовалось для того, чтобы заменить отсутствующие для обоснования обвинения факты и таким образом с помощью различных психологических трюков создать у суда впечатление преступности этих действий. И в самом деле, слова «всевозможные листовки различного содержания» на фоне происшедшего в лагере неизбежно ассоциируются с чем-то противозаконным. Этим и воспользовалось следствие.

Все листовки следствие назвало «клеветническими». Но сам факт, что оно снова не привело ни одной листовки, чтобы доказать свое утверждение, говорит о его голословности.

Что же касается заявления о том, что, выбрасывая листовки в Норильск, мы будто бы пытались противопоставить население Норильска местным властям, опровергается наличием листовки, в которой мы просили граждан сообщить начальнику политотдела о том, что мы просим его посетить нас для решения важного вопроса. Логично полагать поэтому, что мы доверяли местным властям и хотели воспользоваться их помощью для того, чтобы сообщить правительству о произволе над нами со стороны лагерных работников. К тому же сводились все наши просьбы и к населению Норильска, о чем убедительно говорит содержание всех наших листовок.

4. В обвинительном заключении утверждается, будто «комитет выставил требование о направлении в лагерь правительственной комиссии» якобы лишь «для расследования факта применения оружия 04.06.1953 г.». Данное утверждение ложно от начала и до конца. Требование было написано на одном щите в первый же день протеста. Но ведь комитет-то тогда еще и не существовал! Больше того, сразу же после избрания комитета все лозунги со словами «требуем» и т.д. по его распоряжению были немедленно сняты. А название наших писем в ЦК КПСС и правительству «Просьба» говорит о том, что комитет и, следовательно, заключенные не требовали, а просили.

Сам по себе этот факт несущественный, но он ярко показывает, как следствие хотело, даже в мелочах, нарисовать все черными красками, исказить.

Да, в «Просьбах» о направлении к нам комиссии говорилось и о факте применения оружия 4 июня. Главным же образом мы просили ее для расследования целой цепи фактов возмутительных нарушений советской законности, подготовивших протест, и лишь в их числе случая 04.06.1953 г. Для комиссии были подготовлены материалы об этом.

5. Следствие признало, что комитетом программа Воробьева была отклонена. Неужели оно случайно упустило из виду, что в этой программе предлагалось «перейти к агитации масс не в духе веры в Советское правительство (в котором, как видно из этого, она, надо полагать, и велась комитетом), а в духе военной организованности».

Нет, далеко не случайно. Всячески стараясь создать ложное представление, будто бы заключенные не питали доверия к Советскому правительству, следственные органы пытаются этим самым подвести базу под гнилую теорийку о том, будто мы отождествляем две совершенно различные величины: лагерные органы МВД с их преступным — во времена Берии, Абакумова — руководством и Советское правительство. Но ведь факт отклонения комитетом

антисоветской программы Воробьева сам по себе уже доказывает, что агитация масс велась в духе веры в Советское правительство. А для того чтобы вопреки всему все же состряпать обвинение, потребовалось на некоторые подробности опустить занавеску, потребовалось даже написать в обвинительном заключении, что Воробьев якобы сам «вышел» из комитета, зная при этом, что его исключили. Создается впечатление, что следственные органы почему-то пытаются скрыть грязное наследие уже разоблаченных и осужденных предателей Берии, Абакумова и К°. Именно в этом свете прошу Вас рассмотреть все попытки подтасовки фактов в ходе следствия по обжалуемому делу.

Как говорилось выше, пользуясь такими приемами, майор Ушацкий и другие вначале представили протест как антисоветский мятеж, затем как заранее подготовленный организованный контрреволюционный саботаж с единственной целью — ультимативно (вот как!) потребовать от Советского правительства освобождения всех заключенных. (Эка, ведь как хватило!) Не вдаваясь в излишние подробности, скажу: для того чтобы понять, что мы не можем ультимативно разговаривать с правительством двухсотмиллионного государства и таким образом противопоставить ему себя, для того чтобы понять эту для каждого вполне очевидную истину, поверьте, у нас хватило ума. А вот следственные органы, видимо, думали иначе.

6. В части деятельности пропагандистов, следуя принятым курсом, следствие заявляет, будто агитация была направлена на неподчинение лагадминистрации, невыход на работу и т.п. Но ведь сам факт протеста — это уже факт абсолютного неподчинения. И разве кто-нибудь, в том числе лично я, разве мы когда-нибудь отрицали, что имело место неподчинение? Известно, что протест возник именно потому, что выведенные из терпения люди перестали и не могли больше видеть в лицах, представлявших собой администрацию лагеря, достойных представителей

Советской власти. Оснований для этого, как видно из описанного выше, у нас было больше чем достаточно. Надо ли было при таком положении дел вообще агитировать не подчиняться лагадминистрации?

Ну а на работу люди не выходили не вследствие агитации комитета, как говорится в обвинительном заключении, а по причинам, подробно описанным выше.

Все утверждения следствия в части пропаганды и агитации во время протеста полностью опровергнуты на суде по делу показаниями свидетелей Головки, Шевцова, Бархатова, Табатадзе, Песоцкого, которые показали, что пропаганда в лагере велась в духе веры в Советское правительство, они показали также, что комитет и лично я вели постоянную борьбу со всякими попытками склонить лагнаселение на противозаконный и антисоветский путь, в частности с Воробьевым и его сторонниками, проводившими именно такую линию.

7. Пытаясь очернить меня в глазах суда, перед которым мне предстояло предстать, в одном месте обвинительного заключения, имея в виду преступные замыслы Воробьева, следствие заявляет, будто я «был вместе с Воробьевым». Это утверждение опровергается не только приведенными в предыдущем пункте показаниями, но и следующими фактами:

а) пресечение незаконных самовольных действий сторонников Воробьева — Банарцева, И. Смирнова, Ирнева, Кирпиченкова и др.;

б) запрещение изготовления по указанию Воробьева Игнатьевым холодного оружия;

в) пресечение самовольных действий Воробьева;

г) отклонение программы Воробьева и исключение его из состава комитета.

8. Снова с целью очернить меня в глазах суда, передергивая факты, следствие заявляет, будто я «стремился представить каторжан 3-го лаготделения жертвами якобы существовавшего после войны

в судебных инстанциях произвола и беззакония». Все это вымысел майора Ушацкого. О произволе и беззаконии, но не «в судебных инстанциях», а в следственных органах бывшего Министерства госбезопасности действительно говорилось в общей жалобе заключенных и в лозунге «Мы — жертвы Рюмина. Рюмин поступал как враг нашего народа, нашего Государства» («Правда» от 06.04.1953 г.). И больше нигде на эту тему не было ничего ни написано, ни сказано. Общая жалоба была написана 6 июня, то есть за два дня до избрания комитета, и авторами ее являлись Бондаренко и Колясников. Принципиально против этой жалобы я выступил сразу же на общем собрании 6 июня. А автором упомянутого лозунга был Доронин, и следствие знало об этом.

9. Извращая показания, о чем с достаточной ясностью и полнотой рассказали суду свидетели Головкин, Шевцов и др., следствие голословно заявляет в обвинительном заключении:

«Разделяя идею вооруженного сопротивления охранным войскам, Шамаев, как это сам признал на допросе (?!), молчаливо санкционировал изготовление Игнатьевым холодного оружия».

Вот факты, наголову разбивающие это голословное, ни на чем не основанное утверждение:

а) отклонение комитетом программы Воробьева, в которой он, в частности, предлагал «перейти к агитации масс... в духе военной организованности». Как председатель, я первым выступил против провокационной программы и потребовал исключения из комитета ее автора. Как же это вяжется с разделением идеи вооруженного сопротивления, если выступаешь против военной организованности?

б) а вот как выглядит «молчаливая санкция» на изготовление холодного оружия. В одной из частных бесед Воробьев сказал мне, что «некоторые хотели бы изготовить себе ножи» на случай рукопашной схватки с бандитами из заключенных при вводе их в наш лагерь для ликвидации их силой протеста. Так как

здесь же находились эти самые «некоторые» — Банарцев, Игнатъев, Семенюк и др., я счел оплошностью ответить прямо «нет» и промолчал, не сказав ни да, ни нет. Однако, встретив в тот же день Тарковцаде, работавшего кочегаром в котельной бани, где иногда производились мелкие кузнечные и слесарные работы, я рассказал ему о разговоре с Воробьевым и категорически запретил ему позволять кому бы то ни было делать в котельной ножи и т.п. вещи. Тарковцаде был одного со мной мнения на этот счет. Поэтому он просто выпроводил Игнатъева и Банарцева, когда те пришли в кочегарку, чтобы отковать там ножи. Из котельной они пришли в клуб, где хотели заняться этим, используя имевшиеся там две отопительные печи. Зайдя в клуб и видя, что Игнатъев и Банарцев устанавливают чурбак с рельсом, я выгнал их оттуда лично. Когда же мне стало известно о том, что по указанию Воробьева Игнатъев втайне от всех других членов комитета в подвале барака № 2, в бывшей инструментальной, открыл кузницу и стал изготавливать там пики из разбирившихся оконных решеток, я немедленно поставил вопрос на заседании комитета о закрытии кузницы. В тот же день старший участка Рудик в присутствии одного члена комитета закрыл подвал, выселил оттуда Игнатъева и его помощников; все изготовленные ими пики (248 штук) и ножи (6 штук) были конфискованы и заперты в том же самом подвале, где они были сделаны. У входа в подвал Рудик выставил круглосуточный пост. Допрошенный на суде в качестве свидетеля по делу з/к Рудик подтвердил все, что сказано выше о закрытии кузницы.

Так как же можно одновременно санкционировать и запрещать? Майор Ушацкий был явно не в ладах с логикой.

10. Нас обвинили в том, что мы на два месяца прекратили работу, в результате чего государству причинен ущерб в размере 6 460 160 рублей.

Да, мы действительно в течение 2 месяцев не выходили на работу, ожидая правительственную комиссию. Но как это случилось? А вот как. Еще за 2 дня до возникновения в лагере протеста, 2 июня, заключенных сняла с работы администрация лагеря, но они не самовольно прекратили ее. 4 июня по ним, находившимся на отдыхе в жилой зоне, открыли огонь, в результате чего был убит и ранен 21 человек. 11 июня, в первый раз со 2 июня, полковник Кузнецов предложил нам выйти на работу. Мы должны были выйти из лагеря под конвой тех же солдат, которые 4 июня стреляли в нас, под конвой тех солдат, которыми, как и в тот день, по-прежнему командовал майор Полостяной, который и сам лично, и через солдат постоянно угрожал расправой, как только мы выйдем из лагеря. Вполне логично, что заключенные боялись выходить за пределы жилой зоны, ибо майор Полостяной — человек, опозоривший мундир и честь советского офицера целым рядом гнусных, унижительных поступков, без всякого сомнения осуществил бы свою угрозу: ведь это были угрозы, подкрепленные жутким опытом убийства заключенных 4 июня.

И разве не администрация и командование охраны лагеря виновны в том, что произошло и в результате чего заключенные не выходили на работу? Почему, наконец, лагерная администрация и руководство Горлага, принимая письма заключенных правительству, заявили, что эти письма будут направлены по адресу? Почему они не говорили правды и тем самым заставляли нас надеяться на прибытие правительственной комиссии?

Почему администрация вообще принимала эти письма от нас, если она не намерена была посылать их правительству?

Вот какими вопросами совершенно не интересовалось следствие. Зато оно потребовало от предприятий, на которых работали люди из нашего лагеря до протеста, справки о понесенных ими убытках за 2 месяца, в течение которых мы не выходили

на работу, и на основании этих справок обвинило нас в нанесении ущерба государству в размере более чем 6 млн рублей.

А проверил ли кто-нибудь, сколько своих собственных грехов хозяйственники этих предприятий прикрыли этими 6 миллионами?

11. Говоря о создании в лагере невооруженной самоохраны, следствие приписало этому мероприятию цели, ничего общего не имеющие с теми, для которых она предназначалась в действительности. И, не располагая никакими для такого утверждения данными, оно заявляет в обвинительном заключении, что самоохрانا была создана якобы в целях оказания вооруженного сопротивления войскам и лагадминистрации.

О том, что заключенные не преследовали такой цели, показали на суде свидетели Бархатов, Головки, Шевцов и др. Утверждение следствия опровергается самим фактом отклонения программы Воробьева, предлагавшего в ней начать агитацию лагнаселения «в духе военной организованности». Из этого следует, что военной организованности в лагере не только не было, но даже и агитации-то не велось комитетом в этом направлении, коль скоро Воробьев предлагал перейти к такой агитации. И уже само собой разумеется, что агитация «в духе военной организованности» потребовалась бы только в случае наличия намерения оказать кому-либо организованное вооруженное сопротивление. И так как программа была отклонена, то есть так как комитет отказался вести агитацию лагнаселения в духе военной организованности, значит, у него и не имелось цели подготовить заключенных к оказанию вооруженного сопротивления.

Необоснованность голословного утверждения следственных органов о том, что имевшийся в лагере битый кирпич предназначался нами якобы «для оказания вооруженного сопротивления солдатам и администрации», доказывается хотя бы таким простым фактом. В материалах дела имеются фотографии, на которых у жилых барачных в лагере видны

разбросанные кирпичи. Эти снимки делались администрацией во время так называемых психических атак, когда мы ожидали, что к нам могут ввести уголовно-бандитствующий элемент из числа заключенных. И для того, чтобы его было удобнее брать в этом случае, заключенные разбрасывали его, а по окончании «психических атак» кирпичи всякий раз снова укладывались в штабеля. Но характерно то, что в материалах дела нет ни одного фотоснимка, где можно было бы увидеть, что хотя бы один кирпич оказался в запретной полосе или за зоной, то есть там, где находились солдаты и лица лагадминистрации. Этот факт говорит о том, что кирпич не применялся заключенными против администрации и солдат, ибо он для этих целей не предназначался.

Характерный факт. Ни один из фотоснимков с разбросанными на территории лагеря кирпичами не помечен, когда он был сделан. Это давало возможность следствию и кому это вообще было нужно сказать, что снимки сделаны во время так называемой ликвидации нашего протеста, и использовать их в качестве «доказательства» того не имевшего места факта, будто заключенные при вводе в жилую зону войск оказали им вооруженное сопротивление, «забрасывая солдат кирпичами».

Наконец, вряд ли нужно доказывать, что заключенные были настолько глупы, чтобы не могли понять того, что выступать с кирпичами против автоматов — значит идти на явное самоубийство.

Тем не менее вопреки фактам и логике следствие заявляет, будто заключенные решили оказать солдатам вооруженное сопротивление в случае ввода их в лагерь для подавления протеста и якобы именно с этой целью в ночь на 4 августа было специально создано совещание старших барачников, участков и секций.

Прежде всего здесь следует внести весьма существенную поправку. Около 20 человек заключенных, среди которых были и некоторые из старших барачников,

в ночь на 4 августа были вызваны в клуб уже исключенным к тому времени из комитета Воробьевым, а не собраны «Шамаевым и другими членами комитета», как бессовестно клеветает майор Ушацкий, клеветает, не располагая для обоснования этого ложного утверждения ни одним фактом, ни одним показанием.

Что же касается меня, который, как уже говорилось выше, попал на это собрание совершенно случайно, то я дал собравшимся ясную установку — не вступать ни с кем ни в какие конфликты, то есть вести себя так же, как во время «психических атак».

Клеветническое утверждение майора Ушацкого не нашло себе ни одного подтверждения в ходе судебного следствия. Вот что показали по этому поводу допрошенные на суде свидетели:

1. Головки С.Г. показал, что указаний об оказании солдатам вооруженного сопротивления он от меня не получал. Головки показал, однако, что ему говорил об этом з/к Вождев (мой заместитель, из группы Воробьева), причем наедине и уже после того, как я дал установку вести себя, как и всегда, во время «психических атак», которую Головки полностью повторил на суде. Отвечая на вопрос председательствующего: «Почему на предварительном следствии вы показали, что указание об оказании вооруженного сопротивления вам дал Шамаев?» — Головки заявил, что и на предварительном следствии он показал так же, как на суде, однако следователь записал, будто это указание дал я, Шамаев. Когда же Головки стал возражать, следователь, якобы заявив: «Это не имеет значения», все оставил без изменения. От того, что написано по этому поводу следователем, Головки на суде отказался. (Головки — старший секции.)

2. Свидетель Рудик Вилли (старший участка) показал, что на упомянутом сборище он не присутствовал и указаний об оказании сопротивления от меня также не получал.

О том же, будто я давал такое указание, он узнал от з/к Балайки, причем уже в центральном изоляторе, после ликвидации протеста. Сам Балайка в судебное заседание не вызывался.

(То же самое показал Доронин на очной ставке со мною, на предварительном следствии. Других очных ставок мне не дали.)

3. Старший секции з/к Шевцов заявил суду, что после объявления по радио приказа о вводе войск в лагерь он поспешил к себе в барак, а услышав стрельбу, «спрятался за печку» и на сборище также не присутствовал. На вопрос председательствующего: «Почему на предварительном следствии вы показали иначе?» — Шевцов ответил: «Я не знаю, что там написали. Следователь писал все, что хотел, и от всего, что там написано, я отказываюсь, я так не показывал. Было так, как я показал теперь».

Я потребовал, чтобы показания Головки, Рудика и Шевцова были занесены в протокол судебного заседания. Других, противоречивых, показаний на суде не было.

12. Искусственно связывая не имевшую места агитацию за освобождение из заключения под лозунгом «Свобода или смерть!» с организацией самоохраны, которой приписаны совсем противоположные действительным цели, а также не имевшие места «указания со стороны членов комитета», следственные органы Красноярского УКГБ в лице майора Ушацкого, старшего лейтенанта Лещенко и лейтенанта Разумова ложно обвинили заключенных, а меня как их руководителя во время протеста в том, что «4 августа 1953 года при вводе в жилую зону войск для ликвидации бунта» они якобы «с криками «Ура!» оказали солдатам вооруженное сопротивление». Это обвинение следствие «обосновало» показаниями двух или трех заключенных, которые якобы слышали, как две группы заключенных по 8–12 человек в разное время и в противоположных концах лагеря с криками

«Ура!» выбежали из бараков и, вооруженные кирпичами и пиками, бросились на солдат у 26-го барака и на офицеров у барака № 1. На этом показания «свидетелей» предусмотрительно оборваны следствием. Но что же произошло в результате этих нападений — неизвестно. Чтобы указать, насколько «достоверны» приведенные показания, я подчеркнул то, что они не могли слышать и что надо только видеть, чтобы давать такие показания.

Впрочем, возможно, что такие случаи в действительности могли иметь место, ибо во время подавления протеста в лагере творились такие кошмарные вещи, при виде которых люди буквально сходили с ума. (Так, в эту страшную ночь лишился рассудка заключенный Иван Васильевич Бобик.) Видя десятки стонущих, убитых и раненых, видя, как зверски избивают и даже убивают людей, и сами находясь под угрозой того же, в состоянии сильного душевного волнения, люди не могли отдавать себе отчета в том, что делают, они действовали безотчетно, лишь в силу природного инстинкта самосохранения. И вот, действия полутора десятков (из 3,5 тысячи!) таких обезумевших людей — и только это! — оказались достаточным «основанием» для того, чтобы обвинить в организованном, ожесточенном двухчасовом вооруженном сопротивлении 3,5 тысячи заключенных. Ибо ничем другим для «обоснования» этого ложного, высосанного из пальца, притянутого за уши обвинения следствие не располагало. Не располагал ими и суд, приговоривший, несмотря на это, меня к расстрелу, замененному пожизненным заключением. В материалах дела нет никаких документов, показывающих на получение кем-либо из лиц, принимавших участие в подавлении протеста, хотя бы каких-нибудь, даже легких, ранений, ушибов или хотя бы царапин или иных повреждений в результате «ожесточенного вооруженного сопротивления, продолжавшегося около двух часов». Прибавьте к этому еще и то, что «воору-

женные пиками и ножами, заключенные забрасывали при этом солдат с криками «Ура!» кирпичами и пиками», как говорится об этом в приговоре, — и Вам, пожалуй, все станет ясно...

Теперь посмотрим, когда солдатами был открыт огонь по заключенным во время подавления, ибо в приказе Артюшина говорилось, что его откроют лишь в том случае, если солдатам будет оказано сопротивление. В обвинительном заключении Ушацкий говорит об этом так:

«Заключенные 4 августа 1953 года с криками «Ура!» оказали солдатам ожесточенное вооруженное сопротивление, которое продолжалось около двух часов, и только в результате применения огнестрельного оружия бунт был ликвидирован».

Логично полагать поэтому, что оружие было применено солдатами, во-первых, из-за ожесточенного вооруженного сопротивления заключенных и, во-вторых, лишь через 2 часа такого сопротивления.

Но ведь это же явная ложь! Автоматчики открыли огонь не через 2 часа, а непосредственно при въезде в жилую зону лагеря. Этот совершенно бесспорный факт подтвержден показаниями многих свидетелей на предварительном следствии, в частности Загоруйко, Валюмом, Тиховским, Межевичем, Шевцовым, Королем и др.; на суде его подтвердили Шевцов, Бархатов, Табатадзе, Головки и все обвиняемые. Наконец, один из автоматчиков, который въехал в лагерь на первой (!) автомашине, также показал на предварительном следствии, что огонь был открыт им при въезде в лагерь. (О его показаниях — ниже. Фамилию солдата я указать не могу, так как майор Ушацкий лишил меня возможности сделать необходимые выписки из материалов дела.)

И вот, для того чтобы хоть чем-нибудь и как-нибудь оправдать это ничем не оправдываемое применение оружия, в результате которого было 57 человек убито и 98 ранено, потребовалось провести большую и, скажем прямо, бесчестную работу.

А именно:

1. Приложить к делу уйму фотоснимков территории лагеря, на которых видны разбросанные кирпичи, и ни на одном из них не написать, когда он был сделан.

2. Взять из подвала барака № 2 пики и ножи, которые были заперты и охранялись там по распоряжению комитета, и приложить их к делу как вещественные доказательства этого «мифического вооруженного сопротивления», хотя ни одна из них никем и никогда не применялась ни против солдат, ни против кого бы то ни было вообще.

3. Составить специальный «акт» осмотра жилой зоны 3-го лаготделения после ликвидации протеста. В этом «акте» указано, будто почти возле каждого убитого каторжанина лежали кирпичи, пика или нож. Какая предусмотрительность! Удивительно ли, что прежде, чем составить такой «акт», потребовалось удалить из лагеря всех заключенных. Этот «акт» составлен при отсутствии каких-либо свидетелей со стороны лагнаселения. Составители «акта» были уверены, что их односторонний «акт» никто не поставит под сомнение, как и в старое, бериевское время. Они в этом настолько были уверены, что даже пренебрегли приложить в его подтверждение фотографии убитых, заключенных с валяющимися тут же ножами, пиками, кирпичами и т.п. (а ведь составителям «акта» ничего не стоило изготовить любые нужные им фотографии).

Но кто же были эти «эксперты», составлявшие «акт»? Это были те же работники Красноярского УКГБ и руководство норильского Горлага, по инициативе и под наблюдением которых была учинена жестокая расправа над мирно ожидавшими советскую правительственную комиссию заключенными. Это были представители тех же самых органов КГБ времен до 1953 года, на работников которого люди и хотели принести свои жалобы Советскому правительству. Иными словами, это была заинтересованная

сторона. Поэтому составленный ею «акт» не может быть ничем иным, как комедией.

Посмотрите, как они обставили дело. В ту же самую ночь, когда была проведена так называемая ликвидация протеста, и на следующий день, когда сами «эксперты» в поте лица трудились над составлением упомянутого «акта», по их распоряжению из лагеря были вывезены все трупы, территория жилой зоны и бараки — обысканы и очищены, все пулевые пробоины и иные следы этой ночи на стенах бараков и в других местах были тщательно заштукатурены, а затем забелены или покрашены. Что и говорить — чистая работа! И разве можно было бы после этого доказать что-либо противное тому, что было написано в упомянутом «акте»? Конечно, нет.

Надо полагать, что «акт» осмотра не может считаться действительным хотя бы уже потому, что это документ односторонний, составленный заинтересованными лицами.

А вот показания солдата-автоматчика, принявшего участие в подавлении протеста, которые с предельной ясностью говорят о том, что до открытия огня никакого ожесточенного двухчасового вооруженного сопротивления не было. Этот солдат показал:

«Я въехал в зону на первой автомашине. Въезжая, я сделал несколько очередей из автомата вверх. После этого автомат у меня отказал, и больше я не стрелял; да в этом и не было никакой необходимости».

Показания солдата о том, что вести огонь по заключенным «не было никакой необходимости», нашли подтверждение в таком факте. В то время, когда в зону въехали автоматчики и сразу же, в воротах, открыли огонь, находившиеся на линейке патрули, услышав стрельбу, не только не подняли весь лагерь — а по утверждению следствия, они именно для этой цели и наряжались, — но и сами разбежались по баракам, и на территории лагеря остались лишь отдельные заключенные, не успевшие спрятаться. Слыша беспрерывную автоматную стрельбу, люди си-

дели в бараках и боялись выходить из них. (Кстати, не этим ли объясняется то, что подавление продолжалось около двух часов, если верить тому, что говорится в обвинительном заключении?)

Этот факт, в свою очередь, подтверждается тем, что во время ликвидации было сравнительно небольшое количество убитых и раненых: из 3,5 тысячи за 2 часа — всего 165 человек. Само собой разумеется, что это количество было бы во много раз больше, если бы 3500 заключенных вышли бы из бараков и с криками «Ура!» бросились на солдат, забрасывая их кирпичами и пиками, принимая во внимание, что за время ликвидации солдатами было израсходовано около 40 тыс. патронов. То, что этого не было и заключенные оставались в бараках, подтверждается, наконец, и упомянутым выше «актом» осмотра жилой зоны. Согласно этому «акту» убитые обнаружены главным образом в помещениях.

О том, как заключенные, услышав стрельбу, прятались в бараках, подробно показал на суде свидетель Шевцов, об этом рассказали суду также и з/к Бархатов, Головки, Табатадзе.

Ну а как же суд? Сделал ли он попытку выяснить обстоятельства ликвидации нашего протеста? В tomto и дело, что нет. Все — председательствующий и члены суда, прокурор и защитники — как-то «стыдливо» избегали касаться этого вопроса, а ведь это — главный пункт обвинения! Ни одному из 15 прошедших перед судом свидетелей они так и не задали ни единого не только прямого, но даже косвенного вопроса о так называемом ожесточенном двухчасовом вооруженном сопротивлении, якобы оказанном заключенными солдатам. По меньшей мере странно, не правда ли?

Видя такое поведение суда, обвиняемые стали сами задавать этот вопрос свидетелям. В частности, обвиняемый Николайчук делал это так. Он зачитывал каждому свидетелю тот пункт из обвинительного заключения, где говорится о вооруженном сопротивлении, и спрашивал, так ли это было. Все заключенные

в ответ лишь недоуменно пожимали плечами и говорили, что ничего даже похожего на то, что сказано в обвинительном заключении, не было. **Что же касается свидетелей другой стороны — из числа лагадминистрации и солдат охраны лагеря, то они также ничего не показали в подтверждение ложного утверждения следствия о якобы имевшем место 4 августа вооруженном сопротивлении заключенных 3-го лаготделения солдатам при вводе последних в лагерь для ликвидации протеста.** А приведенное выше показание солдата-автоматчика говорит прямо против него.

Таким образом, из всего изложенного выше становится вполне очевидным, что это утверждение следственных органов не имеет под собой ни фактического, ни логического обоснования, и инкриминация преступлений, предусмотренных пунктом «а» части I ст. 59-2, незаконна.

Ну а сама часть I ст. 59-2 применена тем более бесосновательно. Несмотря на целый ряд незаконных действий лагадминистрации и конвойных войск, а также представителей Тюремного Управления, имевших своей целью толкнуть заключенных на какие-либо противозаконные или аморальные поступки, **на протяжении всего протеста в лагере поддерживались нормальные условия мирного ожидания правительственной комиссии и надлежащий порядок.** А именно: бесперебойно работали больница, амбулатория, пищеблок, баня-прачечная; велась эффективная борьба с возникавшими вследствие плохого питания эпидемическими заболеваниями; была организована починка одежды, обуви, белья; по требованию лагадминистрации работали расчетная группа бухгалтерии, продвещстол; в штаб лаготделения регулярно передавались все статистические данные как о количестве заключенных, так и по линии медико-санитарной части, включая подробные месячные отчеты; в бараках и на территории поддерживалась чистота, в плановом порядке проводилась дезинфек-

ция барачков; все бараки внутри и снаружи были побелены, наваленный еще до протеста кучами мусор с отходами пищи был зарыт в специально для этой цели выкопанные ямы; на протяжении двух месяцев в лагере не произошло не только ни одного убийства, но и ни одной драки; пресекались азартные игры; имелись случаи, когда заключенные, нашедшие кем-то утерянные деньги, приносили их в комитет, который возвращал их владельцу; несмотря на остро ощущавшиеся недостатки в медикаментах, а также крайнюю необходимость в микроскопе, аптека, где все это хранилось, не только не была нами вскрыта, но, напротив, специально охранялась; имевшийся в лагере магазин Горторга, в котором были табак, продукты питания, несмотря на недоедание и полное отсутствие табака, как и аптека, до конца протеста охранялся заключенными; в лаготделении постоянно работала библиотека; по истечении 40 дней траура по убитым 4 июня, в течение которых по настоянию верующих не проводилось никаких увеселительных мероприятий, в лагере возобновил свою работу коллектив художественной самодеятельности, силами которого устраивались концерты, были организованы спортивные игры, хоровое пение и т.д.

А часть I, пункт «а», ст. 59-2, которой следствие и суд квалифицировали эти действия, гласит:

«Массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушением железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи, убийствами, поджогами и другими подобными действиями».

Как видите, ничего похожего на это в нашем лагере не произошло.

Правда, следствие называет погромом действия группы заключенных, содержащихся в штрафном изоляторе, до выхода их в жилую зону лагеря 4 июня. Здесь следует пояснить, что эта группа была привезена в наше лаготделение и сразу водворена в штрафной изолятор лишь в конце мая, и общая масса заключен-

ных нашего лагеря с нею никогда не общалась. Если, таким образом, действия данной группы рассматриваются как погром, то пусть и спрашивают за него с тех, кто его учинил, но не с лиц, которые ничего не имеют к этому. Что касается меня лично, то я в это время спал у себя в бараке.

Тем не менее и следствие, и суд описанные выше действия каторжан нашего лаготделения, в том числе и мои, квалифицировали частью I, пунктом «а», ст. 59-2 УК РСФСР. Следствие пошло даже так далеко, что обвинило нас в контрреволюционном саботаже. Вздорность этого обвинения уже настолько резала глаза, что суд отклонил его.

Заканчивая говорить об обвинительном заключении, считал бы уместным привести несколько фактов, которые покажут, что оно составлено с грубейшим нарушением, если не прямым игнорированием указаний статьи 207 УПК РСФСР. Эта статья обязывает составителя привести в обвинительном заключении все обстоятельства дела, говорящие «как против, так и в пользу привлеченного к ответственности». А вот как поступили майор Ушацкий и старший лейтенант Лещенко.

1. В обвинительном заключении несколько раз упоминается, что Игнатьев изготавливал холодное оружие в подвале барака № 2, но его составители так и не нашли места на всех 16 страницах хотя бы один раз сказать, что комитетом кузница Игнатьева была закрыта и таким образом изготовление пик пресечено. Суд поступил так же, хотя свидетель Рудик, выполнивший это решение комитета, подробно рассказал на судебном следствии об этом факте.

2. Следствию было известно, что Воробьев был исключен из состава комитета. Тем не менее в обвинительном заключении написано, будто «Воробьев из комитета вышел» (?!).

3. В обвинительном заключении абсолютно не отражены и такие факты:

а) борьба комитета с попытками отдельных заключенных склонить лагнаселение к антисоветским и другим незаконным действиям;

б) освобождение комитетом самовольно арестованных Воробьевым заключенных Умарова, Катаева и др.;

в) запрещение комитетом выбрасывания листовок в места содержания заключенных; прекращение выбрасывания их вообще в конце июля, о чем следствию было известно;

г) недостойные действия лагадминистрации и конвойных войск, усугублявших положение;

д) в обвинительном заключении ни слова не сказано о том порядке, который поддерживался в лагере после избрания комитета;

е) там же совершенно ложно освещены и причины самовольного ареста Воробьевым Борисенко. В обвинительном заключении говорится, что он был арестован будто за то, что выступал «против действий комитета». На самом же деле, как показал на суде сам Борисенко, он выступал только против действий Воробьева и его сторонников, но не членов комитета, за что и был подвергнут аресту.

В свете перечисленных фактов нарушения органами следствия Красноярского УКГБ норм УПК становится вполне логичным и естественным и тот факт, что майор Ушацкий лишил меня возможности сделать выписки из материалов дела; обвиняемый Николайчук сделал выписки, но у него их отобрала администрация внутренней тюрьмы и не возвратила. Само собой разумеется, что, лишённые необходимых нам выписок из материалов дела, мы во многом были ограничены при защите наших интересов в суде.

После всего, что сказано о предварительном следствии по делу вообще и в частности о качестве обвинительного заключения, думается, что имеющиеся в нем многочисленные ссылки на листы дела не могут приниматься всерьёз. Это — не что иное, как простая канцелярская уловка и маскировка отсутствия какой-

либо мотивировки обвинения, а зачастую — прямо сфабрикованные показания, и только невнимательностью (только ли?) суда можно объяснить, что это не вскрылось в ходе судебного разбирательства.

Несмотря на неоднократные требования всех обвиняемых, в том числе и мои, о передаче дела на рассмотрение в Верховный суд СССР, следственные органы и прокуратура Красноярского края передали его не только в Норильский, но даже в Норильский лагерный суд. Он с самого начала показал, в каком разрезе был намерен «рассмотреть» наше дело: лагсуд добавил в обвинение ст. 58-10, которой не было у всех, кроме Воробьева, и все дело возвратил на дознание. После упразднения лагсудов дело передали в Красноярский краевой суд, который, как Вы увидите, и учинил над нами расправу — иначе это назвать нельзя.

В связи с добавлением нам ст. 58-10 все мы потребовали передать дело, хотя бы для предварительного просмотра, в Верховный суд СССР. Но и в этом нам отказали.

V. Суд

Дезориентированный материалами предварительного «следствия», где все факты поставлены с ног на голову, и не имея особого желания (а может быть, и права?) самому разобраться в деле, придя в судебное заседание, суд видел в подсудимых, тем более ранее осужденных за политические преступления, каких-то матерых врагов Советской власти. Это понятно и логично: в бериевско-абакумовском антисоветском арсенале имелась не только фабрикация фиктивных обвинений. Этот арсенал располагал еще и другим средством множить врагов Советской власти. Загнав в лагеря миллионы граждан — виновных и невиновных, — их там окружали такой атмосферой произвола и уничтожения человеческого достоинства, что неизбежно большинство из заключенных

возненавидело своих мучителей — органы МВД того страшного времени. Видя, каким огромным почетом и исключительными привилегиями в государстве пользовались эти органы, лишь немногие, очень дальновидные заключенные были в состоянии понять, что Советское государство не есть бериевско-абакумовская вотчина.

Но не только истязуемые заключенные впадали в это заблуждение. Нередко встречались и столь дальновидные судьи, которые считали, что заключенные, ненавидящие Берию, этим самым суть враги Советской власти.

При таких обстоятельствах суд, перед которым мы предстали, не мог допустить мысли, что в нашем протесте мы руководствовались действительно законными и справедливыми стремлениями. В этом несомненно сказались дефективность и устарелость методов работы суда, непонимание им своего значения.

В данном случае, как Вы увидите, суд оказался далеко не на должной высоте и скатился к унижительной роли технического оформителя «законности» грубой фальшивки, сфабрикованной Ушацким и К°.

Отнесясь к разбору дела сугубо формально и руководствуясь только материалами предварительного «следствия», суд не только не попытался установить истину и таким образом опровергнуть их, а, напротив, подтвердил их, вынеся несправедливый приговор. Из показаний же допрошенных в судебном заседании свидетелей Головки, Табатадзе, Шевцова и Рудика, прямо указавших суду на то, что «следователь писал все, что ему хотелось» и т.п., ему, казалось бы, должна быть вполне очевидной недоброкачественность материалов предварительного следствия. Тем не менее суд почему-то счел себя обязанным во что бы то ни стало «доказать» обратное. Это нашло свое логическое подтверждение в следующих фактах:

1. Секретарь суда Крылосова, желая занести в протокол судебного заседания показания свидетеля Шевцова, озадачившего ее тем, что, полностью отка-

завшись от своих показаний в редакции следователя в протоколах допроса, показал почти совершенно обратное, благодаря чему становилось очевидным истинное положение вещей, обратилась к председательствующему:

— Ну, как же мне записать это?

— А пишите пока так, а потом мы... — ответил Кокшаров, но, спохватившись, что проболтался, он оборвал на половине фразу*.

Вот как председатель судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда Кокшаров выполнил указания на этот счет, имеющиеся в УПК, где сказано:

«4. Показания... свидетелей... необходимо излагать самым подробным образом, дабы записи в протоколе действительно отражали показания их на судебном заседании» (материалы к ст. 80 УПК РСФСР. Из циркуляра НКЮ 1926 г. № 136).

«Председательствующий обязан... следить во время хода самого процесса за полнотой и точностью записей в протоколе всех объяснений и показаний допрашиваемых лиц» (из постановления 47-го пленума Верховного суда СССР, 1934 г.).

А Кокшаров поучает своего секретаря:

— А пишите пока так, а потом мы...

Вообще же секретарь суда Крылосова, «ведя» протокол, постоянно смотрела на председательствующего и писала в основном только тогда, когда начинал говорить Кокшаров.

Пример: Свидетель заключенный Бархатов рассказывает подробно все, что ему известно, как очевидцу, о начале протеста. В это время Крылосова ничего не пишет, а только смотрит на председателя

* Настоящим я ходатайствую перед Вами потребовать проверки приведенного здесь факта и допросить всех присутствовавших при данном случае ничем не прикрытой дискредитации советского правосудия. После этого случая обвиняемый Игнатьев отказался присутствовать в дальнейшем на судебных заседаниях и явился в суд лишь в день оглашения приговора.

суда. Наконец Бархатов окончил свои показания, из которых секретарь не записала пока ни слова. Но вот заговорил Кокшаров:

— Значит, вывесили черные флаги, начали митинговать...

И Крылосова спешит записать то, что сказал председательствующий*.

Нетрудно догадаться, как выглядят «показания Бархатова» в протоколе судебного заседания. Впрочем, не только его. Нет никакого сомнения, что в этом протоколе конечно же совершенно не отражено и то, как обвиняемый Николайчук зачитывал каждому свидетелю из обвинительного заключения тот пункт обвинения (между прочим, самый главный), где говорится, что «4 августа 1953 года при вводе в жилую зону войск з/к с криками «Ура!» оказали солдатам вооруженное сопротивление, которое продолжалось около двух часов», и спрашивал, так ли это было. Не записаны в протокол также и неизменно отрицательные ответы на этот вопрос всех свидетелей — очевидцев так называемой ликвидации нашего протеста.

Не случайно поэтому и то, что подсудимых так и не ознакомили с этим протоколом, на который они «могут подать свои замечания с указанием на его неправомерность и неполноту» (ст. 81 УПК РСФСР).

2. Еще за месяц до начала судебного процесса лично я и другие обвиняемые обратились в краевой суд с письменной просьбой о вызове в судебное заседание дополнительных свидетелей (кроме указанных в обвинительном заключении). Ответ на наши просьбы мы получили лишь в первый день суда, и ответ был отрицательный. Нам предложили указать — только теперь! — где находятся люди, о вызове которых мы просили. Откуда мы могли знать, куда увезли их из 3-го лаготделения после подавления протеста, тем более что с тех пор прошло 11 месяцев! Некоторое затруднение представляло также выполнение требования об указании имен и отчеств свидетелей. Я от-

* Прошу Вас приказать проверить и этот факт.

казался от почти половины свидетелей, остальных же просил в заявлении, переданном председательствующему, вызвать в суд. В своем заявлении я указал, в каждом отдельном случае, для подтверждения какого положения моей защиты мне необходимы показания данного свидетеля, где он находился до моего ареста. Аналогичные заявления подали другие подсудимые. Но и в этих, вторичных, просьбах суд отказал нам*.

Больше того, из 35 свидетелей, указанных в обвинительном заключении, в судебное заседание были вызваны лишь 15 человек! Не были вызваны даже столь существенно важные свидетели, как члены комитета (№ 27–32 по списку обвинительного заключения), хотя после отказа нам в вызове дополнительных свидетелей мы потребовали, чтобы в суд были вызваны все свидетели, выставленные следствием против нас. Этим суд ярко показал, что, разбирая наше дело, он наперед отказывался проверить правильность предъявленного нам обвинения.

Вот что сказано по этому поводу в постановлении 47-го пленума Верховного суда СССР, 1934 г.:

«Вызов и допрос в суде свидетелей является одним из основных способов наиболее полной, объективной и гарантирующей правильность судебного приговора проверки доказательств обвинения.

Поэтому суды не вправе отказать в вызове в судебное заседание свидетелей, указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению...»

В предъявленном нам обвинении никто из нас, подсудимых, виновным себя не признал, и все мы настоятельно потребовали вызова в суд выставленных следствием свидетелей. Мы были уверены, что эти люди год спустя после пережитого ими ужаса во

* А вот что сказано на этот счет в постановлении 47-го пленума Верховного суда, 1934 г.: «...суды не вправе отказать в вызове в судебное заседание свидетелей... по дополнительным ходатайствам сторон, если последние указывают конкретные факты и данные, выясняющие дело и могущие быть удостоверенными свидетелями, о вызове которых они просят».

время жесткого подавления дадут правдивые показания. Понял это, видимо, и суд, отказавший нам в этой законной просьбе. Ни суд, ни мы не ошиблись. Даже те немногие свидетели, которые были вызваны в судебное заседание, своими показаниями наголову опровергли сфабрикованную Ушацким фальшивку (см., например, показания Шевцова, Головки, Рудика и др.). И хотя «недопрос свидетелей может иметь место лишь в том случае, если подсудимый полностью сознался»*, чего, как видно из самого приговора, в нашем случае не было, суд почему-то посчитал себя вправе отказать нам в вызове свидетелей, указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению.

3. Давая показания о действиях лагадминистрации, командования охраны и комиссии бывшего начальника Тюремного Управления МВД СССР полковника Кузнецова, я попросил председательствующего огласить мое письмо от 10.07.1953 года полковнику Кузнецову и генералам Семенову и Цареву, в котором подробно освещен этот вопрос. Оно было приобщено к материалам дела. Кокшаров не огласил этого письма, нарушив ст. 299 УПК РСФСР.

4. Обвиняемый Николайчук попросил председательствующего указать хотя бы на одну листовку из тех, которые следствием названы клеветническими. Внимательно просмотрев образцы всех изготовленных нами листовок, Кокшаров поднялся и авторитетно заявил:

— Таких листовок нет.

А в приговоре, подписанном тем же Кокшаровым, листовки снова названы клеветническими.

5. Следующее значительное нарушение процедуры судебного следствия состоит в том, что нас под всяким предлогом и без одного лишали предоставленного подсудимым ст. 277 УПК права «давать разъ-

* См. постановление 47-го пленума Верховного суда СССР, 1934 г.

яснения... по поводу отдельных обстоятельств дела в любой момент судебного заседания», а также права «задавать вопросы свидетелям» по ходу заседания, когда, на наш взгляд, это было наиболее важным и своевременным. Права давать объяснения мы были лишены совсем (исключая случаи, когда это требовал кто-либо из состава суда), а вопросы нам разрешали задавать в самую последнюю очередь и опять-таки далеко не все, прерывая нас замечанием: «Этот вопрос суду ясен».

Итак, суд отказал нам в вызове и допросе свидетелей не только по нашим ходатайствам, но и в большей части из указанных в обвинительном заключении (20 из 35), лишил права давать объяснения и задавать вопросы, когда мы находили это своевременным, а также отказался огласить документы по нашему ходатайству, то есть лишил нас предоставленных законом прав на защиту наших интересов. Это же согласно ст. 415 УПК считается существенным нарушением форм судопроизводства.

Логическим результатом такого судебного разбирательства явился вынесенный судом приговор. В этом документе суд не смог привести ни одного конкретно названного по фамилии свидетеля, чьи показания на суде уличали бы меня в преступлениях, за которые меня осудили. Объясняется это тем простым обстоятельством, что большинство свидетелей, выставленных обвинением, давали на суде правдивые, а не вымышленные показания, то есть в мою пользу, ибо я не совершил преступлений, которые мне приписаны.

На судебном следствии, как и на предварительном, также остались нерасследованными целый ряд обстоятельств дела, выяснение которых неизбежно повлияло бы на приговор.

Таким образом, суммируя все сказанное выше о предварительном и судебном следствии по делу и принимая во внимание ст. 414 УПК, есть все основания

следствие по обжалуемому делу признать недостаточным и проведенным неправильно.

В заключение я приведу несколько, казалось бы, незначительных на первый взгляд фактов, но которые ярко характеризуют ту общую атмосферу враждебности и обмана, которой было окутано наше дело.

1. Узнав о том, что нам отказано в просьбе о направлении дела в Верховный суд СССР хотя бы для предварительного расследования и что оно передано в Красноярский краевой суд, мы обратились к его председателю с письменными заявлениями, в которых говорили, что если дело будет слушаться в Норильске, то мы отказываемся присутствовать на суде, обязавшись, однако, представить в суд не только наши показания, которые мы намерены были дать в ходе судебного разбирательства, но даже вопросы к свидетелям. Мы опасались ехать в Норильск после пережитого во время подавления в ночь на 4 августа. То же самое мы неоднократно заявляли и следственным органам, и представителю крайпрокуратуры Бочилло.

29 июня начальник внутренней тюрьмы УКГБ Красноярска майор Толстихин авторитетно заявил нам, что суд, как ему якобы сообщил председатель краевого суда, состоится в Красноярске и что теперь ожидают только прибытия из Норильска части свидетелей. (Большая часть свидетелей содержалась здесь же, в Красноярске, в тюрьме № 1, в том числе и все члены комитета, которые также фигурировали в списке свидетелей, приложенном к обвинительному заключению.) А в ночь на 1 июля тот же майор Толстихин отправил нас в Норильск.

Нас обманули, хотя в этом, кажется, не было никакой необходимости, так как ст. 265 УПК ясно говорит, что «при прямо выраженном согласии подсудимого» его отсутствие на суде допускается.

2. В нарушение указаний УПК Красноярский краевой суд, за которым мы числились с 11.05.1954 г., этапировав нас в Норильск, на все 8 дней пути поместил

нас вместе, хотя до отправки из внутренней тюрьмы мы все время содержались порознь, также и тогда, когда следствие было окончено и мы числились за судом. Совершенно ясно, что такие действия крайсуда продиктованы исключительно желанием искусственно обеспечить себе право упрекнуть нас в предварительном сговоре (в части дачи суду показаний) и, таким образом, право не верить нашим показаниям.

3. После получения обвинительного заключения я письменно попросил председателя суда назначить мне защитника и предоставить право и возможность свидания с ним до начала судебного процесса. Я хотел объяснить своему защитнику существо дела, выработать с ним общую систему защиты, попросить его сделать необходимые выписки из материалов дела. Но суд ничего не ответил на мою просьбу и нарушил тем самым ст. 252 УПК.

4. Однако, как бы желая исправить это, когда мы находились уже в Норильске, обманным образом привезенные туда, дня за 2–3 до суда меня посетил представитель коллегии адвокатов Мартыненко и предложил свои услуги. Понимая, что за такое короткое время я не смогу обстоятельно обсудить с защитником многочисленные вопросы, а он просто физически не в состоянии не только внимательно, делая выписки, но даже бегло прочесть 13 томов дела, я от услуг Мартыненко отказался и написал по его просьбе заявление об этом на имя председателя суда, которое Мартыненко взял с собою, чтобы передать по назначению. Несмотря на это, 17 июля на первом же судебном заседании председательствующий заявил мне, что меня будет защищать адвокат Петров, которого я в первый раз видел, с которым не сказал еще ни слова. Как стало потом известно, Петров прибыл в Норильск из Дудинки только накануне, 16 июля, и поэтому он, конечно, даже и не видел материалов дела. Вполне понятно, что такой защитник, каким бы искусным юристом он ни был, помочь мне не может. Но, не зная еще в то время норм УПК в этой части

и видя, что на суде присутствует государственный обвинитель, что, как я думал тогда, обязывало суд предоставить мне и государственную защиту, несмотря на мой официальный отказ от нее за несколько дней до суда, я только чистосердечно поблагодарил председательствующего за оказанную услугу. Но услуга эта оказалась медвежьей: по приговору суда «за ведение дела в суде адвокатом Петровым» с меня приказано взыскать 2000 рублей (во исполнение этого решения у меня изъяли все имевшиеся у меня на лицевом счете деньги — 1019 руб. 54 коп., не оставив мне ни копейки даже на махорку!).

Таким образом, навязав мне обманным путем — ибо Кокшаров предусмотрительно не сказал мне, что я должен буду уплатить за это 2000 рублей, — защитника, от которого я в принципе отказался еще за 3 дня до суда, Кокшаров не только отобрал у меня заработанные в лагере деньги, но и нарушал ст. 55 УПК.

5. Давая суду показания по существу дела, обвиняемый Николайчук рассказал о безобразнейших фактах произвола в различных лагерях, в том числе и главным образом в норильских, которым он подвергался. В это время вдруг вскакивает с места его «защитник» Мартыненко и кричит, обращаясь к суду:

— Вот так они и сочиняют, товарищи судьи!

Прибавить к этому уже нечего...

Приговор, вынесенный судом, представляет из себя почти точную копию обвинительного заключения, в которой слова «контрреволюционный саботаж» заменены словами «массовый беспорядок» (ибо, как говорилось выше, обвинение в контрреволюционном саботаже было настолько абсурдным, что даже этот суд вынужден был отменить его).

Оправдав Воробьева, выступившего с антисоветской программой действий, и других обвиняемых в части преступлений, предусмотренных частью II ст. 58-10, в отношении меня, который выступил против этой программы, суд оставил, однако, это об-

винение в силе. Эту явную «ошибку» Красноярского крайсуда исправила судебная коллегия Верховного суда РСФСР.

«Защитавший» меня адвокат Петров, несмотря на мое требование, когда я уже знал, что должен буду уплатить за его услуги 2000 рублей, кассационной жалобы написать не захотел. Сам я также в кассационный период этого сделать не мог. Да и не только в кассационный период, а вообще не мог. Не зная еще в то время основных положений УК и УПК, я не был в состоянии сделать правильного разбора дела. И в свете всех вышеизложенных упущений и прямых нарушений судом норм судопроизводства становится совершенно очевидным, что когда позже Верховный суд РСФСР рассматривал дело в отношении меня (в ревизионном порядке), то как раз отсутствие моей кассационной жалобы и было причиной того, что он оставил в силе назначенное мне Красноярским судом наказание. Это вполне естественно, так как из «протокола» судебного заседания, в котором писали «...пока так, а потом мы...» или вообще не писали того, что показывали свидетели, вряд ли можно было не только видеть, но даже понять, что суд и предварительное следствие допустили все те нарушения, на которые я указал бы в кассационной жалобе.

Из изложенного о следствии и судебном разбирательстве по обжалуемому делу следует, что:

1. Следствие по делу является недостаточным и проведено неправильно.

2. Судом допущено существенное нарушение форм судопроизводства.

Наличие хотя бы одного из этих фактов, как сказано в ст. 413 УПК РСФСР, служит достаточным основанием к отмене приговора.

VI. Заключение

Творя беззакония и произвол, администрация лагеря не только совершала преступление по отношению к заключенным, но и не исполняла возложенных на нее государством функций.

Не вдумываясь в действия, совершенно не изучая морально-бытового состояния личного состава — заключенных, она постепенно сама теряла ориентировку и стала неспособной правильно оценивать те или иные происходящие в лагере явления, огульно приписывая всему отрицательный, аморальный, а подчас и прямо преступный характер.

Более того, не желая заниматься сложной, кропотливой работой — изучением причин, порождающих эти явления, она прибегала к грубому подавлению, которое само по себе уже диктовало создание соответствующей неприглядности или даже преступности этих явлений.

В результате сложился прочный несоветский метод повседневной автоматической лжи. Эта ложь, будучи соответственно оформлена на бумаге, преподносилась и в верховные инстанции. Фактически сложилось положение, когда лагерная администрация в лице верховных инстанций систематически обманывала само правительство.

Жалобы, отправляемые заключенными, сопровождалась клеветническими характеристиками, а попытка обжаловать действия администрации лагеря при таком сложном лабиринте лжи и потере понимания своей роли не могла иметь успеха, а жалобщику принесла бы только горе.

Вот в этом свете и следовало бы суду рассматривать наше дело. А получилось так: совершив отвратительное преступление в виде убийства неповинных людей (04.06.1953 г.), администрация Норильска решила и на этот раз избежать последствий испытанным методом, то есть отписаться обо всем происшедшем в клеветнической форме, обмануть, как обычно, пра-

вительство, скрыв от него письма заключенных, а на месте задавить все силой.

Вот почему заключенные, узнав на протяжении длительного времени бесполезность протестов в одиночку, потеряв терпение, которое, кстати сказать, в подобных случаях преступно, чувствуя свою моральную правоту, и обратились коллективно с призывом о помощи к правительству. Однако и на этот раз преступная администрация лагеря*, не остановившись перед кровопролитием, снова сумела оклеветать заключенных и умыть таким образом руки.

В этом свете и возмущает не столько бездушное, халатное, сколько трусливое поведение Красноярского краевого суда, разбиравшего наше дело. Казалось, что не интересы народа и государства отстаивал этот суд, а как будто бы задался единственной целью — помочь норильским лагерным работникам и не испортить с ними отношений.

VII. Прошу

1. Отменить приговор Красноярского краевого суда по данному делу.

2. Назначить повторное следствие и судебное разбирательство по делу, которые были бы проведены в соответствии с советским законом.

В просьбе прошу не отказать.

Заключенный Шамаев.

*Александровская тюрьма.
30 апреля 1955 года.*

* Верховные органы ГУЛАГа, МВД в том числе.

Степан Куцай. 1955 г.

Степан Куцай:

«Те, кто участвовали в похоронах, сообщили, что убитых было около 600 человек».

Степан Куцай и Григорий Зосяк. 1943 г.

За свои почти 5 лет пребывания в 3-м лаготделении Горлага я ни одного дня не был бригадиром и находился то в бригаде Калюжного, какого-то Анатолия на печи «Гофмана», то на цементном заводе в бригаде Доронина, то в бригаде Василия Хробака на спецстроительстве при коксохимическом заводе, то на сооружении насыпи в тундре под прокладку каких-то трубопроводов.

Однажды, после двух вызовов «кума» Воронцова, вечером нарядчик заявил мне, что завтра с утра я с бригадой Бутрия пойду в район горы Шмидта (место всех захоронений узников Норильска) копать ямы под захоронения. Утром я не пошел, и меня отвели в ШИЗО в бригаду так называемого БУРа (барак усиленного режима).

На вопрос начальника лагеря капитана Тархова: «Почему ты не вышел на работу с этой бригадой?» — я ответил: «Могу работать кем хотите, но ям для своих друзей не копал и копать не буду».

Шестьдесят дней я пробыл в БУРе и хорошо изучил каменную лагерную тюрьму — ШИЗО. В ней были два одинарных карцера (на счастье, ни в одном я не побывал) и четыре общие камеры. В каждой камере размером 5×3,5 м вдоль задней стены было двое нар. Толщина досок — 5 см. Они в трех местах были на всю ширину скованы металлическими скобами 60×5 мм и стянуты болтами с потайными головками. Гайка и контргайка закручивались до отказа, и сама

резьба была заклепана, чтобы уже никто не то что голыми руками, а даже и ключом их не открутил. Местом работы бригады БУРа был каменный карьер. Кто тогда работал бригадиром, трудно припомнить, так как бригадиры часто менялись. В ШИЗО почти все дни и ночи находился заключенный. Он имел «счастье» за год провести там более 260 дней, и большую часть из них с объявлением голодовки.

По законам лагеря начальник мог отправить в ШИЗО или БУР не больше чем на 60 дней. Если этого оказывалось мало, то узника на один-два дня отпускали из ШИЗО и по новой загоняли на 30, 40 или снова на 60 дней.

Что же было причиной такого частого пребывания Борщевского в ШИЗО? Борщевский с первых дней пребывания в лагере работал истопником в кухне-столовой. Место теплое, сухое, и баланду ешь хоть ведрами. На такую работу претендовали также доносчики «кума». «Кум» за их «труды» не только обещал, но и устраивал тех доносчиков на место Борщевского, которого за малейшую провинность отправляли в ШИЗО.

Большую часть своего времени в ШИЗО Борщевский проводил голодая. Неимоверно, но это правда. Борщевский, как стало известно позднее нам, узникам, имел свой секрет. Он состоял вот в чем. Когда Борщевского на один-два дня отпускали из ШИЗО в зону, он обязательно в первую очередь шел в баню, где выдавали если не новую, то еще хорошую, выстиранную нижнюю сорочку или штаны. Придя в барак, он забегал на кухню или в хлеборезку, где должен был быть кто-нибудь из старых знакомых, у которых он выпрашивал за вечер 200–300 граммов сахара. Этот сахар Борщевский бросал в какой-нибудь котелок, заливал водой и в растворе замачивал полы сорочки или штанины брюк, подсушивал за ночь, и если утром его снова забирали в ШИЗО за невыход на работу, то объявлял голодовку и временами, как медведь в бер-

логе сосет свою лапу, так и он незаметно сосал свое бельё.

Как все-таки мы существовали в Горлаге? Правду сказать, хотя тут и была суровая дисциплина, зато было больше калорийной еды. А за счет чего?

Если в ИТЛ все охранники были вольнонаемными, знали друг друга, были родичами или кумовьями, то в Горлаге рабочую и лагерную зоны охраняли солдаты строевой службы бериевских войск. Их кормили и одевали так, как никого в армии, и им не надо было тянуть от нас хлеб, крупу, сахар, рыбу или масло. Во-вторых, они впускали и выпускали через КП лагерных охранников, а те боялись попасться с чем-нибудь под полой, так как это пахло тюрьмой.

Беда состояла в том, что когда лагерники шли на работу или возвращались без конвоя (зоны были рядом, и мы проходили лишь одни ворота), то тут, в 3-м лаготделении, нас мучило конвоирование на протяжении 500–600 метров до ворот подразделений теми же бериевцами. Конвоирование проходило четко по инструкции.

При выходе из ворот жилой зоны каждую сотню узников брало под конвой отделение бериевцев. Трое из них с автоматами или десятирядными карабинами шли впереди нашей сотни, на расстоянии 12–15 метров по двое с боков, а позади шел пулеметчик, неся наготове с расставленными ножками ручной пулемет Дегтярева. Двое автоматчиков несли по две упаковки патронов для «Дегтярева». Слева и справа — по одной овчарке, которые рвались, чтобы вцепиться своими клыками в лохмотья или шкуру узника. Начальник конвоя этого отделения, сержант или старший сержант, бегал по обеим сторонам или шел сзади и бдительно следил, чтобы, часом, каторжник не поскользнулся и не упал на полметра сбоку от колонны. Тогда уже конвоир имел право стрелять, как за попытку к бегству.

Перед выходом с КП начальник конвоя всегда по инструкции «пел» одну и ту же песню:

— Внимание! Шаг влево — провокация, шаг вправо — агитация, прыжок вверх — считаю побег, конвой применяет огонь без предупреждения! Колонна, вперед шагом — марш, в строю не разговаривать!

А были среди конвоиров и иные чудачки, которые еще добавляли:

— В побег пойдешь — собаку спускаю, собака не догонит — сам сапоги снимаю. Вологодский конвой не шутит.

Пройдя дальше между двух КП в этом конвойном окружении солнечным днем летом или полярной ночью зимой, узники подлежали новой проверке. Не подумайте, что дежурные на КП (хотя все они из одного дивизиона) пропустят кого-нибудь без нового пересчитывания и без записи на деревянной дощечке-скрижали. При хорошей погоде те 500–600 метров мы проходили за 8–10 минут, но когда на дороге после дождя были лужи, начальник конвоя прислушивался к малейшему звуку в колонне и командовал:

— Колонна, ложись!

Это «Ложись!» звучало как раз посреди грязи. Мы, как перепуганные овцы, лежали, держа едва поднятую над грязью голову. Начальник конвоя приближался на два-три метра к колонне, ища виноватого, и кричал:

— Номер такой-то, поднимись и выйди на два метра из строя!

Услышав такую команду, мы еще теснее прижимались пятерками один к другому и еще крепче держали друг друга под руки лежа, чтобы эти бестии не вырвали кого-нибудь из шеренги и тут же не расстреляли, как намеревающегося бежать. Это же самое творилось и зимой, особенно во время страшной и проклятой всеми заполярной метели. Вот так полежим мы 5–6 минут в болоте или на ветру и под команду «Поднимайсь! Вперед, шагом — марш!» идем.

Помню, как однажды утром (а накануне после просмотра какой-то кинокартины долго дискутировали и не выспались) начальник конвоя захотел показать свою силу и скомандовал:

— Ложись!

Мы не просто легли, а почти упали. Никто из нас не проронил ни слова, но какая-то интуиция подсказала каждому: ложись и лежи под свист метели, а расхристанные по грудь бериевцы пускай померзнут. После разного рода ругани за незаслуженную нами провинность прозвучала команда:

— Поднимайсь!

И хоть бы один из сотни поднялся, а кое-кто даже чудненько храпел. Трижды, а может, и пять раз звучала команда подняться, а мы лежали. Начальник конвоя приказал пулеметчику припугнуть нас пулеметной очередью вдоль сотни. Впервые над своей головой услышал свист пуль и стук пулемета. Умея говорить голосом Левитана, по просьбе кого-то из лежащих я сказал:

— Ты, дурак, напрасно думаешь, что мы встанем. Мы встанем только тогда, когда здесь появится наш начальник.

На выстрелы пулемета через секунду был поднят весь дивизион, а в нем было не меньше 300 солдат. Все они под командованием своего начальника с оружием в руках прибежали на место события. Из лагеря прибежал дежурный — старший лейтенант. Он приказал подняться всем бригадирам (а их было, наверное, человек пять) и попросил рассказать, в чем дело.

Леня Концевич и Леня Доронин в один голос сказали:

— Да сколько времени эти молокососы будут над нами издеваться? Если их закон разрешает им убивать нас, то пусть убивают нас лежащими. Мы не поднимемся до тех пор, пока сюда не явится начальник лагеря капитан Тархов.

Начальник дивизиона на наших глазах забрал автомат и ремень у сержанта, которого двое других повели как арестованного в дивизион. Лишь через полтора часа, как всегда, на лошади прибыл начальник, который жил в 6 километрах отсюда.

На полтора часа замерли все три завода, потому что как с КП заводской площади, так и из лагеря следили за происходящим. С того дня — а это происходило где-то в ноябре 1952 года — уже ни одно отделение конвоя не допускало подобного.

Заканчивался год, и ударили еще более страшные морозы. Снежные пурги намели за одну ночь вокруг вышек сугробы высотой до 6 метров. Наши конвоиры уже не могли выстоять на морозе и двух часов. Однажды даже произошел такой случай.

Среди полярной ночи, которая похожа на хмурый, облачный день, поднялась метель со скоростью ветра 35–40 метров в секунду, в результате чего произошло замыкание в южной части зоны кирпичного завода. КП вызвал с завода дежурного электрика, чтобы он в сопровождении конвоира наладил подачу электроэнергии и заменил электролампы между предварительной и огневой зонами.

На улице от «черной» пурги был крошечный ад — завывание ветра в колючей проволоке ограды, линиях электропередачи, сигнализации и гул столбов освещения заглушали все. Электрик-каторжник, минуя один столб, сказал, что полезет на следующий — в 25 метрах дальше. Конвоир остался у первого столба, опершись на него, чтобы ветер не свалил с ног.

Электрик залез на столб, связал какую-то перемычку — соединения, свет загорелся, потом он слез и стал звать конвоира, но тот не откликался. Электрик боялся сдвинуться с места, не слыша ответа. Он подумал, что конвоир заснул и спросонья может его застрелить. Шли минуты, и от страшного холода на-

чали коченеть руки электрика — так и недолго замерзнуть. Будь что будет — и электрик пошел к конвоиру. В нескольких шагах от себя в неярком свете со столба он увидел стоявшего конвоира. Электрик еще дважды окликнул его, но тот не отзывался. Подойдя к нему, толкнул в бок, и конвоир как подкошенный упал на снег. Электрик снял с него автомат, повесил себе на шею и, взвалив окоченелое тело на спину, как можно быстрее зашагал в сторону КП.

Можно представить, какие были глаза у «бодрствующих» бериевцев, увидевших такую картину. Конвоира едва выходили. После этого случая все только и говорили о том, как каторжник спас конвоира, и конвоиры стали с уважением относиться к каторжникам.

А вскоре произошло еще одно событие. У бригадира Гриши Пушилина было целое отделение конвоя. Гриша на фронте попал к немцам в плен, а домой пришло уведомление, что он пропал без вести. Гриша был у родителей единственным сыном, и родители по прошествии 5–6 лет взяли к себе на воспитание племянника.

Я дружил с Гришей. Всегда после работы мы вместе гуляли во дворе лагеря. Я слушал его рассказы про жизнь в Германии, а он — мои. И вот как-то вечером, прогуливаясь, со сторожевой вышки услышали голос солдата:

— Алло... Вы случайно не Пушинин?

— Да.

— Может, Гриша?

— Да, Гриша.

— А я ваш племянник.

Как жаль, что я забыл имя этого хлопца.

— Дядя Гриша!

И тут мы увидели, как у солдата покатались слезы.

— Дядя Гриша, старики получили известие, что вы пропали без вести, и со временем взяли меня к себе. Что я теперь напишу старикам?

— Ровно ничего...

С тех пор мы часто видели этого солдата в разные часы суток на разных вышках. Гриша кое-что рассказывал ему о себе, а больше расспрашивал о родителях. Племянник всегда кидал нам по пачке махорки, а то и по две, иногда пачку сигарет «Север».

В скором времени об этом узнало все отделение конвоя, в том числе и командир — старший сержант. Все с уважением и пониманием относились к дяде Грише, кроме последнего, который приходил на ближнюю к нам вышку и отчитывал:

— Эх ты, фашист и немецкий холуй! Ты позоришь нас, сибиряков! Почему не убил себя, а сдался в плен?

— Эх, соплячок ты, сержантик, не тебе судить обо мне. Попал бы на мое место, тогда посмотрели бы, что бы ты придумал.

Такие разговоры велись почти каждый день. Мы с Гришей принимали их без переживаний, а старший сержант с каждым днем злился все больше и в присутствии рядового-подчиненного старался как можно обиднее обозвать дядю Гришу, наверное, с целью показать, какой он верный комсомолец или, может, кандидат в партию.

Этот сержантик еще больше злился на меня, потому что я давал ему сдачи так, что временами он не находил слов для дальнейшего разговора.

Смерть тирана

Шел восьмой год моего невольничьего житья. 1953-й я встретил в бригаде Хробака на спецстроительстве. С нашей бригадой работала бригада Бутрия. На площадке производственной площадью до двух гектаров, отгороженной отдельной зоной, среди голых в этом месте тундры было лишь два здания площадью 4×3 м. В одном отдыхали и грелись запасные конвоиры, а в другом — по несколько минут мы.

На улице был не просто февраль, а февраль заполярный. Конвоиры, не в силах выстоять в добротных ватных штанах и овчинных полушубках свои 4 часа, менялись каждые 2 часа. К вышкам около стационарной жилзоны или заводской было подведено электричество, и грели электропечи. Тут же, в тундре, на переходной стройплощадке, электричества не было, и каждый раз с двух дежурных вышек, которые не просматривались с КП, конвоиры с карабином или автоматом оставляли пост и шли в наш балок, чтобы посушить онучи и погреться у буржуйки. Они ставили у стены свое оружие, доверяя каторжникам.

В такие минуты наши хлопцы втроем были во дворе и четко, через 100–150 метров один от другого, подавали знак, что с КП вышел начальник-сержант, и тогда дежурный, иногда даже с онучами под поллой кожуха, брал оружие и что есть силы бежал на свое дежурство. После проверки, если еще оставалось до замены около часа, этот вояка еще раз приходил греться.

Вспоминается еще одна печальная история. В бригаде Бутрия работал каторжник, который оказался отцом охранника — хлопца с Ровненщины. Нам было больно смотреть, как в течение дня они оба плакали и наконец договорились, что сын попросит начальство о переводе его в другую часть.

Наступил март 1953 года, и уже через несколько дней, кажется утром 7 марта, радио Москвы передало, что после тяжелой болезни скончался вождь мирового пролетариата, отец всех народов мира, генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин.

Заплакали большевицкие прихвостни, играла по радио жалобная музыка, а мы, каторжники, радовались, что наконец сдох «мудрый из мудрых, солнце из солнц, корифей наук» и старейший Люцифер.

Девятого марта 1953 года, примерно в 16 часов по красноярскому времени, конвой согнал нас в одну ко-

лонну и приказал снять шапки. Заревел гудок ТЭЦ, загудели паровозы. Бериевцы плакали, а потом начали стрелять. Этот салют длился два часа.

В эти минуты там, в Москве, выносили гроб с телом грузинского Иоськи, чтобы поставить рядом с первым Лейбою-Лениным. Эх, сколько надежд в те дни мы возлагали на нового генсека и просили Бога, чтобы не допустил на это место армянского (так у автора! — *Ред.*) Лазаря — Берию, хотя звали его Лаврентием.

Бог услышал молитвы миллионов и не допустил к власти самого страшного дьявола в образе человека. Стань генсеком Берия, весь мир увидел бы второго Нерона.

Генсеком стал Маленков, про которого ни один из нас в лагере почему-то не слышал ни слова. Маленков объявил амнистию, но, жаль, не нам, политическим, а так называемым бытовикам, или, как мы их называли, «лови-держи».

Про амнистированных, особенно про тех, кто был на Сахалине или за бухтой Находка, вольнонаемные рассказывали нам, что, может, из сотни тысяч десятков — не больше сотни — вольными добирались до родни. Один пароход с ними, на котором они затеяли драку-резню, а потом захотели, чтобы их везли до берегов Америки, затонул. Другие амнистированные, попав на Большую землю, с голоду либо по привычке украв чужое добро на первой железнодорожной станции, снова на 3–5 лет садились в свой «родной дом».

А нам, политическим, никакой скидки. Да и думать об этом было нечего, потому что идеология осталась та же самая и империи нужны были умелые руки и разум покорных политзаключенных. Лишь они способны были строить в Стране Советов заводы-гиганты, фабрики, туннели, железные дороги, каналы.

В Заполярье начался май. Каждый год 3-го числа, когда Польша празднует день своей первой демо-

кратической конституции, в Норильске тает снег, и так интенсивно, что за три дня он может исчезнуть. А еще я никогда не забуду, как в эти же дни в 4–5 сантиметрах от ледяного покрова, который тут, наверное, вечен, зацветают цветы. Пролески это или еще что, не мне судить, ибо жизнь сложилась так, что из десятков тысяч цветов, растений и трав я знаю не больше двух десятков. В тундре летом много трав, цветов, кустов, березок. Береза за все годы вырастает лишь карликовой, и, чтобы срубить такую, из которой можно сделать ручку для сельских вил или косы, нужно ходить целый день. Из животных мне лишь один раз зимой довелось увидеть самку песца, которая вместе со своими малышами — а их было около шести — в 300 метрах от нашего спецстроительства, как белочки в колесе, бегали по снегу. Характерно, что если ночью выпадал снег, то их невозможно было увидеть, так как они беленькие. На снегу, что пролежал два-три дня и покрылся угольной пылью, сажей от ТЭЦ и песком, зверей уже хорошо было видно. Из птиц дважды видел белых куропаток, летом — такую же, как на Украине, трясогузку.

Осенью 1947 года кто-то с Большой земли завез на Таймыр трех ворон. Пару дней они в ту страшную зиму пролетали над рудником открытых работ все три, потом — две, а еще позднее осталась лишь одна. Хорошо помню, как в погожий день, при 32-градусном морозе, в полной тишине вдруг послышалось громкое и жалобное «кар». И сразу вспоминалась Украина и тысячи ворон, но там они каркали без всякой печали...

А сколько раз думалось перед сном: «Боже великий, верни меня хоть еще на одну ночь на милую Украину, чтобы там хоть еще раз вволю послушаться чудной песни родной волынской природы...»

Бог хотя не сразу, но услышал мою мольбу и вернулся не на одну ночь, а слава Ему, уже на целых 37 лет.

Все это время я слушаю соловьев и жаб не только по нескольку часов на улице, но и через открытые окна на протяжении многих часов в хате, пока не засну. Как первые, так и вторые «певуны» живут среди верб и около пруда, что в 40 метрах от моей хаты.

Зато тундра богата летом комарами и мошкаррой. Страшны первые, а еще больше допекают вторые. От комаров мы защищались так называемым накомарником — сеткой наподобие тех, которые надевали на себя когда-то уродливые княгини. А вот от мошки спасения не было. Она пролезет куда хочешь: через сапоги и завязанные внизу штанины брюк до самого пояса. Единственное, что нас от нее спасало, — это надежда, что она, появившись в Заполярье 16 июня, через три недели, то есть в конце первой декады июля, пропадет.

А как проходили в Норильске весна, лето, осень? Весна и осень — совсем незаметно, потому что ватных штанов, телогреек или бушлатов никто никогда не снимал, а вот лето всегда проходило одинаково. Я хорошо помню, как одно лето было настолько теплым, что я и друзья снимали с себя не только бушлаты, но и телогрейки. Но стоило в 11 или 15 часов из сопок вырваться ветру, как мы одевались снова.

...Заканчивался май 1953 года, и зона продолжала жить своей монотонной жизнью, как вдруг сюда привели полтора десятка хлопцев, которых от КП до бани проводжали не один или два надзирателя, а целый десяток. На новоприбывших одежда была без номеров, и каждому из нас, кто со стороны их видел, казалось, что эти хлопцы то ли какие-то возбужденные, то ли психически больные, потому что их походка и взгляды были какими-то беспокойными. Мыли их в бане тоже под присмотром и не ввели в нашу зону, а заперли в ШИЗО.

Зона наша встревожилась, думая, что сюда завезли так называемых «сук» — уголовников (воров), которые стали работать, надеясь, что со временем их

выпустят в зону и они смогут захватить «власть» в зоне или начать какую-нибудь резню.

Два дня попытки узнать, что это за хлопцы и почему их посадили в ШИЗО, были неудачны. Даже сам заведующий баней, у которого была фамилия Овсянников, а имя Алексей, не мог ничего сказать.

Настал вечер 1 июня 1953 года — один из двух дней месяца, когда в лагере демонстрировали кинофильмы. Другим днем было 15-е число. В этот памятный вечер, месяц и год шел фильм «Богдан Хмельницкий».

Много эпизодов помню и по сей день, как, например, принимали в казаки, как кошевой спрашивал дьякона:

— В Бога веруешь?

— Верую.

— Горилку пьешь?

— Да.

— Истинно христианская душа...

И тут же угощал его квартой горилки.

Помню кадры про казака Довбню, про этапирование полонянок, про их ярмарку, про приковывание пленных к лодкам-галерам, про жизнь гарема, как султан обещал украинской красавице свою верность, если она всем сердцем и душой отдастся ему...

Мне, 15 лет назад прочитавшему трилогию польского писателя, лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича, была хорошо известна жизнь казаков и турецкая неволя.

В переполненном лагерном клубе на 750 сидячих мест было нас, наверное, 1800. Все понимали, что в этой картине каждый может мысленно побывать в степях Украины, проплыть по Днепру, через его пороги, полететь к синему морю, хотя его почему-то называли Черным.

Погас в зале свет, искристый лучик из кинобудки пролегал над нашими головами и упал на большой белый экран на сцене, зашелестела киноплена

ка, и до ушей долетела маршевая песня «Засвистали казаченьки»... Казаки на гарцующих конях и поход...

Не стану пересказывать всю картину, а остановлюсь лишь на том, что взволновало остаток нашей невольничьей крови.

Хлопцы — бывшие казаки, что попали в плен, закованные в кандалы, брошенные в подземелье, подняли бунт. Они своими тяжелыми цепями бьют в тяжелые ворота, чтобы выломать их и выйти на волю. Им помогает песня:

Закувала та сива зозуля,
Рано вранці на зорі,
Заплакали хлопці — запорожці
В турецкій неволі — тюрмі...

Не нужно, читатель, быть поэтом или писателем, но я верю, что ты поймешь меня, именно это, безусловно, и случилось с каждым каторжанином. Сначала я почувствовал, как у меня вырастают крылья и я лечу с казаками, но потом понял, что и я такой же невольник, только не у турок, а в «советском раю». Слезы помимо воли заливали мое лицо... А когда в султанском дворе уже зазвенели казачьи сабли и ворота тюрьмы пали под натиском пленных, радость за их счастливое возвращение охватила меня, но ненадолго...

Выйдя из клуба, около часа все в этот вечер не заходили в бараки, до отбоя по два, по три, а то и маленькой группой дружно обсуждали содержание кинофильма. Все были одного мнения: пора и нам выразить протест или неповиновение, потому что дальше голодными и такими, что нас за людей не считают, существовать невозможно!

Утром 2 июня наша смена вышла на работу, а в лагерь пришла ночная. Ей тоже продемонстрировали этот кинофильм. Лагерь как-то замер...

3 июня после ужина мы поняли, что в ШИЗО воз-

никла какая-то буча. Оказалось, что новоприбывшие уже три или четыре дня подряд просили начальника лагеря капитана Тархова, чтобы к ним прибыл прокурор Норильска для выяснения, на каком основании их заперли в ШИЗО. Начальник лагеря, имея указания сверху, не мог к ним зайти сам, а прокурор и не собирался. Хлопцы из ШИЗО постановили, как те пленные казаки в турецкой тюрьме, что сами выйдут из ШИЗО и встретятся с прокурором. Те, что находились в смежных камерах, решили влезть на верхние нары и, став на одну доску, по команде подпрыгивать кверху и падать ногами на эту доску. После нескольких таких прыжков доска проломилась посередине, и тогда они вырвали эти половинки из металлических оков и ими же без больших усилий ломали следующие доски. Позднее разобрали кирпичи отопительной печи, вооружились ими и выломали двери.

Два охранника ШИЗО без конца по телефону докладывали начальнику лагеря и дежурному по лагерю о том, что делается. Начальство не спешило прийти сюда, и, когда одни двери с грохотом упали в коридор, охранники драпанули из ШИЗО, закрывая за собой по коридору все двери.

Хлопцы открыли еще две камеры, где были наши ребята в БУРе, и решили выбить входные запасные двери, что были напротив барака, в котором размещался лагерный больничный стационар.

Убегая, охранники сообщили обо всем дежурному сторожевой вышки — бериевцу, а вышка была в 15 метрах от ШИЗО. Когда хлопцы из ШИЗО встали на пороге выбитых дверей, дежурный с вышки предупредил, что, если кто-то захочет покинуть ШИЗО, он будет стрелять.

Хлопцы выслушали его, но решили выйти из ШИЗО. Стоило им сделать за порог два шага, как с вышки застрочил автомат. На выстрелы все, кто был на улице, побежали. В эту минуту я был около свое-

го барака, в 100 метрах от ШИЗО. Вместе с друзьями я побежал в направлении ШИЗО, а там увидел следующее.

Из охранного дивизиона, что был расположен в 75–100 метрах от ШИЗО, бежали с автоматами поразному одетые бойцы-бериевцы и даже без своих форменных головных уборов.

Хлопцы из ШИЗО, услышав выстрелы и свист пуль, вдоль кирпичной стены отступили и встали на пороге ШИЗО. Прошло несколько минут, и они снова решили выйти из ШИЗО, на этот раз уже навстречу каторжанам, которые окружили восточную часть ограждения ШИЗО.

Из дивизиона бежали все новые солдаты, одетые уже по форме, а некоторые несли с собой фуражки для тех, кто первыми по тревоге оставили гарнизон. С ними бежал их начальник майор Полостяной. Дежурные доложили майору ситуацию, а он из-за зоны скомандовал:

— Заключенные, зайдите в ШИЗО! При попытке выйти в зону будет применено оружие!

Хлопцы из ШИЗО, увидев поблизости уже около 600 каторжан, вопреки угрозе, взявшись за руки тройками, стали выходить из дверей коридора ШИЗО в нашу сторону. Между нами было расстояние 25–30 метров. Только две тройки вышли уже во двор ШИЗО, как майор Полостяной скомандовал:

— По фашистам — огонь!

Заговорили автоматы и карабины бериевцев, а их было тут около 70 человек. Они стояли вдоль северной ограды лагеря. Солдаты были в 15–20 метрах от ШИЗО. На землю около ШИЗО упали 4 человека. Были они убиты или ранены, я не могу сказать, но хорошо помню, что на пороге ШИЗО двое или трое узников стояли с перевязанными головами и руками, а через белую материю проступала кровь. Это были, наверное, те первые, выбившие двери, которые вышли во двор, и по ним стрелял дежурный.

Автоматные очереди длились не больше 20 секунд, но я хорошо понимал, что на этом все не закончится и польется снова каторжанская кровь. Хлопцы были уже озлоблены кровью и смертью друзей, а охранники старались показать, что они умеют стрелять, да еще и прицельно.

Я побежал в направлении штаба лагеря, здание которого было когда-то в жилзоне, а с возникновением Горлага его отгородили колючей проволокой. Здесь была дополнительно установлена сторожевая вышка, на которой круглосуточно стоял дежурный.

До штаба от ШИЗО было почти 300 метров. Я бежал туда, чтобы вызвать если не начальника лагеря, то дежурного офицера, чтобы он немедленно явился на место происшествия и не допустил пролития крови.

Пробежал я лишь 60–80 метров, обогнул барак, в котором был расположен стационар, и, на счастье, увидел, как навстречу мне шествует по зоне сам начальник — не нашего лагеря, а норильского Горлага генерал Семенов. Я только хотел заговорить с ним, как в этот миг за стационаром и ШИЗО застрочили автоматы. Генерал Семенов колодой упал на землю и, касаясь носом земли, руками старался насыпать перед головой защитный вал. Из этого ничего не выходило, потому что тут не земля или песок, а почти асфальт, шлак, утопанный миллионами невольничьих ног. Я стоял над генералом и смеялся, что он такой трус. <...>

<...> А пули свистели то над крышами, то рикошетом — между бараками. Сыпалось стекло окон стационара со стороны прежней ограды зоны и других барачков. Безостановочная стрельба длилась больше минуты, и генерал решил по-пластунски ползти до здания медсанчасти, которое тоже было из кирпича.

Вот и санчасть. На ее цементных ступеньках генерал поспешно поднялся на ноги, и мы заскочили в здание, а там — полно каторжан.

Перепуганный стрельбой и раздраженными узниками, генерал еще под звуки одиночных выстрелов прокричал:

— Братцы, что же это происходит?!

Я не успел и рта раскрыть, чтобы что-то сказать, как в медсанчасть двое незнакомых мне до этого хлопцев внесли залитого кровью друга, у которого еще светилась в глазах надежда. Увидев генерала, хлопцы сказали:

— А, генерал Семенов, и ты здесь?!

— Братцы, да что вы, я ничего не знаю!

— Бежим, генерал, туда, и прекрати произвол!

Раненого подхватили врачи и санитары, а эти два хлопца взяли под руки генерала и повели в сторону ШИЗО. К ним присоединились еще человек 25–30.

Миновав стационар, мы увидели вдоль ограждения «доблестных воинов непобедимой» и среди них не только их начальника майора Полостяного, но и начальника лагеря капитана Тархова, который сюда прибыл с другой стороны, так как проволока уже была прорезана и появилась возможность выйти из зоны. С расстояния 70 метров генерал увидел майора и во весь голос закричал:

— Полостяной, что ты, сукин сын, делаешь?! Прекрати разбой!

Хлопцы отпустили генерала, и он очутился за зоной с майором и капитаном. Перекинувшись с ними несколькими фразами и ощутив себя в безопасности среди своих, он обратился к нам:

— Заключенные 3-го лаготделения! Разойдитесь по баракам, а мы разберемся, в чем дело!

Несколько хлопцев еще стояли в дверях ШИЗО. Характерно, что никто из нас не промолвил ни слова. Каждый понял, как надо действовать. Никто и не думал идти в барак.

И вот энкавэдэшное начальство придумало: прорезать в нескольких местах проволочную ограду и

вести солдат в зону и ШИЗО, чтобы таким образом навести «надлежащий» порядок. С полдюжата вояк побежали в гарнизон и минуты через три вернулись с саперными ножницами. Еще пара минут — и ограда с зоны была снята.

Около двух десятков бериевских солдат, передав свои автоматы товарищам, по приказу ворвались в зону ШИЗО. Я находился в пяти метрах от восточной ограды ШИЗО. Рядом, только руку протяни, с нашей стороны было уложено штабелями около четырех тысяч красных кирпичей. Когда первые солдаты были уже в нескольких метрах от входных дверей ШИЗО, наши руки легли на кирпичи — и все они полетели через ограду в головы солдат. Все хлопцы из ШИЗО вышли во двор, видя солидарность старожил лагеря. Начальство, увидев такую консолидацию, не отважилось еще на одну попытку применить оружие и тут же своими силами начало вновь восстанавливать ограждение.

Кто ж были эти хлопцы, узники ШИЗО? 25 мая 1953 года на шахте «Зуб-гора» (я там не был и достоверно не знаю названия) они восстали против деспотов. Что там было, какие были жертвы — про это напишут политзаключенные из Литвы, а со временем напишет глава Волынской организации (Братства) пан Мелетий Семенюк. Начальство этого лагеря, отбрав полтора десятка руководителей сопротивления, отправило их в нашу зону, в ШИЗО. Там были: Мелетий Семенюк, Иван Москалев — бывший подполковник, москвич, Микола Сильченко с Полтавщины, Саша Лукьянцев со Смоленщины, Володя из города Красноярска (фамилию не помню). Чего же добились бериевцы этим первым нападением?

Уже шел 23-й час, а мы собрались в лагерном клубе. И не только те, кто работал в дневную смену, но и ночная смена трех заводов и бутового карьера. Они слышали стрельбу в лагере трижды и, забравшись

на крыши заводских цехов, как с вертолета, видели все события.

Кое-кто из врагов Украины или демократической сегодня России скажет: «А что они могли видеть с расстояния 500–800 метров?»

Отвечаю: всё видели и слышали голоса, слова, потому что в Норильске разреженный воздух, например, мои позывные на БОФе хлопцы свободно слышали на расстоянии 900 метров.

Зэки из ночной смены оставили работу на заводах и в карьере и попросили конвой отвести их в лагерь. Конвой и охранники, которые уже боялись быть в лагере, пошли к ночной смене и стали уговаривать хлопцев вернуться на рабочие места, так как ничего страшного не случилось.

Наши хлопцы сказали:

— Какая там работа, когда наших друзей-братьев убивают? Мы хотим вместе умереть. Ведите нас в лагерь.

Конвой, а на самом деле их командир Полостяной, услышав это, решил, что лучше охранять «фашистов» в одной зоне, чем в раздробленных трех, и дал приказ всех ввести в зону лагеря.

И вот в лагерном клубе собралось больше двух тысяч каторжан. Стояли между рядами, на подоконниках, во дворе, у открытых окон, лежали на сцене клуба, а за столом сидели несколько друзей в окружении раненых хлопцев из ШИЗО, большинство из которых были с забинтованными головами и руками. Тут объявили присутствующим, что убито 6, ранено 17, в том числе двое лежавших на лечении в стационаре, один из них — белорус, бригадир Иван Иванович Баранчик.

Единогласно постановили, что завтра, 4 июня, на работу никто не выйдет до приезда государственной комиссии, которая расследует все.

Собрание в клубе и выступления отдельных друзей продолжались до самого утра.

Восстание

На общих собраниях лагеря единогласно постановили:

1. Не выходить на места работы.
2. Выгнать из зоны всех охранников.
3. В зону позволить заходить лишь начальникам лагеря и медсанчасти.
4. Завтра с почестями захоронить убитых.
5. Поддерживать надлежащую дисциплину и культуру в лагере.
6. Обратиться с жалобой в высшие органы власти СССР.
7. Выбрать для руководства зоной комитет.

В комитет вошли 16 человек: главой комитета стал Борис Шамаев из Белоруссии (это ошибка: он родился в Казахстане, учился в Москве. — А.М.), заместителем — Иван Воробьев, подполковник из Москвы, Александр Иванович Гуль из Луцка, Борис Петрович Запаренко из Харькова, Роман Загоруйко со Львовщины, Иван Бухало с Ровненщины, Иван Кобза из Тернополя, Василь Хробак с Ивано-Франковщины, Константин Король из Черновцов, Микола Сильченко с Полтавщины, Саша Лукьянцев со Смоленщины, Витаутас Казлаускас из Литвы (это ошибка: его звали Иозас. — А.М.), Тавкарадзе — чеченец (ошибка: это Петр Тарковцаде, подданный Германии. — А.М.), Леонид Доронин из Москвы, Вождев — россиянин, Василий Цыганков — россиянин.

В помощь им избрали еще 40 человек — ответственных за блок питания, стройдвор, баню и т.д. 4 июня, около 18 часов, все, кто мог ходить, вышли из бараков, ОП и стационара, чтобы проводить убитых друзей в последний путь. Их положили в специально сделанные гробы и пронесли мимо всех бараков, по всем дорожкам и тропинкам лагеря. Все время пели похоронные псалмы, и наконец около библиотеки, что была при клубе и напротив штаба лагеря, священни-

ки Степанавичус из Литвы, другой из Львова отслужили панихиду.

Больше двух часов продолжался похоронный митинг, на котором выступило около трех десятков друзей. Они поклялись до последней капли крови продолжать начатое дело. Все происходило на глазах охранников, которые смотрели на это действие из-за зоны, с расстояния 35–40 метров.

Гробы опустили в выкопанную в вечной мерзлоте яму-ров и специальную над ней крышу прикрыли грубым шаром земли для того, чтобы погибшие сохранились там, как в холодильнике, для показа комиссии от государственных органов, когда она прибудет из Москвы. <...>

А как жила повстанческая зона? Постараюсь описать жизнь лагеря.

Из каждого барака через каждые три часа (а в бараке в среднем по 120 узников) старший барака по очереди намечал шесть человек, которые тройками ходили туда-сюда и вели наблюдение за порученным участком внешней ограды зоны или какой-нибудь территории лагеря. В лагере таких барачков был 21, они имели номера от 1 до 21. Барачок номер 22, в котором жил я, был двухэтажным, недавно построенным, имел не две секции, как обычно, а целых восемь. Таким образом, речь идет о 3100 заключенных, из которых круглосуточно дежурили 150, но и другие тоже не спали, ходили по зоне и готовы были встать на защиту зоны от неожиданного нападения охранников или помешать какому-нибудь доносчику бежать из зоны, чтобы рассказать о том, что происходит в лагере и о чем неизвестно начальству.

А рассказывать было о чем, так как каждый из членов комитета имел свое поле деятельности: один руководил охраной, другой — агитацией и т.д.

В течение часа с окон всех барачков мы сняли проклятые решетки и оторвали большие висячие замки и всякие приспособления, с помощью которых «тюрьма

народов — Россия и страна рабочих и крестьян СССР» держала вольнолюбивых борцов поработанных народов как бесплатных рабов. Замки в лагерной кузнице переплавили в груды железа, а из решеток начали ковать пики и что-то наподобие казацких сабель.

Тут же специалисты из найденного в зоне свинца начали отливать матрицы для массового печатания текстов, а также призывов к населению Норильска, чтобы оно, а затем и весь мир узнали, что творится в каторжанской зоне. Как и каким способом мы их распространяли — об этом речь пойдет впереди.

После двух дней неповиновения и невыхода на работу начальство лагеря срезало нам продовольственный паек: вместо положенных в Заполярье 900 граммов хлеба выдавали 400, баланду варили лишь один раз в сутки вместо трех.

От такого нововведения половина каторжников собралась в лагерьном клубе. Они начали советовать-ся, как быть. Некоторые предлагали совсем отказаться от штрафного пайка и заявить об обещанной голодовке, но более разумные сказали: «Голодовка, которая в большевистской системе всегда является незаметной, лишь обессилит нас, и тогда охранники возьмут нас голыми руками и кого захотят свяжут, как баранов».

Решили держаться на штрафном пайке, из которого еще какую-то часть выделять немощным, больным и инвалидам, а их в лагере было не меньше 200 человек.

На третий день неповиновения вдоль южной стороны зоны, в инвалидном бараке и лагерной столовой хлопцы вывесили длинный плакат, на котором в один ряд буквами высотой 80 сантиметров написали: «Граждане Норильска! За наш честный труд нас расстреливают и морят голодом. Просим сообщить Правительству СССР».

Впереди и позади плаката из красной материи вывесили два флага 1×2 м с наклоном до земли, пере-

вязанные черными лентами в знак того, что в лагере гуляет смерть.

В полутора десятках метров вдоль зоны проходила железная дорога, а в 300 метрах — шоссе, которые связывали Норильск с заводом № 25. Машинисты паровозов и работники завода, которые добирались до работы автомашинами, четко видели и читали эти плакаты.

Мой земляк из села Рогожаны Михайло Сузин, который умер в 1991 году в Рогожанах, был свидетелем трагических событий, потому что завод № 25 был от нашей зоны в 400 метрах.

Вот как заключенные обменивались информацией. Днем использовали зеркала и падающие на них блики солнца, при этом закрывали или открывали их в нужный миг рукой. Другие, стоя на улице в углу постройки, который не был виден с дежурных вышек, подавали сигналы по-морскому — руками.

Эти сигналы спустя несколько дней начали перехватывать хлопцы из другой зоны, а поскольку у них солнце было за плечами, они посылали ответ по-морскому или с помощью электролампы. Зона эта была на расстоянии одного километра от нашей. Номер или название зоны мне неизвестны, но это была большая зона, которая имела не меньше 80 барачков, а это значит, что там жили около 10 тысяч лагерников. Все они считались расконвоированными, хотя выходили куда-то на работы и возвращались бригадами. Их пересчитывали лишь на КП. Со временем начальство засекло связь с помощью электричества и прекратило подачу электроэнергии в нашу зону.

Другие изготовляли плакаты, на которых буквами больше наших проклятых номеров писали обращения к солдату-охраннику, что находился на вышке. Такой плакат устанавливали в 15 метрах от вышки, напротив нее. На плакате было написано: «Солдат! Помни, что среди нас нет ни фабрикантов, ни капиталистов! Здесь твои отцы и братья. Стреляя в нас, ты

наносишь черное пятно на свою душу». Эти слова в немалой степени влияли на психику охранников.

10 июня 1953 года. 10 часов. Радио Москвы по двум громкоговорителям в зоне и по репродукторам в каждой секции барачков уведомило: арестован враг народа и агент иностранной разведки Лаврентий Берия и будет предан суду! (Это ошибка: Берия был арестован 26 июня 1953 года, а объявили эту новость в газетах и по радио только 9 июля. — А.М.) Слышал это собственными ушами во дворе в присутствии бригадира Григория Пушилина из Минусинска. Можете представить, с какой радостью мы восприняли эту весть, ведь после Ленина, Дзержинского, Ягоды и Сталина сошел со сцены наипугливший супостат и враг народов.

О, сколько надежд родилось в нас: теперь из Москвы приедет полномочная комиссия, выслушает нас и покарает виновников расстрела заключенных.

Мы с Гришей и другие хлопцы, прогуливаясь поблизости от дежурных солдат у штаба лагеря, говорили: «Ну что, дорогой, вашего шефа арестовали, и скоро он забаламбается на виселице?»

<...>

Позже некоторые дежурные, рискуя всем, в нескольких словах говорили: «Хлопцы, держитесь, вас поддерживают другие зоны Норильска».

А было все так. Первыми восстали политические лагеря. <...> Это было 25 мая 1953 года, но там охранники легко взяли верх и вывезли активистов в ШИЗО нашей зоны. Этот день ежегодно все литовцы-норильчане отмечают съездом то в одном, то в другом городе Литвы, служат панихиду по погибшим в костеле-соборе, а позднее, собравшись в лучшем клубе города, в своих выступлениях и воспоминаниях клянутся никогда не забывать погибших героев и не допускать в будущем, чтобы эта «красная чума» властвовала на их землях. В 1991 году я побывал на таком съезде и был поражен их организованностью и патриотизмом. Из своей 3-й зоны я встретил еще 7 человек, живу-

щих здесь, а всех норильчан вместе с женами было около 400.

Другие зоны, как, например, 4-я и 6-й женский лагерь, поддерживали нас и восставали дважды, но силы были неравны, и они сдавались.

Мы каждый день с крыши своего двухэтажного барака № 22 отправляли не меньше полутора тысяч листовок, в которых ругали начальство, бериевцев и просили уведомить о наших бедах Москву. Мы запускали воздушного змея, к которому за один раз привязывали сотню листовок. Бумаги для них в захваченной нами почте и ниток для змеев в пошивочной оказалось много. Они поднимались вверх до 200 метров и улетали за зону на полкилометра. Пакет листовок перевязывался шелковой ниткой, один конец ее поджигали. Через 15–20 минут, когда змей находился на большой высоте, нитка догорала, и пакет рассыпался. Подхваченные ветром, листовки разлетались по тундре за гипсовым и цементным заводами, то есть на расстоянии 2 километров.

По приказу начальства лагерные мухобои, которые остались без заключенных, нехотя шли в тундру по направлению ветра, собирали листовки и отдавали начальству, чтобы не подобрала их и не прочли вольные норильчане.

Со временем за награду, обещанную начальством, лучшие стрелки из числа бериевского конвоя стреляли по шнурку и сбивали змея, но таких удач было мало. Тогда солдаты сами начали мастерить змеев и ими рядом с зоной перехватывать наших. Мы были вынуждены запускать змеев с тройной тягой, и тогда наши змеи поднимались почти вертикально, очень высоко, и наши листовки летели на расстояние 6 километров и падали в кварталах Норильска.

В период норильского восстания начальство комбината и спецслужб никому не давало отпуск на «материк». Все это делалось для того, чтобы на Большой земле не знали правды о восстании.

Эти листовки посылались на протяжении всего восстания, а однажды — это было в последнюю неделю июля — нами было выпущено 6000 листовок, и этот день мы про себя назвали «праздником авиации».

15 июня 1953 года, где-то около полудня, к воротам КП нашей зоны подъехал черный лимузин и из него вышел генерал в прокурорской форме.

Известие об этом молнией разлетелось по лагерю. Я в ту пору с двумя друзьями охранял территорию вблизи КП и столовой. Была в лагере договоренность, чтобы на случай появления государственной комиссии все узники, кроме тех, которые охраняли территорию, выстроились перед своими бараками, а старший барака докладывал комиссии так: «Барак номер такой-то в количестве стольких-то заключенных выстроен для принятия комиссии. Старший такой-то».

Указывалось также, чтобы никто не бегал за комиссией с одного места на другое, не задавал те же самые вопросы, а отвечал лишь тот, к кому обратится комиссия, чтобы она не сказала, что повсюду те же самые узники отвечают, подученные кем-то из комитетчиков.

Это выполняли все, кроме меня. Почему? Потому что еще с четвертого класса польской школы я вел дневник жизни и событий. Вел его в немецком лагере, начал вести и здесь с первого дня восстания. Я должен был как можно больше видеть и слышать, чтобы потом рассказать о восстании, если выживу.

Бог сохранил меня, хотя дневник остался в тайнике под постелью в бараке, о чем хорошо знали мои земляки — Леонид Шушковский из села Литовиж и Арсен Пасальский из села Шистив. О судьбе первого после восстания я не знаю, а второй, который работал сменным мастером на шахте, умер в Норильске уже вольным в 60-х годах. При ликвидации лагеря, должно быть, кто-то нашел дневник, но из-за отсутствия адреса мне его не выслал. Может, нашли чеки-

сты, но в нем не было ничего компрометирующего, лишь описывались общие события.

Генерал-прокурор в районе штаба лагеря встретился с начальником лагеря капитаном Тарховым, и в 10 метрах от меня они вдвоем вошли в нашу зону. Их встретил глава нашего комитета Борис Александрович Шамаев, рядом с ним были члены комитета Александр Анисимович Гуль из города Луцка и Борис Петрович Запаренко из Харькова.

При встрече капитан Тархов промолвил, показывая на Шамаева:

— Товарищ генеральный прокурор, вот этот человек управляет сейчас зоной.

— Да, дожился ты, что управляют без тебя, — сказал прокурор. Подавая руку Шамаеву, он отрекомендовался:

— Зам. Генерального прокурора СССР Вавилов.

— Ваше удостоверение, гражданин прокурор.

Генерал-лейтенант Вавилов вручил удостоверение Шамаеву, который, прочитав, передал его Гулю, а тот — Запаренко. Убедившись, что это не переодетый норильский пожарник, хлопцы вернули удостоверение личности и направились к выстроившимся перед баракom № 22.

Наш старший Василь Хробак с Ивано-Франковщины дополнил рассказанное мною раньше.

— Почему не выходите на работу? — спросил прокурор.

— Как выходить, если конвой расстреливает нас в жилой зоне?

— За что сидишь, старина? — спросил прокурор, остановив взгляд на каторжанине Волошине родом из Восточной Украины.

Волошин выпалил:

— За то, что на своих плечах принес вам Октябрьскую революцию.

Такой ответ не понравился прокурору.

Комитетчики повели прокурора в район ШИЗО и

лагерного медстационара, показали ему следы пуль. Многие пули были разрывными. Потом показали раненых в стационаре и убитых, сохраненных в недавней могиле близ клуба. Наконец прокурора привели к инвалидскому бараку поблизости от медсанчасти.

Стояла чудная погода. На вынесенных лежаках и матрацах сидели и лежали две сотни немощных слепых, дистрофиков, инвалидов без обоих верхних или нижних конечностей, которых специально здоровые хлопцы вынесли на дорогу, чтобы показать их генеральному прокурору самой большой в мире и «счастливейшей и самой демократичной» державы.

Все время я старался быть в стороне от прокурора, незаметным среди других, но не далее 15 метров от главных событий.

Борис Петрович Запаренко выступил:

— Гражданин Генеральный прокурор СССР! Взгляните на этих калек, слепых, глухих, без рук или ног, дистрофиков, похожих на скелеты, и скажите, чем они опасны сейчас для власти? Они уже мертвечы, но их и сейчас морят голодом бериевские изверги и пугают пулеметами. Помогите им вернуться к родным и там спокойно умереть.

Две слезинки заблестели на глазах прокурора, и одна покатилась по черной, как у индуса, родинке. То были слезы сочувствия калекам или артистическое притворство, мне трудно сказать...

В ответ зам. генпрокурора генерал-лейтенант Вавилов сказал:

— Дорогие мои! Я случайно попал в Норильск. Не имею полномочий изменить что-либо в вашей судьбе, но увезти инвалидов в другую зону, где их будут лучше кормить и лечить, если вы позволите, могу.

Комитетчики пригласили прокурора в клуб, где все собравшиеся дали согласие на отправку инвалидов, а глава комитета Шамаев вручил прокурору на имя руководящих органов страны коллективную жалобу, которую подписали 3900 человек.

Взяв в руки жалобу, прокурор сказал:

— Хорошо, я передам вашу жалобу властям страны, но приедет ли кто-то из Москвы в ближайшее время, не могу сказать, ибо происходит такое, что выедет человек из Москвы генералом, а уже на Урале станет рядовым. Мой последний вам совет — выходите на работу, а там во всем разберемся.

На другой день в зону въехало около 20 грузовых машин, на которые мы погрузили всех инвалидов. Нам сказали, что их вывезут в лагерь над речкой Норилкой, где-то поблизости от порта Валек. Номер лагеря, если не ошибаюсь, 9.

Про выход на работу никто и не думал. Все жили под лозунгом «Свобода или смерть!».

После отъезда прокурора нам отключили радиотрансляцию, чтобы мы не слушали, что делается в империи, но каждое утро мы имели возможность слушать новости по громкоговорителю из соседней зоны.

По приказу начальства через каждые 35 метров, то есть на каждом столбе электроосвещения, вокруг зоны повесили громкоговорители, по которым диктор во весь голос через каждые два часа призывал: «Заключенные 3-го лаготделения! Напротив таких-то барачков снято ограждение. Рвите с кучкой провокаторов! Выходите из зоны! Вы будете обеспечены работой, одеждой и ночлегом».

В первые дни на такие призывы хлопцы закладывали пальцы в рот и свистели, а потом просто не обращали на это внимания. Все эти радиоречи, психические атаки действовали на слабеньких, но большинство верили, что если не сегодня, то через неделю все-таки нашу жалобу прокурор вручит руководящим органам страны, и сюда приедет авторитетная комиссия. Верили, что она обязательно накажет виновников расстрела в жилой зоне, тогда можно будет запустить все три завода, так как остановка этих заводов наносила комбинату и стране около двух миллионов рублей убытка.

Как стало известно позднее, руководство комбината скрывало от Москвы остановку этих заводов и подавало сведения о перевыполнении производственных планов, а убытки покрывало из наработанного ранее.

Похоже, что и генпрокуратура не дала ходу нашей жалобе, а ломала голову над тем, как погасить огонь заполярного бунта, чтобы он не перекинулся на концлагеря в других регионах. Однако шила в мешке не утаишь: весть про восстание рабов долетела до шахт Воркуты и Казахстана.

<...>

Ровно 60 дней мы дружно держались. Даже тем, кто работал на опера и чьи доносы были выявлены в его кабинете, не высказали ни слова обиды, только за ними внимательно следили в местах, где снималась ограда зоны, чтобы лишить их возможности ее покинуть.

Каждый день продукты нам подвозили из-за зоны. Хлопцы из столовой все привезенное заносили в кухню или в хлеборезку. Однажды выгрузили целую бочку с сельдью. Но когда ее открыли, то в ней оказалось 160 килограммов не то воловьих, не то конских глаз. Странный случай... Эту бочку мы вернули на КП и заменили ее бочкой с килькой.

Штурм

Пишу эти строчки 3 августа 1993 года. Сегодня исполняется 40 лет с тех пор, как страшное событие в ГУЛАГе всколыхнуло не только все республико-колонии советской «империи», но, наверное, и большинство народов Европы и Азии.

Хорошо не просто помню, но четко вижу, как около 15 часов по красноярскому времени с северной стороны нашей зоны по тундре двинулась черная туча людей. Когда до нее осталось около 300 метров, мы увидели до зубов вооруженные ряды гуманной и миролюбивой Советской Армии. «Что это значит? —

спрашивали мы сами себя. — Неужели вместо государственной комиссии дело будет решать карательный полк?»

И вдруг эта лавина по команде залегла, а через 10 минут поднялась и бегом, как перед рейхстагом, двинулась к нашей зоне, чтобы окружить ее с трех сторон. Пробежав метров 70–80, она опять залегла и стала окапываться.

Зона встревожилась, как улей, в который бросили камень. Каждый из нас допускал, что, вероятно, будет штурм зоны, и, возможно, с оружием в руках. На всякий случай штаб нашей обороны распорядился вынести из бараков во двор куски кирпича, а спецгруппе в подозрительных местах дежурить с самодельными пиками. Солдаты приблизились к зоне на 50–60 метров, залегли и начали копать пулеметные гнезда. Они имели автоматы и больше двух десятков пулеметов, были одеты в темные гимнастерки, и поэтому мы их сразу окрестили чернорубашечниками.

У каждого пулеметного гнезда кроме пулеметчика залегли еще по два солдата с автоматами, а офицер, нервно покуривая папиросу за папиросой, их контролировал.

Старший барака Василь Хробак приказал мне и Пушилину залезть на крышу нашего барака и докладывать о том, что делается вокруг лагеря, через связных.

Мы с Гришей залегли на северной стороне крыши, вытянув головы на юг, и вели наблюдения в основном за отгороженным конторой лагеря КПП (контрольно-пропускной пункт) и дорогой, которая вела к заводу № 25.

Частенько мы оглядывались. Около КПП начало собираться множество важных «дядь» в штатской одежде и обязательно с капюшоном на голове. Тут были все наши охранники внутренней зоны, а еще вдруг прибыло несколько грузовиков с молодыми хлопцами.

На каждую дежурную вышку поднялись еще по три солдата-бериевца из нашего охранного дивизиона, а на вышку, что охраняла контору, залез старший сержант из Минусинска — земляк Гриши Пушилина.

23 часа 00 минут 3 августа 1953 года. В 300 метрах от нас из балочков поселка семей наших охранников начали выходить женщины, которые сопровождали детей. Малышей несли на руках. Кто-то гнал на веревке поросенка, а большинство тянуло мекающих коз. Должно быть, вольные думали, что в смертельном поединке голодные каторжники прорвутся через зону и съедят их кормилиц.

23 часа 50 минут. К воротам КПП подъезжают четыре грузовика, а на них — по 25 вояк-чернорубашечников. Мы хорошо видим, что кузов машины до колен солдат засыпан магазинами резервных патронов к автоматам. У каждого солдата в нагрудных карманах на солнце поблескивают две гранаты-лимонки. Машины останавливаются, и по громкоговорителю звучит: «Заклученные третьего лаготделения! Через 10 минут в зону будут введены войска. При малейшем сопротивлении будет применено оружие без предупреждения».

Не знаю, как кто, а я еще не верил, что это всерьез. Из толпы военных, которые стояли у КПП раньше, вышел офицер, двое дежурных с КПП открыли двое ворот, что вели в нашу зону. Офицер, как гитлеровский фельджандарм, поднял правую руку с круглым жезлом. Красный свет был для нас, а для машин и всего сборища бандитов, наверное, зеленый, дающий дорогу наступающим.

— Гриша, бежим! — крикнул я.

Только спрятали головы за верх крыши, как в воздухе засвистела сигнальная ракета — знак для наступления. С грузовых машин в направлении столовой было брошено около шести гранат. Загремела под нами крыша, заговорили пулеметы, автоматы. С дежурных вышек по зоне тоже вели прицельный огонь.

Мы не слезли, а упали на балкон, пробежали по коридору второго этажа, перескакивая через четыре ступеньки, и очутились в коридоре нижнего этажа, который был переполнен людьми. С дверей и окон секций от пуль посыпалось стекло. Мы все легли на пол. Из секций доносились стоны и крики раненых. Эта атака для нашего барака, который был самым близким к КПП, была действительно неожиданной, и все мы были в растерянности. Прошло не более пяти минут, как в коридор ворвался опер зоны лейтенант Калашников с пистолетом в сопровождении двух вооруженных солдат. Он громко скомандовал:

— Всем выходить через запасную дверь во двор и по-пластунски, носом по земле, не оглядываясь по сторонам, ползти на выход из зоны в район склада угля!

Сойдя со ступенек, я увидел на площади, как близко друг к другу ползли около трех сотен узников, а возле каждого шести-восьми человек шел каратель. Большинство из них были в штатском, у каждого в одной руке был пистолет, а в другой — нож или топорик. Справа, по главной улице лагеря, мимо здания хлебобрезки шагали десятки чернорубашечников. Они шли так плотно, как царские солдаты при взятии болгарской Шипки или воины Андерса при штурме Монте-Касино в Италии.

Я присоединился к ползущим, через пять-шесть метров я услышал позади голос Калашникова:

— Не оглядываться, а то пристрелю!

Это было адресовано кому-то из моих соседей. Немного погодя я услышал справа от себя жалобный стон и как можно тише спросил:

— Кто ты?

— Концевич, — еле слышно ответил он.

— Что с тобой?

— Не спрашивай...

Я поднял голову и посмотрел вправо. О господи, лучше было бы этого не видеть! Лучший бригадир це-

ментного завода 32-летний Леонид Концевич, красавец, родом из Киева, полз не так, как все. Боль исказила его лицо. Он полз, опираясь на правый локоть и отталкиваясь ногой, потому что в левой руке держал свои внутренности, которые вывалились из распоротого живота. А до внешней зоны было метров 50.

Сейчас, когда пишу эти строки, в Киеве 19 часов 40 минут, 3 августа 1993 года, а в Норильске — 23 часа 40 минут. Все произошло час в час ровно сорок лет назад. Уже 45 минут горит у меня настольная лампа, чтобы лучше было видно, а свечка — как память о той трагической ночи 1953 года. Пишу и думаю: то ли радоваться, что я за те 20 минут не видел ни одного убитого друга, то ли жалеть, что не могу назвать фамилий убитых, чтобы их родные услышали от очевидца, как погиб их сын, муж, брат, отец или дед.

Остаюсь с надеждой, что родные погибших, если даже и не получили ложного уведомления, то и так после полугодового молчания догадались, что большевистские жернова перетерли многие жизни.

Когда я вместе с другими дополз до запретной зоны, то прозвучала команда:

— Первые пять человек, встать и выходить за зону!

Следом прозвучал вопрос:

— Раненые есть?

— Вот этот, — ответил я, показывая на Леню.

Четыре санитарки с носилками тут же подбежали, а нас пятерых хорошо знакомый нам конвой из дивизиона присоединил к остальным, формируя сотню.

Пока формировалась сотня, я мог видеть, что на этом месте стояло больше трех десятков машин — «скорая помощь» и открытые грузовики для того, чтобы вывозить раненых. В большой фургон санитарки положили Концевича. Раненых сопровождал мужчина в белом халате. Как сказали мне уже в сотне хлопцы с Ровненщины, это был врач, их земляк

Омельчук. Он был осужден на 25 лет и тут, в Норильске, первым в стране провел операцию на сердце. За это ему дали очень хорошую характеристику и не боялись просить Москву о том, чтобы снять ему часть срока заключения. Было снято 15 лет. Пока Омельчук еще около 2,5 лет с так называемыми зачетами считался заключенным, его расконвоировали, и он стал работать в больнице Норильска хирургом, а после освобождения — главным врачом норильской центральной больницы.

В большом фургоне был полевой госпиталь, в нем — операционная. Я поражался тому, на что способны большевики: в 30–50 метрах разрываются гранаты, расстреливают людей, режут им животы, разрубают топорами головы, тут же зашивают. Вот где гуманность!

Отделение конвоя приказало нашей сотне двигаться вперед: сначала — налево, вдоль нашей зоны, а потом — направо, в тундру.

Не имею права не вспомнить: еще и сотня не набралась, как из зоны поднялся Николай Сильченко, член комитета и участник событий в ШИЗО. Увидев его, опер приказал конвоирам надеть Николаю наручники.

И пошло... Его сбили с ног прикладами карабинов и тут же начали бить ногами, пинать, как футбольный мяч, одновременно еще теснее вбивая в квелое тело наручники. Его так и подкидывали, уже потерявшего сознание, метров 120, до северо-восточного угла нашей зоны. Там, напротив барака № 4, стоял «черный ворон», в который наши мордovorоты кинули его, как старенький матрац.

Если уж я вспомнил про наручники, то надо сказать, что к началу этой операции чекисты доставили их аж 6 тысяч пар. Никелевое покрытие наручников блестело на солнце ярче серебра. Хлопцы, которые на себе испытали эти наручники, рассказывали, что они были изготовлены в США и подарены Союзу. О, знали б американцы, сколько тысяч проклятий по-

сылали хлопцы тем, кто изготовил и подарил те наручники.

Мы прошли более полкилометра по тундре. Конвой приказал нам сесть и не разговаривать. В это время никто, наверное, не думал о себе, а лишь о тех, кто еще оставался в зоне, где продолжалась настоящая война, потому что не смолкали автоматы и временами их трескотню заглушали взрывы гранат. Раза три-четыре из зоны доносилось гулкое «ура».

Примерно через час с начала штурма лагерники, увидев, на что способны убийцы, организовались группами. Верные своей клятве «Свобода или смерть!», крепко взявшись за руки, они окружили одного или двух комитетчиков, тем самым не давая возможности вырвать их из своих рядов.

Действительно, эти люди в зверином обличье, может быть, хотели бы убить всех, но много присутствовавших тут начальников подсказывали, по кому не стрелять, а брать живым. Здесь были почти все члены комитета и те, кто за 60 дней неповиновения своими действиями или словами через проволоку досаждали начальству.

Зачем оставляли в живых тех, кто был наиболее агрессивным в выступлениях против начальства? Для того, чтобы после разгрома восстания все списать на организаторов.

Мы просидели в тундре часа три, а штурм все продолжался. Затекли от сидения ноги, и стал докучать утренний холод, так как большинство из нас были одеты в летние спецовки, без головных уборов, а некоторые были лишь в нательных сорочках.

Выстрелы в зоне стали слышаться реже. Один из конвоиров кого-то спросил:

— Сколько времени?

— Ровно пять, — ответил другой.

Приблизительно минут через 20 вокруг установилась мертвая тишина. Не лаяли даже собаки возле нас, и каждый думал свою думу.

Было уже около полудня, когда к нашей сотне подошел лагерный надзиратель и сказал начальнику конвоя, чтобы вел сотню за ним.

Наши ноги настолько затекли, что мы еле встали. Нам было очень холодно, но, быстро двигаясь, мы сразу согрелись. Прошли где-то метров 400, миновали маленькую сопку и увидели на равнине около двух десятков столов.

За столами было много «дядь» в шляпах, среди них наш лагерный начальник УРЧ (уголовно-розыскная часть) и три опера, а вокруг столов на расстоянии 30 метров в окружении десятка конвоиров и овчарок в четырех местах пятерками сидели наши хлопцы. Было понятно, что идет перегруппировка.

На столах были разложены формуляры по алфавиту. Я подошел к столу с буквой «К», за которым стоял опер Калашников. Он взял формуляр в руки, почти ничего в нем не читая, положил в другую кучку и указал мне, в какой сотне находиться.

В сотне уже было собрано больше половины лагерников. Тут я увидел сидящего Гришу Пушилина, односельчанина Олексу Корнисюка и волынянина Олексу Олексюка (двое последних около 10 лет назад умерли в Нововолынске).

Когда сотня была уже сформирована полностью, конвой приказал нам встать. В это же время появился старший сержант из Минусинска — тот самый, что так меня не любил.

Стоило нам отойти от столов метров на 200, как старший сержант узнал меня и начал свое:

— Ну, четырехглазый (я носил тогда очки), твое и Пушилина счастье, что вы за какую-то долю секунды до открытия огня сумели скрыться. Я шесть раз целился, брал на мушку.

Я молчал. Но и молчание не помогло мне, так как старший сержант не успокоился, а продолжал:

— Интересно, почему это тебя приклеили к этой сотне, когда твое место в тюрьме?

Я продолжал молчать. Тогда он приказал мне выйти из середины пятерки и встать первым справа, то есть идти рядом с ним. Он вместо автомата имел пистолет.

— Мне и тут хорошо, — наконец ответил я.

Старший сержант не успокоился и дал приказ сотне остановиться:

— Будете стоять до тех пор, пока четырехглазый не станет крайним!

Мы постояли минуты 2–3, никто из сотни не промолвил ни слова, и я, понимая, что все уже сильно замерзло, проголодались и после пережитого хотят отдохнуть, сам поменял свое место. И вот тут-то началось. Старший сержант на ходу позвал двоих подчиненных с автоматами или карабинами (точно не припомню) и приказал дать мне пару ударов прикладами. Приказ был выполнен. Дважды я получил от одного по шее, от другого — по спине. Покачнувшись, я гадал, будет ли на этом конец, но старший сержант не утомился и по очереди менял по двое солдат, которые наносили удары. Я снова был вынужден поменять первое место на третье. Мы вышли из тундры и напротив ШИЗО пошли вдоль нашей зоны. Метрах в 150 уже были ворота в нашу зону, через них нас водили на работу. Хотелось попасть в проклятую зону, лишь бы избавиться от этого палача. В то время, когда мне наносили очередные удары, через КПП из зоны выходил самый старший по возрасту среди лагерных надзирателей, по фамилии Шевчук. Он хорошо знал меня и, увидев самосуд надо мной, как можно громче закричал:

— Что вы делаете?! Кто дал вам право издеваться?

— Почему его в зону направляют, а не в тюрьму?

— Не вашего ума это дело, начальство знает, что делает.

После этих слов один из конвоиров сказал:

— А ведь и правда, какая нам разница...

Побой закончились, ворота зоны уже закрылись

за нами. «Куда же нас ведут? Неужели, раздетых и голодных, гонят прямо на работу?» Ответить на эти вопросы никто не мог, и гадать было напрасно. Уже в конце зоны мы увидели барак № 4. За время нашего отсутствия его успели обнести густой «стеной» из колючей проволоки.

В бараке № 4 нас набралось две сотни. Через три недели меня и еще 16 человек вывели из барака, посадили в «черный ворон» и повезли. Куда везли — никто не знал, а мысли были все горше и горше. Каждый, наверное, как и я, в мыслях прощался с родными: ведь от этих людоедов можно было всего ожидать.

Когда «воронка» остановился, через открытые в нем задние дверцы мы увидели, как за нами закрыли ворота, и было тут больше полдесятка здоровенных мордоротов, а справа была каменная стена с решетками на окнах. Мы подумали, что это какое-то ШИЗО в другой зоне. Вывели нас из «воронка», старательно обыскали и расселили по разным камерам. Только тут мы узнали, что это норильская тюрьма, которую называли ямой. Здесь с 4 августа находилось 120 человек из нашей зоны, которых в ту страшную ночь сразу привезли сюда. Их так сильно избили около зоны и при приеме, что они лишь на третьи сутки начали приходить в сознание, а некоторые еще позднее. Совершенно обессилев, заключенные не могли не только встать, а даже не могли поднять голову или повернуться. Некоторые, открыв глаза и увидев сырые стены новой «квартиры», старались хоть что-то припомнить и не могли, а услышав рядом дыхание и стон соседа, тихо спрашивали: «Кто ты?»

Переночевали мы, новички, здесь лишь одну ночь, и на «воронках» нас повезли на железнодорожную станцию, погрузили в вагоны и отправили в порт Дудинка, а далее — в трюм парохода. Было понятно, что нас вывезут на Большую землю.

Вспомнилось выступление конференсье и анекдот на лагерной сцене, где вели такой лицемерный диалог:

— Какой у тебя самый любимый город?

— Норильск!

— А какая самая любимая песня?

— Прощай, любимый город!

137 человек разместили в трюме. С нами не было нескольких главных членов лагерного комитета, а в «яму» забрали из зоны более 120 человек. Остались они в тюрьме или попали куда-то в иное место, никто из нас не знал.

Из рассказов Михаила Сузина мне потом стало известно, что во время расстрела ночная смена вольных на заводе № 25, где изготовлялась порошковая продукция, оставив свои рабочие места, как с галерки театра, видела всю расправу.

Хотя наступающие звери наслаждались уже, может, не красной кровью, а голубой, однако они не имели права убить всех. Вероятнее всего, был приказ сберечь как можно больше бесплатных рабов, чтобы норильский гигант не простаивал, а давал побольше стройматериалов для новых цехов, а те — больше меди, никеля, платины, золота, урана.

Хлопцы, что отступали до последнего барака в зоне, и Сузин рассказали:

— Вот входят каратели в барак и советуют сдаваться, а те отступают до глухой тыльной стены и по команде «Раз-два, взяли!» выламывают стену и, пробежав десятка полтора метров по двору, входят в другой. Одного догоняла пуля и убивала, другого ранила.

Работники завода № 25, в большинстве своем бывшие зэки, имели «счастье» хорошо видеть, на что способны большевики и их карательные органы.

Нужно поведать миру, что этой операцией руководили три генерала — начальник норильского Горлага Семенов, начальник управления лагерей Красноярского края и руководивший спецполком чернорубашечников (фамилии двух последних мне неизвестны).

Какую-то часть узников вернули в зону, другую — в тюрьму и еще развезли в четыре зоны Норильска. В зоне, куда первыми вошли уже после 15 часов чекисты, осталось 152 или 156 убитых каторжников.

В 1991 году стало известно от литовских друзей, которые в Москве имели возможность читать ответ прокурора Норильска, что было убито 104 человека и более 200 ранено. В ответе написано, что оружие применено лишь потому, что узники нападали с пиками. Подумайте только, кто на кого нападал?

А теперь про свидетельство человека, которого я встретил в Нововолынске осенью 1992 года, когда Украина была уже свободна от власти большевиков. В 1953 году в тундре от холода он заболел воспалением легких, был возвращен в зону и долго лечился в стационаре. Этот человек — Иван Булава, он и поныне живет в Нововолынске.

— Повезли эти сатрапы убитых к общей яме, что под горой Шмидта, а там уже родилось «похоронное бюро». Решили не прятать голыми в братскую могилу, а смастерить для каждого гроб. И начали мастерить гробы, а врачи доставали из тел пули — следы варварства.

Более десяти дней шли работы по захоронению. Те, кто участвовали в похоронах, сообщили, что убитых было около 600 человек. Лагерная больница и еще два барака дополнительно были отданы под стационар и переполнены ранеными. Тяжелораненых вывезли в другой госпиталь. В тех стационарах находилось не менее 720 раненых.

Снова — дорога

Важно остановиться на факте, о котором я еще не рассказывал.

Среди немногочисленных каторжников-румын в нашей зоне был капитан румынской армии, по фамилии Попеску или Попадеску, 40 лет, среднего роста, симпатичной внешности. Я часто встречался с ним и

вел беседы. Он всегда носил свою военную пилотку, которую сберег каким-то чудом. Вот этот капитан в последние годы несколько раз говорил, что муж сестры его жены, то есть швагро, назначен начальником штаба румынской армии. Этот швагро обязательно вырвет его из ада, как только дома получит письмо от него. И вот где-то через месяц с того дня, как началось восстание, начальник лагеря капитан Тархов принес в зону документ из Москвы о том, что Попеску (или Попадеску) освобождается и с ним еще один — россиянин.

Лагерный комитет, не считаясь с разного рода тайнами, сразу дал согласие на выход за зону, хотя всем было хорошо известно, что за 9 лет каторги не было ни одного случая освобождения каторжанина. Капитан Попеску (или Попадеску) и россиянин ответили: «Спасибо, гражданин начальник, за такую дорогую весточку, но ждали мы ее 10 лет, подождем еще неделю-другую, но не бросим в неведении друзей, с которыми пережили и переживаем все поровну».

О, как хочется узнать, если не от него самого, то хотя бы от его детей или румынских военных, вернулись ли Попеску (или Попадеску) живым или скосила его пуля бериевских служаек в ту страшную ночь 4 августа 1953 года...

P.S. Неточности в датах, именах и фамилиях людей, упоминаемых Степаном Куцаем, исправлены в соответствии с официальными документами и многочисленными воспоминаниями узников Горлага, где нет разночтений в фактах и фамилиях участников норильского восстания. — Ред.

*«3688 діб в сталінсько-берієвських
концтаборах»,
Луцк: Надстир'я, 2001 год.*

Перевод с украинского языка А. Макаровой.

Киевский областной суд приговорил одного из старейших участников национально-освободительной борьбы украинского народа, члена УПА, ветерана ГУЛАГа Данилу ШУМУКА к 10 годам лишения свободы в лагере особого режима и 5 годам ссылки. Рукопись его воспоминаний о Второй мировой войне и пребывании в лагере, найденная при обыске у литературного критика Ивана Светличного, легла в основу обвинения. Суд признал его «особо опасным рецидивистом». Срок отбывал в Дубравлаге и пермских политических лагерях. Освобожден в январе 1987 года. Всего провел в ГУЛАГе около 40 лет.

Управление лагеря и комбината . 1940 г .

Данило Шумук:

*«Получился страшный шквал .
Одни падали, другие молили
о спасении, истекая кровью,
третьи бегали из угла в угол» .*

Украинская организация самопомощи была единой пружиной, которая задавала верное движение открытой деятельности забастовочного комитета и активно поддерживала этот курс благодаря общим собраниям политзаключенных-каторжан. Все было сделано так, что комитет в силу обстоятельств вынужден был выполнять волю невидимой и неизвестной ему украинской организации самопомощи. Не выполнять воли этой невидимой и неизвестной для комитета организации забастовочный комитет не мог, так как украинская организация самопомощи диктовала забастовочному комитету свою волю посредством общих собраний, а собрания политзаключенных были наивысшим институтом власти, против которого забастовочный комитет ничего не мог поделать. Он обязан был выполнять решения общих собраний.

Украинская организация самопомощи политзаключенных во время забастовки охватывала приблизительно 180 политзаключенных, а каждый из этих 180 человек путем товарищеских взаимоотношений имел непосредственное влияние еще на двух-трех узников. Так что в общем мы опирались на 750 активнейших политзаключенных.

А наш клуб как раз и вмещал 750 человек. Так что, если нам требовалось заставить комитет выполнять нашу волю, тогда все места на общем собрании в клубе еще загодя занимали те люди, которые уже были проинформированы, какую именно линию ре-

буется поддерживать на данном собрании и против чего кому и как выступать. Буквально каждый человек знал, в каком ряду и какой номер места он должен занять в клубе на данном собрании и какую роль играть. Те, кто брал слово в спорных вопросах, были размещены по всему залу и на галерке. Каждый из них знал, кто выступает первым, кто вторым и т.д. А весь зал знал о том, что они обязаны выступление каждого из своих активно поддерживать дружными аплодисментами и выкриками «Правильно!». А против тех, кто каким-то образом втиснулся на это собрание и выступал в противоположном духе, все наши обязаны были устраивать обструкцию: то есть топтать ногами, свистеть, кричать: «Позор!» или «Вон с такими выступлениями!». И все это делалось по мере потребности с такой аккуратностью и с таким постоянством, что чего-то лучшего незачем было желать.

Я особенно отмечаю этот большой успех украинской организации самопомощи политзаключенных в третьем каторжанском лагере больше всего потому, что каждый из политзаключенных был охвачен этой организацией при посредничестве своего лучшего друга, которому он больше всего доверял и непосредственно подчинялся. На взаимное доверие и душевные симпатии руководителей и подчиненных мы обращали особенно большое внимание. Вопросы доверия, душевной гармонии меж людьми у нас были вопросами № 1 по линии организации. А по линии тактики, методов и стратегии нам помогали жизненный опыт в руководящей работе и умение максимально использовать слабые места своих противников, а собственные переходные внутренне-кризисные периоды маскировать.

В июле при руководстве Шамаева друзья Борисенко во главе с Головки и Дорониным начали уговаривать каждого члена забастовочного комитета, чтобы освободить из-под стражи Борисенко. После долгих усилий им удалось переубедить почти весь комитет в

том, что, мол, Борисенко изолировали при правлении Воробьева, а раз уже Воробьева выгнали из комитета, то Борисенко надо освободить из изолятора.

Но на самом деле группу приспешников Борисенко закрыли мы, а не Воробьев, и его изолировали по нашей инициативе не только потому, что он организовал группу подельников, с которыми хотел повязать комитет и попросить вернуться администрацию обратно в лагерь, а еще и потому, что он все время не признавал забастовочный комитет и установленные им порядки. Он позволял себе каждый день заходить в столовую, вымогать у кухонных работников еду, какую ему хочется, и в таком количестве, в каком ему вздумается. Вот это и его нагло-вызывающее поведение возмутило всех политзаключенных третьего каторжанского лагеря. Так что освобождение Борисенко из-под стражи было нежелательным для всех узников.

Но комитет делал все, чтобы его освободить. Председатель комитета Шамаев тоже поддался убеждениям Головки и Дорониной, считал — пришло время Борисенку освободить. Создалась в забастовочном комитете такая ситуация, что даже и К.К. (Костя Король) не мог устоять под натиском всех членов комитета в отношении Борисенко. Но в соответствии с нашими указаниями К.К. не сказал по этому вопросу категорично своего мнения, а лишь требовал, чтобы раз Борисенку изолировали по решению общего собрания политзаключенных, то также точно нужно, чтобы общее собрание подтвердило и его освобождение. На это предложение Шамаев и весь комитет охотно согласились. Комитет, а особенно Шамаев, тогда пользовался большим авторитетом в лагере, и потому они были уверены, что против их мнения никто не отважится выступить.

Шамаев в сравнении со своими предшественниками — Вожевским и Воробьевым — был несравненно более сильным оратором и к тому же общественным деятелем. Шамаев знал психику масс и умел ее напра-

вить в необходимое русло. Он делал это легко и даже мастерски. В этом с ним сравниться не мог никто.

Доронин был тоже талантливым оратором, способным просто гипнотизировать аудиторию. Они были более чем уверены, что им удастся легко овладеть аудиторией и переубедить ее в каком угодно вопросе в соответствии с мнением комитета. Ошибка их состояла только в том, что они не знали, с кем имеют дело, не знали, что их выступление будет слушать не толпа, которая не имеет своего мнения, а тонкая пружинная организация, которая наперед осведомлена обо всем, хорошо знает повестку дня и имеет четкое представление о каждом пункте этой повестки. Этого они не только не знали, они про это даже и не догадывались. Они ориентировались по тому, что скажет про это дело К.К. А поскольку К.К. по этому поводу ничего категорично не сказал, они были уверены, что украинцы поддержат их во всех вопросах.

Приближался час открытия общего собрания. Тарковцаде, как всегда, провел совещание со своими пропагандистами и послал их по баракам подготовить людей к общему собранию в том духе, чтобы они единогласно поддержали комитет и утвердили его план. Пропагандисты пошли выполнять порученное им задание. А люди из организации самопомощи уже сделали свою работу в этом вопросе и обложили клуб с той целью, чтобы каждому своевременно захватить назначенное ему место. Минут за десять до открытия общего собрания Король тайком дал одному нашему хлопцу ключи от обеих дверей клуба. Вот так, пока комитет обговаривал свой план проведения общего собрания, наша организация самопомощи заняла все места в зале и на галерке.

Минут через десять из своего штаба вышли все члены забастовочного комитета и заняли места за длинным столом на сцене. Шамаев, окинув аудиторию своим всевидящим оком, наверное, сам себе сказал: «Сегодня будет маленькая оппозиция». И в тот

же миг переставил местами очередность вопросов в повестке дня. Вопрос об освобождении Борисенко из изолятора перенес с первого места на последнее и открыл общее собрание.

В повестке дня было пять вопросов. Прежде чем ставить на голосование какой-нибудь вопрос, Шамаев выступал по поводу данного вопроса и разъяснял его, излагая мнение комитета так, чтобы общее собрание без малейших колебаний одобрило точку зрения комитета и единогласно поддержало его намерения. Шамаев умел все это делать просто замечательно. И в этот раз, как и всегда, все его дружно поддерживали и голосовали за позицию комитета в первом, втором, третьем вопросах. Под конец Шамаев прочитал последний вопрос об освобождении из изоляции Борисенко. Это было прочитано и сказано таким тоном, словно это не имеет ни малейшего значения и должно решиться просто механически. Шамаев сослался на то, что, мол, Борисенко изолировал Воробьев, а поскольку Воробьева сняли с должности главы комитета, то уже пора ликвидировать и все последствия его авантюристической деятельности.

<...> В зале и на галерке поднялись руки тех, что просили слова. Первым взял слово молодой хлопец — электрик Щерба и сказал:

— Борисенко в лагере все время был бригадиром. Жил как паразит за счет трудяг да еще часто избивал их и отдавал в изолятор. Мы простили ему все его проступки, надеясь, что он все это оценит, раскается и станет нормальным человеком. Но Борисенко не из тех — он начал организовывать противников нашей борьбы с самоуправствами лагерной администрации и ее цепных псов, таких, как Борисенко. Он не уважал порядков, установленных нами сообща, и каждый день ходил на кухню в рабочий цех и вымогал то, чего ему захотелось. Из четырех тысяч народу только он один оказался такой бессовестной свиньей. Мало того, он явно информировал через проволоку администрацию

про работу комитета и всех наших лучших людей. Если Борисенко выступит перед нашим общим собранием и чистосердечно осудит сам себя за все те свои злодеяния и пообещает стать честным человеком, то тогда мы подумаем над тем, освобождать ли его из изоляции.

— Правильно Щерба говорит, правильно! — закричал весь зал, демонстрируя свою солидарность со Щербой бурными аплодисментами.

После Щербы выступили еще несколько человек в таком же духе, и народ всех поддерживал дружными хлопками и выкриками «Правильно, правильно!».

После этих выступлений Борисенко вышел из-за кулис, постоял несколько минут с опущенной головой и снова скрылся за кулисы. Тем временем Шамаев и все его друзья лучше, чем кто-либо, поняли, что они являются лишь орудием в руках какой-то невидимой организованной силы, которая их дружно поддерживает лишь тогда, когда ее интересы не расходятся с планами комитета.

Подтвердив свою силу и высокую организованность, идейность и отличную дисциплину, люди выходили с собрания с сияющими лицами, будто обновленные.

Воробьев со своей группой сидел в бараке и ждал окончания собрания. Они все были уверены в том, что Борисенко освободят, и очень боялись этого. А узнав про ход собрания и его результат, Воробьев сказал: «Я очень-очень хотел бы посмотреть на того человека, который является невидимой пружиной, движущей эту хорошо налаженную машину».

Людям воробьевского типа кажется, что такие вещи может делать только какой-то сверхчеловек. А по сути наша сила таилась в наших людях... <...>

Во второй половине июля в межгорье за шестым лагерем растаял снег. Тот самый снег, про который администрация говорила: «Вы выйдете на свободу только тогда, когда этот снег на горах растает. Поняли?!» Этот снег не таял даже в самую большую жару. И вот наконец растаял и этот снег... <...>

В том «затишье перед бурей», что царило почти три недели, таилась какая-то опасная развязка. Решать нашу участь могла только Москва. А она в то время была занята ликвидацией Берии с его ближайшими соратниками. Но дошла очередь и до нас.

Четвертого августа 1953 года, во втором часу ночи, из дивизиона, выстроившись в боевом порядке, начали выходить рота за ротой и в соответствии с разработанной программой окружать лагерь: 16 рот, то есть целый полк до зубов вооруженных солдат-краснопогонников, вышколенных для массовых расправ с политзаключенными, заняли свои места. Они залегли около третьего каторжанского лагеря один возле другого.

Обслуга около двух «максимов» и 16 пулеметов была удвоена. Каждая рота имела свой сектор обстрела. Все эти приготовления черных сил смерти проводились тихо, просто беззвучно. Офицеры с красными флажками в руках заняли свои места. Каторжане-политзаключенные, бригада за бригадой, вышли из своих барачков и тоже в соответствии с разработанным планом заняли свои места с пустыми руками против вооруженных до зубов смертоносных рот. Все это делалось молча и с чувством ответственности за эту фатальную белую ночь Заполярья. Все знали о том, что для третьего каторжанского лагеря политзаключенных настала последняя ночь, и духовно были готовы встретить ее на надлежащей для политузников высоте. Муторное гробовое молчание разорвал злобный голос диктора. Усиленные громкоговорители гремели:

— Сейчас открываем ворота и приказываем вам всем выйти за пределы лагеря. Если же за двадцать минут не выйдете, будем применять силу. Поняли?!

Эту гнетущую команду мощным голосом диктор повторил трижды. Но каторжане даже не двинулись. Все стояли как стена и смело смотрели на направ-

ленные против них автоматы, пулеметы и «максимы». Я пошел в район дрожжеварки и бани, к самому дивизиону, чтобы своим присутствием поддержать дух в самой опасной точке. На дороге, что вела в лагерь, появилось семь грузовых машин, полных солдат в касках, с автоматами в руках. Машины мчались быстро по направлению к нашему лагерю. Офицер махнул флажком. Ворота открылись.

Первая машина с солдатами в полной боевой готовности въехала в лагерь. И в тот же миг солдаты начали стрелять из автоматов почти в упор в каторжан. Грузовая машина пересекла лагерь поперек и остановилась у проволочной ограды. За ней ворвалась вторая. И так одна за другой семь машин въехали в лагерь, и солдаты с них расстреливали каторжан. Из здания управления и дивизиона также начали очередями обстреливать баню, дрожжеварку и бывшую контору.

Я стоял напротив дивизиона близ бывшей конторы, у морга. Как раз в этом месте, близ дверей морга, я и попал под перекрестный огонь. Один из солдат из хозяйственного двора и группа солдат из дивизиона начали обстреливать тот уголок, в котором я стоял. Пули начали просекать около меня стену. Погибнуть под дверью морга в первые минуты наступления мне не хотелось. Такое нелегкое принятие смерти мне показалось неразумным, и я рывком кинулся в дрожжеварку. Дрожжеварка была построена из красного кирпича, окружена проволочной оградкой, что отделяла лагерь от дивизиона. Солдаты мигом перерезали проволоку и, окружив дрожжеварку, начали стрелять по всем окнам и дверям и бросать гранаты. Получился страшный шквал. Одни падали, другие молили о спасении, истекая кровью, третьи бегали из угла в угол. Я втиснулся в угол и смотрел на это страшное побоище и бессмысленную суету. Страх овладел мною, но я, приложив все усилия, чтобы не показать своей слабости, подавил его в себе. Через несколько минут стрельба начала стихать.

Я проскочил в соседнюю комнату, которая была вся завалена старой лагерной одеждой. В тех лохмотьях было еще шестеро живых людей.

Атака краснопогонников продвинулась дальше в направлении больницы, кухни и двухэтажного общежития. Сила огня из всего оружия быстро нарастала в центральной части лагеря около клуба. Чаще слышались разрывы гранат и крики. Сидеть в этих лохмотьях было нецелесообразно, и мы решили выйти. На улице к нам подбежали надзиратели и конвойные солдаты, они начали нас бить и гнать за зону лагеря.

Во дворе этого здания было много убитых и раненых. Перед клубом упал, простреленный в грудь, молодой хлопец из Львовской области, активный участник организации самопомощи — электрик Щерба. Сбоку от него бежал грузин Василь Табатадзе, осужденный за участие в УПА. Перед тем он враждовал со Щербой. Увидев умирающего Щербу, Василь Табатадзе, невзирая на автоматные очереди, побежал к нему, упал на колени и, исполненный скорби, обливаясь слезами, сказал: «Ох, боже, как мне тяжело, что ты, друже, обиженный мною, уходишь из жизни. Прости меня, друже родной, прости за все обиды». А Щерба лишь молча посмотрел на Василя Табатадзе и, сделав последнее усилие, снял свою шапку и одел ее на голову Василя Табатадзе, а его шапку взял себе и в ту же минуту умер.

Хорошо зная обоих, видя величие их духа, который страха не знал даже и в трагические минуты, я не мог сдержать слез. Я плакал одновременно от печали и радости. Мне печально было оттого, что преданный делу добра и счастья Щерба отошел навсегда. А радость была оттого, что он уходил от нас мужественно и величественно, так, как уходят только действительно сильные духом. Не меньше я восхищаюсь и Василем Табатадзе. Его великодушный порыв, искреннее проявление человечности и бесстрашия заслуживают великой похвалы.

Вместе с машинами убийц въехала на территорию лагеря санитарная машина. Надзиратели бегали по лагерю с ломami и топорами и добивали раненых. На моих глазах надзиратель ломом добил бесстрашного Бондаренко с Полтавщины. Лишь санслужба во главе с начальником САНУ просто из рук убийц вырывала раненых и уносила в больницу. Больше всего проявляла доброту в те трагические минуты лекпом Тамара из Армении.

Ту часть лагеря, что прилежала к дивизиону, краснопогонники захватили в первый час штурма. А дальше лагерь брали аж четыре часа. Четыре часа стреляли из пулеметов, автоматов, пистолетов и закидывали гранатами безоружных тружеников, которые в нечеловеческих условиях, терпя голод, холод и издевательства, построили Норильск, город весьма ценной и стратегической металлургии, огромных заводов и фабрик, а также шахты. Это средоточие невероятных богатств и издевательств над трудящимися, невероятного горя и проклятий той системе, которая создала этот страшный ад на далеком, забытом богом и проклятом людьми полуострове в Заполярье.

В шестом часу утра убийцы закончили свою работу в лагере. 79 матерей никогда не дождутся своих сыновей и никогда не увидят их могил. Они похоронены в вечной мерзлоте, не оплаканные родными. А 280 зарегистрированных раненых забрали в больницу. Остальных вывели в тундру и сотнями подводили к столу с картотекой. За столом сидело начальство лагеря вместе с той же самой бериевской комиссией из Москвы. Вышло так, что Берию расстреляли, но его систему сохранили и далее действовали его же методами. Перед столом сидела группа Жданова и Борисенко. Они подсказывали начальству, кого куда направлять. К такой собачьей роли они привыкли еще в гестапо.

Итак, каждого по очереди вызывали к столу. Работники спецчасти вытягивали наши карточки с фо-

тографиями и спецпометками, а те из группы Жданова и Борисенко, что из гестапо попали в НКВД, подсказывали начальству, что с нами делать. Когда я подошел к столу, меня спросили:

— Фамилия?

Я назвал.

Ждановцы и борисенковцы загалдели, а оперуполномоченный натянул мне на голову бушлат и начал бить по почкам.

— Налево его, — распорядился старший оперуполномоченный Воронцов.

Меня отвели налево. Там уже сидело более ста каторжан.

«Еще хорошо обошлось», — подумал я. Но в ту же минуту подбежал к нашей колонне Воронцов и крикнул вроде с перепугу:

— Шумук! Вставай! Ты не туда попал!

Я встал и вышел из колонны.

— Ведите его в яму, — сказал Воронцов двум краснопогонникам, что стояли рядом.

— Вон туда, шагом марш! — распорядился солдат, показав рукой. Меня провели метров двести вперед, а там посреди карликовых кустов стояло над ямой более десяти солдат и офицеров.

— О, наконец-то и нам дали работу! — радостно закричали солдаты и офицеры и в тот же миг, окружив меня, заломили назад руки и тут же втиснули в автоматические наручники. А потом я ощутил сильный удар сзади по шее. Я упал ниц в яму. Там по мне топтались, вставали на позвоночник и со всей силы подскакивали, чтобы таким образом сломать мне хребет. Пинали сапогами в бока, били по голове. Позднее подошли три генерала. Солдаты вытянулись и встали будто вкопанные.

— Это тот самый? — спросил первый генерал.

— Да-да, это он, — ответил второй.

— Как твоя фамилия? — спросил третий.

— Я рук не чувствую, — ответил я.

— Смотрите, у него руки чернеют. У кого ключи? Ослабить ему наручники! — распорядился генерал.

Ключи искали и переспрашивали друг у друга минут пятнадцать, но наконец нашли и ослабили мне наручники. Тогда я назвал свою фамилию, но генералы уже не слушали меня и пошли дальше. Минут через десять привели ко мне в яму фельдшера Казлаускаса.

— О, видишь, комитетчик себе волосы отрастил, — сказал один офицер и, схватив его за волосы, ударил ногой в живот. Казлаускас скорчился и упал. Тогда все кинулись его бить. Позднее привели к нам украинца (его фамилию я забыл) и тоже начали бить его.

— Встать! — скомандовал нам какой-то офицер. Мы встали.

— Следуйте вперед в этом направлении, — показав рукой, сказал офицер. Мы молча пошли. Нас конвоировали трое солдат. Один раз конвойный солдат ударил меня прикладом с такой силой, что я упал и на какой-то миг потерял сознание.

Метрах в пятистах стоял «воронок». Задние двери в «воронке» были открыты, сбоку стоял здоровенный лейтенант.

— Заходите по одному, — сказал он.

Первым пошел Казлаускас. Как раз в тот миг, когда он поднял левую ногу к ступеньке «воронка», лейтенант изо всей силы ударил его сапогом между ног. Казлаускас упал и потерял сознание. Солдаты закинули его в «воронок» и там начали бить. С другим сделали то же самое. Последним пошел я. Лейтенант отставил свою правую ногу для лучшего размаха. Но я, подойдя к «воронку», поднялся на ступеньку не левой ногой, а правой, и потому лейтенант своим сапогом ударил меня в зад, и я быстро вскочил в «воронок».

— Дать ему там за эту хитрость, — сказал лейтенант солдатам. Они заскочили в «воронку» и там начали меня бить, но в «воронке» нас уже было трое, и

им не хватало места заниматься своим излюбленным «спортом».

— Куда их? — спросил лейтенанта солдат-шофер.

— Гони их к «яме», — ответил лейтенант.

«Воронок» двинулся, и нас начало кидать по норильскому бездорожью. Все стонали. Минут через сорок «воронок» остановился. Открылись двери. Трое бериевских слуг с садистскими лицами жадно заглядывали к нам в «воронок».

— А ну выходи по одному! — послышалась команда. Я вышел первым.

— Бегом все под стенку! — скомандовал капитан и показал рукой под стену тюрьмы, которую называли «яма». Я пошел в указанном направлении.

— Тебе говорят — бегом! — крикнул один из бериевцев и ударил меня ногой в бок.

Около стены старший лейтенант с бульдожьей мордой глухо сказал:

— Ложись лицом к земле и наслаждайся ее запахом, пока еще живой, скоро вас здесь всех прикончат. Понял?!

Я молча лег и действительно нюхал запах той страшной ямы, которой гордились все выродки садистского племени Ягоды, Ежова, Абакумова и Берии. «Земля как земля, — думал я про себя, — но эти нелюди за долгие годы произвола сделали ее страшной». Следом рядом со мной велели лечь ниц обоим моим друзьям по несчастью.

— Здесь их прикончим или под обрывом? — спросил старший лейтенант капитана.

— Нет, это была бы для них большая роскошь, лучше по одному на каждую ночь. Ночью приятнее заниматься этим делом, — самодовольно сказал капитан. — Сейчас будем давать их своим солдатам для упражнений.

— Шумук, подымайся и следуй за мной, — сказал капитан.

Я встал и пошел за ним. Капитан завел меня

в темный коридор, что вел в канцелярию тюрьмы. В коридоре меня ждали четыре раздетых здоровых солдата.

— Поупражняйтесь, ребята, — злорадно сказал капитан. Меня схватили за руки и ноги и, подняв выше своих голов, резко бросили вниз. Так поднимали и кидали меня шесть раз. Затем завели в канцелярию для оформления в тюрьму.

Пришла женщина-врач и велела мне раздеться догола. Я разделся. Все тело было в синяках. Она осмотрела меня и, повернувшись к капитану, насмешливо сказала:

— Видно, он у вас боксом занимался.

— Да, он у нас боксер, — ответил капитан и в ту же минуту ударил меня, голого, ногой в живот. Я упал, и меня отнесли в камеру. Три дня я ничего не ел, не пил и даже не мог сам подняться с нар.

До ночи в нашу камеру напихали столько людей, что те, кто находился далеко от окна, начали задыхаться от недостатка воздуха. Через несколько дней нас рассадили.

На пятый день мне чуть полегчало. Через какое-то время в нашу камеру перевели людей из четвертого лаготделения Горлага. Среди этих людей был высокий, стройный и симпатичный молодой человек. Он производил впечатление вдумчивого и серьезно-го человека.

— Кто это такой? — спросил я.

— Евгений Грицьяк, он у нас руководил забастовкой. Очень отважный человек, — ответил один из его группы.

Мы, каторжане, девять лет были сурово изолированы от всех политзаключенных-некаторжан, которых судили после нас, и потому нам было очень интересно знать, как у них проходило восстание, какие у них были порядки и какие они выдвигали требования. Мы всегда были о тех лагерях очень высокого мнения. Степанов, Воротняк и Мелетий Семенюк много лет

пробыли вместе с ними и просто идеализировали своих лидеров — Германа Петровича Степанюка, Щура, Горошко и других. Мне очень хотелось познакомиться с ними, но их в нашей камере не было. Оказался рядом лишь незнакомый мне Евгений Грицяк. Вот что я услышал от него.

— Вечерами, особенно в выходные дни, наши хлопцы с Украины пели народные песни. И вот однажды солдат из охраны лагеря начал кричать, чтобы мы перестали петь. Хлопцы не обратили на его крики никакого внимания. И тогда солдат начал стрелять, одного убил, а двоих ранил. Это и послужило причиной для забастовки.

— А кто у вас руководил забастовкой? — спросил я.

— Я руководил забастовкой от начала и до конца, — гордо ответил Евгений.

— А какие требования вы выдвигали властям?

— Добивались наказания убийц.

— А как закончилась забастовка?

— Приехала московская комиссия и пообещала нам разобрать все наши жалобы. Тогда мы вышли на работу, — ответил Евгений.

— А сколько дней вы бастовали? — спросил я.

— Семнадцать, — ответил Евгений.

— А мы бастовали ровно два месяца, и у нас все было поставлено совсем по-другому, — сказал я.

— Что ж из того, что вы бастовали два месяца, — ответил он. — Вы же всю славу забастовки отдали русским. Они вами командовали. Среди вас не нашлось ни одного украинца, который бы отважился все взять на себя.

— Мы подходили к этому делу совсем с другими соображениями, — возразил я. — Мы приложили все усилия, чтобы именно русские официально формировали руководство забастовкой. А мы это руководство поставили в такое положение, что оно вынуждено было выполнять нашу волю.

— Про то, что вы рассказываете, никто никогда не узнает, а про то, что русские вами командовали, знают и будут знать все, — ответил Евген.

— Русские щедро награждали и прославляли тех наших «хохлов», что все силы, талант и даже жизнь отдавали за создание Российской империи. Ведь нам пора научиться впрягать русских в борьбу за разрушение этой империи и славить их за это. Потому что русский народ на самом деле станет свободным и полноценным народом только тогда, когда не будет угнетателем других народов, — сказал я.

Продолжать нашу беседу Евген не проявил желания. Но по выражению его лица было ясно, что он остался при своем мнении. С ним, вообще-то бескорыстным, честным, умным и наблюдательным человеком, разговаривать оказалось очень трудно.

— А может, и нам лучше было бы тоже вывести людей за зону и таким образом избежать кровавой расправы? — спросил меня Роман Загоруйко.

— Нет, — ответил я. — Кровь убитых легла черным пятном на убийц, на систему, которая породила и узаконила их кровавые злодеяния, а не на нас. Мне больно за тех каторжан-политзаключенных, что умерли от холода, голода, непосильной работы и издевательств. А теми, что погибли в борьбе с произволом тирании, мы только гордимся. Мы ж боролись гуманными средствами, отказались укреплять власть произвола и тирании, требовали прилюдного рассмотрения их злодеяний, а они в нас за это стреляли.

Месяц мы сидели в той «яме», и целый месяц начальник и надзиратели в завуалированной форме создавали атмосферу неминуемой кровавой расправы над нами. Нервы были напряжены до краев. Начальником тюрьмы был тот самый оперативник, что на Медвежке убил двух верующих. Надзирателями у него были тоже убийцы. Их власть защищает и поныне, а некоторым из них платит неплохую пенсию.

Нещадно преследуются лишь те, кто осмеливается говорить и писать про те преступления.

Из страшной «ямы» нас вывезли в Дудинку и посадили в трюмы баржи на реке Енисей. Мы двинулись в Красноярск. Все радовались, хотя и знали, что везут в тюрьму: наконец-то мы вырвались с этого страшного полуострова смерти — смерти от голода, холода, от глумления и, наконец, смерти от пуль, гранат, ломов и обухов топора.

*«Пережите і передумане»,
Київ, 2003 год.*

Перевод с украинского языка А. Макаровой.

*Норильское восстание заключенных Д. Шумук описал
в книге «За восточным горизонтом» (издательство
«Смолоскип», 1974).*

Микола Барбон:

«Тайно Антоновича привезли на север Франции. Ночью в порту передали на борт советского торгового парохода в руки переодетых чекистов».

Лагерная судьба бросила меня в 1951–1952 годах в Норильский 2-й политический лагерь «Кайеркан», что находился на полдороге между городом Норильском и портом Дудинка. Местные чекисты в соответствии с пометкой в моем особом деле, где было написано «использовать только на тяжелых физических работах», загнали меня в 104-ю бригаду штрафников вместе с уголовниками-убийцами, которые попали в этот лагерь по статье 58, пункт 14, то есть за побег из мест заключения.

Один из моих лагерных друзей, Иван Васильевич Бедей, родом из Закарпатья, молодой парень из Тячева, сообщил, что в первой шахтерской колонне есть мой земляк-киевлянин, который работает бригадиром на сортировке шахты № 18. Как-то я выбрал время, когда перед отбоем еще не закрывали на замок бараки, и нашел своего земляка — Михаила Афанасьевича (Михайла Опанасовича) Войченко, 1925 года рождения, родом из-под Киева, из села Русановка Броварского района. Семью его в 1930 году раскулачили и вывезли на Урал, где выгрузили на голое место, — позднее на их костях вырос город Серов. Большевики оторвали детей от родителей и поместили в детский дом, из которого отец Михаила забрал их перед войной, в 1940 году.

Михаил войну закончил офицером, имел несколько ранений, а уже после войны, студентом Львовского университета, был арестован как активный участник

ОУН. Его осудили на 25 лет заключения за то, что в университетской типографии напечатал листовки с обращением к львовянам — бороться за независимую Украину. Кстати, как демобилизованный офицер, Войченко был избран председателем университетского месткома... Он был силен и физически, и духовно. В лагере нас роднила любовь к Украине и поэзии. Войченко отличался умом и талантом художника-самоучки. В лагере он рисовал чудные пейзажи Севера, а начальству — их портреты, поэтому его назначили бригадиром на шахтных грохотах, на которых сортировали уголь, что конвейером подавался из шахты на гора. Отмечу, что в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын вспоминает слова Михаила Войченко о том, что человек остается таким, каким он запрограммирован от рождения, а вовсе не бытие его формирует, как утверждают идеологи-марксисты.

Однажды полярным вечером я зашел в барак норильской каторжной зоны, в секцию, где жила бригада Войченко. Около тумбочки Михаила, возле узкого зарешеченного окна, я впервые увидел крепкого сложения высокого человека, с крупной головой и высоким лбом Сократа, наголо остриженного, как и все мы. На меня смотрели добрые и умные карие глаза. Он, восхищаясь украинской речью, рассказывал об истоках нашего украинского языка и о киевском златоверхом Михайловском монастыре, разрушенном большевиками, как о выдающемся национальном памятнике украинского народа. Нас познакомил Войченко. Новый знакомый назвался Михаилом Дмитриевичем Антоновичем и тепло пожал мою руку.

Оказалось, что Войченко с большим трудом вырвал Антоновича из штрафной 104-й бригады, где я работал, и держал его около себя. Михаил Антонович спал рядом с Михаилом Войченко, вместе они и питались. Войченко, как бригадир, имел чуть больше возможностей и спасал Антоновича от голода, недаром же в лагере бытовала горькая присказка: «Ой, когда ж мы наедемся хоть черного хлеба!» Все мы, политические узники, находились в ярме штучного голодо-

мора. Михаил Дмитриевич Антонович был старше нас (1910 года рождения). Часами мог читать в бараке собственные лекции из истории Украины и украинской литературы. Антоновича в лагере называли ходячей энциклопедией в области общественно-гуманитарных знаний. Не было более компетентного и авторитетного знатока истории, чем профессор М.Д. Антонович. Он был по-настоящему великим патриотом украинского народа. Его ум и сердце всегда горели безмерной любовью к Украине.

В начале нашего знакомства я поспорил с Антоновичем по поводу взглядов и учения Л.Н. Толстого. Я сказал, что человечество может совершенствоваться, только «познавая самого себя». Я доказывал Антоновичу, что необходимо распространять всюду среди людей «истинную веру». На меня ласково взглянули умные карие глаза Михаила Дмитриевича, и он меня спросил: «А в чем заключается эта истинная вера?»

...Увлеченно слушали мы его лекции об истории славян, Украины, России и соседних очагах культуры других народов. Когда он рассказывал про древний мир, Элладу, Рим и Карфаген, то закрывал глаза, получая огромное удовольствие, представляя себя, наверное, на кафедре Берлинского университета... Антонович поэтично детализировал, скажем, битву под Карфагеном, словами, как художественными мазками, воссоздавал каждую битву так, что баталии оставались в представлении слушателей на всю жизнь. Слово мы собственными глазами видели отблеск серебряных подков, одичалых коней и искаженные яростью лица воинов...

Я попал в рабочую бригаду Войченко и долгое время работал рядом с Антоновичем на грохотах угольной шахты № 18. Мы руками отбирали породу с дорожки конвейера и сбрасывали вниз, в бункеры. Я наблюдал, как профессор, стоя над конвейерной лентой, что-то сам себе шептал под грохот породы, которая падала... Он сам себе читал лекции и этим жил.

Михаил Дмитриевич родился в Киеве на улице Кузнечной (сегодня Горького), на пересечении с улицей Жилианской, где еще в 1960 году стоял двухэтажный деревянный дом деда, на стене висела ме-

мемориальная доска, сообщавшая, что тут жил украинский историк и декан историко-филологического факультета Киевского университета имени святого Владимира — Владимир Бонифатьевич Антонович. После 1960 года большевики снесли это здание вместе с мемориальной доской, чтобы не осталось памяти об известном украинском историке, которого они называли теоретиком украинского буржуазного национализма. Мне Михаил Дмитриевич говорил, когда вспоминали в лагере про Киев, что во дворе деда дома стояла большая комора, которую я уже в 1939 году не видел. Ее снесли раньше.

Михаил Антонович начинал учебу в Киеве, в пансионе Павла Галагана, о котором много рассказывал. В 1918 году восьмилетним ребенком вместе с родителями эмигрировал в Италию. Отец Дмитрий Владимирович Антонович был членом Украинской Центральной рады и активным участником Украинского Возрождения. Из Италии семья Антоновичей переехала в Германию, где Михаил окончил Берлинский университет, сразу два факультета — исторический и географический*.

Михаил Дмитриевич был женат на немке и потому имел немецкое подданство. В Берлине он стал профессором и читал лекции в Берлинском университете. Во время Второй мировой войны был мобилизован вермахтом и в чине майора стал участником похода на Восток. В 1942 году Антонович побывал в Киеве. Ходил по пустым улицам города, Андреевскому спуску и с высоты Андреевской церкви любовался левобережными днепровскими далями. Заходил в дом Антоновичей, бродил по следам своего детства. Его воинская часть воевала на Кубани. На Михаила большое впечатление произвела кубанская земля с ее черноземами, на которых все буйно росло («Лопухи толщиной в руку!» — говорил он).

* Примечание редакции. В 1920–1930 годах семья Антоновичей жила в Чехии, там работал Дмитрий Владимирович, он умер в 1945 году в Праге. Михаил Дмитриевич печатал статьи в научных трудах Украинского историко-филологического товарищества, а в 1941 году в Праге вышла «История Украины» Михаила Антоновича.

После капитуляции Германии Антонович выехал во Францию, в Париж. Именно в столице Франции, когда он шел по темной улице, на него набросились французские коммунисты — по заданию МГБ накинули на голову мешок и запыкали в легковую машину. Тайно Антоновича привезли на север Франции. Ночью в порту передали на борт советского торгового парохода в руки переодетых чекистов. В СССР Антоновича судили как военного преступника и идеолога буржуазного национализма. Михаилу Антоновичу вклеили срок 25 лет (такой же точно, как и мне) специальных политических концлагерей, 5 лет лишения прав и конфискацию всего имущества, которого у профессора не было, к превеликому сожалению чекистов.

Припоминаю, как мы с профессором стояли рядом около того проклятого угольного конвейера в бригаде Михаила Афанасьевича Войченко (которого в 1970-х годах зарезали во время операции в Киеве...). Выстаивали при 40–50-градусных морозах по 11 часов в сутки. В холодной галерее, в морозном воздухе, стоял черный мелкий, как порох, туман, который забивал дыхание, а сверху еле светила электrolампочка. Иногда я слушал его лекции и читал Антоновичу свои лагерные стихи. Каждый погружался в свой мир — науки и поэзии. Когда я получал из Киева посылку, то делился с Михаилом Дмитриевичем, хотя он с детской скромностью не хотел ничего брать.

В 1953 году меня забрали на этап в 4-й политлагерь Норильска, и я оставил Антоновича в бригаде Войченко. Перед этим в лагере «Кайеркан», когда я был подле Антоновича, он много писал об истории Украины, а также литературоведческие работы. Через меня передал рукописи волынянину Владимиру Терентьевичу Тимощуку, который в производственной зоне работал лаборантом на бетонном заводе. Володя Тимощук прятал рукописи под полом лаборатории. Однажды, уже в 1953 году, когда чекисты проводили обыск в рабочей зоне, Володя перепрятал рукописи Антоновича в одном из котлованов с новой опалубкой для будущей галереи шахты № 18. Но ночью другая бригада залила

бетоном тот котлован с рукописями профессора Антоновича... Про это написал мне Владимир Терентьевич Тимошук из города Хмельницкий, где он живет.

Весной 1954 года после норильского восстания Михаила Войченко забрали из 2-го политического лагеря на этап и кинули к нам в штрафной концлагерь «Купец», где готовились расстрелять, но события в Москве, где начался процесс относительной оттепели, помешали чекистам выполнить их план.

Войченко оставил Антоновича на старом месте. Летом 1954 года М.Д. Антоновича вместе с киевлянином О.Ф. Чоповским, 1903 года рождения, и группой других украинских патриотов и литовцев отправили из Норильска на Колыму. Там их поместили в тюрьму-политизолятор. Антоновича посадили в одиночную камеру, где его навещал прибывший из Москвы полковник КГБ, который вел с профессором долгие беседы. Полковник что-то предлагал Антоновичу, а тот категорически отказывался. Когда закончилась аудиенция, в камеру изолятора ворвались надзиратели, повалили профессора и насильно сделали какой-то укол, от которого у Антоновича пропали речь и память, но он не умер — физически сильный организм выдержал. Из этого изолятора Михаила Дмитриевича Антоновича взяли на этап, вместе с другими узниками и конвоем посадили в грузовую машину, которая потерпела аварию...

Так погиб Антонович (и все политзаключенные, и конвойные солдаты, что ехали в машине). Так изверги-чекисты расправились с внуком и сыном известных украинских ученых Владимира Бонифатьевича и Дмитрия Владимировича Антоновичей уже после смерти Сталина, летом 1954 года.

*Из журнала «Зона, № 7, 1994 г.
Издание Всеукраинского товарищества
политзаключенных и репрессированных.*

Заклученный Тарас Труба за работой на оксиликвитном заводе

**ИСТОРИЯ
СТАЛИНСКОГО
ГУЛАГА**

**ВОССТАНИЯ,
БУНТЫ И
ЗАБАСТОВКИ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ**

ТОМ 6

Рассказывают документы:

«...принимаются меры к выявлению через агентуру намерений заключенных — зачинщиков волынки, а также работа по разложению организованного сопротивления.»

*Насыщение патронов поглотителя жидким кислородом.
Работают заключенные Норильлага*

В 7-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе...» (с. 5) я анонсировала публикацию документов о норильском восстании и называла сборник документов в 7 томах под названием «История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов» (М.: РОССПЭН, 2004). Этот интересный и полезный для интересующихся историей нашей страны семитомник содержит удивительные документы о массовых репрессиях в СССР, карательной системе, экономике и населении ГУЛАГа, спецпереселенцах, сопротивлении заключенных. Название 6-го тома — «Восстания, бунты и забастовки заключенных». Солидное место здесь занимают справки, докладные записки, заключения комиссий, заявления и обращения лагерников и пр., касающиеся начала, продолжения и окончания волнений заключенных.

На одних документах стоит гриф «Секретно», на других — «Совершенно секретно». По мере продвижения информации о беспорядках в лагере картина меняется почти кардинально. Например, за подписью зам. министра внутренних дел СССР И.А. Серова («не ранее 29 мая 1953 года») сообщается, что «в ближайшие дни порядок в лагере будет восстановлен полностью». (Далее дается текст этой справки.) Но только 1 сентября этого же года московская комиссия после выезда в Норильск и удовлетворения требований восставших заключенных Горного лагеря представила свой доклад министру внутренних дел Союза ССР генерал-полковнику С.Н. Круглову. Вот тебе и «ближайшие дни»...

В 6-м томе сборника документов можно прочитать справки по личному делу заключенных, которые заканчиваются словами «убит во время беспорядков», приводятся мнения заключенных 5-го лаготделения о работе администрации и охраны: «Оперсостав работает топорно и бессмысленно, мы знаем всех их работ-

ников. Перед приездом комиссии местные работники жгли какие-то документы. Бывший оперуполномоченный совершал уголовные дела». В документах комиссии приводятся многие факты нарушения правил лагерной жизни, тексты листовок и обращений заключенных. Сухой и казенный стиль официальных донесений с датами, фамилиями и конкретными событиями производит сильное эмоциональное впечатление, несмотря на то, что сопротивление заключенных называется «массовым саботажем» и «разнузданной антисоветской деятельностью»...

Оказывается, сопротивление лагерному режиму в 1953 году было не последним. Летом 1955 года в лагерных подразделениях Норильского ИТЛ прошли массовые неповиновения заключенных лагерной администрации. В ночь на 23 июня 1955 года в жилой зоне лагерного отделения № 20, где содержались 1940 осужденных, в результате применения оружия двое заключенных были убиты и пятеро ранены. О жестокое подавлении бунта заключенных на Каларгоне в этом же году мне рассказывал Евгений Александрович Ельчанинов. Он тогда работал на шахте Кайеркана и получил приказ: до особого распоряжения работающих в шахте на-гора не поднимать.

...Невозможно рассказывать о документах. Их надо читать. Обдумывать. Одни сравнивать с другими. Анализировать... Возможно, к более серьезному изучению документов читателя побудят и те немногие официальные справки, докладные записки, обращения заключенных к Советскому правительству, доклад о работе комиссии МВД СССР в Норильске в связи с восстанием заключенных, которые мы публикуем ниже (орфография и лексика документов сохранены).

Галина Касабова.

Справка* начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова о применении 25 и 26 мая 1953 г. оружия к заключенным Горного лагеря и об отказе заключенных 4-го и 5-го лагерных отделений выйти на работу

27 мая 1953 г.
Секретно

25 мая с.г. при этапировании заключенных 1-го лаготделения в 5-е отделение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный ЖИГАЙЛОВ и ранен заключенный ДЗЮБУК. Того же 25 мая при этапировании заключенных 4-го лаготделения в количестве 16 чел. в 5-е отделение за неповиновение охраной было применено оружие, в результате был убит заключенный СОФРОНИК Эмиль Петрович.

26 мая младший сержант Дятлов, 1931 года рождения, призыва 1951 г., беспартийный, разводящий караул в производственную зону кирпичного завода, без всякого основания открыл автоматную стрельбу по заключенным, находящимся в жилой зоне 5-го лаготделения, в результате ранил 7 чел. заключенных: КЛИМЧУК, МЕДВЕДЕВА, КОРЖЕВА, НАДЕЙКО, УВАРОВА, ЮРКЕВИЧ и КУЗНЕЦОВА.

Эти факты озлобили заключенных 4-го, 5-го лаготделений в количестве 7000 чел., последние отказались выйти на работу. Ведут себя крайне возбужденно, отказались выполнять распоряжение администрации лагеря, выставили категорические

* Здесь и далее вид документа указывается так, как он был определен Оперативным отделом Тюремного управления МВД СССР, — «справка», хотя, по сути, речь идет о докладных записках руководителей Тюремного управления МВД СССР, направляемых заместителю министра внутренних дел И.А. Серову. В ГАРФ эти документы отложились в деле «С материалами по ликвидации массовых неповиновений заключенных в Горном лагере МВД» в 2 томах (Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158, 159).

требования о выезде московской комиссии для расследования указанных выше фактов. Контингенты заключенных, содержащиеся в 5-м лагерном отделении, в 1952 г. прибыли из Караганды, в большинстве бандеровцы, которые ранее учиняли массовые беспорядки в Песчаном лагере.

Назначена комиссия под председательством и.о. начальника Оперотдела подполковника ЗАВОЛЬСКОГО и ответработников — членов комиссии для производства тщательного расследования применения оружия со стороны охраны.

Разработан план мероприятий и принимаются меры по немедленному наведению порядка в лагере и выводу заключенных на работу. По линии Оперотдела через агентуру и резидентов проводится работа по разложению создавшейся обстановки в лагере.

Начальник Тюремного управления МВД СССР
полковник М. Кузнецов

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 6. Подлинник.

Докладная записка начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова заместителю министра внутренних дел СССР И.А. Серову по сообщению исполняющего обязанности начальника Горного лагеря И.П. Семенова об обстановке в лагере

28 мая 1953 г.

Совершенно секретно

№ 34/3/193

Заместителю министра внутренних дел Союза ССР генерал-полковнику товарищу Серову И.А.

Докладываю:

Исполняющий обязанности начальника Горного лагеря т. Семенов донес, что по состоянию на 22 часа 27 мая с.г. положение в 4-м и 5-м лагерных отделениях оставалось прежним. Заключение <ночной смены, работающие на кирпичном заводе, возвращаться в жилую зону отказались. В 5-м лагерном отделении заключенные категорически отказываются выходить на работу, требуя приезда комиссии из Москвы>*

Принятые меры <разъяснительного порядка со стороны руководства лагеря, прокурора и работников политотдела воздействия не имели>*

В лагере разработаны мероприятия по применению <физической силы>** . Во всех лагерных подразделениях личный состав переведен и находится на казарменном положении.

Периметры жилых и производственных <зон усилены за счет увеличения огневых точек>*

Весь <офицерский состав Управления лагеря постоянно находится в жилых и производственных зонах>*

* Текст, заключенный в угловые скобки, подчеркнут.

** Текст, заключенный в угловые скобки, подчеркнут и отчеркнут на полях.

Кроме вышеуказанного <неповиновения, других проявлений со стороны заключенных в 4-м и 5-м лагерных отделениях нет>*

<В остальных лагерных отделениях Горного лагеря обстановка нормальная, распорядок дня заключенными строго выполняется. Весь контингент заключенных полностью выводится на работу>**.

Начальник Тюремного управления МВД СССР
полковник М. Кузнецов

Резолюции: Тов. Кузнецову. Выясните, что это значит. Этот Семенов чтобы еще что-нибудь не наделал. И.Серов.

Тов. Богданову. С[еров] 22.VIII.

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 2. Подлинник.

* Текст, заключенный в угловые скобки, подчеркнут.

** Текст, заключенный в угловые скобки, подчеркнут и отчеркнут на полях.

Докладная записка начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова заместителю министра внутренних дел СССР И.А. Серову по сообщению начальника УМВД по Красноярскому краю А.А. Ковалева об обстановке в Горном лагере

*29 мая 1953 г.
Секретно*

№ 34/2/535

Заместителю министра внутренних дел Союза ССР генерал-полковнику товарищу Серову И.А.

Начальник УМВД по Красноярскому краю т. Ковалев об обстановке в Горном лагере донес:

В жилой зоне 4-го лагерного отделения 28 мая с. г. заключенные отказались от приема пищи и от выхода на работу.

В жилой зоне 5-го лагерного отделения заключенные внутренний распорядок соблюдают, но на работу выходить отказались.

Заключенные, находящиеся в производственных зонах Горстроя и кирпичного завода, возвращаться в жилую зону отказываются, а также отказались от приема пищи.

В 6-м женском лагерном отделении вечером 28 мая с.г. заключенные женщины отказались от ужина и заявили об отказе выхода на работу.

В перечисленных выше жилых и производственных зонах, кроме отказа от работы и приема пищи, со стороны заключенных никаких эксцессов нет, с находящимся в зонах начальствующим и надзирательским составом лагеря заключенные ведут себя вежливо и никаких угроз не высказывают.

Через агентуру выявлены 12 чел. руководителей
волынки, которые пока не изъяты.

Начальник Тюремного управления МВД СССР
полковник М. Кузнецов

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 3. Подлинник.

Докладная записка заместителя министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и начальника Тюремного управления МВД СССР М.В. Кузнецова министру внутренних дел СССР Л.П. Берия

*29 мая 1953 г.
Совершенно секретно*

Товарищу Берия Л.П.

Докладываем обстановку в Горном лагере МВД (г. Норильск) по состоянию на 29 мая с.г.

В 4-м и 5-м лагерных отделениях заключенные, отказавшиеся ранее выполнять распоряжения лагерной администрации, ведут себя спокойно, распорядок дня выполняют, на утреннюю и вечернюю проверки выходят, но на работу до сего времени выходить отказываются. Офицерский и надзирательский состав лагеря находится вместе с ними в жилой зоне и проводит разъяснительную работу.

Заклученные, находящиеся на производственной площадке Горстроя и кирпичного завода, также ведут себя спокойно, но отказываются возвратиться в жилую зону.

В остальных лагерных отделениях положение нормальное. Заклученные выводятся на работу.

В целях усиления охраны лагеря проведены мероприятия по усилению охраны периметра зоны в две линии надзирательским составом. Кроме того, внутри лагерных зон проводится патрулирование офицерским составом лагеря.

Через лагерную агентуру выявлены 12 заключенных — организаторов беспорядка в этих лагерных отделениях.

28 мая к концу дня на место, в Горный лагерь, прибыл заместитель начальника Красноярского УМВД, полковник Зверев, вместе с начальником Тю-

ремного отдела УМВД, подполковником Поленовым, для восстановления порядка в лагере.

Нами повседневно даются указания руководству лагеря по восстановлению порядка в 4-м и 5-м лагерных отделениях.

О последующем будем докладывать.

С. Круглов
М. Кузнецов

Резолюция: Л.Берия 30/V.53.

Помета: Послано письмо т. Хрущеву 30 мая 1953 г. за № 87/Б.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 306–307. Подлинник.

Справка заместителя министра внутренних дел СССР И.А. Серова о проекте письма на имя секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о беспорядках в Горном лагере

*Не ранее 29 мая 1953 г.**

Прилагаемые две телеграммы из Норильска** были доложены т. КУЗНЕЦОВЫМ т. КРУГЛОВУ С.Н., который направил на подпись товарищу БЕРИЯ Л.П. проект письма на имя товарища ХРУЩЕВА Н.С. следующего содержания:

МВД СССР приняты меры к восстановлению в лагере порядка. В настоящее время в лагере спокойно. Выявлены зачинщики волынки. Проводится разъяснительная работа среди заключенных.

В ближайшие дни порядок в лагере будет восстановлен полностью.

И. Серов

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 1. Подлинник.

* Датируется по справкам М.В. Кузнецова от 28 и 29 мая 1953 г.

** В ГАРФ документы не обнаружены.

**Справка начальника Тюремного управления МВД СССР
М.В. Кузнецова об обстановке в Горном лагере по состоянию
на 17 часов 29 мая 1953 г.**

*30 мая 1953 г.
Секретно*

По состоянию на 17 часов 29 мая московского времени обстановка в лагере остается прежней. Заключенные 4-го, 5-го и 6-го лагерных отделений продолжают массовое неповиновение, на работу не выходят, от принятия пищи утром и в обед отказались. Активных действий не проявляют. В зоне 4-го отделения находится заключенных 3286 и на стройплощадке 600 чел. — пищу не принимают, возвратиться в жилую зону отказываются.

Ночью 29 мая из центральной больницы лагеря заключенные забрали труп умершего от ранения КЛИМЧУК и администрации лагеря труп не отдают. По данным агентуры труп хранят под полом помещения больницы для приезда комиссии из Москвы, как доказательство незаконного применения оружия.

По агентурным данным, активно ведут обработку продолжать сопротивление заключенный КЛЯЧЕНКО — троцкист, дважды судимый за антисоветскую деятельность сроком на 25 лет; заключенный НЕДОРОСТКОВ, судимый за террор на 25 лет, и другие в количестве 21 чел.

Изъятие зачинщиков данной обстановки в лагере без применения сил не возможно.

В 5-м лагерном отделении в зоне находится заключенных 2396 чел., на строительной площадке — 400 чел. и на кирпичном заводе — 100 чел. Заключенные со стройплощадки и кирпичного завода возвращаться в жилую зону отказываются, активно ведут работу за продолжение сопротивления 20 чел.,

преимущественно бендеровцы. Никто из зачинщиков не изъяты по той же причине, что и в 4-м лаготделении. Имеются данные о намерениях совершения теракта против руководства лагеря и оперативного состава во время посещения ими зоны.

На допрос по факту применения оружия охраной заключенные не являются, заявляя, что местным работникам никаких показаний давать не будут.

В 6-м лагерном отделении содержится 3015 заключенных женщин в большинстве украинской национальности. Пищу не принимают, на работу не выходят, активную работу за продолжение сопротивления ведут заключенные МАЗЕПА, ЗЕЛЕНСКАЯ и другие в количестве 5 чел. Все в прошлом активные участники Украинской повстанческой армии.

Через агентуру в лагере изъяты антисоветские листовки и ультимативные требования о вызове комиссии из Москвы. МАЗЕПА и другие не изъяты, потому что женское лагерное отделение находится поблизости 5-го отделения, и их изъятие может вызвать активные действия заключенных 5-го лаготделения.

В 1-м, 2-м и 3-м лагерных отделениях обстановка нормальная, заключенные выходят на работу и соблюдают установленный режим. На обращение по радио и личные приглашения о созыве бригадиров и культработников для объяснения причин сопротивления прибывшей комиссии никто в указанное место не пришел.

В 16 часов 29 мая московского времени в зоне 5-го лагерного отделения было собрание, на котором все заключенные на обращение к ним, что с ними будет разговаривать, по поручению МВД СССР, прибывший заместитель начальника УМВД подполковник Зверев, заявили, что они ни с кем, кроме как с представителями Москвы, и в частности прокурора, разговаривать не будут. Несмотря на разъяснения, все заключенные тут же разошлись по баракам.

Зоны лагеря круглосуточно посещает офицерский состав управления лагеря, лагерных отделений и

надзорсостава. Из посторонних лиц никто в лагерные отделения не заходил и не допускается. Офицерский, сержантский рядовой состав охраны лагеря находятся на казарменном положении.

Охрана зоны усилена. Внутренний наряд усилен за счет офицерского состава, принимаются меры к выявлению через агентуру намерений заключенных-зачинщиков волынки, а также работа по разложению организованного сопротивления.

М. Кузнецов

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 158. Л. 10–12. Подлинник.

Обращение заключенных Горного лагеря к Советскому правительству

27 июня 1953 г.

Президиуму Верховного Совета СССР, Совету
министров СССР, ЦК КПСС

Обращение лагнаселения Горного лагеря МВД
СССР (Норильск)

Данное обращение отражает мысли и мнения
всего Горного лагеря.

1. Весь контингент, содержащийся в Горном ла-
гере, можно разделить на следующие категории:

а) лица, попавшие в плен к немцам или перемещенные ими во время войны, в той или иной степени оказавшие помощь врагу;

б) лица, оказавшие разного рода сопротивление Советской власти внутри страны;

в) лица, обвиненные в антисоветской агитации и пропаганде.

Как совершенные ими преступления, так и привлеченные к ответственности — результат обстоятельств, созданные исторической неизбежностью. Никто не родился преступником. Обстоятельства сделали его таковым.

Государство не могло держать преступников в обществе. Посадить их в лагерь являлось необходимостью.

2. Как рассматривались дела?

Следственные органы ввели в практику — во чтобы то ни стало добиться обвинения, даже в том случае, когда обвиняемый совершенно не виноват в инкриминированном ему преступлении. Если нельзя было добиться этого голодом, бессонницей,

угрозами, обманом, то цель достигалась путем «выколачивания».

Довольно часто пускались в ход показания «свидетелей», не имеющих понятия о данном деле до беседы со свидетелем. Составленный протокол допроса содержал искаженные следователем показания подследственного. Достаточно просмотреть любые десятки дел, и станет совершенно ясным факт применения преступной игры слов. В то время как подследственный говорит: «Был взят в плен», — следователь пишет: «Сдался в плен». Ответ подследственного: «С таким знаком с 1938 г.» записывался: «Состоял с таким-то в преступной связи с 1938 г.».

Или же заявление подследственного, что такая-то машина иностранной марки лучше такой-то марки отечественного производства. Оформлялось как восхваление техники врага или буржуазной культуры, т.е. как антисоветская контрреволюционная пропаганда. В тех же случаях, когда следствие не располагало свидетельскими показаниями и материалом, необходимым даже для закрытого судебного разбирательства или трибунала, арестованный осуждался ОСО МГБ СССР.

3. Как же выносились приговора?

Судебные органы, рассматривая преступления, руководствовались при вынесении приговоров субъективной стороной дела, совершенно игнорируя объективную сторону, т.е. судебные органы выносили приговор за совершенный факт, не принимая во внимание вызывающие его причины и облегчающие обстоятельства. Постоянно отклонялись ходатайства о допросе свидетелей, и большинство судебных заседаний проходило без участия сторон, при закрытых дверях, руководствуясь при вынесении приговоров пристрастными материалами следствия. К примеру, разбирается дело об измене Родине. Установлено: а) подсудимый попал в плен вместе со своим подразделением; б) во время пребывания в лагере военно-

пленных, не получая помощи от Красного Креста, и месяцами влачил голодное существование, что довело его до дистрофии; в) преступление совершено им под страхом смерти.

Спрашивается, можно ли вынести приговор по делу, в котором три вышеуказанных пункта проходят красной нитью? Что же можно сказать о таких случаях, когда т.н. контрреволюционную организацию приводят в судебный зал украдкой. Члены этой со-стряпанной следственными органами «организации» никогда не подозревали, что таковая существует, и узнали об этом в кабинетах следователей. На судебных заседаниях присутствовали представители следствия и в перерывах уговаривали подсудимых не отказываться от того, «о чем мы договорились». Может ли быть справедливым приговор, вынесенный таким образом?

Многие люди осуждены как террористы, и для этого было совершенно достаточным основанием показания двух-трех граждан о том, что подсудимый в пьяном виде высказывал террористическое намерение. Следователя не смущал тот факт, что он ничего не помнил и не мог подтвердить сказанное им в невменяемом состоянии. Что же касается дел т.н. агитаторов и пропагандистов, то это единственный предмет смеха, как в лагерях, так и воле.

Например, люди сидят за то, что во время чтения газеты выругались нецензурно. Напрасно он доказывает на суде, что его ругань касалась Черчилля, его осуждают за высказывания против одного из членов Советского правительства.

Наконец, привлекают к ответственности и осуждают, т.е. требуют от человека советской сознательности, не воспитывая его предварительно в соответствующем духе — абсолютно неправильно.

Советская власть слишком мало была на территории Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и не успела воспитать местное население в духе Коммунистической морали. Следовательно,

и мера ответственности местного населения должна соизмеряться с этим.

Все вышеизложенное в той или иной степени являлось закономерным явлением и обуславливалось исторической необходимостью, оправдывалось обстановкой. Имеется огромное количество случаев, когда два человека с одинаковым составом преступления осуждались на разные сроки наказания. Например, десять и двадцать пять лет. Это следствие того, что судебные органы в основном при вынесении приговоров руководствовались инструкциями вышестоящих инстанций. Человек, осужденный вчера, получал срок наказания десять лет. С тем же составом преступления другой человек завтра получал 25 лет только потому, что инструкция о применении максимального срока наказания назавтра вошла в силу. Все это куда ни шло, но что можно сказать о приговорах вынесенных ОСО при бывшем МГБ СССР.

ОСО не является конституционным органом как судебная инстанция и гражданин во второй половине XX века не может считать решение, вынесенное за его спиной, справедливым и законным. А между тем значительная часть заключенных по статье 58 осуждена именно ОСО.

4. Прошлое доказывает, что чем сложнее проблемы приходилось решать Советскому государству, тем больше было репрессированных. Великое созидание требовало строгой государственной дисциплины, следовательно, и жертв. Для содержания репрессированных государством была создана система исправительно-трудовых лагерей, ибо экономика страны не могла вынести бездействия многих миллионов, в рабочей силе которых ощущалась острая потребность. Был создан строгий режим, обеспечивающий достижение цели, и лагерное население, частью осознав свою вину, желая искупить ее честным трудом, частью под давлением режима, и частью увлеченная общим потоком, начала трудиться.

Кстати говоря, результат налицо: города и рабочие поселки, рудники и шахты, каналы и дороги, фабрики и заводы, сталь и уголь, нефть и золото — все величайшие сооружения эпохи социализма — результат не поддающегося описанию титанического созидания к человеку, в т.ч. лагнаселению. Соответственно усиливался лагерный режим, и условия жизни в лагерях становились все тяжелее.

5. Общеизвестно, что лагерное население влачило свое жалкое существование в совершенно невыносимых условиях. Продолжительный, фактически двенадцати-четырнадцати часовой рабочий день — удел лагнаселения. Охрана безопасности труда и здоровья настолько однобока, что у отдельных заключенных до сих пор нельзя выбить из головы мысль о том, что его здоровье и жизнь нужны постольку, поскольку нужна его рабочая сила.

Чем же питалось лагнаселение?

Самой некачественной, некалорийной, а главное, безвкусной пищей. Проработав весь день в тяжелейших условиях, лагнаселение возвращалось в жилую зону под лай служебных собак, нецензурные окрики конвоя, лязг оружия и выстрелы; утомленное и изнеможенное, невольно задает себе вопрос: за что и до каких пор?

6. Попав в лагерь, человек окончательно убеждается, что он за проволокой, для него потеряно все, включая семью и детей. Нереальный срок наказания (10–25 лет) в вышеописанных условиях невозможно было отбыть, и логический конец заключения — болезнь, инвалидность и смерть. Остается слабая возможность отбыть срок наказания и выйти за проволоку, получив высылку, что не дает возврата к семье, детям, старикам родителям. Если даже человеку удастся попасть к семье, восстановив свое прошлое общественное положение, что исключается, то где же гарантия того, что его не привлекут к ответственным

ности по старому делу, за которое он уже отбыл срок, а таких случаев уйма. Все выше указания формируют в человеке сознание беспросветности и бесперспективности.

На что же толкает бесперспективность человека в лагере?

Много случаев, когда люди бросаются на проволоку с целью быть застреленным или совершают побег без надежды на успех. Остальная же часть лагнаселения тянет лямку с ропотом, в ошибочной надежде на какие-либо мировые события.

Итак, что мы видим под названием ИТЛ? — Институт принудительного труда, где человек лишен не только нормальных условий жизни, но и элементарных прав человека. Перед человеком, попавшим в лагерь, естественно возникает задача продлить и сохранить жизнь, т.е. обеспечить себе более или менее сносные условия существования. В лагере это можно было достигнуть путем устройства на легкие работы в хозобслужбу. Назначением на такие места ведала администрация лагеря, и она назначает туда в первую очередь лиц, согласившихся на секретное сотрудничество с оперчеккистскими отделами или с администрацией лагеря.

Неофициальным гонораром вышеуказанным лицам за сотрудничество являлось право грабить и растаскивать государственный паек лагнаселения из пищеблока и пользование различного рода неофициальными привилегиями.

Таким образом, создалась прослойка из среды заключенных, которая была противопоставлена остальному лагнаселению. В целях сохранения и укрепления своего привилегированного положения эта группа вынуждена была давать ложные материалы, на основе которых создавались фиктивные дела разного рода. Масса невинных людей осуждена по таким делам. Кроме того, оказывая помощь лагерной администрации в деле соблюдения режима, указанная группа с целью выслуживания перед начальством

превращалась в банду насильников и убийц. Эти «блюстители порядка» не останавливались ни перед какими преступлениями (избиение, подвешивания, убийства).

Таким образом, был создан институт секретных осведомителей, т.н. «стукачей» и наемных убийц. Естественно, что указанное поведение лиц, сотрудничающих с лагерной администрацией и оперотделом, вызвали у населения ненависть и вражду к этой группе. Вот противоречия внутри лагеря. Противоречия эти постепенно сводились до минимума. Когда администрация увидела, что лишается опоры в лагере среди заключенных, она прибегла к другому способу. Она начала опираться на отдельные группировки, беря в основу национальный признак, разжигая национальную вражду и ненависть. Были случаи, когда отдельные представители оперчекистского аппарата вручали холодное оружие доверенным лицам для расправы и терроризации неугодного элемента.

7. Мы поняли, что мы являемся значительной частью производительных сил нашей соц[иально]-экономической формации, а отсюда имеем право предъявить свои справедливые требования, удовлетворение которых в настоящий момент является исторической необходимостью.

Мы знаем, что во главе страны стоит правительство, имеющее огромный опыт в руководстве народом, и оно поймет, что при сложившихся исторических обстоятельствах многое из практики предшествующих лет является ненужным и существующее положение вещей есть пережиток прошлого. Вскрытые правительством в работе бывшего Министерства государственной безопасности*, реабилитация большой группы арестованных, ряд выступлений Советского правительства в печати по вопросу об охране и соблюдении советской законности, обеспеченной

* Так в документе.

Советской конституцией, Пленум ЦК КП Украины и Литвы — все это укрепляет нас в этом мнении.

Мы хотим, чтобы в государстве не было острых противоречий.

Мы хотим, чтобы с нами говорили не языком пулеметов, а языком отца и сына.

Мы хотим, чтобы отцы и матери, братья и сестры, жены и дети не имели бы никаких обид на правительство.

Мы хотим перед возможной войной, опасностью извне настоящего братства и единения всего народа.

Мы хотим, чтобы миллионы жалоб, ходатайств о помиловании и заявлений о пересмотре дел как со стороны лагнаселения, так и родных не оставались бы гласом вопиющего в пустыне.

Мы хотим, чтобы сотни тысяч женщин, по которым плачут миллионы детей, были бы возвращены домой.

Мы хотим, чтобы иностранные подданные при возвращении на родину оповестили о великих демократических переменах в нашей стране.

Мы хотим видеть конкретные и серьезные шаги, направленные на разрешение назревшей и наболевшей проблемы — пересмотра всех без исключения дел с новой гуманной точки зрения.

Мы хотим признания незаконными всех решений Особого Совещания как неконституционного органа.

Мы хотим предать забвению все обиды, горе и страдания в прошлом.

Мы хотим свободы, братства и единства всего советского народа!

Мы верим своему правительству, верим в его истинно миролюбивые, гуманные намерения.

Мы просим наше правительство разумно разрешить все вопросы, изложенные в данном обращении.

Мы приложим все усилия, чтобы, несмотря ни на какие репрессии со стороны Управления Горлага,

держаться до получения исчерпывающего ответа на данное обращение.

Наша рабочая сила является нашей собственностью, и при любых обстоятельствах, в какие нас могут поставить, мы ее не отдадим до получения ответа на данное обращение.

Наше правительство, мы в этом уверены, знает, что мы являемся жертвами войны и мировой военной истерии послевоенных лет, и никто больше нас не жаждет мира и мирного разрешения всех проблем.

Мы стремимся к нашим семьям, к мирному, сознательному труду на благо нашей великой Родины.

Настоящее обращение одобрено всем лагнаселением Горлага.

Норильск 27 июня 1953 г.

Верно: и.о. начальника Оперотдела Горного лагеря МВД — подполковник Завьялкин.

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 159. Л. 218–224. Заверенная копия.

Докладная записка комиссии МВД СССР министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову о работе комиссии в Горном лагере

*1 сентября 1953 г.
Совершенно секретно*

г. Норильск

Министру внутренних дел Союза ССР
генерал-полковнику т. Круглову С.Н.

Комиссия в составе:

полковника Кузнецова М.В.

генерал-лейтенанта Сироткина А.С.

полковника Киселева А.И.

полковника Громова Г.И.

полковника Теплова Ф.А.

полковника Михайлова В.В.

подполковника Краюхина В.П.

майора Богданова А.С.

заместителя начальника УМВД Красноярского
края — полковника Зверева

начальника Тюремного отдела УМВД Краснояр-
ского края — подполковника Поленова

начальника Управления Горного лагеря МВД —
генерал-майора Царева

заместителя начальника Управления Горного
лагеря МВД — генерал-майора Семенова

командира 78-го отряда военизированной охраны
МВД СССР подполковника Дурышина.

1. Оперативная обстановка в Горном лагере к моменту прибытия комиссии

На 5 июня 1953 г. из имеющихся в Горном лагере 6 лагерных отделений заключенные прекратили работу и проявляли массовое неповиновение лагерной администрации в пяти лагерных отделениях, в которых содержалось 16 378 заключенных.

Этим событиям предшествовали следующие обстоятельства:

В октябре 1952 г. из Песчаного* лагеря МВД СССР (г. Караганда) в Норильск прибыл этап заключенных в количестве 1200 чел., в основном осужденных за повстанческую деятельность в районах Западной Украины и прибалтийских республик. Указанные заключенные из Степного лагеря были вывезены за организацию и участие в массовых беспорядках, неповиновение лагерной администрации, убийства, побеги из лагеря и другие нарушения лагерного режима.

Руководство Горного лагеря, имея ориентировку из Степного лагеря о настроениях и поведении прибывших заключенных, несерьезно подошло к приему этапа и вместо сосредоточения прибывшего этапа в одном лагерном отделении рассредоточило их в пяти лагерных отделениях примерно по 200–300 чел.

Еще в пути следования из Караганды в Норильск украинские националисты, а их было подавляющее большинство, организовали повстанческий штаб и сговорились между собой по прибытии в Норильск организовать массовые беспорядки и убийства лояльно настроенных к мероприятиям лагерной администрации заключенных.

В первое время заключенные, прибывшие из Караганды, старались захватить командные должности в лагерных отделениях, устроиться в хозяйственную службу и тем самым активно направлять массу заключенных против лагерной администрации. Где это им не удавалось, они прибегали к террору, т.е. убийствам заключенных; так, ими были убиты: старший нарядчик и бригадир Дорош и еще пять заключенных.

К маю 1953 г. этим заключенным в Горном лагере удалось сколотить антисоветскую организацию,

* Слово «Песчаного» вписано поверх напечатанного «Степного», подчеркнуто, над строкой поставлен вопросительный знак.

руководимую заключенным Степанюком Германом Петровичем, осужденным за активное участие в националистической банде ОУН–УПА сроком на 25 лет.

В результате разнузданной пропаганды заключенных-бендеровцев и бездействия руководства Горного лагеря, а также прошедшей амнистии, не коснувшейся заключенных Горного лагеря, заключенные 4-го и 5-го лагерных отделений 26 мая с.г. на работу не вышли, отказались выполнять распоряжения лагерной администрации и выставили категорические требования о выезде Московской комиссии.

Кроме этого, к массовым беспорядкам заключенных послужило и то обстоятельство, что 25 мая с.г. за неподчинение охране при конвоировании был убит один заключенный 4-го лагерного отделения.

26 мая с.г. при переговорах соседней женской зоны к заключенным 5-го лаготделения было незаконно применено оружие, в результате 7 заключенных 5-го лагерного отделения были ранены.

28 мая с.г. на работу не вышло 6-е женское отделение в количестве 3015 заключенных.

Заключенные 4-го, 5-го и 6-го лагерных отделений 28 мая с.г. от приема пищи отказались, требуя приезда Московской комиссии.

31 мая все заключенные пищу начали принимать.

1 июня 1953 г. заключенные 1-го лагерного отделения в количестве 1400 чел., находившихся в производственной зоне, бросили работу и отказались войти в жилую зону. А вечерняя смена, находившаяся в жилой зоне, в количестве 1300 заключенных отказалась выйти на работу.

4 июня с.г. заключенные-каторжане 3-го лагерного отделения сломали деревянный забор, отделяющий штрафной барак от жилой зоны, и освободили 24 заключенных. При освобождении пытались напасть на администрацию лагеря и солдат, забрасывали их камнями, а оперуполномоченного Воронцова схватили, повели вглубь жилой зоны и пытались

оставить его себе заложником. В ответ на это было применено оружие, в результате 5 заключенных убито и 14 ранено.

5 июня заключенные 3-го лагерного отделения не вышли на работу.

Таким образом, к моменту приезда Московской комиссии МВД СССР, т.е. 5 июня с.г., в пяти лагерных отделениях Горного лагеря, за исключением 2-го лагерного отделения, заключенные на работу не выходили и лагерной администрации не подчинялись.

2. Мероприятия, проведенные комиссией МВД СССР по ликвидации массового саботажа

Во всех пяти лагерных отделениях, где имело место неповиновение заключенных, комиссией МВД СССР были проведены беседы с группами заключенных, выделенными из общей массы заключенных. Беседы продолжались по 5–7 часов в каждом лагерном отделении. Во время бесед были выслушаны все их жалобы, просьбы и заявления. По всем вопросам, входящим в компетенцию комиссии, были даны соответствующие ответы и разъяснения.

В момент проведения бесед организаторы волынки выставляли перед комиссией в ультимативной форме требования якобы об освобождении из-под стражи всех заключенных, об отнесении запретных зон на 50 километров от Норильска, дать вольное поселение всем заключенным и т.п.

В процессе бесед с заключенными им было объявлено, что руководством МВД СССР вводятся для заключенных особого лагеря следующие льготы:

1. Устанавливается 9-часовой рабочий день.
2. Снимаются номера с одежды заключенных.
3. Разрешается заключенным посылать семьям по одному письму в месяц.
4. Увеличивается выдача заключенным с их личных счетов до 450 рублей в месяц.

5. Разрешается беспрепятственно со своих личных счетов один раз в месяц посылать деньги своим семьям.

6. Инвалиды вывозятся на материк.

7. Снимаются решетки с окон жилых бараков.

8. Двери жилых бараков на ночь не закрывать.

9. Разрешается заключенным до отбоя посещать заключенных других бараков своей жилой зоны.

После проведения бесед заключенные 4-го, 5-го и 6-го лаготделений обещали на следующий день выйти на работу.

И действительно, основная масса заключенных этих лагерных отделений после бесед стала выходить на работу, в том числе вышли на работу и организаторы волынки. Несмотря на то, что основная масса заключенных выходила на работу, все же в лагерных отделениях оставалось много отказчиков.

Выходившие на работу заключенные работали плохо, производственный план выполняли на 30–40 %, большинство из них вовсе не работало, занималось агитацией о прекращении работы и продолжении волынки.

Изымать зачинщиков волынки из общей массы заключенных было нецелесообразно и привело бы к обострению оперативной обстановки, что впоследствии и подтвердилось.

Несмотря на проведенную беседу с заключенными 3-го лагерного отделения, которая продолжалась целый день, а на следующий день беседу проводил находившийся в Норильске представитель Прокуратуры СССР т. Вавилов, заключенные 3-го лагерного отделения от выхода на работу отказались.

Проводя дальнейшие мероприятия, комиссия МВД СССР решила ликвидировать волынку в первом лаготделении.

Комиссия МВД СССР операцию начала с производственной зоны. Производственная зона 1-го лагерного отделения (рудник «Медвежий ручей»)

протяженностью по ограде имеет 8 километров, на территории которой был расположен рудник с его подсобными помещениями и линией железной дороги, которая выходит за пределы производственной зоны.

Первое мероприятие было проведено по сокращению запретной зоны на производственном участке, в результате она была сокращена на одну треть. Второе мероприятие проводилось также по сокращению производственной зоны, которая была сокращена до минимума. Таким образом, заключенные, находящиеся в производственной зоне, были сосредоточены на площади размером 300 метров в ширину и 700 метров в длину. После этого была установлена в непосредственной близости от запретной зоны передвижная радиотрансляционная установка, и по ней комиссией МВД СССР было объявлено, чтобы заключенные, которые не желают участвовать в саботаже, выходили в условленные места за запретную зону. Организаторы волынки всеми мерами стремились не допустить выхода заключенных за зону, и это им удалось. Тогда было объявлено по радио, чтобы заключенные выходили за зону в любом направлении, и что в них солдаты стрелять не будут. После этого объявления основная масса заключенных стала выходить за зону во всех направлениях. Организаторы в это время растерялись и, видя, что большинство заключенных вышло за зону, сами добровольно вышли за зону.

Вышедшие за зону заключенные были разбиты на сотни под отдельные конвои. После этого каждая сотня заключенных в отдельности подводилась к определенному месту, где производилось изъятие организаторов, активных участников и подстрекателей волынки. Всего было изъято 250 заключенных, которые были временно помещены в отдельный лагерьный пункт под усиленную охрану. Остальные заключенные были водворены во вновь организованную жилую зону.

На следующий день началась операция по ликвидации волынки в жилой зоне 1-го лагерного отделения.

Были проведены такие же мероприятия как и в производственной зоне, объявлено по местной трансляционной сети о выходе заключенных за зону через центральную выходную вахту.

Лояльно настроенные заключенные стали выходить за зону, но встретили упорное сопротивление со стороны организаторов волынки, которые путем угроз и запугивания преградили путь к выходу заключенных за зону. Некоторые заключенные, желавшие выйти за зону, ими избивались. Одновременно по трансляционной сети комиссией МВД СССР непрерывно продолжались призывы к прекращению волынки и выходу заключенных за зону, а также объявлялись главари волынки и разоблачались их замыслы.

После этого стал наблюдаться массовый выход заключенных за зону.

Организаторы волынки от выхода за зону отказались и сосредоточились в одном из барачков, откуда они силами надзирательского состава были выведены за зону. Таким образом, в 1-м лагерном отделении сопротивление заключенных было сломлено.

После окончания вывода заключенных из жилой зоны надзирательским составом был произведен тщательный обыск и прочес всей территории жилой зоны лаготделения, жилых и подсобных помещений. В ходе обыска и прочеса было выявлено, что некоторые заключенные спрятались в подвалах и чердаках, которые были выведены за зону.

Выведенные за зону заключенные были разбиты на сотни и под отдельными конвоями рассредоточены по тундре.

После проверки и очистки жилой зоны были изъяты организаторы, активные участники и подстрекатели волынки. Остальные заключенные водворены обратно в жилую зону.

Водворенные обратно в жилую зону заключенные самостоятельно приводили на вахту отдельных заключенных, заявляя, что это участники волынки, которые разлагали заключенных, и просили их из лаготделения изъять. Эти просьбы заключенных администрацией лагерного отделения выполнялись и приводимые на вахту заключенные изолировались.

Таким образом, волынка заключенных в 1-м лагерном отделении была полностью ликвидирована, а организаторы и руководители были арестованы и изъяты.

На следующий день все заключенные вышли на работу, и к исходу рабочего дня было зафиксировано, что производительность труда заключенных стала выше, чем до волынки.

Затем комиссия МВД СССР приступила к осуществлению мероприятий по наведению порядка в 5-м лагерном отделении.

Планом мероприятий было намечено объявить заключенным, что 5-е лагерное отделение ликвидируется, и заключенные переводятся в другие лагерные отделения, а на этом месте будет лагерь для инвалидов, подлежащих этапированию на материк. Планом предусматривалось — после выхода всех заключенных из жилой зоны разбить их на сотни и взять под отдельные конвои, в тундре произвести изъятие главарей волынки, а остальных заключенных поместить в 4-е лагерное отделение.

28 июня с.г. комиссия приступила к выполнению намеченных планом мероприятий. Было объявлено по трансляционной сети, что лагерное отделение ликвидируется, и предложено всем заключенным с вещами выходить за зону для этапирования в другие лагерные отделения. В этот день из 5-го лагерного отделения было выведено около 1500 заключенных, которые в пути следования в 4-е лагерное отделение подвергались проверке, во время которой были изъяты активные участники волынки, которые вышли с этими заключенными.

Оставшиеся в жилой зоне 1400 заключенных из жилой зоны 5-го лагерного отделения выходить не стали. Это в основном были бендеровцы и националисты из прибалтийских республик, которые упорно продолжали сопротивление лагерной администрации и вели себя крайне агрессивно.

Организаторы волынки вывесили на жилых бараках черные флаги и лозунги контрреволюционного содержания, лагерную администрацию в жилую зону не впускали и начали всячески терроризировать заключенных, которые не хотели их поддерживать.

Учитывая создавшуюся обстановку, комиссия МВД СССР утром 29 июня совместно с руководством лагеря согласно плану провела следующие мероприятия:

Вторично объявила заключенным о ликвидации 5-го лагерного отделения и предложила им организованно через центральную вахту выйти с вещами для этапирования в другие лагерные отделения. Это требование заключенными выполнено не было вследствие того, что организаторы саботажа, будучи вооруженными ножами, топорами и другими предметами, воспрепятствовали выходу основной массы заключенных из лагерного отделения.

В целях рассредоточения сил организаторов волынки были проделаны пять проходов в различных местах зоны, через которые могли бы выйти заключенные. Но эти проходы также были прикрыты бандитствующим элементом.

В дальнейшем было принято решение заключенных перевести на 9 норму питания как отказчиков от работы, а с целью недопущения самоуправства и разграбления находящихся в зоне продуктовых складов командиру отряда охраны было предложено установить запретную зону, обеспечивающую сохранность вышеуказанных складов.

Для установления запретной зоны в лагерь через прорез основной зоны были введены без оружия

20 солдат во главе с начальником лагерного отделения, которые приступили к установлению табличек с надписью «Запретная зона, стреляю».

Пытаясь не допустить установления новой зоны, заключенные вооружились заранее подготовленными ими топорами, ножами, железными прутьями, камнями, кольями и толпой стали надвигаться на солдат, устанавливающих запретную зону. В этот момент для охраны вновь установленной зоны через сделанный проход в ограждение были введены 40 вооруженных солдат, при виде которых толпа заключенных в количестве более 500 чел. с шумом, свистом, нецензурной бранью и возгласами «ура» набросилась на солдат и, сломав установленные таблички запретной зоны, оттеснила солдат и приблизилась к ним на расстояние 2–3 метра.

Устные предупреждения офицеров и предупредительные выстрелы солдат на надвигающуюся толпу заключенных не подействовали. Наоборот, приблизившись к солдатам, заключенные стали бросать в солдат камни, а часть заключенных, находившаяся впереди толпы, набросилась на солдат с кольями, пытаясь выбить у них из рук оружие, отдельные заключенные хватались за штыки карабинов, пытаясь захватить у солдат оружие.

В самый критический момент нападения на охрану солдаты открыли огонь по нападающим заключенным и после произведенных выстрелов заставили их лечь на землю, после чего заключенные стали выполнять все указания охраны и лагерной администрации.

К концу ликвидации нападения заключенных на охрану солдаты слышали крики и просьбы о помощи из почтово-посылочного барака, при осмотре которого установлено, что в нем находились под замком 8 заключенных, водворенных организаторами бунта под стражу за лояльное отношение к мероприятиям лагерной администрации. В числе освобожденных

был заключенный Егоров, которому объявлялся смертный приговор от имени «суда» нелегальной организации бунтовщиков.

После ликвидации нападения заключенных, последние оставили на месте происшествия 26 топоров, 30 ножей, 23 пики, 5 молотков, 6 свинцовых отвесов, 262 железных прута и обрезки труб, 359 колевок и большое количество битых кирпичей.

В результате нападения заключенных на охрану два солдата получили удары тяжелыми предметами в область головы и 5 солдат получили ушибы.

Со стороны заключенных убито 11 чел., 14 чел. были тяжело ранены, из которых 12 умерли, и 22 чел. легко ранены.

В числе убитых и раненых оказались организаторы массового неповиновения и инициаторы нападения на охрану.

Заключенными в период массового неповиновения были разрушены телефонная и радиотрансляционная сети в жилой зоне лагеря, в ряде бараков выломаны двери и рамы окон, разбросаны дымовые трубы и т.д.

Выведенные из лагерного отделения заключенные были разбиты на группы по 100 чел. и отдельными конвоями разведены по тундре, где проводилось изъятие организаторов, руководителей, активных участников и подстрекателей массовых беспорядков, которые после изъятия были сосредоточены в специальном лагерном пункте «Надежда», а остальные заключенные водворены во вновь организованное 7-е лагерное отделение.

В 5-м лагерном отделении стали сосредотачивать инвалидов.

Таким образом, волынка заключенных в 5-м лагерном отделении была ликвидирована.

В это время вторично возобновили массовое неповиновение лагерной администрации и отказались от работы заключенные 4-го и 6-го лагерных отделений.

Обстановка в 4-м лагерном отделении сложилась следующим образом:

1500 заключенных, находившихся в производственной зоне, прекратили работу и отказались входить в жилую зону, на подъемных кранах и на крышах строящихся жилых домов вывесили черные флаги и контрреволюционные лозунги.

Такая же обстановка создалась и в жилой зоне 6-го лагерного отделения.

Комиссией МВД СССР был разработан план ликвидации волынки заключенных 4-го лагерного отделения.

В первую очередь было решено вывести заключенных из производственной зоны в жилую зону, а затем приступить к изъятию организаторов волынки.

Принятыми комиссией МВД СССР мерами заключенные из производственной зоны были водворены в жилую зону.

4 июля с.г. приступили к проведению мероприятий по ликвидации волынки заключенных в жилой зоне 4-го лагерного отделения.

4 июля с.г. утром по трансляционной сети было объявлено об этапировании заключенных-инвалидов на материк и им предлагалось выходить за зону с вещами, после чего из жилой зоны вышли 570 инвалидов, которые были помещены в 5-е лагерное отделение.

Затем был объявлен этап на 1000 заключенных, персональные списки заключенных, подлежащих этапированию, несколько раз объявлялись по трансляционной сети, но заключенные встретили это мероприятие насмешливо и на этап не вышли.

По местной трансляционной сети выступил полковник Кузнецов, который призвал заключенных прекратить сопротивление и разъяснил об ответственности заключенных, если они будут продолжать беспорядки. Заключенным, не желающим поддерживать саботажников, было предложено выходить

за зону через центральную вахту и другие специально прорубленные в основной ограде шесть проходов, у которых старшими проходов являлись члены Московской комиссии. Выступление полковника Кузнецова повторялось несколько раз с интервалами 5–10 минут. Отдельные заключенные, в одиночку и группами пытавшиеся выйти из жилой зоны, задерживались и избивались организаторами волынки, все же некоторым заключенным удалось выбежать из зоны, которые рассказывали, что большинство заключенных желают выйти за зону и не желают участвовать в волынке, но организаторы саботажа их не пускают, угрожают расправой и смертью, а тех, кто пытается выйти из зоны, загоняют в бараки и избивают.

Видя, что большинство заключенных не хотят дальше участвовать в беспорядках, организаторы и активные участники волынки в количестве 400–500 чел. у каждого прохода организовали сплошные силовые заслоны, а на территории жилой зоны стали действовать отдельные бандитские группы активных участников волынки, терроризируя заключенных, пытающихся выйти из зоны.

При попытке войти в жилую зону членов комиссии МВД СССР и руководства лагеря последние были закиданы кирпичами.

Несмотря на заслоны организаторов волынки, попытки заключенных выйти из жилой зоны все увеличивались, всякими обманными путями и средствами заключенные в одиночку и небольшими группами вырывались за зону. Тогда было объявлено, что заключенные, желающие выйти за зону, могут выходить в любом направлении по предупредительной зоне и что солдаты применять к ним оружие не будут. В один из моментов прямо на проволоку вышел начальник колонны заключенный ПИЛИПЕНКО, который находился под особым наблюдением организаторов волынки и попросил у нас разрешения выступить ему перед заключенными по местной трансляционной

сети с призывом смелее выходить за зону, что ему и было предоставлено. После этого начался массовый выход заключенных за зону.

Видя, что удержать основную массу заключенных в жилой зоне невозможно, организаторы волынки после 24-часового упорного сопротивления вышли за зону вместе с выходящими заключенными.

Вышедшие из зоны заключенные были разбиты на группы по 100 чел. и отдельными конвоями разведены по тундре. После прочистки и обыска всей жилой зоны лагерного отделения стали обратно водворять заключенных в жилую зону, но перед тем как их впускать в зону, каждый заключенный проверялся, обыскивался и одновременно изымались организаторы, руководители, активные участники и подстрекатели волынки. После всех этих операций заключенные водворялись в жилую зону. Следует сказать, что в жилой зоне, около вахты, группа заключенных производила проверку впускаемых в жилую зону заключенных главарей и активных участников волынки, которые не были известны оперативникам и режимным работникам, и при проверке были пропущены, и возвращали обратно на вахту с просьбой в жилую зону их не впускать.

После проведенного изъятия организаторов и активных участников волынки и водворения всех проверенных заключенных в жилую зону, последние были собраны на стадионе лагерного отделения и перед ними выступил полковник КУЗНЕЦОВ, призывая к полному восстановлению порядка в лагере, беспрекословному подчинению лагерной администрации, немедленно приступить к работе и наверстать упущенное за дни волынки.

На следующий день все заключенные как в дневную, так и в вечернюю смену вышли на работу и в первый день выполнили производственный план на 105 %, в дальнейшем производительность труда заключенных повысилась.

Таким образом, волынка в 4-м лагерном отделении была полностью ликвидирована.

Дальнейшие мероприятия комиссией МВД СССР были проведены по ликвидации волынки заключенных в 6-м женском лагерном отделении.

5 июля вместе с полковником КУЗНЕЦОВЫМ посетил жилую зону представитель Прокуратуры СССР т. ВАВИЛОВ, которые обошли всю зону 6-го лагерного отделения и вели беседы с заключенными. На предложение тт. КУЗНЕЦОВА и ВАВИЛОВА о прекращении волынки и выходить на работу заключенные ответили отказом, заявляя: «Свобода или смерть».

6 июля перед заключенными 6-го лагерного отделения выступил начальник Горного лагеря генерал-майор ЦАРЕВ, призывая заключенных женщин прекратить волынку, подчиниться лагерной администрации и выходить на работу.

Заключенные требованиям начальника Горного лагеря не подчинились и на работу не вышли.

В связи с создавшейся обстановкой комиссией МВД СССР был разработан план по ликвидации волынки в 6-м лагерном отделении.

7 июля с.г. по местной трансляционной сети выступил полковник КУЗНЕЦОВ, который объявил заключенным о безнадежности продолжать волынку, что продолжение неповиновения влечет за собой усугубление ответственности, что во всех лагерных отделениях волынка заключенных уже прекращена, и призывал заключенных прекратить волынку и выходить за зону через центральную вахту и через пять специально сделанных в ограде проходов.

В ответ на все это все заключенные женщины собрались в центре жилой зоны вокруг трех бараков, на которых висели черные флаги, взявшись под руки, организовали сплошное кольцо в четыре ряда и начали кричать, свистеть, выть. Это продолжалось в течение 5 часов.

Видя, что заключенные за зону не выходят, а желающих заключенных выйти за зону поместили во внутрь этого живого кольца, комиссия МВД СССР приняла решение рассеять заключенных водой, для чего за зоной были установлены три пожарных автомашины и через ограду протянуты пожарные рукава, после этого была пущена вода сначала в три атмосферы, затем напор воды увеличили до восьми атмосфер. Сначала заключенные на пущенную воду не обращали внимания и продолжали стоять, но когда напор воды достиг восьми атмосфер, живая цепь из заключенных дрогнула и стала пятиться дальше от струи воды, в это время в жилую зону было введено 100 надзирателей и солдат без оружия, которые буквально растаскивали заключенных и выводили за зону, таким образом заключенные были все выведены за зону. Некоторые заключенные оказывали упорное сопротивление, таких солдатам и надзирателям пришлось за зону выносить на плечах. За зоной заключенные беспрекословно подчинились требованиям охраны, были разбиты на группы по 100 чел. и под отдельными конвоями разведены по тундре, где производилась проверка и изъятие организаторов, руководителей, активных участников и подстрекателей волынки. Всего изъято было 1000 чел., которые были помещены в отдельное помещение за жилой зоной лагерного отделения. После этого все остальные заключенные были водворены обратно в жилую зону.

Таким образом, волынка заключенных и в 6-м женском отделении лагерном отделении была ликвидирована.

Через день все заключенные женщины вышли на работы. На работу вышли и заключенные, которые были изъяты из общей массы заключенных.

Таким образом, волынка заключенных в Горном лагере МВД СССР, за исключением 3-го лагерного отделения (каторжан) была полностью ликвидирована.

После ликвидации волынки в 1-м, 4-м, 5-м и 6-м лагерных отделениях производительность труда заключенных заметно повысилась*.

В результате проведенных мероприятий во всех лагерных отделениях Горного лагеря было изъято 2920 заключенных, активно участвовавших в волынке.

Из числа изъятых заключенных 45 чел. арестованы как организаторы саботажа и 365 активных участников и подстрекателей оформлены для водворения на тюремный режим, 1500 заключенных участников волынки переведены для дальнейшего содержания в Береговой лагерь г. Магадан.

Остальные 1010 изъятых заключенных размещены отдельно от всех других заключенных в двух вновь организованных лагерных пунктах.

В процессе работы комиссии поступило от заключенных 2209 заявлений и жалоб.

Все жалобы и заявления комиссией МВД СССР рассмотрены, и результаты рассмотрения под расписку объявлены заключенным, подавшим заявления.

О третьем лагерном отделении (каторжан)

Группа заключенных, возглавляемая бандглаварем ВОРОБЬЕВЫМ, имеющим судимости, в том числе три судимости по 25 лет, вывесили в лагерном отделении черные флаги и контрреволюционные лозунги, собрав группу заключенных, главным образом из числа украинских националистов, решила в жилую зону лагерную администрацию не пускать и от выхода на работу отказаться.

Указанная группа заключенных развернула разнузданную антисоветскую деятельность, одновременно запугивая и угрожая расправой заключенным, не желающим принимать участие в волынке.

* Подробные данные о повышении производительности труда при публикации опущены.

Для руководства волынкой был создан так называемый «комитет», куда вошли 23 чел.

Прикрываясь лозунгами о советской законности и играя на чувствах заключенных, кучка провокаторов приступила к практическим действиям. Главари волынки проводили собрания и митинги, на которых агитировали заключенных на работу не выходить и лагерную администрацию в лагерь не пускать. Затем главари волынки стали собирать жалобы и заявления о якобы имевшем место «произволе» над заключенными, о «неправильном осуждении» и т.д.

На неоднократные предложения комиссии МВД СССР прекратить волынку и дать возможность разобраться в создавшейся обстановке группа главарей якобы от имени лагерного населения отклонила эти предложения и в развязной форме потребовала прибытия в лагерь правительственной комиссии.

Чтобы удержать массу заключенных, главари волынки составили списки всех заключенных и заставляли их подписаться в знак солидарности и решения продолжать саботаж до приезда правительственной комиссии, которая якобы должна освободить всех заключенных от дальнейшего отбытия наказания.

В результате принуждения и угроз большая часть заключенных поставила свои подписи, часть заключенных от подписей отказалась. Так, заключенный врач ДВАЖАШВИЛИ, отказавшись подписать провокационный документ, в знак протеста принял отвратительное вещество.

Из агентурных и официальных материалов, а также из показаний заключенных, выбежавших из зоны, было установлено, что организаторы и руководители саботажа в своей преступной деятельности не брезгуют никакими средствами и в целях провокации идут на самые подлые приемы.

В конце июня 1953 г. бандглавари заявили администрации лаготделения, что в жилой зоне в тяжелом состоянии находится заключенный АНДРЕЮК, которому требуется срочное врачебное вмешательство.

Учитывая это, санотделом Управления лагеря были приняты меры к эвакуации больного в центральную больницу ИТЛ. Как было установлено исследованием, болезнь заключенного АНДРЕЮК относилась к числу легких заболеваний и эвакуации из лаготделения не требовалось. Бандглавари решили использовать пребывание АНДРЕЮКА в больнице для распространения ложных слухов. При обыске у него была обнаружена и изъята листовка, выпущенная организаторами волынки и стихотворение антисоветского содержания.

После исследования АНДРЕЮК был возвращен в лаготделение. Как показали свидетели, организаторы саботажа использовали этот факт в своих антисоветских преступных целях. Они задушили АНДРЕЮКА, а затем его труп носили по баракам, демонстрируя «зверства чека».

Не ограничиваясь этим провокационным трюком, члены созданного «комитета» изготовили несколько сот листовок и при помощи специально изготовленных змей распространяли их на территории Норильска. В листовках провокаторы писали:

«Братья и сестры.

Вас просят заключенные 3-го лаготделения сообщить Правительству о произволе, который распространился и на тяжелобольных. Эти безобразия творит лагерное руководство. В ночь на 30 июня из лагеря в городскую больницу был взят заключенный Андреюк, ему надлежало оказать медицинскую помощь. Вместо этого человека с потерянным сознанием допрашивали оперативные работники УМВД, угрожая ему репрессиями».

Кроме указанной листовки бандглаварями разбросаны десятки других листовок, которыми буквально наводнили территорию Норильска, лагерные пункты ИТЛ и завод № 25.

Для разбрасывания листовок заключенными изготовлялись змеи больших размеров, при помощи

которых они за один подъем змея разбрасывали до 120 листовок.

По заявлению выбежавших из зоны 11 июня с. г. заключенных, бандглаварями в котельной бани создана кузница, в которой в массовом количестве изготовлены ножи, пики, ломики и другое холодное оружие, предназначенное для нападения на охрану лагеря в случае ее входа в зону лагерного отделения.

В этих же целях по указанию бандглаварей возле каждого барака были собраны груды кирпичей, которые предназначены для той же цели.

По сообщению заключенного Залоева, главарь банды ВОРОБЬЕВ и его подручные изготовили в пошивочной мастерской лаготделения форму военнослужащего войск МВД, которую намерены использовать для побега за пределы лаготделения в случае проведения операции по выводу заключенных из зоны.

Чтобы удержать массу заключенных в повиновении, организаторы саботажа наряду с террором проводили изоляцию неблагонадежных заключенных, не желающих участвовать в волынке. Для этой цели главари организовали изолятор, где поместили 20 заключенных.

Эти факты свидетельствовали о том, что организаторы и руководители саботажа в 3-м лагерном отделении и их приспешники зашли так далеко, что их деятельность носит явно выраженный антисоветский характер и приняла форму открытого мятежа.

Своим вызывающим поведением, распространением всевозможных провокационных листовок по городу организаторы саботажа влияли на гражданское население, разлагали лагерное население ИТЛ и стремились поднять волынку в других лагерных отделениях особого лагеря.

В течение полутора месяцев комиссия МВД СССР проводила различные мероприятия и принимала всевозможные меры к ликвидации волынки мирным путем, но успеха не добилась.

В связи с этим необходимо было принять решительные меры к прекращению этого антисоветского выступления.

Комиссией МВД СССР был детально разработан план ликвидации волынки в 3-м лагерном отделении, в котором предусматривалось два варианта. По первому варианту намечалось еще раз объявить заключенным о ликвидации 3-го лагерного отделения и всем выходить за зону. Если по первому варианту успеха не будет, применить второй вариант. Вторым вариантом предусматривалось ввести в зону вооруженную охрану, расчленив зону на части и таким путем вывести всех заключенных за зону.

В данное время этот план ликвидации волынки заключенных в 3-м лагерном отделении осуществлен, и волынка в 3-м лагерном отделении полностью ликвидирована.

Организаторы, руководители, активные участники, пособники и подстрекатели из общей массы изъяты и сосредоточены в отдельном лагерном пункте. Главари волынки арестованы и привлекаются к уголовной ответственности.

Причины возникновения волынки в Горном лагере

Основной причиной, вследствие чего стала возможной такая массовая волынка и массовое неповиновение заключенных в Горном лагере, является крайне слабая работа оперативного и режимного аппаратов лагеря и его малочисленность.

Оперативный состав лагеря понимал свои задачи неправильно, отрывал агентурно-оперативную работу от задач по укреплению охраны, режима и изоляции заключенных в лагере. Вместо своевременного выявления и пресечения в зародыше намерений и попыток заключенных к созданию в лагере нелегальных антисоветских формирований оперативный аппарат,

вскрывая среди заключенных эти формирования, заводил на них агентурные разработки, выжидая, пока это подполье обрстет активом, распространит свою деятельность за пределы лагеря и приступит к практическому осуществлению своих преступных замыслов.

Режимные работники по существу режимом содержания заключенных не занимались, а проводили только ежедневные поверки, выводы заключенных на работу и прием их после работы. Режимные работники лагерных отделений на производстве не бывали.

Используя попустительство оперативного аппарата и работников режима, наиболее враждебно настроенные к Советской власти заключенные сумели безнаказанно организовать, привлечь на свою сторону демагогическими и провокационными призывами значительную массу заключенных, пытались в этой волынке выступить от имени всех заключенных как организованная политическая сила с требованием освобождения из лагеря всех заключенных.

Формами борьбы за эти требования организаторы волынки избрали массовый отказ от работы, компрометирование работников лагеря, используя для этого ошибки и недочеты в работе отдельных работников лагеря, а также заявления о том, что все заключенные осуждены неправильно и являются жертвами органов МГБ и МВД.

Одной из причин, которая облегчила организаторам саботажа привлечь на свою сторону значительную массу заключенных, является грубое обращение с заключенными со стороны работников охраны и работников надзирательской службы, а также невнимательное и бюрократическое отношение со стороны лагерной администрации к жалобам и заявлениям заключенных.

*Полковник
Генерал-майор*

*М. Кузнецов
А. Сироткин*

<i>Полковник</i>	<i>А. Киселев</i>
<i>Полковник</i>	<i>Г. Громов</i>
<i>Полковник</i>	<i>Ф. Теплов</i>
<i>Полковник</i>	<i>В. Михайлов</i>
<i>Подполковник</i>	<i>В. Краюхин</i>
<i>Майор</i>	<i>А. Богданов*</i>

Резолюция: Ознакомить т.т. Клейменова, Евсенина, Денисова, Ильина, Волхонского, Достовалова, Панюшкина, Кочарцева, Евграфова, Попова. М. Кузнецов. 3/IX-53.

ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 159. Л. 162–180. Подлинник.

В 1954 году начался пересмотр дел осужденных по политическим статьям. Но серьезной реформы советской пенитенциарной системы так и не произошло — в этом убеждают далее публикуемые документы. Принудительный труд КПСС отменять не собиралась ни при Хрущеве, ни при Брежнев — Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» был принят только 18 октября 1991 года.

Мы обращаемся ко всем, кто занимался реабилитацией — собственной, родителей, других родственников: расскажите, как это было, что вы узнали об обстоятельствах, при которых были лишены свободы вы сами или дорогие для вас люди.

Адрес, по которому мы ждем ваших рассказов, в начале этой книги.

Галина Касабова.

** Документ подписан М.В. Кузнецовым, Г.И. Громовым и А.С. Богдановым.*

ИЗ КНИГИ

«РОССИЯ. XX ВЕК. ДОКУМЕНТЫ. РЕАБИЛИТАЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО»

19 августа 1953 г. Президиум ЦК КПСС
Товарищу Маленкову Г.М.
Товарищу Хрущеву Н.С.

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС представляем при этом проекты Постановления Совета Министров СССР «Об особых лагерях и тюрьмах МВД СССР» и Указа Президиума Верховного Совета СССР о частичном изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

Просим их рассмотреть.

*К. Ворошилов,
С. Круглов,
К. Горшенин*

Проект

Совет Министров Союза ССР

Постановление

« » августа 1953 года № _____
Москва, Кремль

Об особых лагерях и тюрьмах МВД СССР

В целях обеспечения должной изоляции особо опасных государственных преступников и поддержания в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР строгого режима, Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. В частичное изменение Постановления Совета

Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 416-159 установить, что к категории особо опасных государственных преступников, подлежащих содержанию в особых лагерях и особых тюрьмах МВД, отнести осужденных к лишению свободы за измену Родине, шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков и эсеров.

2. Поручить МВД СССР с участием Генерального Прокурора СССР и Министерства юстиции СССР в 3-месячный срок пересмотреть состав заключенных особых лагерей МВД, оставив в них лишь особо опасных государственных преступников, перечисленных в п. 1 настоящего постановления. Остальных заключенных передать для отбытия наказания в общие лагеря Министерства юстиции СССР.

3. Распространить на заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР, выполняющих и перевыполняющих производственные нормы, зачеты рабочих дней в порядке, установленном Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1948 года № 1723-688.

Ввести для заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР и в лагерных подразделениях для каторжан, 9-часовой рабочий день, снять с одежды заключенных номерные знаки, предоставить заключенным особых лагерей МВД право переписки с родственниками один раз в месяц.

4. МВД СССР разработать и внести на утверждение Совета Министров СССР инструкцию «О режиме содержания заключенных особых лагерей МВД СССР».

*Проект
Не подлежит публикации*

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О частичном изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» направление в ссылку на поселение из числа особо опасных преступников, отбывших наказание, производить только наиболее неисправимых лиц на срок от 3 до 7 лет с учетом персональных характеристик, данных администрацией лагерей и местной прокуратурой.

2. Не применять направления в ссылку на поселение к заключенным особым лагерей и тюрем, если они по состоянию здоровья требуют за собой постороннего ухода (беспомощные инвалиды, дряхлые старики, лица, прикованные к постели в связи с неизлечимым недугом). За такой категорией лиц, находящихся в домах инвалидов, органам МВД надзор не осуществлять; этих лиц освобождать из особых лагерей и особых тюрем на общих основаниях.

*Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР*

*АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 168. Л. 132–135. Подлинник.
Машинопись.*

Макс Григорьевич Минин

Макс Минц:

«Очень трудно нести бремя, много превосходящее твои силы...»

*Макс Григорьевич Минц с сыном Левой под Тайшетом около лагеря
для активированных. Июль 1955 г.*

Письмо родным с фронта
31.7.41 г.

Мои дорогие!

Я уже не в силах вынести этого мучительного ожидания весточки от кого-нибудь. Вы не можете себе представить, как на фронте ждешь письма от родных, а ведь я еще не получил ни одного письма. Тем более это тяжело для меня, так как я не знаю, где сейчас находится Тэля, получает ли она деньги в военкомате. Деньги я выписал на получателя в Москве, а может быть, она в Полтаве, тогда она сидит без денег.

Что у вас делается, мне известно, что на Москву было 4 налета, меня очень беспокоят последствия. Как мама, папа, Тэля, Левочка, сыночек мой?

Несколько дней тому назад я снова послал вам и в Полтаву телеграммы с обратным адресом «до востребования» через одного, который ехал в Гомель, он же должен был привезти ответ, но сегодня он приехал, но ничего не привез. Вы себе можете представить мое состояние. Пишу все время одновременно в два адреса.

У нас все в порядке. Надеюсь, что мы скоро увидимся, — фашистская нечисть найдет у нас себе могилу. Каждый день они сбрасывают листовки, направленные против коммунистов и «жидов». Цинизм и наглость этих листовок беспримерны.

Получили ли 1100 рублей?

Привет всем. Передайте всем, что я честно выполняю свой долг перед родиной.

Будьте здоровы. Целуйте тысячу раз Левочку.

Ваш сын, муж и отец Макс.

Письмо родным по пути в сталинский лагерь
28.7.48 г.

Мои дорогие мама, папа, Лида, Сарра, Левочка и все мои родные и близкие!

Я пишу в четвертый раз и бросаю в щель двери вагона письмо в надежде, что его кто-нибудь поднимет и опустит в ящик.

Мы подъезжаем к Красноярску, откуда, по всей вероятности, направят нас в Норильск, это вниз по Енисею на север.

Этот год был, могу смело сказать, одним из самых тяжелых в жизни моей, особенно в моральном отношении. Я никогда не думал, что меня могут арестовать, так как я не совершил никакого преступления.

Левочка, знай, что твой отец никогда никакого преступления не совершил и совесть его чиста. Когда я сидел в тюрьме, мне было так тяжело, что я хотел наложить на себя руки, перегрызть зубами себе вены, но мне помешали, и теперь я рад, что попытка не увенчалась успехом. Буду жить ради вас, ради моего сыночка. Он убедится, кто его отец. Два раза я объявлял длительные голодовки — меня не суд судил, а тройка ОСО без моего присутствия. Сейчас чувствую себя хорошо.

Лидочка, ты вольна делать что хочешь, но прошу тебя подождать некоторое время, в этом отношении я не сомневаюсь в тебе. Если у тебя хватит решимости, то ты можешь приехать ко мне. Я напишу с места письмо. Если есть возможность, то после письма высылайте мне лук, чеснок, жиры и мясо, но не в ущерб себе.

Я прошу вас не волноваться. Все будет хорошо. Все, что ни делается, все к лучшему. Я очень волнуюсь

При публикации материалов, помещенных в этой части книги, в основу был положен принцип максимального сохранения стиля и формы оригинальных текстов. Незначительной редакторской правке подверглись только те места, смысл которых мог быть неверно понят читателем. Случаи разночтения имен собственных оговорены мной в постраничных сносках. (Примеч. ред.)

о состоянии мамы, зная состояние ее здоровья. Как мне хотелось бы вас всех видеть! Мама, живи надеждой, что ты еще меня увидишь!

Спасибо вам большое за передачи и деньги.

Ждите письма из лагеря.

Будьте здоровы. Привет всем родным и знакомым.

Ваш сын, муж, отец и брат Макс.

Письмо боевому другу
1957 г.

Дорогой Генри!

Много воды утекло с тех пор, как мы расстались с тобой. Последняя наша встреча врезалась мне в память с такой же силой, с какой, вероятно, и тебе, хотя при этой встрече мы — друзья отказались друг от друга. Отказались для того, чтобы дружба наша стала еще крепче. Если помнишь, это было на очной ставке в гестапо в г. Вольфенбюттель в Германии. Видимо, в настоящей дружбе подобные обстоятельства являются единственными, когда друзья встречаются, как чужие, когда желание броситься друг другу на шею подавляется у каждого стремлением спасти общее дело, за которое боролись друзья. А у нас с тобой было что спасать, и дело, которое мы должны были спасти, было делом общим, несмотря на то, что ты родился в Бельгии, а я в России. Если мне жестоко не посчастливилось на фронте Великой Отечественной войны, в том смысле, что я попал к фашистам в плен, то я считаю, что в дальнейшем судьба оказала мне величайшую услугу, скрестив мой путь с твоим. Раз скрестившись, наши пути не могли уже разойтись, поскольку любовь к родине и ненависть к врагу поставила нас на путь борьбы с фашизмом. На этом пути мы встретили столько друзей всех национальностей, что подпольная борьба с врагом на его земле, под его замками и за колючей проволокой стала приносить плоды, которыми может гордиться всякий, кто верит

в интернациональную дружбу и в силу объединения людей доброй воли. Мне кажется, что наш фаллингбостельский подпольный интернациональный комитет по борьбе с фашизмом достаточно ярко свидетельствует об этом.

Дорогой друг, я не собираюсь напоминать тебе о том, что для тебя самого является незабываемым. Просто для начала я, так сказать, глотнув воздуха, которым мы когда-то дышали, хочу коротко сообщить о том, что произошло с того момента, когда по решению интернационального комитета Адам Стэн и я должны были бежать из фашистского плена под видом сербов, отпущенных из лагеря по болезни. Как ты помнишь, такие «отпущенные по болезни» могли свободно перемещаться в Германии только в зоне того шталага, из которого они отпущены на гражданское поселение в подведомственные шталагу поселки. По твоему замечательному плану «сербы» Милан Савич (я) и Мирко (Адам Стэн) должны с разрешения шталага искать своих братьев, которые находились в какой-то рабочей команде. До границы Югославии было семь шталаговых зон. Карта, которой ты снабдил нас, отметив на ней все границы этих зон, была в этом отношении удивительно точной.

Все поддельные документы для каждой зоны в отдельности и удостоверения об освобождении по болезни были сделаны технически настолько безукоризненно, что выдержали испытания на многочисленных проверках в шести зонах. Пожми от моего имени руку тому товарищу, который их делал, если он жив-здоров, и сообщи мне его адрес. Я, к стыду своему, забыл даже его имя. Та маленькая погрешность в сделанных им документах, которая привела к печальным последствиям, не имеет отношения к его мастерству. Повторяю, что ни одна печать, ни один штамп на всех бумагах не вызвали на проверках подозрения или сомнения.

Та погрешность, которую мы допустили при составлении документов, была бы даже смешной, если

бы за нее не пришлось так дорого расплачиваться. Но очень не смешно было тогда... Теперь же я вспоминаю об этом с юмором, что в нашей ошибке виноваты не мы, а сами немцы, нарушившие традицию, в расчете на которую мы заполнили наши фальшивые документы. Если ты помнишь, то в каждом аусвайсе (пропуске), действительном только для одной шталаговой зоны, нужно было указать точный адрес нового местожительства «вольноотпущенника» шталага. Адреса, разумеется, мы брали с потолка, но, учитывая, что в Германии в каждом городе с момента его возникновения существует Банхофштрассе (вокзальная улица), мы, как ты помнишь, использовали ее для адресов. Для разнообразия мы использовали и Гитлерштрассе, без которой с момента прихода Гитлера к власти не обходился ни один город. Это было несколько однообразно, но это не могло вызвать подозрения, так как в каждой шталаговой зоне фигурировал только один адрес. И однообразие придуманных улиц могло броситься в глаза только в том случае, если бы мы были схвачены в одной из первых зон и все остальные бумаги, заготовленные для последующих зон, обнаружись бы при обыске, но при провале это уже не имело значения. И вот, дорогой Генри, для одного из своих городишек, на наше несчастье, немцы изменили своей традиции: город был, но улицы Банхофштрассе в нем не существовало.

Наличие двух «сербов», проживающих на этой улице, и отсутствие самой улицы не могло не вызвать у полицейского естественного желания выяснить причины такого странного противоречия... А дальше все грустно и однообразно, как однообразны тюрьмы, немецкие кулаки и немецкие кованые сапоги. Наш путь до очной ставки с тобой лежал через штрафлагерь в Вюрцбурге, тюрьмы в Нюрнберге и в Байройте, через концлагерь в г. Флоссенбург, штрафлагерь в г. Вайтенштадт и, наконец, тюрьму в г. Вольфенбюттель, где произошла наша с тобой последняя встреча,

о которой горько вспоминать, потому что мы смотрели друг на друга чужими глазами, словно никогда не встречались прежде, но вместе с тем об этой же встрече вспоминать радостно, потому что именно она доказала, насколько дорого было нам наше дело и насколько были дороги мы друг другу.

Я пока не сообщаю тебе о русских товарищах по подпольной работе, так как не знаю, кого ты помнишь и о ком хочешь что-нибудь узнать. Поэтому при первом твоём запросе о ком-либо я сообщу тебе обо всех, кто остался в живых, и их адреса. Очень прошу тебя сообщить мне о судьбе Марселя и его товарища, который смастерил документы, позволившие нам беспрепятственно проехать шесть шталаговых зон по фашистской Германии.

Опубликовал ли ты у себя на родине или кто-нибудь из французских товарищей записки о работе интернационального подпольного комитета или какие-нибудь документы? Надеюсь, ты сообщишь мне об этом.

Какими материалами и документами ты располагаешь в данное время? Сообщи о судьбе наших последних листовок.

Напиши подробно, как развивалась деятельность комитета после моего побега и что было с тобой после нашей очной ставки.

Я и мои товарищи с нетерпением будем ждать твоего ответа.

Мой адрес: Москва Г-248, набережная Т. Шевченко, 3, кв. 22. Минцу Максу Григорьевичу.

Не удивляйся, что не Минакову. Ты тоже товарищам по плену известен больше как Пит, а не Генри.

Крепко жму твою руку. Твой Макс.
Передай привет всем, кто помнит меня.

* * *

Говорят, собственную зубную боль нельзя считать несчастьем всего человечества. Но когда зубы болят у

всех или по крайней мере у многих, трудно сказать, следует ли переносить эту зубную боль в гордом одиночестве, точно так же, как трудно утверждать, что крик боли облегчит страдание других.

Боль, о которой после долгих и мучительных колебаний я решаюсь здесь рассказать, причинил мне гитлеровский плен — боль эта так велика, что для меня навсегда померкла радость жизни и сияние солнца, и если я иногда и радуюсь им, то только со стороны, ибо тело мое и душа не в состоянии больше упиться радостью бытия: им теперь это невмоготу.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что участь моя была не более страшной, чем участь сотен тысяч других русских пленных, и страдания и муки, которые я вынес, были уделом многих, так что писать и рассказывать об этом теперь, когда мир знает всю страшную и гнусную правду о фашистском кошмаре, очень трудно, что бездна страданий и горя, в которую ввергли гитлеровцы миллионы людей и куда после их разгрома с ужасом заглянуло потрясенное человечество, настолько притупили нервы и способность чувствовать, что рассказ мой слишком запоздал, и тем не менее, как я уже говорил, после долгих колебаний я решаюсь его начать.

Я знаю, есть люди легендарного бесстрашия и мужества, есть воля и выдержка, которым можно только благоговейно удивляться, но мне хочется рассказать — и это мне кажется не менее нужным и важным — об обыкновенной участи обыкновенного советского офицера и человека, которому было нестерпимо тяжело и больно и который не всегда мог вынести эту боль.

Мне вспоминается, как после очередного побега я согласно существовавшему правилу должен был подвергнуться экзекуции. Мне полагалось 10 ударов плетью. Говорили, что в конец плети были вделаны свинцовые шарики и что палач был большим мастером своего дела. После того как с меня стащили брюки

и я ощутил обжигающую боль от первого удара и выдержал эту боль, не крикнув, я с ужасом и отвращением стал ждать второго удара. Однако мастер-палач медлил, ожидание затягивалось и становилось бесконечным, и вот, когда, утомленный этим безумным напряжением ожидания удара и боли, я на какую-то долю секунды забылся, последовал второй страшный удар... Так продолжалось каждый раз перед каждым ударом с той только разницей, что напряжение все время нарастало, что мне начинало казаться, что я обезумею и не дождусь этой страшной боли, которая становилась желанной.

Я действительно не выдержал, не выдержали истощенные и напряженные до предела нервы. После седьмого удара из меня самопроизвольно пошел кал...

С грубым и довольным хохотом экзекуцию временно прервали. Временно, ибо немецкая аккуратность общеизвестна, и у меня на этот счет не могло быть никаких иллюзий.

Мне не хочется говорить о бесконечном унижении и отвращении к миру, который может быть так бессмысленно гнусен, о том, что невозможно осмыслить и понять, как один взрослый и разумный человек может производить над другим подобные непотребства, — об этом много и очень искусно писали люди, которых, возможно и к счастью для них, никогда не били и которые, может быть, поэтому могут так ярко и велеречиво об этом писать, точно, как пережившему это невозможно найти образы и слова в мутящемся от боли и гнева рассудке.

Так вот. Обыкновенному человеку испытание относительно легкое оказалось не под силу. И тем не менее я знал, на что иду, когда отправлялся в этот побег, равно как знал, что это испытание — детская забава по сравнению с истязаниями, которые выпали на мою долю позднее, когда была разоблачена наша подпольная антифашистская организация. И все-таки я это делал, как делали сотни других моих товарищей.

С тех пор прошло около 16 лет. Многие события и впечатления того времени стерлись в памяти людей, и, казалось бы, незачем снова шевелить отстоявшийся за эти годы осадок горечи и боли. Люди наслаждаются миром и покоем, ревниво и бережно охраняя его от черных сил, произвола и насилия войны, и, может быть, не нужно было нарушать этот выстраданный и заслуженный отдых.

И потом, мне хочется уяснить, по крайней мере для себя, истоки того чувства, которое объединяет людей различных убеждений, темперамента и умственного кругозора и побуждает их, зачастую слабых и не подготовленных для подвига обыкновенных людей, совершать поступки и действия, которые намного превосходят их силы, побуждают их идти на пытки и зачастую на смерть.

Очень трудно нести бремя, много превосходящее твои силы, которое тем не менее нельзя было не взвалить и уж, конечно, ни в коем случае нельзя сбросить; может быть, это гораздо труднее, чем, имея большую силу ума и воли, совершить подлинный подвиг. И так как в наше время мой удел может стать уделом многих, я, обыкновенный человек, хочу рассказать обыкновенным, ничем не примечательным людям о том, какая участь выпала мне, как мне было трудно и почему я шел этим путем, и мне даже в голову не приходило, что жить можно как-то иначе, хотя невозможно назвать жизнью то бесконечное напряжение всех духовных и физических сил организма далеко за пределами моих возможностей, в котором я находился более трех лет.

Я часто думаю о том, что под пышными и волнующими фразами, в которые облачают из ряда вон выходящие человеческие действия, в конечном счете лежит все то же чувство, которое так глубоко изображено у Лондона в рассказе «Любовь к жизни», — вещи, которую так любил Владимир Ильич Ленин. И, по-видимому, эта любовь, осененная светом

человеческого разума, и есть тот источник, которым питает человечество свое вдохновенное творчество в часы созидания и из которого черпает силы для борьбы в часы смертельной угрозы своему существованию.

Я не предавался этим возвышающим душу размышлениям на дне клоаки гитлеровского лагеря, не противопоставлял свой высокий интеллект гогочущему идиотизму тюремщиков, а боролся и бежал, когда нужно было спасти жизнь для дальнейшей борьбы, и каждый раз, когда меня ловили, еще во время истязания за совершенное «преступление», обдумывал план нового побега, ибо мой мозг отказывался признать право за кем бы то ни было лишать меня данной мне самим рождением возможности дышать вольным воздухом и греться в лучах солнца, и я считал преступником не себя, а своих гнусных и тупых врагов.

И вот, изможденный после нескольких месяцев пребывания в темном подвале, я стою лицом к стене в ослепительно яркой, залитой сияющим августовским солнцем комнате, и смотрю на блики солнца на этой стене, и бесконечно радуюсь этому празднику.

Меня привели в кабинет следователя для очной ставки с Генри* Корнилем — бельгийским коммунистом, руководителем антифашистского подполья иностранной части нашего лагеря в Фаллингбостеле. Я знаю, что ни за что на свете не признаюсь, что знаком с ним, хотя совместная подпольная работа и дружба с этим белокурым высоким человеком с чарующей улыбкой — одно из самых драгоценных приобретений в моей жизни, а его уважение и симпатия ко мне — предмет особой для меня гордости; знаю, что и он не сдаст и не «расколется», и это наполняет мою душу ликованием и счастьем. Я чувствую огромное удовлетворение от сознания, что наши тупые враги

* Так его называли в лагере; правильно — Анри.

просчитались: они не получают ничего, мы же с Генри увидим друг друга и солнце.

И поэтому у меня на душе праздник, а в сердце ликующая радость. Окна за моей спиной открыты настежь, и теплый душистый воздух заполняет до краев комнату, и, хотя я очень истощен, мне трудно стоять, я упиваюсь этим необыкновенным ощущением после промозглой сырости темного подвала. За моей спиной звучит милый и очень домашний смех красивой (мне почему-то все теперь кажется нарядным и красивым) девушки-переводчицы, и я возвращаюсь к действительности. Меня охватывает чувство щемящей жалости, смешанной с отвращением к этой красивой гадине, и я с горечью думаю о том, что такое в сущности милое и бездумное создание служит в этом отвратительном вертепе и даже не отдает себе в этом отчета. Стучат в дверь. Затем входит надзиратель и кто-то еще. Всей спиной я ощущаю Генри, от которого мне сейчас нужно будет отречься, когда мне так хочется броситься на шею и расцеловать этого чудесного и единственного среди окружающих нас врагов друга. Резкий окрик «Повернись!» заставляет меня вздрогнуть, но я не поворачиваюсь, чувствуя, что в этот момент я еще не могу совладать с мышцами лица. Приказание повторяют, я медленно поворачиваюсь и прямо перед собой вижу Генри...

* * *

Это началось на рассвете 7 ноября 1941 года, когда меня извлекли из ледяной воды немецкие солдаты. Речушка была рубежом между немецкой и нашей линиями обороны. К этому рубежу в течение долгих дней мы пробивались из немецкого окружения, о нем бредили в короткие и тревожные минуты сна на привалах, ибо не было для нас другого исхода или пути, как любой ценой пробиться под защиту истекающей кровью матери-Родины и вместе со всем народом отстаивать ее в годину смертельной опасности.

Почти у цели, во время переправы через реку Нару, раненный, я провалился сквозь лед, и, пока беспомощно барахтался, старался выкарабкаться, ко мне подоспели немцы, и поволокли меня в свое расположение. Это случилось в ночь на 7 ноября, на рассвете, неподалеку от деревни Таширово. Меня заперли в сарае, где содержались люди из прифронтовой полосы: мужчины и женщины, военные и гражданские вместе.

Все было очень обыденно и просто и вместе с тем удручающе страшно неожиданным неправдоподобием. Меня часто потом, когда жизнь бросала в самые гнусные и затхлые закоулки, посещала эта странная мысль — мысль о том, что в жизни самые ужасные вещи до смешного просты и обыденны и, вероятно, поэтому гораздо страшнее тех образов, которые у нас с детства формировались под влиянием чтения об этом книг. Меня, например, всегда забавляло, что решетки и запоры в тюрьмах сделаны очень небрежно и плохо (хотя всегда излишне прочно), ибо я представлял себе эти атрибуты насилия как-то совсем по-другому, грозными и внушительными, и я думаю, что их так скверно и неряшливо делают потому, что чаще всего делать это заставляют людей, которые ненавидят насилие, и вот теперь я, например, видел сквозь щель сарая, как по улице ходят немецкие солдаты, выполняя свои обыденные дела; в сарае, так же как и прежде, до немцев, и до моего плена, и, может быть, всегда, пахло сеном, и стены сарая, ветхие и тонкие, ни в чем не напоминали тюремных, покрытых мхом каменных стен, и все было обыкновенно и просто, и поэтому никак не укладывалась в сознании мысль о том, что вот нельзя больше встать и пойти куда-нибудь, куда нужно, что невозможно даже как-нибудь облегчить себе страдания от ноющих ран, и это создавало впечатление какой-то кошмарной нереальности. Это чувство посещало меня очень часто и потом, и никогда я не мог к нему привыкнуть и примириться со своим состоянием. Вечером меня вызвали на допрос.

И здесь все было не так, как я это представлял и представляют себе люди, не испытывавшие такого. Посреди когда-то, по-видимому, жилой, а теперь разоренной комнаты стоял большой стол, за которым сидели немецкие офицеры и пили водку. У меня спросили фамилию (здесь я впервые назвал вымышленную фамилию, с которой потом прожил многие годы), номер части и т.д. Но как только убедились в том, что часть, в которой я служил, давно уже не существует, меня снова отправили в сарай. В сарае мне пришлось провести несколько дней, в течение которых нам не давали ни пищи, ни воды. Люди, мужчины и женщины, многие сутки находившиеся в сарае безвыходно, превратили его в отвратительный хлев. На стук в стены конвой отвечал выстрелами... Наконец на шестые сутки меня отправили в тыл. Начались бесконечные этапы и лагеря. Сперва на нашей территории, затем в Германии. За это время была дизентерия, был тиф, были бесконечные смерти умиравших рядом со мной товарищей в «больничных» бараках, еще больше было тех, кого немцы пристреливали по дороге, когда они отставали. Нервное напряжение было так велико, что я даже забыл про свои легкие, впрочем в мякоть бедра и в плечо, ранения, и раны мои как-то сами собой зажили по дороге. Наконец я очутился в Западной Германии.

Нас было 137 человек, когда мы прибыли из штаб-лага XI-Б на завод «Миаг» в городе Брауншвейге. Это был большой танковый завод, на котором работали в две смены люди, собранные со всех концов Европы. Русских было около 1000 человек, 500 человек утром и почти столько же вечером совершали ежедневно марш в пять километров от лагеря до завода.

Отбрасывая в сторону такие понятия, как гуманность, сострадание, международные нормы и т.д., о которых немцы, очевидно, не имели или не хотели иметь по многим причинам понятия, изучение которых предоставим историкам, меня всегда удивляла их непоследовательность с точки зрения

элементарной целесообразности и собственной выгоды. Привезти военнопленного или любого другого врага для работы за тысячи километров обходилось, безусловно, им недешево, и они с этим считались, так как нехватка рабочих рук была огромная, но вместе с тем не принимали никаких мер, чтобы сохранить эту рабочую силу. Вместо этого они доставляли все новые и новые этапы на место умиравших от голода и лишений людей. В этом лагере, где военнопленные были предназначены для работы на одном из важных объектов, они получали суп из... гороховых стручков. Даже мы, голодные и истощенные до последней крайности, не могли проглотить ни одного стручка, да если бы и можно было их глотать, они не могли дать питания организму. И на наших глазах умирали десятки людей.

Откуда берутся у человека силы ежедневно подниматься с нар, строиться, слышать эти окрики, двигаться через весь город в деревянных колодках, врезавшихся в опухшие ноги, и работать целый день под наблюдением надсмотрщиков, а вечером снова проходить через весь город обратно в лагерь? И откуда у таких же людей, только другой национальности, звериная ненависть к этим умирающим людям? Вот наш строй проходит мимо пожилой женщины с тремя детьми. Вдруг дети по команде матери разом поворачиваются к нам спиной, опускают штанишки и показывают свои голые зады. Что руководило женщиной в этот момент? А вот молодой парень, сорвавшийся вдруг с тротуара, подбегает сбоку к строю и ударяет кулаком несколько раз по лицу первого попавшегося военнопленного. Немцы, стоящие в стороне, и конвоиры дружно хохочут. И когда видишь это каждый день, в душе у тебя возникает целый комплекс чувств против людей, которые не только тебя непосредственно топчут ногами, но и против всего мира, который спокойно смотрит на это, не вмешивается немедленно, чтобы обуздать этих варваров XX века. Создается

впечатление, что человечество вдруг потеряло себя и в припадке безумия летит в пропасть.

В первые несколько недель у меня сложилось убеждение, что немецкий народ весь одинаков, что все немцы похожи друг на друга как две капли воды. И вдруг мое знакомство с молодым токарем Гельмутом, убедившим меня, что я был не прав. Началось с того, что однажды, когда я проходил с тяжелой болванкой на плечах мимо его станка, он вдруг меня остановил и, оглянувшись быстро по сторонам, сунул мне в руку кусок хлеба. Я был страшно голоден, но не сразу съел этот хлеб — до того поразил меня поступок немца. А когда решился с ним заговорить, мне стало понятно, что не все немцы одинаковы, как и вообще все люди. И еще больше убедился в этом, когда через неделю он познакомил меня в другом цехе со своим дядей, оказавшимся старым коммунистом, а потом еще и еще несколько знакомств с рабочими, подходить к которым я раньше боялся. Сколько было ненависти к этому строю в словах маленького худощавого строгальщика, когда он шепнул мне: «Наци никс гут» (нацисты плохие). А сколько было гордости в словах старика, дяди Гельмута, когда он рассказывал о своем знакомстве с Калининным и о том, что он слушал речь Ленина.

И вот благодаря этим людям я понял, что в немецком народе еще есть прогрессивные силы и что они в глубоком подполье готовятся к тому, чтобы в нужный момент сбросить с плеч народов Европы страшное чудовище — немецкий фашизм.

Нельзя целый народ, давший миру столько великих людей и самую передовую идею, превратить в течение нескольких лет в цивилизованных дикарей, какими они мне показались после первых дней нахождения в Германии.

И когда у меня возникла мысль бежать из лагеря, я знал, что мне помогут. И мне помогли. Гельмут принес соль, нож, табак, а главное — показал на

территории завода, в каком месте удобно перебраться через проволоку.

В конце июня 1942 года Григорий Климов, Мишка из Куйбышева и я во время работы в ночную смену, перебравшись через проволоку, пошли на восток.

1956–1957 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Воспоминания Арона Фарберова

С Максом Григорьевичем Минцем я познакомился в конце 1954 года, а скорее всего, в начале 1955 года в центральной больнице Озерлага, описанной Дьяковым в «Повести о пережитом». Как я попал в больницу и как неожиданно для себя стал работать там фельдшером в корпусе больных закрытой формой туберкулеза, интересно само по себе, но к Максиму отношения не имеет. Врачом корпуса был доктор Нусбаум, еврей из Будапешта, замечательный человек. Врачи

Арон Фарберов

жили вне корпуса, и однажды, зайдя к нему, я застал там сидящего человека, сразу обратившего на себя мое внимание. Мы познакомились и после короткой беседы вышли вместе. Оказалось, что Макс находится в терапевтическом корпусе, что у него большое сердце и вдобавок в больницу он попал из загадочной зоны, где находились восставшие заключенные из Норильска. О зоне этой ходили всякие слухи: что это не обычный лагерь — изолятор, находившиеся там не работали,

их старались не смешивать с другими заключенными, чтобы не заразить тех бунтарским духом.

С этого дня мы стали встречаться каждый вечер после того, как я заканчивал выполнять свои фельдшерские обязанности. Мы гуляли по пустынной, безлюдной зоне, и время от времени, между будничными беседами, мне удавалось услышать от Макса то один, то другой рассказ о его прошлом.

Нужно сказать, что этот спокойный, сдержанный человек, от которого исходила какая-то внутренняя сила, рассказывать о себе не стремился. Поэтому картина, возникающая в моей памяти, рисующая прошлое Макса, фрагментарна. Вдобавок прошло 43 года, и не все всплывает в памяти, да и сердце щемит, когда прошлое вспоминается с неожиданной ясностью и боль утраты заполняет тебя всего, не давая возможности сосредоточиться. Эта боль, по-видимому, одна из причин, неосознанно мешавшая мне приняться за воспоминания. Я постараюсь изложить известное мне в хронологической последовательности.

В одной из бесед я узнал, что Макс был офицером в Белоруссии, если мне не изменяет память. Будучи там, он много времени уделял физической подготовке, занимаясь гимнастикой на снарядах. В это время он познакомился со своей первой женой, и у него родился сын Лева. Оттуда он попал в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую окончил незадолго до войны, и был назначен начальником штаба артиллерийского полка.

Полк попал в окружение в 1941 году, и, насколько я помню, было решено, что из окружения будут выходить группами.

В одну из ночей Макс подошел к реке, уже покрытой льдом. На противоположном берегу он услышал русскую речь, а на его берегу были немцы. Переходя реку, он провалился под неокрепший лед, да так, что не мог двинуться. Русская речь слышалась отчетливо, и он начал кричать и звать на помощь. Русские его не

услышали, зато услышали немцы, пришли и вытащили, и Макс оказался в плену. Назвавшись Михаилом Минаковым, он попал в лагерь для военнопленных, где переводчиком был лейтенант-артиллерист, который симпатизировал ему, как артиллеристу. Старшим полицаем в этом лагере был украинец, не веривший, что Макс — русский, и все время утверждавший, что он жид и коммунист. Лейтенант защищал его, и дело закончилось тем, что в лагерь приехал немец офицер, специалист по расовым проблемам. На счастье Макса, когда ему делали обрезание, попала инфекция, и у него было сильное воспаление, в результате чего шов был нетипичным. Это позволило Максиму утверждать, что у него в детстве было воспаление крайней плоти и ему сделали операцию, удалив ее. В беседе с немцем каким-то образом выяснилось, что в молодости Макс со своим отцом были вегетарианцами. Это решило его судьбу: специалист по расовым вопросам заявил, что еврей не может быть вегетарианцем, так как это противоречит еврейской религии. Макс остался в лагере. Однако старший полицай по-прежнему продолжал твердить, что Макс — жид. Самое тяжелое было ходить в баню, где надо было раздеваться. В этом лагере Макс познакомился с Адамом Стэном* (ныне — Адам Цур), евреем из Польши, ставшим его близким другом. Они оба не могли смириться с необходимостью находиться в лагере и решили бежать.

Макс бежал из лагерей для военнопленных шесть раз. В моей памяти сохранились лишь отрывочные воспоминания из его рассказов о побегах. Я уже говорил, что он не очень-то распространялся о своих подвигах. Я помню, что в один из побегов они питались лишь мороженой картошкой, что крестьяне поймали его с помощью собак в дереве, где он пытался укрыться. После каждой поимки его переводили в лагерь, расположенные все дальше на запад. В один из побегов рассвет застал его в парке одного из немецких городов,

* Правильнее — Штенон, в лагере по понятным причинам «англизировали» фамилию.

где он спрятался в овраге. Ребенок лет трех-четырёх, играя, оказался у края оврага и, увидев его, начал кричать: «Мама, мама, тут человек!» Мать, боявшаяся, что он упадет, велела ему вернуться к ней.

После очередного побега Макс оказался в лагере для военнопленных, находившемся в Германии. В этом лагере он стал одним из руководителей организованного подпольного сопротивления вместе с будущим секретарем ЦК Бельгийской компартии. Я не помню, по какой причине руководители сопротивления приняли решение организовать ему и Адаму Стэну побег из лагеря. Побег был организован очень хорошо, и Макс с Адамом сумели добраться почти до Югославии. В пути жандармы, проверявшие пассажиров поезда, обратили внимание на то, что у них чемоданы были абсолютно новые. Это, по-видимому, было необычным явлением в конце войны. Их задержали. Один из допрашивавших оказался уроженцем того города, жителем которого, согласно легенде, был Макс, и ему быстро удалось выяснить, что Макс города не знает. Их арестовали и отправили в тюрьму. После жестоких допросов за неоднократные побеги и, по-видимому, за нелегальную деятельность Макс был приговорен к смертной казни.

Союзники освободили район, где Минц находился в тюрьме до приведения приговора в исполнение, и он остался в живых. В один из первых дней после освобождения Макс разыскал своего следователя и отправился к нему домой с намерением убить его, если застанет. Когда он постучал (или позвонил), ему открыл сам следователь. На шум вышла его жена и маленький мальчик. Жена остолбенела, а мальчик непрерывно спрашивал: «Кто этот человек?» Макс не смог убить следователя на глазах его жены и ребенка.

За время возвращения домой Макс познакомился с Лидой, по-моему медсестрой, принявшей особое участие в его судьбе. Нужно отметить, что, не будучи писанным красавцем, Макс имел успех у женщин.

С Лидой, ставшей его второй женой (первая жена оставила Макса во время его пребывания в плену), он вернулся в Москву, где начал работать начальником строительства газопровода Москва—Омск.

В 1947 году, когда брали многих из тех, кто был в плену и остался в живых по подозрительным, по мнению МГБ, причинам, арестовали и Макса. Его обвиняли в сотрудничестве с немцами. Когда же он попросил, чтобы взяли показания у секретаря ЦК Бельгийской компартии, следователь заявил, что тот также сотрудничал с немцами и они до него доберутся. Макса по решению ОСО отправили в норильские лагеря.

Он получил 15 лет. Лиде он написал, чтобы его не ждала и выходила замуж. В своих рассказах об этом периоде Макс в основном описывал тяжелые погодные условия Норильска. Он ничего не говорил мне о своей роли в восстании и о причинах, его вызвавших. А может быть, говорил мало, не акцентируя этих событий, и я этого не запомнил. Помню лишь, что немного он рассказывал. Я знаю лишь, что во время его пребывания в больнице бывшие там норильчане — западные украинцы приходили к нему советоваться по поводу того, что делать с одним из земляков, уличенным в гомосексуализме, и называли Минца Батько.

Летом 1955 года Макс был актирован. Он вернулся в Москву. Его восстановили в партии, возвратили армейское звание и после этого уволили из армии в запас. Он снова начал работать на строительстве газопровода. Узнав о его возвращении, Лида, уже бывшая замужем и имевшая сына, хотела вернуться к нему, но Макс уговорил ее не разрушать семью.

Сам он познакомился с женщиной-еврейкой Надей и женился на ней. У него родился второй сын — Артур. Вскоре он убедился в неверности Нади и оставил ее.

Позже он, безусловно талантливый человек, защитил диссертацию в области строительства и работал в строительном институте старшим научным сотрудником. В этот период Макс снова женился.

Его жена Доба, геолог, с которой он прожил до конца жизни, родила ему третьего сына — Виктора.

Макс Минц — человек-легенда с необычайной судьбой, человек глубоко порядочный, преданный друг и товарищ. Он был хорошим евреем и сионистом. Это он свел меня с Михаилом Маргулисом, узнав о моих неудачных попытках получить вызов из Израиля. Маргулис мне этот вызов организовал. О связях Минца с активистами в Москве написал Михаил Маргулис. Сионистскую сущность М.Г. Минца я, знавший его и его отца, могу засвидетельствовать, исходя из бесед с ним. Он хотел уехать в Израиль, но по семейным обстоятельствам сделать этого не смог. В последний раз я видел его в аэропорту в день моего отлета в Израиль, больного воспалением легких, с температурой, пришедшего, несмотря на это, проводить нас.

Да будет память его благословенна!

*Из книги
«В плену у Гитлера и Сталина»,
Иерусалим, 1999 год.*

Семен Юльевич Бадаев

Семен Бадаш:

*«Автоматчики открыли огонь
по толпе заключенных» .*

Его жизнь — это характерный и вместе с тем страшный путь многих людей эпохи советского режима. Он родился 16 июля 1921 года. Принимал участие в Великой Отечественной войне. После демобилизации в 1945 году поступил в медицинский институт. На четвертом курсе в апреле 1949 года был арестован и осужден «за преступную связь с иностранцами» (ст. 58 п. 1а) и за антисоветскую агитацию (ст. 58 п. 10). Стукачом оказался сосед-студент, прикидывавшийся другом. Приговор — 10 лет особых лагерей. Семен был в Степлаге в Экибастузе, где принимал активное участие в лагерной забастовке-голодовке. Затем этапом зачинщики забастовки были отправлены в норильские лагеря. Здесь, как и в Степлаге, Семен был занят на общих работах и только последние 8 месяцев по инициативе совета заключенных, куда входил и Бадаш, проработал в больнице. Участвовал в норильском восстании. Вместе с большим этапом норильчан, оставшихся в живых после подавления восстания, Семен попал на Колыму, где работал на кирпичном заводе и в шахтах.

После переследствия в Москве «за отсутствием улик и состава преступления» Бадаш был в октябре 1955 года освобожден. В 1982 году вся его большая семья со стариками родителями — 9 человек — была вынуждена эмигрировать.

Пятого ноября 2005 года не стало замечательного человека Семена Юльевича БАДАША.

По указанию Сталина в 1948 году для всех осужденных по политической 58-й статье были организованы Особые каторжные лагеря. Их «архипелаг» простирался по всей территории СССР, и носили все они названия из физической географии. Так, на севере Казахстана они именовались Степлагом, на юге этой же республики Песчанлагом, в районе Тайшета был Озерлаг, в заполярном Норильске Горлаг, а на Колыме — Берлаг. В европейской части возле Потьмы был и Дубравлаг. Все их многочисленные отделения или лагпункты от обычных ИТЛ отличались ужесточенным режимом, обязательным ношением на лагерной одежде четырех номеров, решетками с замками, которыми запирались бараки на ночь. Запрещением всяких свиданий, ограничением переписки (до двух писем в год), абсолютным отсутствием какой-либо информации, запрет радио, газет и журналов. Ежедневными обысками на вахте с раздеванием до белья (и в зимние морозы) при возвращении колонн заключенных с работы. И, конечно, усиленной охраной лагерей и рабочих зон, не говоря о строжайшем конвоировании на работы и обратно в лагерь с «верными Русланами».

Пройдя в 1949 году стандартный для того года конвейер МГБ через Лубянку, Бутырки, ознакомившись с постановлением ОСО при МГБ СССР по ст. 58 пункт 1а (шпионаж советского гражданина, ибо для иностранцев был пункт шестой) и пресловутый пункт 10 (антисоветская агитация), я был этапирован в Экибастузское отделение Степного лагеря. В Экибастузе были найдены колоссальные поверхностные залежи угля. В этой голой степи достаточно было копнуть раза два лопатой, как на поверхности сразу появ-

лялся уголь. Строительством этого угольного района ведал трест «Экибастузуголь», для начальства и сотрудников которого привозились сборные финские домики. Бесплатную рабсилу поставлял наш лагерь, где мы сами для себя строили из привозных бревен и пиломатериалов бараки, столовую, баню, штаб для начальства лагеря и один барак под больницу. И, конечно, какой лагерь может обойтись без каменной тюрьмы — БУРа, который мы для себя же строили из бутового камня, степных валунов. Камни и цемент привозили в зону вольнонаемные шоферы.

Поначалу в зоне было не более тысячи зэков. Здесь (как и во всех других особлагах) парадоксально смешивались различные группы зэков. Евреи, в большинстве осужденные «за космополитизм», «за антисоветскую агитацию», «за принадлежность к сионистскому движению», редко за недоказанный шпионаж, составляли менее 1 % (так было во всех особлагах), и рядом с ними русские — и побывавшие в немецком плену, и недавние власовцы или служившие в СС; у них под мышками была вытатуирована соответствующая группа крови. Отдельно два барака заселяли с отметкой на одежде «КТР» каторжане, осужденные по Указу ВС СССР от 1943 года за прислужничество немецким оккупантам: недавние бургомистры, полицей, помогавшие вешать партизан и расстреливать евреев, обслуживавшие походные немецкие газовые душегубки. Кроме того, в лагере были зэки из советских нацменьшинств. Это были советские военнопленные, осужденные за службу у немцев в национальных легионах, которых немецкое командование направляло на борьбу с партизанским движением в оккупированных странах Европы. Об этом в советское время было не принято говорить и писать, а между тем с партизанами в Югославии, Италии и с участниками Соппротивления во Франции они расправлялись более жестоко, чем сами немцы. С 1949 года в лагерь прибывали небольшие этапы вновь осужденных по 58-й статье или из обычных ИТЛ.

Самым большим этапом, прибывшим в Экибастуз, в тысячу эков, был этап 58-й из обычного ИТЛовского Ивдельлага. Новоприбывшие с удивлением смотрели на четыре латки с номерами на нашей одежде, но были вынуждены пришивать такие же и на свою. К концу 1951 года общая численность эков в Экибастузе составляла 5 тысяч.

Еще более парадоксальным в лагере было стукачество. Казалось бы, все, хотя и с разными сроками, находятся в одинаковом положении. Ан нет. Желая выслужиться, многие эки бегали стучать к «куму» — лагерному представителю МГБ. Доносили о разговорах в бараках и на производстве, о возможных побегах, о передаче писем на волю через вольных шоферов, о нелегально принесенных с рабочих объектов острых и колющих предметах и тому подобное. От доносов стукачей страдали и невинные эки.

В лагере более 65–70% составляли западные украинцы, воевавшие в УПА (Украинской повстанческой армии), или те, кто помогал им в селах и на хуторах вести борьбу поначалу с немецкими оккупантами, когда их руководство ОУН убедилось в германской лжи о предоставлении независимости Украине, а потом с брошенными против них советскими войсками МВД. В Экибастузе (как и во всех особлагах) бандеровцы были сплоченной силой, не только многочисленной, но и единой. Это был цвет западноукраинской молодежи, еще не испорченной советскими порядками и бытом, однако настроенных против «москалей». Их безукоризненная честность порой доходила до наивности.

В частых беседах с ними мне приходилось им разъяснять, что нельзя всех стричь под одну гребенку, что и российские граждане, в том числе и москвичи, также страдают от советского режима. Я рассказывал им о еще памятном большевистском терроре и первых созданных по указанию Ленина концлагерях — Соловках и Медвежке. Обо всем этом они ничего не знали. В качестве примера я приводил даже

евреев в лагере. Это постепенно меняло их мировоззрение. В дальнейшем на долгом пути через заполярный Норильск и Колыму я всегда находил у них поддержку и помощь.

Когда меня на промежуточном этапном лагере в Чурбай Нуре посадили в БУР, отделенный от жилой зоны двойным рядом колючей проволоки, то по ночам один из бандеровцев, рискуя жизнью, подлезал под заграждение и бросал через окошечко мне еду. Впервые от бандеровцев я узнал, что при немецкой оккупации лесные отряды Бандеры и Мельника брали в свои укрытия необходимых им врачей, фельдшеров и медсестер, евреев и евреек, и этим многих спасли от гибели у немцев.

В лагере самыми авторитетными у украинцев были братья Николай и Петр Ткачуки. То ли они в Западной Украине руководили отрядами повстанцев, то ли были «на проводе», что тоже означало в УПА подпольное руководство, в лагере было не принято расспрашивать о прошлом. Оба брата организовали тайный многонациональный совет для борьбы со стукачами и с теми бригадирами, которые, выслуживаясь, давили на работяг-зэков. В совет входили четверо от западных украинцев, двое от русских, двое от среднеазиатов и двое от прибалтов. От евреев Ткачуки пригласили в совет и меня.

Мы собирались в одном из барачков между ужином и закрытием барачков. Поочередно вызывали отдельных бригадиров, на которых поступали жалобы работяг, предупреждали их. Нужно было выявить стукачей. И тут представился удобный случай, когда «куму» (лагерная кличка оперуполномоченного. — *Примеч. ред.*) потребовался дневальный, чтобы мыть полы в его кабинете, заготавливать уголь и топить печь, расчищать от снега дорожку к его резиденции и так далее. И на эту «должность» нами был подослан молоденький паренек из бандеровцев, который сообщал, кто ходит стучать. Предатели вызывались на совет. Некоторые просили прощения и отказывались от

дальнейшего сотрудничества с «кумом». Другие упорствовали в своей невинности по отношению к посаженным в БУР солагерникам. Вскоре начались убийства заядлых стукачей, по доносам которых страдали эки, — «рубилетка» (по выражению позже ставшего «великим знатоком ГУЛАГа» А.Солженицына).

Зарезали стукача в бараке, разрубили голову топором или упало на производстве на голову бревно, ночью повесили стукача в бараке, а утром надзиратель его находит. В исполнителях приговоров тайного совета недостатка не было. Почти все они были бандеровцами. Даже сам «кум» однажды открыто признался, что «как-то уж точно убивают моих людей».

Характерно, что убивали не всех, а только злых стукачей. Особо досаждал в лагере нарядчик Василий Щеголь из обрусевших украинцев. Ежедневно после развода бригад он ходил по баракам и избивал палкой прятавшихся доходяг и отощавших, которые не вышли на развод. Ему был вынесен смертный приговор, но так как за зону на производство он не выходил, да и жил как привилегированный зэк в отдельной кабинке, то исполнителям пришлось убивать его в зоне. После многочисленных ножевых ран он, окровавленный, побежал к воротам на вахту с криками «убивают», но исполнители нагнали его и прикончили на глазах у охраны. Поскольку они были без масок, их сразу опознали и посадили в БУР, где уже сидели подозреваемые в убийствах. Понимая опасность, оставшиеся еще в живых стукачи просили вывести их за зону, но начальник режима Мачаховский собрал их и изолировал в одной из камер БУРа. Затем Мачаховский выкинул такой номер: он открыл две камеры, в одной из которых сидели подозреваемые и настоящие исполнители убийств, в другой (их было значительно больше) — спасающиеся стукачи. Мачаховский приказал последним, избивая подозреваемых, добиться от тех признаний в совершении убийств, а также выпытать, кто ими руководит и посылает уничтожать стукачей.

Вечером 21 января 1952 года (этот день хорошо запомнился по дате смерти Ленина) наши бригады, пришедшие в лагерь с рабочих объектов, услышали крики из БУРа, где стукачи избивали подозреваемых и исполнителей убийств. Как по команде, большие группы зэков начали ломать окружавший БУР деревянный забор, чтобы проникнуть внутрь и оказать помощь избиваемым. Под нашим напором на морозе трещали доски ломающегося забора. Подошли к двери БУРа, на котором висел большой амбарный замок, и при попытке его сорвать внезапно со всех четырех угловых вышек по зоне открылась стрельба из автоматов. В темноте с четырех сторон были видны разноцветные огоньки трассирующих пуль. Осада БУРа прекратилась. Было около двух десятков раненых зэков, некоторых доставили в лагерную больницу, но большинство, чтобы скрыть участие в осаде БУРа, в санчасть не явились.

Как внезапно открылась по зоне стрельба, так же внезапно и прекратилась, но в ворота лагеря вошли несколько десятков надзирателей и охранников с ломами и палками и били ими всех попадавшихся на пути зэков, которые еще не успели разбежаться по баракам. Уже в тот же вечер и на следующее утро по инициативе бандеровцев и возглавлявших их братьев Ткачуков по всем баракам был объявлен невыход на работу с объявлением голодовки. Прозвенели утренние ежедневные удары по рельсу, что означало выход бригад на развод, но на линейке никого не было. Заключенные разных национальностей и разных политических убеждений проявили какое-то удивительное единство. Повара на кухне, не дождавшись прихода бригад в столовую, загасили огонь под котлами. Начальство лагеря, впервые столкнувшись с таким единством, растерялось. Поначалу ходило по баракам и требовало прекратить забастовку, потом перешло на просьбы выйти на работу. Но это не действовало.

Голодовка с невыходом на работу длилась пять дней. Те, у кого в бараках оставались еще продукты

из домашних посылок, делились с другими. Но вскоре и эти запасы закончились. К пятому дню мы увидели, что многие зэки настолько ослабли, что не в состоянии подняться с нар, а потому нашим руководством голодовка была отменена, но невыход на работу продолжался. Заработала кухня, кому еще хватало сил, ходили в столовую, другим приносили пищу в бараки.

Спецсамолетом из управления Степлага прилетело высокое начальство. На линейке поставили длинный стол, где прилетевшие расселись в теплых полубудках и просили окруживших их зэков высказать свои претензии. Главным требованием было наказать тех, кто дал команду открыть из автоматов огонь по безоружным зэкам. Судить в лагере открытым судом. Были и другие многочисленные требования: о бесплатной работе, о лимите на два письма в год, о запрете на свидания и другие. Я тоже выступил с заявлением: «Если не будут удовлетворены наши требования, мы будем жаловаться в комиссию ООН по правам человека».

Начальство Степлага обещало связаться с Москвой и по возможности пойти на удовлетворение наших требований, но одновременно просило прекратить забастовку и всему лагерю выйти на работы. А через день было объявлено о якобы расформировании лагеря. И на первый этап попали все выступавшие перед комиссией, все активисты забастовки с голодовкой и все подозреваемые в убийствах стукачей, сидевшие в БУРе.

Наш этап составил 250 человек, которых рассаживали по конвоированным грузовикам и повезли по необъятной снежной казахстанской степи. Привезли нас в пустующий новый небольшой лагерь в Чурбай Нуру, где еще до нашего прибытия началась проходка глубоких шахт. Там почти в полном безделье мы пробыли пару месяцев, после чего нас на грузовиках с конвоем отвезли на центральную большую пересылку в Караганду. Здесь встретились и с некоторыми солагерниками.

На Карагандинскую пересылку были собраны из разных лагпунктов 2 тысячи неугодных начальству Степлага ээков. На той пересылке я познакомился и подружился с грузином Чабуа Амирэджиби, с которым прошел весь дальнейший путь по островам архипелага ГУЛАГ. Наша дружба продолжалась и после реабилитации. Когда Чабуа приезжал из Тбилиси в Москву, мы встречались в квартире поэта Михаила Светлова. Его родная сестра была женой поэта. Потомок грузинских князей, талантливый Чабуа Амирэджиби написал книгу «Дата Туташхия», за которую за год до моей эмиграции получил госпремию, а затем написал и издал биографический роман. Два раза он приезжал в Бонн, где мы с ним встречались, но это, как говорится, к слову.

Теплым весенним днем на Карагандинскую пересылку был подан большой состав товарняка, и две тысячи «забастовщиков и бунтовщиков» заполнили эти «краснухи». Конечно, никто не знал, куда нас этапируют. Лишь по прибытии эшелона в Красноярск, расположившись на Красноярской пересылке, узнали, что нас направляют в заполярный Норильск.

Через неделю гуськом спускались в темный трюм большой баржи, прицепленной к буксирному пароходу, который тащил баржу вниз по течению Енисея. Проехали Енисейск, затем Туруханск, где когда-то отбывал ссылку «любимый наш вождь и учитель», последовал большой порт Игарка с морскими судами, и наконец, прибыли в Дудинку. На всем пути по Енисею мы видели по обоим берегам девственную непроходимую тайгу. В том, 1952 году Дудинка была деревянным одноэтажным поселком, от которого шла узкоколейная железная дорога в Норильск. Через час езды из-за поворота увидели белокаменный Норильск.

Вдалеке дымил медеплавильный комбинат, в черте города находился так называемый 25-й завод, на котором проходило отделение драгоценных металлов от медной руды.

В Норильске был Особлаг, именованный Горлагом и имевший несколько лагпунктов.

Конвой привел наш «казахстанский этап» в 5-й лагпункт, где и началось знакомство с земляками. Познакомился с молодым Романом Брахтманом, отбывавшим срок за желание попасть в Израиль вместе с другими московскими студентами Михаилом Маргулисом и Вилли Свячевским, которые попались при попытке перехода госграницы с Турцией. (Уже давно Роман живет в Нью-Йорке, а Михаил и Вилли в Иерусалиме. Первый по архивным материалам написал книгу о сотрудничестве Сталина с царской охранкой, второй издал в Израиле книгу «Еврейская камера Лубянки»). Состоялось знакомство с евреем Максом Григорьевичем Минцем. С этим героем дружба продолжалась в Москве и после реабилитации. Его подвиги в Сопротивлении у немцев в плену описаны в «Истории Великой Отечественной войны», а не так давно в Иерусалиме издана посвященная ему книга «В плену у Гитлера и Сталина».

В норильском Горлаге тот же режим, что и в казахстанском Степлаге. Положение идентичное тому, что было у нас в Экибастузе до организации тайного совета: широко распространено стукачество, бригады выжимают из работяг последние силы.

Братья Ткачуки связались с хирургом-зэком Омельчуком в больнице на 4-м лагпункте, чтобы он посодействовал через вольную начальницу санчасти Яровую взять меня на работу в больницу. Нам было необходимо иметь своего человека в больнице. Параллельно Макс Минц просил рентгенолога, зэка из Будапешта, еврея Ласло Нусбаума также походатайствовать обо мне перед Яровой. После двух недель хождения с плотницкой бригадой на строительство домов на будущей Гвардейской площади меня, студента 4-го курса московского мединститута, переводят в 4-й лагпункт и определяют помощником опытного фтизиатра эстонца Реймастэ в туберкулезное отделение, в котором лежат обреченные с кавернозной

формой туберкулеза. Единственным лечением этих обреченных на смерть больных были внутривенные вливания кальция и пневмоторакс, который я быстро освоил. Периодически вел еще амбулаторный прием. С распоясавшимися здесь под крылышками начальства бригадирами борьба проходила легко. Ткачуки и боевые бандеровцы вызывали поодиночке каждого и строго предупреждали, если они не изменят своего поведения по отношению к работягам, их ждет неминуемая кара. В отношении стукачей было сложнее, ибо надо было вести наружное наблюдение за теми, кто посещает «кума», а это не всегда удавалось. На амбулаторном приеме я имел право освобождать от выхода на работу тех, кто был нужен в зоне лагеря для проведения определенных заданий.

Из газеты «30 октября», № 59, 2005 год.

* * *

К вечеру в лагерь вернулась бригада с рабочих объектов, началось знакомство «новых» со «старыми». Я познакомился с двумя москвичами. Один из них — молодой парень Роман Брахтман, студент из Москвы, прошедший через ОСО и имевший 10 лет срока. Другой — очень степенный и выдержанный — Макс Григорьевич Минц, бывший кадровый офицер Красной Армии, имевший по решению ОСО 15 лет заключения. Знакомство наше продолжалось весь период пребывания в Норильске и уже потом в Москве, после реабилитации. Роман Брахтман сразу же, в 1955 году, женился на жительнице Львова, бывшей польской гражданке, и по последней репатриации польских граждан в 1956 году выехал с ней в Польшу. Макс Григорьевич Минц — в Москве. История его жизни достойна отдельной книги. Но об этой удивительно сложившейся судьбе несколько позже.

<...>

В соседнем лагпункте № 4 было трехэтажное здание центральной лагерной больницы. В переводе из

лагеря № 5 в лагерь № 4 на работу в эту больницу помог мне Макс Григорьевич Минц. Он пользовался уважением у всех заключенных, и поэтому через врачей-заключенных сумел добиться того, что на меня, как на врача, был выписан «спецнаряд». В один прекрасный день под конвоем двух солдат меня перевели в лагпункт № 4 прямо в центральную больницу. Я с радостью шел по неглубокому снегу из одного лагеря в другой. С двух сторон шли конвоиры с автоматами, но они в этот момент казались мне друзьями.

...Наступила холодная осень, температура воздуха падала все ниже и ниже, а когда наступила полярная ночь, температура воздуха достигала минус 40–50 градусов. Если учесть еще ветер и пургу, то можно представить, каково было заключенным работать в таких условиях (при недоедании и отсутствии хорошей одежды).

...Читателю будет весьма интересно узнать две истории двух совершенно разных заключенных, встретившихся мне в далеком заполярном Норильске. Эти две истории достойны того, чтобы быть описанными в отдельных повестях или романах. Вот они.

История первая — о Максе Григорьевиче Минце. Минц — кадровый военный, до войны окончил академию им. Фрунзе, служил в Красной Армии в звании капитана. Военская часть, в которой он служил в самом начале войны, была окружена немцами. Прорвать кольцо из немецких клещей было невозможно. Он и часть его подчиненных попали в немецкий плен. Минц пользовался таким уважением своих подчиненных, что ни один солдат не выдал немцам его национальности, — он был евреем. Он назвался Миначковым (фамилия типично русская) и, как все, был отправлен в один из лагерей для военнопленных. В лагере он сумел найти в себе силы не только выдержать ужас немецкого плена, но и организовать группу для побега. Побег не удался — его группа приблизительно через месяц была обнаружена немцами. Он был от-

правлен в концлагерь в Германию. Здесь он организует подпольную антифашистскую организацию сопротивления, ведет агитационно-пропагандистскую работу среди заключенных, организует побеги и сам бежит, но опять неудачно.

После окончания войны он, как и все бывшие военнопленные, проходит соответствующий фильтр, проверявший всех возвращавшихся на Родину. Кажется бы, все военные кошмары — окружение, плен, концлагерь, побеги — в далеком прошлом, можно жить спокойно. Но, увы, не прошло и двух лет, как в 1947 году его внезапно арестовывают. Далее стандартное обвинение: «Как ты, кадровый офицер Советской Армии, да еще еврей, смог прожить у немцев более трех лет? Здесь что-то не так, видно, ты сотрудничал с немцами». Таково было глупое обвинение — как он ни пытался доказать абсурдность обвинений, все было напрасно. Никто тогда не удостоился (а скорее всего не счел нужным) проверить факты, разыскать его товарищей по сопротивлению. Не понимая, что происходит, он пытался покончить жизнь самоубийством. Он прошел через ОСО по статье 58-1б («измена Родине военнослужащим») и получил 15 лет заключения. Во время следствия его держали в трех тюрьмах: Лубянской, Лефортовской, Сухановской.

Впоследствии (в 1955 году) он, как и тысячи других, был реабилитирован и по иронии судьбы принят в Комитет ветеранов войны. О его подвигах в немецких концлагерях писали во многих советских изданиях, в частности в книге «Вторая мировая война», в книге С.А. Бродского «Во имя победы над фашизмом».

<...>

...Наступили майские праздники 1953 года. 3 мая на вахту лагеря были вызваны несколько человек для отправки то ли в другой лагерь, то ли на какие-то работы. Конвой, как обычно, стоял за воротами лагеря, ожидая выхода заключенных. Один из заключенных, видя, что их должны куда-то перебросить, категори-

чески отказался идти. На все приказы конвоя он отрицательно мотал головой, лег на землю и категорически отказался подняться. И тогда начальник конвоя отдал команду стрелять. Солдаты из автоматов прошли пулями лежащего беззащитного человека. Весть об убийстве заключенного пронеслась по всему лагерю с молниеносной быстротой. Руководство национальных групп решило объявить голодовку с невыходом на работу. По баракам ходили заключенные и предупреждали о том, чтобы никто не выходил на работу и в столовую, чтобы все лежали на нарах и никуда не выходили из бараков. Записками и знаками с крыш бараков передали в соседний 5-й лагпункт о начале забастовки. Далее слух о забастовке пришел в 6-й лагерь (женский), который тоже объявил голодовку с невыходом на работу. В Горстрое Норильска приостановились все работы. Ушли с работы вольнонаемные (инженерно-технические работники), так как на объектах не было рабочих. Жизнь в городе была парализована.

Прошло четыре дня. Местное лагерное начальство было обескуражено и не знало, что предпринять, — впервые столкнулось с таким явлением, как массовая забастовка. В конце концов 7 мая* в Норильск прибыл специальный самолет с высокой комиссией для выяснения обстановки в лагерях. Это была действительно представительная комиссия, в которую вошли:

от Министерства госбезопасности СССР полковник Кузнецов;

от ЦК партии некий Алексеев;

от прокуратуры СССР прокурор Вавилов;

от администрации Норильского горно-металлургического комбината член ЦК директор Завенягин (он жил в Красноярске).

* Уточненные даты, связанные с норильским восстанием, см. в статье А. Макаровой под названием: «... «восстание духа» — высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа» (том 6, с. 8–83). (Примеч. ред.)

Комиссия в окружении многочисленной охраны с автоматами на изготовку и готовой в любую секунду открыть огонь зашла на территорию зоны. У ворот собралась громадная толпа заключенных. Руководители восстания вручили комиссии письменные требования (одно было написано на имя Министерства госбезопасности), где четко и ясно были изложены требования тысяч изголодавшихся, обессиленных заключенных:

- пересмотреть все заочные незаконные постановления ОСО и «приговоры» военных трибуналов и освободить всех заключенных по ним;

- снять позорные, фашистские, унижающие честь и человеческое достоинство номера с одежды заключенных;

- разрешить без ограничения переписку с родными и близкими (разрешалось писать лишь два письма в год);

- сократить рабочий день до 8 часов;

- вести «зачеты», то есть систему, существовавшую для уголовников, — один день работы засчитывался за два дня заключения;

- вести оплату труда;

- разрешить свидания с родными;

- разрешить чтение газет и журналов;

- судить виновных в убийстве ни в чем не повинного заключенного;

- снять решетки в бараках.

Комиссия приняла от руководителей восстания эти письма, выслушала требования и обещала немедленно решить все вопросы в Москве.

7 мая заключенные, оставшиеся во время начала забастовки на строительных объектах, по распоряжению руководителей восстания двинулись колонной под конвоем в зону лагеря. Шли очень медленно, так как за трое суток голодовки очень ослабли. Не доходя до зоны, надзиратели начали выдергивать из колонны отдельных заключенных — руководителей

забастовки на объектах и силой сажать их в заранее подготовленные грузовые машины. Их увезли неизвестно куда. Узнав о том, что часть руководителей забастовки изолирована, 8 мая всеобщая забастовка была возобновлена. На всех бараках в зоне лагеря были вывешены флаги из черной материи. Руководители забастовки взяли на себя и руководство всей жизнью внутри лагеря (ни один надзиратель в зону не входил).

Такие же черные флаги были вывешены на крышах бараков в 5-м и 6-м лагерях. Слух о восстании молниеносно пролетел по всем отделениям Горлага.

<...>

Эта вторая всеобщая забастовка приняла затяжной характер. Проходили дни и недели. Заключенные не покидали зону — ни один человек не выходил на работу. Все, начиная с распределения продуктов на кухне и заканчивая кормлением в столовой, велось самими заключенными.

В начале июня 1953 года начальство Горлага начало психологическую обработку заключенных — солдаты установили на столбах вокруг зоны репродукторы и ежечасно по радио стали раздаваться призывы: «Граждане заключенные! Вы советские люди, временно изолированные. Не занимайтесь саботажем, не срывайте работ на объектах, выходите организованно на работу! Вы попали под влияние злостных врагов! Не слушайте их, не подчиняйтесь им! Выходите на работу!» Через два-три дня лагерную зону окружил целый полк солдат с автоматами. Они стояли почти сплошной стеной — через 5–10 метров. В двух-трех местах они разорвали двойной ряд колючей проволоки, сделав проходы из лагерной зоны. По радио раздались призывы: «Граждане заключенные, для вас открыта зона. У кого еще есть сознание советских граждан, выходите из зоны, не бойтесь террора со стороны руководителей восстания. Вам будет сохранена жизнь».

В последних числах июня в Норильск вновь прибыл из Москвы полковник Кузнецов и официально заявил, что все требования заключенных переданы министру госбезопасности Берии и он рассматривает их в положительном смысле. Кузнецов заведомо нас обманывал, так как к этому времени Берия был уже арестован. Мы в то время об этом еще не знали. Но все равно забастовка продолжалась — ему никто не поверил. Во время выступления Кузнецова кто-то из заключенных бросил в него камень (то ли провокация, то ли сгоряча — неясно). Автоматчики открыли огонь по толпе заключенных. Было ранено несколько человек. Солдаты их тут же подобрали и вынесли за пределы зоны. Остальные заключенные разбежались по баракам. Обстановка накалялась с каждым часом все больше. Несколько раз микрофон давали заключенным — предателям, бежавшим из зоны по призывам лагерного начальства (их было очень немного). Через громкоговорители они призывали забастовщиков: «Товарищи, братья! Прекращайте сопротивление, выходите на работу, не поддавайтесь провокации кучки неисправимых и ярых антисоветчиков!»

В предпоследний день июня лагерное начальство сделало официальное сообщение о том, что лагерь расформируется, часть заключенных будет отправлена из Норильска на «материк», списки отправляемых в первую очередь будут объявлены 30 июня.

Утром в зону впервые со дня начала забастовки вошли надзиратели со списками. Нас собрали в колонну общей численностью около двух тысяч человек. Под усиленным конвоем нас привели в пустой лагпункт. Последние недели пребывания в этом лагпункте, отделенном горой от города (из лагеря была видна только тундра), проходили в полном безделье: мы отсыпались, отъедались (появился ларек, где продавали кое-какие продукты), спарывали с одежды номера Горлага.

В последних числах июля 1953 года была дана команда всем собраться на этап. Как всегда, вызывали по личным делам (конвертам). На наших личных делах появилась дополнительная отметка — красная полоса.

*Из книги
«В плену у Гитлера и Сталина»,
Иерусалим, 1999 год.*

Роман Брахтман

Роман Брахтман:

«...это восстание было началом долгого процесса отмирания сталинщины...»

*Илья Шупак (во время восстания заключенных Горлага он находился в 5-м лаготделении) и Роман Брахтман (справа).
Нью-Йорк, 2004 г.*

Наступил новый, 1953 год. Утром 1 января заключенных БУРа (барак усиленного режима) вывели на развод необычно поздно. У ворот лагеря уже стояли по пять человек в шеренге колонны политических заключенных 5-го отделения норильского Горлага, государственного особорежимного лагеря. Бригада БУРа, в том числе и я, Роман Брахтман, выстроилась в конце развода. До нас дошел слух, что мы идем на этап в 4-е лаготделение, так называемый Медьстрой, где политзаключенные построили медеплавильный завод и кирпичные бараки для себя. Наша колонна двигалась медленно. Была «черная» пурга. Мороз доходил до минус 40 градусов по Цельсию. Пройдя несколько километров, мы наконец увидели обнесенные колючей проволокой кирпичные дома — бараки 4-го лаготделения. Когда нас впустили в жилую зону, толпы заключенных окружили нас и засыпали вопросами. Ко мне подошел заключенный лет 30 и представился: Макс Минц. Я понял, что он еврей, и назвал свое имя. Это была моя первая встреча с Максом.

В течение ближайших нескольких месяцев мы очень сблизились, несмотря на разницу в возрасте. Мне был 21 год, Макс был старше меня лет на десять. Он подробно рассказывал мне свою крайне необычную историю. Немцы приняли Макса за рядового русского солдата и отправили в лагерь для военнопленных. Макс бежал из этого лагеря, был вновь схвачен и отправлен в лагерь, где присоединился к группе пленных из разных стран, в том числе бельгийских и французских военнопленных. Это была группа сопротивления, готовившая побег из лагеря. Побег для Макса

закончился арестом, и он оказался в тюрьме СС. Макса освободили союзные войска. Он вернулся в Москву, но в 1947 году был арестован и приговорен к 15 годам заключения в норильских лагерях.

Я рассказал Максу свою историю, как я и два моих одноклассника, Михаил Маргулис и Вилли Свячевский, пытались в 1949 году перейти границу в Турцию в районе Батуми, с тем чтобы пробраться в Израиль и принять участие в войне за независимость. Нас также обвинили в антисоветской агитации и участии в сионистской организации, состоявшей из трех девятнадцатилетних мальчишек. Особое совещание МГБ приговорило нас к 10 годам лагерей. Я попал в норильский Горлаг, мои однодельцы попали: один — на Колыму, другой — в Потьму.

Макс и я полностью доверяли друг другу и делились своими крайне опасными мыслями. Мы радовались, когда сообщили о смерти Сталина в марте 1953 года. В мае 1953 года, два месяца спустя после смерти Сталина, вспыхнуло восстание в Горлаге. Я думаю, что это восстание было началом долгого процесса отмирания сталинщины, который на 30 лет позже привел к развалу советской власти и Советского Союза. Макс и я приняли активное участие в этом восстании, основной движущей силой которого были украинцы Западной Украины, сторонники Степана Бандеры. Повстанческий комитет, в основном состоявший из бандеровцев, доверял Максу и мне, поручив нам вместе с Чабуком Амирэджиби написать воззвание к заключенным 4-го лаготделения и изложить требования, в том числе требования разрешить переписку с родными, снять номера с одежды, пересмотреть дела, отменить запираание барачников на ночь, ввести зачеты и оплату работы. Чабук Амирэджиби, потомок великих князей Грузии, прибыл в Горлаг с карагандинским этапом. В карагандинских лагерях ранее была подавлена забастовка, а зачинщиков и активистов привез-

ли в Норильск. У Амирэджиби был опыт составления таких воззваний.

Мы писали это воззвание в одной из комнат лагерной больницы. Однажды в эту комнату вошла группа бандеровцев вместе с эстонцем Львом Нетто, братом Игоря Нетто, капитана советской сборной футбольной команды. Лев Нетто знал меня и объяснил бандеровцам, что мы на их стороне и по поручению повстанческого комитета пишем воззвание. Когда Нетто с бандеровцами ушли, мы продолжили работать. Воззвание мы повесили на стене лагерной почты. Вокруг собралась толпа заключенных, все читали. Приехала комиссия МГБ во главе с полковником Кузнецовым и двумя генералами. Кузнецов заявил, что по поручению самого Лаврентия Павловича Берия он хочет разобраться в требованиях заключенных и представить их в Москву. Заключенные продолжали забастовку. В ночь на 9 июля* 1953 года лагерь был окружен войсками МГБ. Было ясно, что готовилось нападение на лагерь, чтобы подавить восстание. Но внезапно войска отошли от зоны. Лишь некоторое время спустя мы узнали, что Берия был арестован и объявлен врагом народа. Операция по подавлению восстания была отложена, но ненадолго.

4 августа 1953 года зона лагеря была вновь окружена войсками МГБ. Солдаты перерезали проволоку в нескольких местах и вошли в зону, стреляя по заключенным. Сколько было убитых и раненых — не сообщалось. По слухам и последующим воспоминаниям, указывали цифру 250–300 человек. Заключенных вывели под конвоем в тундру, заставили сесть на землю. Группа офицеров и генералов и несколько заключенных, в том числе Лев Рудминский, отбывавший наказание с 1938 года, и прораб, шли по рядам, отби-

* Уточненные даты, связанные с норильским восстанием, см. в статье А. Макаровой под названием: «... «восстание духа» — высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа» (том 6, с. 8–83). (Примеч. ред.)

рая наиболее активных участников, указывая на них пальцем. Я сидел в одной из шеренг рядом с Максом и Чабуксом Амирэджиби и смотрел на Рудминского. Мы встретились глазами. Я боялся, что он на меня покажет, но он колебался и, видимо, решил воздержаться. Это я объяснил тем, что он, родившийся и выросший в Феодосии, с детства хорошо знал моих родителей и, возможно, из-за них решил меня не выдавать.

На следующий день нас повели в зону 4-го лаготделения. У ворот вахты начался отбор руководителей и активистов восстания. Стоя лицом к воротам, мы видели, как слева от нас лагерные стукачи, нарядчики избивали человек 30 активистов. Я обратил внимание на то, что в числе избиваемых был Ефим Гофман, который активистом не был, но внешне был похож на меня, да и фамилия его была похожа на мою. Я решил, что его перепутали со мной. Года через два его освободили из тюрьмы, и он приехал в Москву. Мы встретились, и он рассказал, что из допроса он понял, что его приняли за меня, но он на меня не указал.

Когда дошла очередь до нас, то нас с Чабуксом вызвали из колонны по указанию стукачей, особенно старался один, по фамилии Карпенко, в бригаде которого я был некоторое время. Меня и Чабукса били, но не очень сильно, а затем отвели под конвоем в тундру. Макс оказался в 4-м лагере, я и Чабук — в штрафном лагере, где недавно располагался уголовный лагерь под названием «102-й километр», то есть 102 километра от Норильска.

Часть заключенных этого лагеря была вскорости отправлена на Колыму и в Тайшет. Чабук попал в тайшетские лагеря, я — в лагерь «Западное», где мы работали в угольных шахтах.

Макса Минца я вновь встретил в Москве после освобождения. Наша дружба продолжалась: мы часто встречались, ходили по грибы, гуляли. 29 мая 1959 года я с семьей выехал в Польшу, потом в Израиль, а затем в США. Макса я больше не видел, но до меня до-

ходили вести о нем. Миша Маргулис сообщил мне о смерти Макса. Я храню в памяти самые светлые воспоминания об этом замечательном человеке.

*Из книги
«В плену у Гитлера и Сталина»,
Иерусалим, 1999 год.*

Лев Немто. 1948 г.

1954 г.

ПРОГРАММА (КРАТКАЯ) ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ (ДПР)

Мы не должны ждать милости от природы;
Мы не должны ждать свободы от паразитов;
Мы сами должны взять ее!

ВВЕДЕНИЕ

Демократия

Демократия – это всеобщая свобода, участие всех граждан в управлении государством. Демократия – это многопартийность. Демократия – значит воспитание человека свободного в духе гуманизма, в духе человеколюбия, воспитания такого человека, который не считает ни с кем, борется за свободу.

Сущность демократизма не быть рабом и не позволять себя рабствовать другим. Борьба за свободу.

Диктатура

Диктатура в демократии – два противоположных полюса, два диаметрально противоположные формы жизни. Само исключает другое: при наличии диктатуры не может быть демократии, и наоборот, при демократии не может быть диктатуры. Диктатура – это отсутствие свободы. Демократия – это свобода, без свободы она невозможна, как жизнь без воздуха. Борьба за демократию – значит бороться за свободу.

Коммунизм

Теория марксизма не могла убедить в фантастичности своей идеи. Социальная надежда прошлого оказалась утопией настоящего. Советский Союз – это марксизм на практике, это превращен в жизнь идея коммунизма.

Страна миллионы заключенных, страна марксовской эксплуатации человека государством, страна нищеты и бесправия рядового гражданина (таков СССР) – не может быть страной передовой социальной мысли.

Программа Маркса обрела свой смысл – перед нами предстало государство-террор, государство диктатуры кулака политическая фантазия.

СССР – детсад большевиков – страна рабства.

Коммунизм таинство и нам из советских подвалов миллионы костылей дуэ – жертв диктатуры.

Государство

ДПР предлагает на территории бывшей России организовать Демократическую федерацию России – ДФР.

Означительно политическую структуру определяет народ. Форма организации общего народа – всеобщий референдум.

ДФР – добровольно объединение демократических федераций, основанное на исторической общности, политическом единстве и экономической взаимосвязи.

Предлагаемый состав ДФР:

1. Русская демократическая фракция
2. Украинская
3. Закавказская
4. Балтийская
5. Белорусская
6. Средне-Азиатская

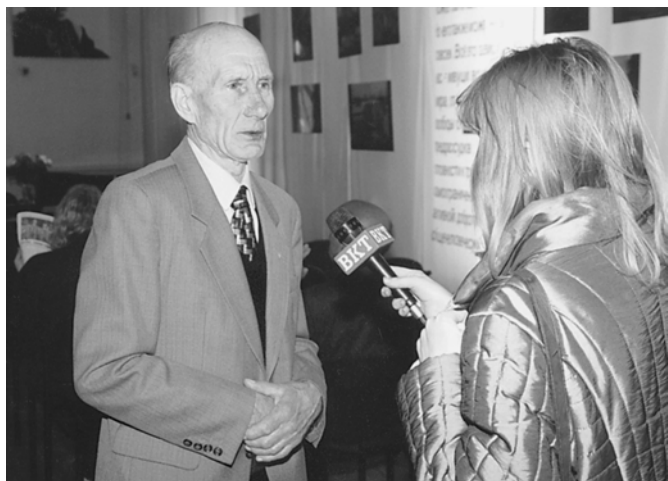
Каждая демократическая фракция делится на область и национальный округ. Область и национальный округ делится на районы, район – на участки, участки – на коллективы и простые курсы.

Каждая федерация определяет себе самостоятельный образ жизни, оклады, религиозные культы, обычаи и т. п.

Каждая федерация определяет самостоятельно, быть или не быть в ДФР.

Лев Нетто:

«Лозунг «Свобода или смерть!» вдохновлял и объединял людей, но Демократическая партия смерть отвергала».

*Лев Александрович Нетто дает очередное интервью...
2003 г.*

МУЧИТЕЛЬНОЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?» БОЛЬШЕ НЕ ЖГЛО МОЮ ДУШУ!

1948 год — год особый.

В стране заработали особорежимные лагеря, предназначенные для «перевоспитания» тех, кто прошел горнило войны, увидел другой мир за железным занавесом совсем не таким, каким рисовала его официальная советская пропаганда. Среди таких оказался и я. Тяжело в 23 года утратить смысл дальнейшей жизни: после фронта и плена мне определили 25 лет заключения*. Но именно здесь судьба подарила мне верных друзей и вселила веру в огромные возможности человека.

...В один из майских дней 1949 года в норильском лагере мне была доверена тайна: в стране существует подпольная политическая организация «Демократическая партия России». Ячейка этой организации, как мне сказали, действует и за колючей проволокой. Цель партии — освобождение Отечества от коммунистического гнета. Мучительное «Что делать?» больше не жгло мою душу! На следующий день я поставил роспись своей кровью на клятве верности нашей общей цели.

Одним из организаторов нашей внутривластной деятельности был сибиряк Федор Каратовский. Основное внимание партии уделялось беседам с людьми, особенно молодыми. Членов партии объединяли прежде всего личный жизненный опыт и осуждение действующей власти.

* Об этом подробно Л.А. Нетто рассказал в 6-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе...».

Федор Каратовский стал Федором Смирновым после возвращения в Советский Союз после войны — он был разведчиком и служил в абвере

Чтобы разобраться с происходящим с нами, со страной, надо было учиться читать, размышлять, задавать вопросы. Первоисточники трудов Маркса, Энгельса, Ленина мы читали совершенно официально. В лагерной библиотеке эту литературу можно было свободно получить, обсуждать ее в своей среде. Федор Каратовский наставлял нас: организационно-партийную деятельность Ленина надо не просто изучать, но и применять, согласуясь с реальностью. Мы общались в ночные смены, вели беседы небольшим составом — 3–4 человека.

Моя лагерная биография в Горлаге началась в 4-м лаготделении, затем меня перевели в 5-е, а позже вернули в 4-е. В 5-м лаготделении партийными наставниками молодых были фронтовик Алексей Мелентьев и известный спортсмен Андрей Старостин, а в 4-м — Юлиан Тарновский и Сергей Соловьев. Юлиан Константинович учил нас понимать классиков марксизма-ленинизма, в 1952 году мы с Сашей Анохиным с его помощью учили английский язык. В том же году осенью я узнал, что краткую программу Демократической партии России написал Сергей Дмитриевич Соловьев. С этим удивительным человеком меня познакомил Ф.Т. Каратовский. Федор Тимофеевич предложил мне стать переписчиком партийных документов. Он сам давал мне очередное задание сделать рукописную копию устава и программы Демократической партии, которую потом я отдавал ему. Если

требовалось написать документ очень мелким почерком, я понимал, что он пойдет в другое лаготделение. Когда после восстания нас направили на Купец и на вахте устроили обыск, меня спасло то, что краткую программу партии на листке, сложенном гармошкой, я зажал в кулаке. Дело было летом. Я сложил свою одежду на землю и поднял кулаки. Ее бегло осмотрели, даже не прощупали, команды разжать кулаки не было, и я вздохнул с облегчением. Так был спасен партийный документ.

Я проникся огромным уважением к Сергею Дмитриевичу Соловьеву — в нем чувствовались огромная сила, мужество и ум. Он прошел войну, был лет на девять старше меня. Человек он был немногословный, но когда начинал говорить, его убежденность невольно передавалась тем, кто его слушал...

Но первыми, кто заставил меня задуматься над переустройством нашего общественного строя, были Алексей Алексеевич Мелентьев и Андрей Петрович Старостин. Самыми памятными остались для меня их споры-разговоры о политической реальности послевоенных лет. При этом они вообще-то не спорили, а находили дополнительные аргументы к своим утверждениям, что СССР — детище большевизма — страна рабов. Диктатура и демократия — два противоположных полюса, две диаметрально противоположные формы жизни. Потом эти слова я прочитал в программе демпартии, написанной С.Д. Соловьевым. Алексей Алексеевич Мелентьев был профессиональным военным, воевал на фронте, был в плену. Он почему-то был в курсе создания Русской освободительной армии и даже возлагал на нее надежды. От Мелентьева, Старостина и Соловьева я слышал про советскую власть такую крамолу, что дух захватывало! Я впервые задумался о наших вождях, усомнился в искренности их убеждений и по-новому оценил свой небольшой фронтовой и жизненный опыт, ведь моя биография началась в 23 года (а фронтовая — в 18!). В лагерном расписании не было политинформации, перевоспита-

ние заключенных в основном предполагалось через полезный труд. Но в клубах лаготделений можно было почитать газеты, правда, старые, можно было послушать радио. Я работал в ремонтно-механических мастерских Горстроя и кирпичного завода, поэтому мог получать информацию и через вольнонаемных, и через репродуктор на участках. И теперь уже совсем по-другому я воспринимал сообщение о заседании в ООН, где, например, наши представители осуждали нарушение прав человека в каких-нибудь странах. По этому поводу гневно выступали наши деятели, трудящиеся на митингах. О своих правах никому и в голову не приходило говорить, многие просто не осознавали, что происходит в нашей стране. А я об этом уже задумался всерьез... Чаще всего мы собирались в сушилке, где дневальным был надежный человек. В любую минуту к нам мог зайти свой брат з/к, при котором мы не могли продолжать разговор. И тогда мы, как настоящие артисты, срочно меняли тему... Андрея Петровича Старостина знали и уважали все. Он ежедневно делал зарядку и всегда подчеркивал, что и в лагере не должно быть места унынию. Своим примером он и нам внушал оптимизм. От него я впервые услышал слова Л. Толстого: «Делай что должно и пусть будет, что будет». Я был поражен их мудрым смыслом и записал эту фразу как девиз своей жизни в блокнот. После смерти брата Игоря Нетто, известного футболиста, я разбирал его записные книжки и в них прочитал те же слова Л. Толстого. Я вспомнил, что было время, когда мой брат и А.П. Старостин общались очень тесно — Игорь был капитаном сборной страны по футболу, а Андрей Петрович начальником команды, наставником Игоря. Имя брата связало и нас с Андреем Петровичем в норильском лагере — я всегда чувствовал его теплое отношение к себе.

Администрация лагеря ужесточала карательные меры, злобствовали бригадиры и осведомители. В ответ украинцы, литовцы да и русские уничтожали наиболее одиозных ставленников администрации.

Я чувствовал, что Демократическая партия одобряла подобные действия. Каждый член партии владел только той информацией, которая касалась его лично. Такая была конспирация, она-то и позволила действовать партии в глубоком лагерном подполье. Мне дали задание на изготовление холодного оружия. Дело в том, что были случаи внезапного проникновения в зону группы бандитов, которые избивали, убивали заключенных. Все понимали, что без санкции лагерного начальства такое невозможно. Партийцы решили противостоять уголовникам, для чего решили иметь ножи, кинжалы. Я работал в ремонтных мастерских токарем, поэтому мне и поручили затачивать заготовки. Литовец, наш человек, подошел ко мне и сказал, что познакомит меня с кузнецом. В дальнейшем он и снабжал меня заготовками.

После того как я заострял их на точильном станке, слесарь, пожилой эстонец Арно, делал к ножам рукоятки. Весь арсенал мы сдавали Каратовскому, который работал на инструментальном складе. Куда он прятал холодное оружие, мы не знали. Прошло какое-то время, на нашу зону нападения не было. И тогда на изготовление ножей был дан отбой. Помню, когда в Горлаг пришел карагандинский этап, Каратовский сказал: «Теперь мы не одни, такие отчаянные ребята прибыли». Я понимал, что члены демпартии общаются с вновь прибывшими, с украинцами и литовцами, но конкретной информации об этом не имел. Дело в том, что мне поручили копировать устав и программу Демократической партии и в связи с этим меня ограничили в общении. Но кое-кого я все-таки знал, например Петра Зиновьевича Дикарева. Он был монархистом, в нашу партию не вступал, но Каратовский доверял ему безоговорочно и всегда советовался. Дикарев был в курсе партийных дел и входил во время восстания в забастовочный комитет. Лозунг «Свобода или смерть!» вдохновлял и объединял людей, но Демократическая партия смерть отвергала. Она делала все, чтобы избежать провокаций на насилие, вела

беседы, убеждала людей, разгоряченных собственным неповиновением и сопротивлением лагерному режиму, что нужно действовать осмотрительно и разумно, чтобы избежать ненужных жертв. Среди активистов сопротивления было немало членов Демократической партии, они сыграли свою роль в трудный месяц 1953 года. Но они при этом не афишировали ни партию, ни свою принадлежность к ней и, как всегда, соблюдали конспирацию, чтобы не навредить общему делу отстаивания прав заключенных. Восстание помогло нам почувствовать свою коллективную силу, вселило веру в добрые перемены. И это настроение, и документы Демократической партии мы понесли на «материк», в другие лагеря, куда этапировали активных участников сопротивления.

С одной стороны, норильские семена решительной борьбы за свободу рассеялись по всей стране, но, с другой — это значительно ослабило оставшихся в норильских лагерях. В лагере «Западный» уже не было Каратовского, Соловьева, Мелентьева...

После восстания Тихон Петров и Петр Сериков считали, что есть необходимость реального роста числа членов ДПР, ведь восстание выявило немало надежных ребят, наших единомышленников. Я помнил почти наизусть устав и программу действия ДПР. Мы решили восстановить их на бумаге. В 5-м и 4-м лаготделениях наши тайные встречи проходили, как правило, в сушилках. Теперь меня уже посадили в одной из комнат хозяйственной постройки, где размещалась баня. Мне пришлось напрячь память и собрать воедино все устные положения этих документов. В те часы, когда я там работал, обязательно кто-то из ребят следил, чтобы неожиданно ко мне не вошли надзиратели, проводившие дежурные обходы по зоне. Сколько мне потребовалось времени на восстановительную работу, уже не помню, но главное было сделано, и документы мы размножили в нужном количестве. Вступающие в партию знакомились с документами партии и давали клятву члена ДПР.

Моя цепочка стала состоять из девяти человек. Общее число членов ДПР по Горлагу трудно назвать. Не помню, чтобы когда-либо возникал вопрос: а сколько же нас?! Ответ мог быть только один: столько, сколько надо. Я получил подтверждение слов Федора Каратовского о том, что в стране существует подпольная демократическая организация. В лагпункте Купец зимой 1953 года Владимир (его фамилию я не помню) рассказал мне, что два конспиративных съезда ДПР состоялись во Владивостоке и Хабаровске.

Ф.Т. Каратовский сказал о Владимире «наш парень», поэтому наши беседы с ним были откровенными. Мы тогда на Купце строили двухэтажное кирпичное здание, я был бригадиром. Эта должность была моим партийным поручением, Владимир работал в моей бригаде. Это был молодой парень немного старше меня — лет 30. Темноволосый, очень подвижный, спортивного склада. Небольшие черные усики были предметом его гордости. Вообще-то впервые я услышал о том, что на воле есть Демократическая партия, от Каратовского в 1949 году, а тут неожиданно получил еще одно подтверждение о существовании партии: Владимир сам был дальневосточник, его информации можно было верить...

После смерти Сталина и восстания в Горлаге освобождение политических стало явным и нарастающим явлением. Вот почему мы решили временно захоронить партийные документы. Петров и Сериков поручили это сделать мне. Михаил Бережанский, хорошо знавший объекты производственной зоны рудника, предложил надежное место в небольшом кирпичном здании тепловой подстанции. Он подготовил нишу в стене за оборудованием, она явно не просматривалась. Там мы и спрятали небольшой пакет из рубероида с надежной смоляной оболочкой. Нишу мы заложили обычным кирпичом, он вполне вписывался в общий вид стены.

ПОИСК ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ

История с захоронением в Норильске партийных документов получила свое продолжение спустя почти полвека. В 1999 году сын известного норильского журналиста Виктора Кравченко Александр, тоже журналист, организовал на Первом канале, где он работал, встречу участников норильского восстания 1953 года. Их воспоминания прозвучали в передаче «Как это было», и тогда впервые публично было сказано о действии в лагерях Горлага подпольной демократической партии. После передачи мы нередко встречались и много беседовали с Александром Кравченко о тех далеких временах. Он написал сценарий хроникально-документального фильма и получил грант на съемки — так получился фильм обо мне и о судьбе моей семьи под названием «Чистый Нетто». Вот тогда и родилась идея достать спрятанные документы партии.

3 июля 2003 года съемочная группа студии «Пигмалион» вылетела в Норильск. Я уже представлял, как я приду на заветное место, и очень волновался: сохранилось ли то небольшое здание в наши дни? В горном массиве за горой Шмидта мы обследовали все, что еще сохранилось со времен ГУЛАГа. Увы... Все, что могло гореть, сгорело! Железные изделия покрылись внушительным слоем ржавчины, а колючая проволока рассыпалась в руках.

На третий день поиска мы определили место нахождения той тепловой подстанции. Но это была уже груда кирпичных блоков и бетонных плит, обвалившегося перекрытия. Создавалось впечатление, что это результат работы бульдозера. Разобрать этот завал вручную было невозможно, тогда Александр Кравченко пообещал вернуться сюда и сделать все, чтобы вернуть документы партии к жизни. Тогда же в Норильске состоялась встреча с молодыми специалистами управления подготовки кадров Заполярного филиала «Норильского никеля». Договорились, что

общими усилиями доведем дело до успешного конца следующим летом. Но поиски сорвались: 10 июня 2004 года журналист Александр Кравченко погиб в автомобильной катастрофе под Тулой, он ехал на очередные съемки.

23 августа 2005 года я прилетел в Норильск один. На следующий день вместе с Зинуром Шакуровым (мы с ним принимали участие в телепередаче «Как это было» в 1999 году) посетили развалины подстанции в «Западном». Убедились, что за два года здесь ничего не изменилось. Была достигнута договоренность с управлением кадров ЗФ «Норильского никеля» о предоставлении необходимой техники для поиска капсулы с партийными документами. 29 августа газета «Заполярный вестник» сообщила норильчанам, что начинается поиск капсулы, заложенной в лагерные времена 52 года назад. Во второй половине этого же дня в моем гостиничном номере раздался телефонный звонок. Мужской голос спросил: «Вы ищете капсулу?» Я подтвердил это и услышал: «Напрасно ищете, ее там нет. Она изъята органами». Описать свое состояние я не в силах. Я попросил о личной встрече, и она состоялась.

Оказалось, что звонивший мне Виктор Борисович Филлипов, коренной норильчанин, много лет жил в поселке Западном. Он рассказал мне такую историю. Примерно 15 лет назад его дядя Леонид Иванович Жидков открыл ему тайну, которую хранил более тридцати лет.

Горняка Леонида Ивановича Жидкова, сына главного инженера шахты Ивана Никитовича Жидкова, в один прекрасный день пригласили в МГБ. Ему предложили стать понятым при изъятии из тайника некоторых документов. При этом он понял, что его согласия не ждут, все уже решено без него. Три офицера МГБ, один человек в гражданской одежде — то ли заключенный, то ли недавно освободившийся (как решил про себя дядя) — и он вошли в помещение тепловой подстанции на территории производственной

площадки рудника «Западный». Разобрали кирпич в стене и извлекли из ниши предмет, похожий на бумажник. Леонид Иванович тогда заинтересовался, что за документ там спрятан. Ему ответили: списки руководителей норильского восстания. Жидков дал расписку о неразглашении выполненной операции, после чего все разошлись. Леонид Иванович об этом эпизоде своей жизни никому ничего не говорил многие годы. Виктор Борисович Филлипов, прочитав сообщение в «Заполярном вестнике», решил, что, видимо, поиск капсулы с документами связан с откровением дяди. И тогда он решил мне позвонить.

На вопрос, где сейчас Леонид Иванович, я получил ошеломивший меня ответ: «Дядя умер в сентябре прошлого года». Значит, мы могли бы в 2003 году, когда начали поиск капсулы, услышать рассказ об изъятии документа от самого Леонида Жидкова! Может быть, он описал бы нам человека в гражданской одежде, который указал место нахождения тайника. Возможно, что-то еще. После нашего разговора В. Филлипов позвонил в Красноярск двоюродному брату: не говорил ли ему отец об этом случае? Оказалось, нет. Дядя раскрыл свою тайну только племяннику.

Возникает вопрос: каким образом органы узнали о спрятанных документах? Версий может быть несколько, остановлюсь на своей. Михаил Бережанский достаточно подробно мог рассказать о тайнике кому-нибудь в своей новой цепочке членов ДПР. Это в принципе было допустимо. Возможно, что кто-то из них оказался предателем. В.Б. Филлипов успокаивал меня: в истории поисков есть и положительное. Теперь стало ясно, что документы ДПР, как таковые, находятся ныне в целостности и сохранности в органах, которые их изъяли и, должно быть, зарегистрировали как свой трофей. Ну что ж, продолжу поиски теперь уже в другом месте...

ДПРОВЦЫ

Прошли годы. Каждый из нас, кто прошел сталинские лагеря, трудно приспособивался к привычной для других работе. Нас реабилитировали, но многие чувствовали к себе настороженное отношение. Мы переписывались, иногда связь обрывалась, и только спустя годы я узнавал о причинах этого... К Тихону Ивановичу Петрову, члену ДПР, я приехал в Ростов-на-Дону в 2004 году. Только тогда я услышал от него, как ему «шили политическое дело» после кровавых событий в Новочеркасске (он тогда там работал). КГБ пытался связать их с норильским восстанием, что сегодня кажется нелепым и даже смешным, а тогда звучало зловеще*. За ним следили, вскрывали почту, и он перестал писать друзьям, мне в их числе. Василия Ивановича Ковалева я нашел через «Мемориал», а встретились мы в 2004 году в Москве, он здесь был проездом в Магадан. Он младше меня на 5 лет (1930 года рождения), в Норильске сидел во 2-м лаготделении Кайеркана, потом отбывал срок своего заключения в Магадане.

После освобождения здесь же остался жить, хотя его родные живут в Одесской области. Он частенько их навещает, поэтому его путь, как правило, лежит через Москву, где мы с ним и встречаемся. Это Василий Иванович Ковалев через общество «Поиск», которое возглавляет Иван Паникаров, прислал мне адрес Сергея Дмитриевича Соловьева, автора устава и программы Демократической партии России, написанных в Норильске. И сам текст этих документов. Сергей Дмитриевич Соловьев после подавления сопротивления норильских заключенных был этапирован в Магадан, здесь он сразу восстановил по памяти партийные документы. Много позже их обнаружили в архивах КГБ. Когда я приехал к Сергею Дмитриевичу Соловьеву в 2005 году и показал ему программу и устав Демо-

* Подробно об этом можно прочитать в воспоминаниях Т.И. Петрова в 6-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе...».

кратической партии, он сказал: «Мой текст! Мне его тоже прислал Ковалев». Я вспомнил рассказ Василия Ивановича. Заключенных в Магадан везли в трюме судна. Огромная людская масса запела:

...Царя изгнали из Кремля,
другая власть сидит на троне,
Россия, родина моя,
от дней Петра до наших дней
ты все сильнее стонешь...

Охрана стала стрелять по трюмам, а люди продолжали петь. И тогда охрана стала лить воду и пускать вниз пар. Брезентом даже закрыли дырки от пуль в трюме. Здесь скопилось много воды, в ней плавали погибшие от пара и убитые. Так для норильских бунтарей начались магаданские круги ада.

...В октябре 2006 года Сергею Дмитриевичу Соловьеву исполнилось 90 лет. Он крепок, бодр, работает по хозяйству. Удивительно: столько пережить (он ведь сидел до горбачевских времен!) и, несмотря ни на какие невзгоды, сохранить силу не только духа, но и тела!

Он родился в 1916 году в пос. Вышегар Сафоновского района Смоленской области. Воевал в армии, которой командовал генерал Власов, оказался в плену у немцев. Впервые был осужден военным трибуналом Московского военного округа по ст. 58-1, срок лишения свободы — 25 лет. Отбывал его в норильских лагерях. Второй срок, и тоже 25 лет, получил 11 марта 1955 года в Магадане по ст. 82-1 (побег), ст. 182-1 (изготовление, хранение взрывчатых веществ), ст. 58-2,10.

...В колымском лагере готовился групповой побег. Малая группа ДПРовцев должна была прорваться на волю, чтобы подготовить восстание: напасть на военный гарнизон, обезоружить его и освободить заключенных. Сначала в одном лагере, потом в других, чтобы создать на Колыме новую Российскую Республику. 1 апреля 1954 года Ковалев, Соловьев (оба попали на Колыму из Норильлага) и Антонов в

шахте, которую знали вдоль и поперек, подготовили укрытие. Одни з/к помогали им, другие добывали продукты, патроны, гранаты. Предполагалось, что с ними будут еще четверо, но их сдали сексоты. А эти трое, замурованные валунами в штольне на площадке шириной два метра и длиной пять, продержались пять месяцев. Из-за побега в лагере остановили работы, беглецов долго искали.

Они держались мужественно (по ночам морозы доходили до 30 градусов). В.И. Ковалев сшил «коммунистическое одеяло» (его слова) из проволоки и кусков стекловаты. Запасенных продуктов хватило только на три месяца — потом они тонко строга­ли дерево и жевали стружки. При этом С.Д. Соловьев при свете шахтерского фонаря изучал французский...

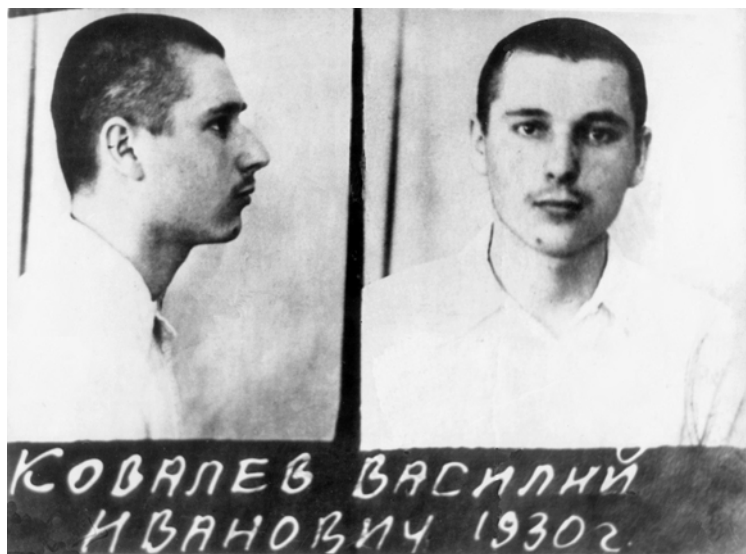
В постановлении следственного отдела УКГБ по Магаданской области записано: «... 13 июня 1954 года в помещении электроцеха участка «Заманчивый» Утканского горно-рудного комбината Ягоднинского района Магаданской области был обнаружен и изъят антисоветский рукописный документ, представляющий из себя программу и устав антисоветской организации так называемой «Демократическая партия России», начинающийся словами: «Программа (краткая) Демократической партии России...» и оканчивающаяся — «...рекомендации даются без ведома вступающего в партию».

Как установила графологическая экспертиза, антисоветский документ изготовлен Сергеем Дмитриевичем Соловьевым и Александром Яковлевичем Белоусом. Его приобщили как вещественное доказательство к следственному делу № 844 по обвинению Соловьева и Антонова. Это постановление подписал ст. следователь следотдела УКГБ при СМ СССР по Магаданской области майор Рязанцев.

...Они все-таки вышли из своего подземного убежища и, несмотря на дополнительные вышки возле шахты, сумели незаметно уйти на волю. Тут они разделились:

*Долгожданная встреча в г. Змеегорске.
Л. Нетто (слева) и С.Д. Соловьев*

Василий Иванович Ковалев

Л. Нетто (слева) и С.Д. Соловьев во дворе дома Сергея Дмитриевича, г. Змеегорск Алтайского края. 2005 г.

Ковалев решил идти в Магадан, чтобы потом добраться до Охотска, а Соловьев с Антоновым остались в сопках «на зимовку». Их потом выследил лесник и сдал чекистам. Ковалев тоже попал к ним, правда, случайно — при ночной облаве, когда он ночевал у знакомого. (Об этом побеге писали местные газеты, в том числе в 2005 году «АиФ-Магадан», № 8.)

Дальнейшая судьба Сергея Дмитриевича Соловьева стала известна только в 1991 году. Ягоднинское отделение «Мемориала», председатель общества

«Поиск» Иван Александрович Паникаров по своему запросу получили ответ из Информационного центра УВО Иркутского облисполкома:

«...с 1958 года до 10 апреля 1960 года Соловьев отбывал наказание в местах лишения свободы Иркутской области;

10 апреля 1960 года переведен в Дубравлаг (Мордовская АССР), от 30 декабря 1961 года признан особо опасным рецидивистом;

освобожден из мордовских лагерей 8 сентября 1979 года по отбытии срока наказания».

На родной Смоленщине Соловьев не нашел никого из близких родственников и уехал в Алтайский край, где ждала друга Анастасия Павловна Шеруденко.

Ветеран ГУЛАГа отказался от получения паспорта и как не имеющий регистрационной прописки опять был судим. Он отсидел еще один год.

В ноябре 1992 года Сергей Дмитриевич Соловьев был реабилитирован (справка о реабилитации № 4/1828-91 от 22 февраля 1993 года).

Еще до побега из зоны лагеря «Холодный» в 1954 году Сергей Дмитриевич Соловьев с верными друзьями замуровали в штольне рудника документы партии. Найти этот «огонь» свободы через многие годы попытался Василий Иванович Ковалев вместе с членами общества «Поиск». Но попасть в ту штольню они не смогли. Она оказалась крепко заваленной грунтом. Даже мощный бульдозер, который выделили старатели, не смог разрыть вход. Но партийные документы нашли в архивах ФСБ, те самые, которые майор Рязанцев изъял в 1954 году. В.И. Ковалев в феврале 2005 года привез их в Москву.

ОСИРОТЕЛИ...

С тревогой прочитал в «Московском комсомольце», что Георгий Степанович Жженев сломал шейку бедра. И вдруг ошеломляющая информация: в 10.45 наш любимый актер скончался в медико-хирургическом центре имени Пирогова... 2006 год мы будем жить уже без него, до своего 91-летия он не дожил чуть больше трех месяцев.

Я пошел проститься с замечательным Человеком в театр имени Моссовета. Здесь стояла скорбная тишина — в зале сидели люди, на сцене стоял гроб для прощания, вокруг было множество цветов... Тяжело давались слова панихиды Сергею Юрскому. Все, кто говорил о Георгии Степановиче, боролись с комком в горле, со слезами, с переполнявшим их горем. Не было громких слов — их не любил Жженев, впрочем, как и близкие ему по духу люди, которые пришли проститься с ним.

И на Новодевичьем кладбище не было длинных речей. Спросили: «Кто еще хочет слово сказать?»

Вышел высокий человек лет под пятьдесят, низко поклонился Георгию Степановичу: «Вы всегда будете с нами!» Началось прощание...

Я взял горсть земли и бросил на гроб — это как последнее рукопожатие с Г.С. Жженовым. Отошел и тут же столкнулся с Эллой Памфиловой. Я еще в театре заметил венки от власти, но ее самой не было. Не считать же ее представителем Жириновского, который сказал, что в последнее время Георгий Степанович якобы чувствовал, что жизнь в стране налаживается. Я воспринял это как очередную утку депутата. Власть и Г.С. Жженов всегда не любили друг друга, хотя в последнее время он и был ею обласкан. А о власти он откровенно говорил и в своих книгах, и в документальном фильме С. Мирошниченко «Русский крест».

Я прочитал в «Новой газете», что Георгий Степанович среди огромного числа профессиональных наград одну ценил особенно — «Нику» в номинации «За честь и достоинство». Когда ее вручали, зал стоя аплодировал «отважившемуся не сгибаться».

И вот теперь мы все осиротели...

Эти документы сохранились, потому что в 1954 году были «арестованы» УКГВ Магаданской области. Они были опубликованы в местной газете г. Ягодное. Л.А. Нетто их привез И.А. Паникаров, председатель общества «Поиск». А из Центрального архива ФСБ России Л.А. Нетто получил такой ответ: «Ваше обращение о местонахождении документов конспиративной организации заключенных Норильского ИТЛ — так называемой «Демократической партии России» — рассмотрено. Сообщаем, что проведенной проверкой по материалам Центрального архива ФСБ России, УФСБ по Красноярскому краю, а также УМВД Красноярского края сведений об изъятии в 1953–1957 гг. этих документов не выявлено. Ю.А. Трамбицкий».

ПРОГРАММА (КРАТКАЯ) ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ (ДПР)

Мы не должны ждать милости от природы.
Мы не должны ждать свободы от работодателей.
Мы сами должны взять ее!

ВВЕДЕНИЕ

Демократия

Демократия — это всенародная свобода, участие всех граждан в управлении государством. Демократия — это многопартийность. Демократия — значит воспитание человека свободного в духе гуманизма, в духе человеколюбия; воспитание такого человека, который, не считаясь ни с чем, борется за свободу.

Сущность демократизма: не будь рабом и не позволяй закабалить других. Борись за свободу.

Диктатура

Диктатура и демократия — два противоположных полюса, две диаметрально противоположные формы жизни. Одно исключает другое: при наличии диктатуры не может быть демократии, и наоборот, при демократии не может быть диктатуры. Диктатура — это отсутствие свободы. Демократия — это свобода, без свободы она невозможна, как жизнь без воздуха. Борьбаться за демократию — значит бороться за свободу.

Коммунизм

Творцы марксизма не могли убедиться в фантастичности своей идеи. Социальная надежда прошлого оказалась утопией настоящего. Советский Союз — это марксизм на практике, это претворение в жизнь идеи коммунизма.

Страна миллионов заключенных, страна варварской эксплуатации человека государством, страна нищеты и бесправия рядового гражданина (таков СССР) — не может быть страной передовой социальной мысли.

Призрак Маркса сбросил свой саван — перед нами предстало государство-тиран, государство диктатуры кучки политических фанатиков.

СССР — детище большевизма — страна рабства.

Коммунизм тянется к нам из советских подвалов миллионами костлявых рук — жертв диктатуры.

ГОСУДАРСТВО

ДПР предлагает на территории бывшей России организацию Демократических федераций России — ДФР.

Окончательно политическую структуру определяет народ. Форма определения общего мнения — всенародный опрос.

ДФР — добровольное объединение демократических федераций, основанное на исторической общности, политическом единстве и экономической взаимосвязи.

Предлагаемый состав ДФР:

1. Русская демократическая фракция.
2. Украинская.
3. Закавказская.
4. Балтийская.
5. Белорусская.
6. Средне-Азиатская.

Каждая демократическая фракция делится на области и национальные округа. Область и национальный округ делятся на районы, район — на участки, участки — на комплексные и простые хутора.

Каждая федерация определяет себе самостоятельно образ жизни, оседлость, религиозные культы, обычаи и т.п.

Каждая федерация определяет самостоятельно, быть или не быть в ДФР.

Законодательной властью ДФР является съезд народных посланников, в период между съездами страной руководит Президент, избираемый народом на 4 года.

Президент назначает исполнительную власть — Совет Министров. Как каждый посланник, так и Президент могут быть в любое время (по заявлению двух третей избирателей) переизбраны. Выборы прямые, равные и тайные.

ДПР считает неоспоримым законом, что государственная власть — слуга народа. Ее обязанности:

1. Охранять демократию и целостность государства.
2. Гарантировать правильное исполнение законов.
3. Охранять и укреплять частную собственность.
4. Регулировать экономику.
5. Отчитываться перед народом.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Законодательство основывается на принципах:

1. Каждый гражданин свободен от рождения: он волен в своих поступках, но среди людей он не должен преступать нормы поведения человеческого общества.

2. На столкновении противоречий рождается истина (т.е. многопартийность).

3. Частная собственность — основа государственной безопасности. Чем выше благосостояние граждан, тем

прочнее государство. Укрепление частной собственности — священная обязанность государства.

Суд

Суд открытый и выборный. Народ избирает:

1. Суд федеральный.
2. Областной суд.
3. Суд национального округа.
4. Районный суд.

Верховный суд назначается собранием народных посланников. Весь состав суда или отдельные члены его переизбираются при желании 2/3 избирателей.

Свобода

Все граждане ДФР имеют право:

1. Организовывать различные общества — политические, научные, экономические, благотворительные и другие, т.е. свобода организаций.
2. Свобода печати. Учреждение печатных заведений, издание книг, газет, журналов и т. д.
3. Свобода митингов, собраний, демонстраций.
4. Свобода слова. Гарантия неприкосновенности за высказываемые мысли.
5. Свобода передвижения как по своей стране, так и выезда в другие страны.
6. Свобода вероисповеданий.

Равенство

Все граждане ДФР независимо от национальностей, политической принадлежности, пола, образования, занимаемой должности, вероисповедания равны перед законом.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Частная собственность — основа благосостояния граждан, показатель прочности государства и уровня культуры граждан. Частная собственность — основной стимул повышения производительности труда.

Частная собственность:

1. Не ограничена — на продукт человеческой деятельности (машины, заводы, предприятия и т.д.).
2. Ограничена — на землю, воду, леса и природные ископаемые. Частная собственность охраняется законом.

Труд

Труд — физиологическая потребность организма человека. Способности людей к труду различны. Нормирование, определение форм или вида труда.

Нормирование, определение форм труда естественно. Труд является добровольным занятием каждого гражданина.

Определение места, вида и объема труда — дело совести каждого гражданина.

Наемный труд разрешается. Оплата и условия труда устанавливаются законом.

Устанавливается продолжительность рабочего дня:

1. В промышленности — рабочие и служащие от 30 часов в неделю.
2. В сельском хозяйстве — до 60 часов в неделю.

Земля

Земля выдается всем гражданам ДФР в частное личное пользование бесплатно.

Размер земельных участков устанавливает собрание народных посланников по федерации и области. Пользование землей обязывает владельца обрабатывать ее. В целях лучшего использования силовых установок, машин, обучения, проведения дорог и т.д. рекомендуется как наиболее рентабельный (выгодный) вид землепользования — хуторская система (отруба).

Хутора состоят от 3- до 4-дворового состава, как исключение, возможны отдельные однодворовые хутора. Наряду с этим граждане по своему желанию могут выбирать любую форму землепользования (общины, артели, кооперативы и т. д.). Земля не продается.

Торговля

Торговля — один из видов труда. Гражданам ДФР разрешается на всей территории демократических федераций продавать как продукт своего труда, так и продукт труда других граждан.

Торговля регулируется, гарантируется и контролируется государством.

ВОИНСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

Воинская обязанность отменяется.

При возникновении опасности целостности государства чрезвычайным законом собрания народных посланников вводится воинская повинность на период опасности.

Государство содержит наемную армию, служба в которой подобна службе в других государственных учреждениях.

ОБРАЗОВАНИЕ

Все граждане ДФР обязаны иметь среднее образование. Начало образования — с семилетнего возраста. Образование ведется по специальным программам, мальчиков — в мужских школах, девочек — в женских. За образование детей перед государством ответственны родители. Среднее обязательное образование бесплатно.

ЖЕНЩИНА

Равноправие женщины в Советском Союзе приняло самые уродливые формы. Женщины вынуждены работать в шахтах, молотобойцами, пахать землю плугом и т. д.

Женщина в СССР превратилась в рабыню. Подобно тому, как если бы работников интеллектуального (умственного) труда принудить копать землю, объясняя это равноправием рабочих и интеллигенции, так же и использование женщины на тяжелых физических работах не является равноправием женщины.

Призвание женщины — воспитание подрастающего поколения, создание домашнего уюта, но женщине предоставляется право самостоятельного выбора любого вида деятельности. Женщина равноправна с мужчинами во всех видах политической, общественной и экономической деятельности, а также и в правовом отношении.

О БЛАГОСОСТОЯНИИ И БЫТЕ

Все должны быть имущими (зажиточными). Пролетариата, нищеты (наследие диктатуры и национальной отсталости) не должно быть.

Каждому гражданину будет оказана материальная помощь государством. Каждый должен иметь необходимое [для] быта: участок земли, свой дом, автомашины, электромоторы, мотоциклы, велосипеды и т. д.

Изменить архитектурный общий ансамбль городов; вынести за черту города в промышленные пояса все предприятия.

Изжить из практики скученное расквартирование семей — общежития, казармы, многоквартирные дома — места, где у человека развивается отрицательный коллективизм, стадность, где разрушается человеческая здоровая мораль, где происходит опошление человека.

Создать условия воспитания [у] граждан демократической морали, человека самостоятельного, независимого мышления, но не раба коллектива.

*** * ***

Дело демократии победит! Россия будет свободной! Помни! Начиная улучшать общество, улучшать мораль человека, начинай с самого себя. Ты должен быть примером в этом!

ДОПОЛНЕНИЕ

Для построения жизни в демократии создан революционный комитет Демократической партии России. Задача революционного комитета ДПР:

1. Свержение Советской власти.

2. Освобождение политзаключенных: политзаключенный Советского Союза — почетный гражданин Демократической Федерации России.

3. Освобождение уголовных заключенных с полной реабилитацией (уничтожением) — аннулированием дел.

4. Поддержание порядка и создание условий для установления демократии.

5. Материальная помощь гражданам (питание, одежда, место жительства).

6. Обеспечение безопасности бывшим советским работникам независимо от занимаемой должности, пожелавшим быть честными гражданами ДФР.

7. Гарантия всеобщего прощения. Каждый должен простить все обиды, пережитые им за весь период существования Советской власти.

УСТАВ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Для дела демократии — для дела возвращения России на путь демократического развития — необходим боевой, жизненный и эффективный орган. Этим органом является ДПР. Чтобы существовать и работать в условиях советского подполья, необходима железная дисциплина. Для установления и поддержания дисциплины, для определения функций и взаимоотношений членов ДПР и составлен настоящий устав.

Устав является законом для кандидатов и членов как на территории России, так и в других государствах.

2. СТРУКТУРА

Высшим руководящим органом партии является съезд ДПР. Съезд выбирает центральное управление партии (ЦУП).

Центральное управление партии состоит из председателя и шести его заместителей.

1. Партия делится на территориальные организации, возглавляемые председателем территориальной организации.

2. Территориальная организация состоит из участковых организаций, возглавляемых старшиной участковой организации.

3. Участковая организация делится на группы. Во главе группы стоит старший группы — групповой.

4. В состав группы входят ячейки. Ячейкой руководит старшина ячейки. Деление партии не связано с административным делением Советского Союза.

3. ЧЛЕНСТВО

Каждый гражданин, принимающий программу партии, участвующий активно в работе партии и платящий членские взносы, считается членом партии.

В партию принимаются граждане независимо от пола, национальности, вероисповедания, подданства, социального происхождения и положения, достигшие 24-летнего возраста.

Для вступления в партию необходимо иметь кандидатский стаж. Необходимый кандидатский стаж устанавливается:

1. Для граждан СССР — 6 месяцев.
2. Для остальных граждан — 1 год.

Для вступления в партию необходимы две рекомендации. Рекомендации даются без ведома вступающего в партию.

4. ОБЯЗАННОСТИ

Каждый член и кандидат партии обязан:

1. Не нарушать устав партии.
2. Быть активным антибольшевиком.
3. Отчитываться за свою работу.
4. Хранить партийную тайну. К партийной тайне относятся программа, устав, намерения, клички, действия, то есть вся работа, весь смысл партии. Выдача партийной тайны — тягчайшее преступление.
5. Помогать кандидатам в члены партии духовно, материально и физически на территории Советского Союза и за границей.
6. Помогать членам семей членов партии.

5. ПРАВА

Каждый член партии имеет право:

1. На духовную, материальную и физическую помощь со стороны партии.
2. На защиту со стороны партии членов семьи.
3. На первоочередность получения работы в государственных учреждениях ДФР.

4. На получение почетной государственной (ДФР) пенсии при достижении 55-летнего возраста.

Член ДПР борется за свободу своей личности и за свободу других граждан — он почетный гражданин Демократической Федерации России.

6. РАБОТА

Деловая партийная связь ведется только с лицом, от которого получено задание. При необходимости получения совета или нарушения связи обращаться к лицу, оформившему прием в партию.

Отчет о выполнении поручений дается только тому лицу, которое давало это поручение.

Вступление в деловую связь с другими лицами только по поручению по нисходящей партийной линии.

7. ФИНАНСЫ

Для членов партии устанавливается следующий размер членских взносов:

1. Политические и уголовные заключенные — 10 рублей.

2. Колхозники — 15 рублей.

3. Служащие СССР — 2 процента от ставки.

4. Советский административный персонал — 10 процентов от ставки.

5. Советский карательный и высший партийный состав — 15 процентов от ставки.

6. Остальные — 20 рублей.

От уплаты освобождаются лица, у которых установлено отсутствие средств. Уплата членских взносов производится лицу, с которым установлена деловая партийная связь, или лицу, производившему оформление. Задержка выплаты членских взносов более чем на два месяца недопустима.

8. КЛЯТВА

На путь борьбы с большевизмом становлюсь сознательно и добровольно. Клянусь быть верным делу борьбы за демократию. Клянусь, не щадя ни сил, ни жизни, выполнять все поручения, задания партии. Если нарушу мою клятву, если изменю делу победы демократии, то пусть покарает меня презрение моих товарищей и ненависть моего народа.

Нина Семеновна Дзюбенко

Нина Дзюбенко:

*«Мак Росси прожил жизнь, но
не окаменел душой» .*

Нина Семеновна Дзюбенко

ПЕРВЫЙ ПРИГОВОР, ВТОРОЙ...

Впервые о Жаке Росси, как бывшем заключенном Норильского лагеря, стало известно в конце 80-х годов XX века. Тогда было много открытий и казалось, что тема ленинско-сталинских репрессий долго будет интересовать просвещенную нашу публику. Действительность опровергла эти иллюзии. Старый (20-х годов прошлого века) бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» оказался важнее знания подлинной истории Отечества.

Из «Краткого курса всемирной истории» под редакцией политбюро известно, что французы были первыми, кто устроил у себя революцию по-пролетарски. Большевики потом долго «ходили в школу» Парижской коммуны, чтобы поучиться тому, как террор против народа поставить на службу народу...

Ныне во Франции уже издана литература о тех французах, которые на себе испытали «очищающую» силу гильотины пролетарской диктатуры. Жак Росси — один из них.

Очень многие бывшие заключенные, освободившись в эпоху хрущевской оттепели, постарались забыть свои лагерные мытарства. Писали воспоминания небольшое число выживших. Но даже те, кто писал «в стол», как только пришли брежневские «заморозки», уничтожали записи. Помнится, Павел Варламович Петрук, приехавший в Норильск на один из первых Дней памяти, рассказывал, что свою рукопись он положил в стеклянную банку и при строительстве гаража закатал ее в асфальт от греха подальше. Такие действия можно понять: времена были далеко не вегетарианские.

Жак Росси был другим.

Как-то, в юбилей Победы над фашизмом, по ТВ показывали репортаж праздника из Парижа. Высшее

руководство Франции сидело на пластиковых стульях и наблюдало фигурное катание мотоциклистов вокруг Триумфальной арки. И вдруг ветерок, дунув, сбросил на асфальт косынку дамы, сидящей недалеко от главного лица — президента. Тот вскочил, поднял и подал даме косынку. Представить себе такой же элегантный жест нашего первого лица я не могла. И тут же вспомнила единственного знакомого мне француза, имеющего столь же хорошие манеры. Было это в 1994 году в нашей столице, где проходила международная конференция в честь 40-летия восстания заключенных в Кенгире. Я сидела рядом с Жаком Росси и, когда закончилось заседание, попыталась снять свой жакет со спинки стула, но француз, опередив меня, взял его и помог мне одеться, хотя Росси был уже достаточно пожилым. Многим нашим мужчинам, тем более в таком возрасте, хорошие манеры несвойственны. Что поделаешь, все мы вышли из страны, где царила пролетарская мораль, а мы были не столько мужчинами или женщинами, сколько «рабочими и колхозницами» или товарищами по блоку коммунистов и беспартийных.

Жак Росси родился 10 октября 1909 года во Вроцлаве, по другим сведениям, во Франции. Родителями его были французы, но отец умер до его рождения, а мать вышла замуж за поляка из очень богатой семьи. Мать умерла тоже рано, мальчик воспитывался в семье отчима и его жены. Еще ребенком он был потрясен рассказами взрослых о войне, увлекался чтением Руссо, Вольтера, Дидро и видел социальное неравенство в Польше (на всю жизнь запомнил, как в имении старая крестьянка поцеловала ему, паничу, руку). (Условно говоря, может быть, и у нас уже появился такой мальчик с кудрявой головой, в душе у которого зрели гроздь гнева.) Жак учился в государственном лицее, где школьники представляли все слои общества. Однажды его позвал в гости одноклассник, сын водителя трамвая. В гостях он обнаружил, что семья трамвайщика живет в двух комнатах, все трое де-

тей спят в одной из них, а кухня служит гостиной. Там не было ни прислуги, ни мягких ковров. Главное — здесь царил запах, ударивший по обонянию деликатного подростка: уборная была между двумя этажами. Для Жака это было практическим опытом постижения действительности и примером социальной несправедливости, с которой он хотел бороться. Коммунистическая партия Польши в то время — в конце 30-х — была в подполье. «Никто не шел представляться в нелегальную подпольную партию. Она сама отыскивала тех, кого считала подходящим и достойным. Как в масонстве. Вот так обратились и ко мне», — рассказывал Жак о своем вхождении в организацию. Из лица юного подпольщика исключили, так как в работу, которую писали в конце учебного года, он ввел подрывную идею об ответственности государства и имущих классов.

Уже будучи взрослым, о своем отчине Жак вспоминал: «И я никогда не премину подчеркнуть, насколько корректно он вел себя со мною, не щадя средств на мое образование. Но отношения наши были далеко не лучшими. У него были ложные идеи, и он всегда оказывался прав, так как использовал свои знания, свою эрудицию, чтобы подавить меня аргументами, на которые я не находил ответа. Сегодня точно так же могу сказать: со Свидетелями Иеговы или старыми коммуняками спорить невозможно».

По совету партии он вступил в Товарищество рабочих университетов и с жаром начал преподавать историю и географию двум десяткам молодых рабочих, в том числе таким, что были старше его, но едва умели читать и писать. Собрания проходили вечером, после смены, в пивной.

Сам Жак в 1927 году при помощи жены отчима записался в училище изобразительных искусств. Он был мастером портрета, о чем еще будет речь впереди.

Кроме культурной революции среди польских пролетариев Жак Росси стал ставить спектакли по произведениям польских авторов и Маяковского.

Вместе с несколькими товарищами Жак превратился в «человека-оркестр»: он был и режиссером, и сценаристом, хореографом, декоратором и даже драматургом, когда был недостаток текстов.

Цензура вмешивалась — если вообще вмешивалась — только после того, как спектакль был сыгран, постфактум. Тогда являлась полиция, и известные произведения, как и некоторые тексты неопитов вроде Жака, могли быть запрещены, а ответственный за спектакль — поплатиться за свою смелость несколькими днями ареста (не тюрьмы). Такие порядки были весьма далеки от тех, что предстояло узнать самому Жаку в коммунистическом СССР.

Подпольная работа завербованных России подпольщиков включала чтение запрещенной литературы, распространение листовок, которые были предназначены для украинцев с востока Польши, служивших на западе страны, в Познани. Партия считала, что вот-вот разгорится война между Советской Россией и империалистическими странами. В листовках украинцев призывали в случае войны с СССР повернуть оружие против угнетателей — польских помещиков, фабрикантов, капиталистов — и брататься с красноармейцами советской Красной Армии. В любой стране призывать солдат изменить присяге — это очень серьезно! Жак был арестован.

На следствии он с «великодушным остервенением» (Н.М. Карамзин) объяснял следователю, насколько заслуживает свержения это несправедливое общество, а тот иронично спросил его:

— Молодой человек, вы так страдаете народом... А вы знаете, сколько стоит кило картошки?

Жак был пристыжен, в этих вопросах он был невежествен. (Обычная история — Карамзин писал, видимо, на века: заблуждения юношества суть заблуждения нашего века.)

Режим Пилсудского, существовавший тогда в Польше, который с юношеским максимализмом юные коммунисты считали «фашистским», предоставил

ему бесплатного адвоката. «Вызвали всех свидетелей, которых я предложил. Они, например, подтвердили, что в училище прикладного искусства я был на хорошем счету. Никакого сравнения с советскими процессами, где раздавали приговоры по четверть века, не забывая себе голову свидетелями защиты!»

Первый приговор Росси был вынесен в конце 1928 года: девять месяцев заключения в крепости. Это было лучше, чем приговор к тюремному заключению: в крепости не теряешь своих прав «чести», можешь продолжить высшее образование или стать офицером. (В нашей пенитенциарной системе только несколько лет назад разрешили некоторым категориям зэков получать образование вне зоны; обучение в тюремной школе является обязательным.)

«Редко случается, чтобы бывший заключенный подчеркивал, что с ним хорошо обращались. Но Жак не такой заключенный, как все: у него другие точки отсчета, на фоне которых тюрьма Пилсудского выглядит прямо райской: «Вначале меня посадили в одиночку. С четвертого этажа водили вниз на прогулку, которая продолжалась час, тогда как в советских тюрьмах она не превышала 15–20 минут. Я ходил один по двору героем, который страдает за всемирное дело социальной справедливости».

Однажды к нему на свидание пришел отчим. Вот что вспоминал об этой встрече юный коммунист:

«— Неужели ты не можешь понять, что губишь свою жизнь? До чего ты дойдешь, если в твоём возрасте начинаешь с тюрем? И если тебе наплевать на твою карьеру, мог бы по крайней мере подумать о моей!

Я ответил очень гордо:

— Судьба мирового пролетариата важнее вашей карьеры!

Он был ошеломлен».

(Это была их последняя встреча. Отчим Жака Росси умер во время немецкой оккупации.)

Одна из легенд о Жаке гласит, что, освободившись из польской тюрьмы, он защитил диссертацию

во Франции под чужим именем. Наверное, в те годы это было возможно, ведь в Польше после ареста из училища изобразительных искусств его исключили категорически. Но подпольную работу он не прерывал. Знание многих языков и страсть к авантюризму привели его в Коминтерн.

Он был «рукой Москвы» в Польше, Индокитае, Индонезии, Китае и Японии, изучал методы французской и польской разведки, вел подпольную работу во время гражданской войны в Испании. Росси попал в Испанию в 1936 году и при штабе одной из немецких частей, воевавших за Франко, передавал оперативные сведения по секретной радиостанции республиканцам, то есть Росси работал в тылу у фашистов.

Когда война заканчивалась, он был вызван в Москву, где стал работать в академии им. Фрунзе — преподавал арабский и другие восточные языки.

В 1993 году в нью-йоркской газете «Новое русское слово» было опубликовано интервью с Жаком Росси. Интервьюер спросил Жака, знал ли он об арестах в Москве.

— Да, конечно, знал, — ответил он. — Но люди, которых посадили, были мои ближайшие друзья еще со времен Гражданской войны. Считал, что мое место рядом с ними.

— Вместе с тем вы ведь понимали, что Коминтерн не столько идеологический инструмент, формальной целью которого было укрепление компартий, левых, рабочих движений, сколько один из фасадов советской разведывательной машины. Как все это увязывалось в вашем сознании, не испытывали ли вы сомнений в правильности своих действий?

— Довольно много, — отвечал Росси, — причем с первых же дней. Большинство составляли политэмигранты, студенты КУМЗ (Комуниверситет молодежи Запада) и КУТВ (Комуниверситет трудящихся Востока). Там готовили кадровых работников для мировой революции.

В 1937 году Жак Росси был арестован и доставлен в Бутырки. Именно отсюда и началась его «фольклорно-историческая экспедиция», завершившаяся в 80-х годах изданием уникального «Справочника по ГУЛА-Гу». Статьи в его «Справочнике...» обезличены, автор редко напрямую ссылается на свой личный опыт, тем самым подчеркивая типичность описываемых фактов. И только раз двадцать Росси ведет повествование от своего имени (в тексте он называл себя «автор»). Например, целых шесть страниц — самое большое количество — отведено Соловкам, этой «матери» советской пенитенциарной системы. Вот что писал Росси: «Главным источником для составления настоящей статьи послужили беседы, проведенные автором с сотнями бывших соловчан, в том числе и с Ногтевым, многолетним начальником Соловецкого лагеря (в Бутырской тюрьме в 1938 году). Не сомневаясь в том, что будет расстрелян, Ногтев был цинично откровенен» («Справочник...», ч. 2, с. 372). (Ногтев расстрелян не был, на рубеже 40–50-х годов он находился в Норильлаге, о чем имеются сведения в архиве норильского музея.) Кроме того, Росси довелось познать советскую действительность во всей ее подлинной неприглядности. Например, «автор сидел с ленинградским рабочим, который по закону семь восьмых (указ о трех колосках) получил 10 лет за вылов из Финского залива одного бревна, уносимого течением в море» (с. 355). Еще один факт, невиданный со времен римского (классического) права: осуждать повторно за одно и то же преступление. На с. 288 «Справочника...» читаем: «...в конце 30-х гг. автор встречал политзаключенных, которые с 1919–1922 гг. никогда не выходили на волю из-за «повторничества».

Вот как Росси объясняет старую русскую поговорку «Входящий, не грусти. Выходящий, не радуйся»: «Многие заключенные — колхозники. От них автору часто приходилось слышать, что в материальном отношении тюремная или лагерная жизнь для них не хуже колхозной. Горе начинается после выхода «на

волю», когда многих направляют в ссылку, где нет тюремной пайки, а заработать негде, нет приусадебного участка, чтобы вырастить картошку» (с. 68). Можно вспомнить о том, как народ расшифровывал аббревиатуру ВКП (б): Второе Крепостное Право большевиков.

В некоторых публикациях о Росси сообщается, что он был арестован в декабре 1937 года. Вот что написано на с. 379 «Справочника...»: «Самое массовое применение физических спецмер началось в ночь с 17 на 18 августа 1937 г. К утру 18 августа большинство подследственных в Бутырках (где находился автор) вернулось с допросов с заметными следами побоев. Позже, встречая в лагерях людей, проходивших следствие в других тюрьмах Советского Союза, мы констатировали, что массовые пытки начались по всему Советскому Союзу именно этой ночью и что технические методы были примерно те же повсюду». Значит, Росси был арестован ранее 17 августа 1937 рокового.

Теперь мы уже знаем, что «активное следствие» стало проводиться по прямому указанию Сталина — лучшего друга чекистов («детей и монгольского рогатого скота» — Росси), гениального продолжателя великого Ленина...

После двух лет отсидки в Бутырской тюрьме в 1939 году Росси был осужден на основании фиктивного обвинения Особым Совещанием («ОСО — заочный административный суд органов безопасности» — Росси) при НКВД СССР за «шпионаж» на 8 (10?) лет ИТЛ. «Совершенно независимое от какого-нибудь внешнего контроля, ОСО было идеальной машиной для массовой штамповки не подлежащих пересмотру приговоров тем, кого заподозрит политическая или уголовная полиция. Автору пришлось попасть в этап (около 600 человек), участники которого все поголовно были осуждены на одном и том же заседании ОСО от 7 апреля 1939 г.» («Справочник...», с. 256). Свершилось, по словам Росси, «узаконенное беззаконие».

До Красноярска этап ехал в «столыпинском» вагоне: «Это нормальный пассажирский жесткий вагон, в котором продольная перегородка, отделяющая коридор от купе, заменена решеткой. Пространство между каждой парой полок купе перекрыто, и т.о. получают три сплошных помоста, один над другим. На каждом из них могут лежать 4 человека, или всего 12 человек в купе. В 1939 году автору пришлось ехать в числе 28 человек. В купе около 9 куб. м и такая перегрузка крайне мучительна» («Справочник...», с. 394).

С июля 1939 года Росси в Норильлаге «катал баланы» (бревна с корой) в Дудинском порту на погрузке-разгрузке; работал в мерзлотной лаборатории, куда его взял Н.А. Козырев, известный астроном.

Портрет Козырева, выполненный заключенным французом Ж. Росси. Дудинка, 1943 г.

В начале 90-х годов в питерском журнале был опубликован карандашный портрет Н.А. Козырева, имевший подпись: «Рисунок Жака Росси». Подпись под портретом гласила: «Дудинка, 1943 год». Кто вывез портрет из лагеря — тайна; семье Козыревых этот рисунок был неизвестен, где хранится автограф — до сих пор неясно. Может, кто-нибудь знает это? Отзовитесь!

В Норильлаге ему довелось испытать и общие подконвойные работы, бывал он и в ШИЗО, БУРе. Кличка у него была Жак-француз. Знание иностранных языков давало возможность быть в тепле — «придуриваться», выражаясь лагерным сленгом. Ибо в лагере работой считался только физический труд. Использовался он как переводчик технических текстов, работая в научно-технической библиотеке. Там он познакомился с А.Н. Гарри, который, по словам Росси, одинаково плохо говорил на всех языках, включая русский. Вот что Росси написал про еще одного известного з/к Норильлага: «Молодого Гумилева устроили в Норильске книгохранителем в библиотеке ИТР: каждое утро конвой приводил его в библиотеку. Он там залезал на лестницу и целый день хранил книги. Вот так работенка не бей лежачего» («Справочник...», с. 232–233).

Личностью Росси был необычной, поэтому выжившие вспоминали о нем и позже, в наши благословенные времена, например, Йожеф Лендел (1896–1975 гг.), один из основателей Венгерской компартии. После поражения Венгерской советской республики в 1930 году приехал в Москву, в 1938-м был арестован. Вместе с Жаком Росси уже в Норильлаге они участвовали в строительстве овощехранилища. После того как Жака Росси выпустили из Советского Союза, он приезжал в 1964 году к Ленделу в Будапешт и там нарисовал портрет Лендела на крышке конфетной коробки. Этот рисунок сохранился.

Вот цитата из рассказа Лендела «Песни» о Росси:

**Рисунок
Жака
Росси**

Йозеф Лендел

«Жак худощав, глаза карие, глаза бедуина. Отец его был корсиканским итальянцем, а мать арабкой. Он из тех французов, кому Средиземноморье — мать родная, у кого три родных языка: французский, итальянский, арабский. В совершенстве знает еще кучу других языков. Немецкий, английский, испанский, разумеется, русский, ну и какой подвернется, то и его более-менее. По словам нашего общего друга Тру Ранчэна, Жак на удивление хорошо и на удивление красиво говорит и по-китайски. Год назад он преподавал в Москве арабский и другие восточные языки. Лет ему от роду двадцать восемь. Он окончил Высшую архитектурную школу в Париже, а вдобавок еще и более чем полсвета успел объездить: вон он вместе с Тру Ранчэном сколько всего навспоминал про Китай (по-английски, чтобы и мне было понятно), а со мною про Берлин. У него и на умывание время хватает. Пока река не замерзла, он ежедневно в обеденный

перерыв купался и стирал исподнее. Всегда чист, как херувим, и по вечерам, придя в барак после работы, непременно вымоется до пояса».

Во время моей встречи с Жаком Росси в 1994 году я спросила его: «Правда ли все то, что о вас писал Лендел?» Он рассмеялся и ответил: «О, Йозеф Лендел, он большой фантазер!»

Отбыв в общей сложности не 8, а 10 лет, получил в 1947 году освобождение из лагеря, но остался срок, как говорили з/к, «по рогам» (поражение в правах на 5 лет) без права выезда на «материк».

Двадцать четыре года, проведенные в ГУЛАГе, позволили Жаку в совершенстве овладеть еще несколькими языками: уголовников и милиционеров, познать термины управления лагерей, народный язык и советскую «феню». Например, слово «блат», входящее в круг наиболее употребляемых современных лексиконов. У Росси приводится такой пример: «Блат (на идише одесских воров значит ладонь), специфически уголовный и народный термин. В 1939 году автор встретил в лагере бывшего красноармейца, получившего за поговорку «Блат выше совнаркома» 10 лет. Формулировка приговора: «За клевету на советскую действительность» («Справочник...», с. 32). Или общетюремно-лагерный термин «дойти до социализма» — хиреть от голода. Образцом выражения лагадминистрации является: «Мертвый зэк лучше больного — не надо кормить и освобождать от работы». Это выражение появилось в период ежовщины (1936–1938 гг.). Вот слово «парикмахер». Считать, что это слово не имеет гулаговского смысла — значит не знать нашей истории. И тут нам поможет Росси: парикмахеры — голодающие колхозники, обстригавшие колосья злаков, за что получали по 10 лет лагерей.

Вот пример официального термина, который применялся в Норильлаге: «Рабгужсила — рабочая гужева сила. В лагерях этим термином называют

рабсилу з/к, рабочего скота и лошадей вместе. Например, в сводке об использовании рабсилы пишут:

По з/к з/к	120 час.
По рабочему скоту	34 час.
Всего по рабочему скоту и по з/к з/к	154 час.».

Для комментария, что называется, рука не поднимается, а ведь наша просвещенная публика до сих пор обсуждает тему «Что такое быдло?».

Уместно привести свидетельства известнейшего норильчанина, не чуждого литературе уже в лагерные времена, Сергея Снегова, относящиеся к концу 40-х годов: «Жак был очаровательный мужчина — рослый, стройный, умный, словоохотливый и красивей, пожалуй, всех, кого я знал в Норильске. Мы с ним приятельствовали, он ходил ко мне. Женщины млели, только взглянув на него. Он был не только обликом красавец, но натурой истинный мужчина».

О том, в каких условиях Росси собирал материал для «Справочника по ГУЛАГу», изданного уже в 80-х годах XX столетия, писал мне в годы гласности помощник прокурора г. Норильска в конце 40 — начале 50-х годов Евгений Викторович Павловский из Иркутска.

«Жак Росси, он же Тейхман, так фамилия по личному и уголовному делу, отбыл 10 лет по статье 58 и стал работать по вольному найму фотографом в здании, где горком, исполком, прокуратура города. Я знал, что он француз, но хорошо говорил по-русски. Я фотографировался у него на удостоверение. При встречах мы с ним перебрасывались репликами. В его жаргоне были лагерные, блатные слова, выражения. Он говорил, что его хобби узнавать, собирать такие слова.

В конце 1951 года его посадили за шпионаж. При задержании у него изъяли блокнот с двумя письмами на французском языке. В них было записано, сколько содержится заключенных. Причем точно было указано на 01.01.1951 г. 212 тысяч человек. Производство,

которую комбинат добывает и производит, сколько за год угля, никеля и т.д. На листе кальки координаты Норильлага, что где находится, заводы 25, 26, БОФ, РОР, Горстрой и на все другое с условными обозначениями. Фотография Франсуа Петита, его резидента, з/к 5-го лаготделения Горлага, БОФ между Шмидтихой и горой Рудной.

Расследование затянулось до шести месяцев. Прокурор Случанко поручил мне продлить следствие еще на три месяца. Я участвовал в его допросах. При мне Росси заявил переводчика с английского языка. Вызвали писателя Гарри, допросили с его участием. Другой раз требовал переводчика с французского языка, потом с хинди, в общем, тянул резину. Я его как-то спросил в шутку: «А с мадьярского переводчик не нужен?» Но слов «признаю себя виновным» так и не сказал, не хотел, не мог этого сказать.

По его делу были привлечены пять человек: Франсуа Петит, рентгенолог, шофер — фамилии их я забыл. Когда следствие было закончено, Арсентьева, начальника отделения по борьбе с КРД (контрреволюционной деятельностью. — Н.Д.) отдела режима и оперработы Норильлага, вызывали в Москву на заседание Особого Совещания МГБ. Там он доложил обстоятельства шпионской деятельности, и Росси был осужден по статье 58, пункт 6, УК РСФСР за шпионаж на 25 лет тюрьмы. Отбывал срок наказания в бывшем Александровском центре, в 70 км от Иркутска, где была тогда внутренняя тюрьма МГБ, в ней содержались особо опасные преступники, приговоренные к тюремному заключению.

Когда я был в отпуске в Иркутске в 1955 году, мне поручили выехать в эту тюрьму и допросить его насчет утерянных фотопринадлежностей, о чем он систематически писал жалобы. В тюрьме договорились с ним о возмещении стоимости пропавших. Беседовали с ним и о блатном языке. На мой вопрос, на кого он работал, не ответил. Позднее стало известно, что срок ему сократили на десять

лет и его обменяли потом на нашего разведчика. Ф. Петит вскоре умер. А «Справочник по ГУЛАГу» с его блатными словами — никому он не нужен, зря его напечатали».

В третьем сборнике Норильского «Мемориала» за 1996 год мне попался еще один материал на эту же тему, подписанный Э. Светловой, которая напустила в своем рассказе очень много туману.

«НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ»

О ПОБЕГЕ он думал с первых же дней своего ареста, а вернее, «похищения» советскими органами в оккупационной зоне Германии. Тридцатидвухлетний французский разведчик Франсуа Петит в 1948 г. был осужден без суда на 25 лет заключения в ИТЛ, привезен в Норильск и отбывал свой срок в Горном лагере (особом лагере № 2 МВД).

За плечами — десятилетняя практика разведывательной деятельности, 20 побегов из тюрем Германии, Испании, Австрии (и это при фашистском режиме!), вот и теперь он не терял надежды на свой уход из советского плена. Находясь во время этапирования на пересыльных пунктах Брест-Литовска, Куйбышева, Челябинска, он пытался организовать свой побег, но безрезультатно.

На красноярской пересылке Франсуа повезло: от заключенных, этапировавшихся в Иркутск из Норильлага, он узнал, что в Норильске живет недавно освободившийся из лагеря его соотечественник Жак Росси. Мечта о побеге стала реальнее, ведь вдвоем будет легче ее осуществить, и он стал с радостью ждать этапа в Норильск.

Воспаление легких, с которым он пролежал в больнице 4-го лаготделения первый месяц своего пребывания на норильской земле, задержало долгожданную встречу.

После болезни Франсуа Петит начал искать возможность связаться с Жаком Росси. Вскоре

ему это удалось с помощью тех, кто знал Росси, он передал в его адрес несколько записок, и связь была налажена.

Жак Росси рад был помочь своему соотечественнику, передавал ему через знакомых деньги, пытался найти способ для личного свидания.

Свидание двух разведчиков, французского и советского (но тоже француза), состоится в январе 1949 г., предлог был найден: Петит, используя свой художественный талант, добился разрешения выйти из лагеря за красками для КВЧ лаготделения, зная, что Росси кроме своей работы в фотомастерской и преподавания иностранных языков занимается практикой художника.

При встрече Франсуа сказал Жаку, что ему нужна топографическая карта окрестностей Норильска и связь с французским консулом, чтобы через него передать письмо его близкому другу — капитану французской разведки, который сделает все, чтобы спасти Петита, так как обязан ему своей жизнью. И если будет удачно доставлено письмо, то французы пришлют в норильскую тундру самолет, оружие, деньги, то есть все необходимое для побега.

Жаку Росси план побега показался заманчивым, и он согласился принять самое активное участие в помощи Франсуа Петиту и сборе сведений о Норильске, которые могут заинтересовать французскую разведку. Дальнейшую переписку между собой они уговорились в целях конспирации вести, передавая через знакомого шофера письма, вложенные в разрезанный переплет книги.

Петит написал два письма. Первое — в адрес французского консула с описанием своего положения и просьбой сообщить французской разведке о нем, в этом же письме он рассказал о тяжести жизни заключенных Норильлага. Второе письмо было адресовано другу Франсуа, в нем он просит организовать побег из Норильска, прислать самолет с деньгами и оружием.

К письму были приложены координаты Норильска и топографическая карта.

Эти письма Жак должен был вручить своему приятелю, освободившемуся из лагеря, работавшему в проектной конторе и имевшему возможность бывать в Москве по служебным делам. Приятель назначил день передачи писем, и в этот день, 22 февраля 1949 г., Ж. Росси был арестован. Франсуа был арестован 25 февраля.

О чем думали они, сидя в Норильской тюрьме при Первом отделе, ожидая очередного приговора своей судьбе?..

Конечно, затевая побег, они понимали, что рискуют, что может случиться всякое, но разве могли они предположить, что их переписка с самого начала стала достоянием органов МВД, что «свой брат» из бывших эзков будет каждый день «стучать» в Первый отдел об их действиях.

Мог ли вообще осуществиться их фантастический замысел? С точки зрения Ф. Петита, да, у него не было ни малейшего сомнения.

Но Жак Росси, знавший «советскую систему» не понаслышке, а изнутри, почему согласился, тоже верил в возможность побега? Или просто не видел для себя другого выхода, боялся навечно остаться в советском лагере?

Именно в этот момент Франсуа Петит воскрешает в его памяти прежнюю жизнь, предлагает план побега, пусть фантастический, но терять было уже нечего. Теперь он хотел служить своей родине — Франции, лагерная жизнь уничтожила коммунистические идеалы и веру в счастливое советское общество. Поэтому он решается и на побег, и на сбор «шпионских» сведений.

Если бы читатель смог увидеть сейчас эти так называемые разведданные о Норильске, то был бы удивлен их секретностью: они содержали приблизительную численность з/к Норильлага, перечень выпускаемой Норильским комбинатом продукции,

сведения о климате, географическом положении, этнографии и состоянии исправительно-трудового лагеря, топографическую съемку Норильска, сделанную с высоты горы Шмидта.

Однако постановлением Особого Совещания при МВД СССР от 7 октября 1949 года Жак Росси и Франсуа Петит обвинялись в шпионаже и были приговорены к 25 годам тюремного заключения в Александровском центре (Иркутской тюрьме).

Так закончилась эта романтическая, в чисто французском духе история.

О судьбе Ф. Петита, к сожалению, ничего не известно, может быть, он не оставлял мысли о побеге и из Александровского центра, а Жак Росси останется в Гулаге до 1961 года. Четыре последних года он проведет в ссылке в Средней Азии. Уже в 50-летнем возрасте Жак Росси все-таки вернулся на родину, во Францию, где умер в 2004 году.

Его знают во многих странах мира, Ж. Росси — автор знаменитого «Справочника по ГУЛАГу», изданного впервые в Лондоне в 1987 году, а в нашей стране — в 1991-м. Ален Безансон в предисловии к лондонскому изданию напишет: «И тот, кто углубится в эту книгу, ужаснется, будет столь же потрясен, как при чтении искусно написанного повествования; она даст возможность читательскому воображению подойти как можно ближе — то есть все еще бесконечно далеко — к «последнему кругу», в котором Жак Росси так долго прожил».

P.S. Статья написана по материалам личных дел Жака Росси, Франсуа Петита № 722 (арх. № СО 7123), № 1377 (арх. № 1805). ИЦ УВД Красноярского края. Отдел спецфондов.

В письмах Жака Росси к Алле Борисовне Макаровой он так комментировал свое участие в этом деле: по лагерной почте Жак узнал, что в ИТЛ прибыл его соотечественник, который просил помощи. У Франсуа настоящая фамилия — Пети, только грамотеи

из ЧК–НКВД–МГБ французскому обучены не были. (Недавно мне попались данные об образованности в СССР 30–40-х годов. Поразительно, но в среднем это были 3 класса!) Связь с Ф. Пети осуществлялась через Олега Петри. Ни о каком побеге и тем более сборе агентурных данных речи не возникало. Были только записки и деньги — обычное человеческое участие. В своем материале Э. Светлова вольно или невольно напечатала ту самую ложь, состряпанную гэбистами, одержимыми шпиономанией. Да и как было удержаться и не взять на «правеж» двух иностранцев, ведь если звезды и повышения раздаются, значит, это кому-то нужно! Свидетельские показания на «следствии и суде» давал Олег Петри, уроженец Санкт-Петербурга, вся семья которого была рассеяна по стране уже после того, как Питер получил большевистскую кликуху Ленинград. «Умри ты сегодня, а я — завтра» — и поныне в лагерях живут по этому принципу.

В «Справочнике...» мне попало, кажется, вполне верное объяснение того, почему Росси поставил свою подпись под этим чекистским бредом о побеге на самолете. Вот это показание: «К автору, чтобы заставить его дать ложные показания, следователь велел посадить трех уголовников-людоедов» («Справочник...», с. 146). Угроза жизни была вполне реальная. Таким методом очень часто пользовались следователи. В своем «Справочнике...» Росси такие меры воздействия называет лагерным бандитизмом: «...терроризирование и убийство заключенных другими заключенными. Иногда, чтобы вынудить подследственного к даче «нужных» показаний, в его камеру вводят уголовников-рецидивистов, которым даются соответствующие указания. Этот метод применялся во время Второй мировой войны к польским гражданам, отказывающимся принять навязываемое им советское гражданство. Их сажали в тюрьму к отпетым рецидивистам. Большинство согласилось».

Ну а Росси хотели использовать как «корову», то есть человека, предназначенного на съедение.

В газете «Книжное обозрение» за 1991 год мне попала статья С. Щеглова, жителя Норильска с 1942 по 1961 год. В ней он приводит воспоминания о Росси П.В. Чебуркина, тоже норильчанина: «Очаровательный человек, я с ним дружил во 2-м лаготделении. Архитектурный художник. Освободился, и тут же ему «подсобили» второй срок».

В Норильлаге не только Росси собирал специфический язык кандидатов на лагерную пыль. Этим же увлекались и Сергей Снегов, будущий автор фантастических романов, и Лев Гумилев, который на «фене» написал «Историю отпадения Нидерландов от испанского владычества». Это был легкий, яркий и остроумный шедевр лагерного творчества. Он был опубликован С. Снеговым в сборнике «Язык, который ненавидит».

С. Снегов сообщил еще одну версию второго ареста и срока Росси*. В конце 40-х годов в канадском

Рисунок Жака Росси с обложки книги С. Снегова: типичный облик з/к

* Всего этих версий пять: Е. Павловского, С. Светловой, С. Щеглова, Н. Волошиной-Куц («О времени, о Норильске, о себе...», т. 5) и автора этих строк.

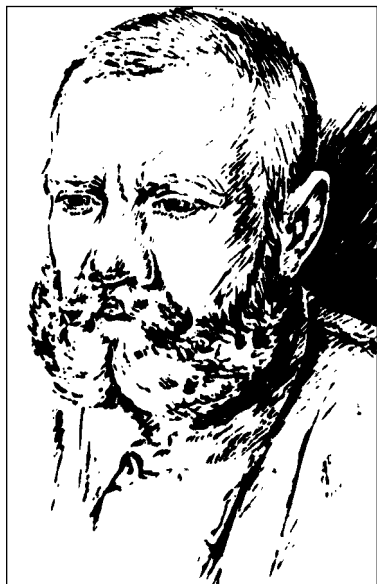
«Майнинг журнал» — иностранных журналов было немало в технической библиотеке Норильского комбината — появилась большая статья о Норильске с портретами Панюкова, начальника ИТЛ и комбината, и Зверева, главного инженера. Автор статьи хорошо знал тему — это отметили читатели не только технической библиотеки, но и в Москве. Подозрение пало на Жака Росси, и его арестовали.

С. Щеглов пишет: «Да, публикация в Канаде была громом среди ясного неба. Надо представить то время — полная закрытость Норильска, о нем не то что за границей, в стране-то у нас знали совсем немногие. Еще бы: сплошь секреты, государственные тайны... и еще страшнее — лагерь...»

Тайны о лагерях нередко в СССР сохраняли страшной ценой. Здесь уместно привести широко известную историю, связанную с челюскинской эпопеей. В конце лета 1933 года теплоход Дальстроя «Джурма», перевозивший заключенных на Колыму, застрял во льдах. Спасение з/к было признано неэкономичным, и они все погибли. В конце февраля 1934 года ледокол «Челюскин» попал в аварию в этом же районе, советская власть решительно отвергла все иностранные предложения помощи, так как «Джурма» с трупами на борту все еще находилась поблизости. В последнее время появились публикации о том, что и сам «Челюскин» в том плавании тоже был «эковозом».

Отбывать не свою четверть века Жака Росси в наручниках отправили в Александровский централ. Скованным одной цепью с ним был тоже коминтерновец Иосиф Михайлович Бергер, впоследствии профессор университета в Тель-Авиве. Вот что писал Жак в «Справочнике по ГУЛАГу»: «Александровский централ — бывший винокуренный завод, около 70 километров северо-восточнее Иркутска, близ озера Байкал. Построен в XVIII в. Старая царская тюрьма, привал по пути на Сахалин. До 1917 года там сидел Дзержинский». Росси боролся за свои права, не только

отправляя заявления, высказывая жалобы прокурорским работникам, но и используя хорошо известный метод протеста — голодовки. Он писал, что держал голодовки несколько раз без пищи и без воды «и особой разницы не заметил».

Б.А. Шамаев

Там же, в центре, Росси встретился с руководителями норильской забастовки, например с Шамаевым. Сохранился и уже опубликован его портрет, написанный Росси.

Е.В. Павловский ошибался, полагая, что Росси обменяли на нашего разведчика. Чего не было, того не было. Не прав он был и в отношении ненужности «Справочника...». Он очень помог нам восполнить недостающие страницы (этапы) из биографии Росси.

Не весь срок Росси провел в Александровском центре, были «путешествия» за государственный счет по другим тюрьмам. В статье «Одиночка» Росси рассказал, что царский Устав о содержании под стражей (1903 г.) запрещал одиночное заключение более полутора лет. А к нему в камеру в 1954 году привели из одиночки одного из первых немецких парашютистов, взятого в плен в 1941 году и все время находившегося в одиночном заключении.

Насколько была «гуманной» исправительная система, Росси рассказывает в статье «Жалоба»: «Как правило, жалобы по делу остаются без внимания. Но также и жалобы на условия содержания остаются

обычно без последствия. Например, находясь весной 1949 года во внутренней тюрьме одного из областных управлений госбезопасности, автор пожаловался посетившему тюрьму прокурору на холод в камере, указывая на толстый пласт льда, покрывающий часть стены. Прокурор объяснил, что, вероятно, осенью была вода, зимой пришли морозы, вот все и замерзло. Все нормально. Прокурор даже удивился, что жалобщику не понятна столь простая вещь» («Справочник...», с. 314).

О том, что в СССР были организованы секретные тюрьмы, Росси, конечно, знал еще в Норильлаге. Но он приводит в доказательство их существования такой факт: «В 1955 году в свердловской пересылке автор встретил заключенного, ничего не знавшего о Второй мировой войне. Его привезли из алма-атинской засекреченной тюрьмы, находившейся рядом с учреждением, где он работал до ареста. Тогда он считал, что это какой-то секретный институт» («Справочник...», с. 127).

Отношение к реабилитации у Росси было как у всякого прошедшего политическую социализацию не в условиях советской системы вождизма: прошли репрессии, настала «оттепель» — спасибо партии за это. Он писал: «Как правило, осужденные за политические (государственные) преступления не имеют шансов на реабилитацию, поскольку и направление следствия, и приговор предварительно согласовываются или с соответствующей партинстанцией, или с ведомственным начальством. Таким образом, реабилитация возможна лишь вследствие изменения установки, а не в порядке исправления юридической ошибки. Тем паче что органами упорно насаждается миф о своей безошибочности. После смерти Сталина его наследники нашли политически выгодным осудить «культ личности» и в связи с этим распорядились о массовой реабилитации его жертв. Отдельные случаи реабилитации имели место даже в сталинские годы. Например, с 1938 до 1948 год в Норильском лагере, через который про-

шло за это время более полумиллиона заключенных, было 5 или 6 случаев реабилитации уголовных и один случай реабилитации политического. Во всех случаях реабилитация была результатом вскрытия судебными или прокурорскими органами процессуальной ошибки. Известен случай реабилитации политического, осужденного военной коллегией, жена которого, осужденная Особым Совещанием «как член семьи», осталась сидеть в лагерях после освобождения мужа» («Справочник...», с. 337).

Таким образом, реабилитация — такое же внесудебное действие, как и осуждение, ибо она не сопровождается осуждением следственных и судебных работников за их деяния.

У Росси была своя интерпретация последствий лагерных забастовок 1953–1954 годов. Он писал, что руководству СССР уже не нужна была такая масса заключенного населения в связи с окончанием большинства строек коммунизма. Поэтому и произошла разгрузка лагерей. А послабления режима, наступившие в эти годы, впоследствии были вновь отменены и ужесточены. Это ужесточение переносили уже следующие поколения — диссиденты, узники совести, как их тогда называли. Росси знал, о чем говорил, ведь советскую пенитенциарную систему он сначала прочувствовал эмпирически, то есть на практике, а потом, вернувшись в Польшу, продолжал изучать документально, к счастью, уже теоретически.

В ссылку Росси был отправлен только в 1959 году, три года он провел в Средней Азии. И наконец в 1961-м был репатриирован в Польшу.

До 1980 года он жил в Польше, преподавал на историческом факультете Варшавского университета эпохи поздней ПНР (читай: социалистической).

«Он был очаровательным пожилым господином, — пишет Александра Лейнвальд в статье, опубликованной в журнале «Польша» № 10 за 2003 год. — Трогательно-хорошие манеры соединялись у него с редкой непосредственностью. На факультете

в индивидуальностях недостатка не было. Однако Яцек Росси (так перевели его имя на польский), преподаватель французского языка, был человеком исключительным. Всегда в хорошем настроении, с огромным чувством юмора, иногда он бывал ехидным, но никогда не бывал занудным. Занятия, которые он вел с воодушевлением, были страшно интересны и красочны благодаря многочисленным сравнениям и ссылкам на другие языки, а также анекдотическим историям. К нам, слушателям курса лекций для начинающих, он относился с пониманием и доброжелательностью. В непринужденной атмосфере лекций случались и поразительные минуты. Поразительно было, что у этого веселого, открытого человека постоянно дрожат руки».

И надо такому случиться: чуть в Польше его опять не достал советский человек с ружьем! В конце 70-х годов Польша забурлила и там начались процессы, сходные с событиями «пражской весны». Я помню, как нашим политическим деятелям народ — строитель коммунизма задавал вопросы типа: куда смотрит наше политбюро и не пора ли вводить в мятежную Польшу войска? Лично мне этого ну очень не хотелось.

Александра Лейнвальд приводит пророческие слова Росси, сказанные ей в тот момент, когда они стояли у уличного перехода: «Не забудьте, что этот красный человечек тормозит прогресс в мире. Вот увидите, Советский Союз развалится, а вы будете удивляться, что это произошло так быстро». Своих друзей Росси в варшавской квартирке угощал пирожными, лежавшими в алюминиевой миске, которую он контрабандой вывез из советской тюрьмы! Значит, Росси не боялся воспоминаний! Спасибо ему за мужество!

Росси все-таки уехал из Польши, вернувшись в 1985 году во Францию через США. Уже потом, во время наших встреч в Норильске, он удивлялся, что билет из США в Париж дешевле, чем из Парижа в

Москву. Тираж лондонского издания его книги был во много раз меньше, чем московского, но гонорар, наоборот, был больше. В общем, не только умом, но и калькулятором Россию не понять.

Вырвавшись из СССР в 1961 году, Росси вывез не только миску для лагерной баланды, но и знание лагерной лексики. Он стал вести картотеку, которую хранил в коробках из-под обуви, на что ушло еще около 20 лет. К читателю книга шла трудно: во Франции традиционно были сильны левые настроения.

В 2000 году Ж. Росси выпустил сборник рассказов «Ах, как она была прекрасна, эта утопия!». Лакоичность и беспристрастность производят огромное впечатление. Так же как и в «Справочнике...», Росси не описывает ужасы советского бытия, жестокого и абсурдного, но от этого его тексты производят ошеломительное впечатление, ибо описываемые вещи были обыденны, всеобщы и повсеместны.

Как А. Солженицын, Е. Керсновская, так и Ж. Росси из лагерей вынес не только знание жизни, неприятие коммунистических идей (утопий), но и отвращение к лживости советской пропаганды.

Во время визита в Норильск в начале 90-х годов Росси получил в подарок фотоальбом о Таймыре, комбинате и его окрестностях. Выполнен он был глянцево и по форме, и по содержанию. Из Парижа Алла Макарова и автор этой статьи получили письмо следующего содержания: «Что касается альбома (его название «Норильск. Объяснение в любви». — *Примеч. ред.*) — замечательно, как автору елейного «объяснения в любви» удалось двумя словами вычеркнуть 20 лет сверхварварской ломки десятков тысяч человеческих судеб... Дяденька, мол, пошутил, а теперь все уже давно забыто, прощено и... под руководством ленинского ЦК народ готов к новым трудовым подвигам во славу родной Партии и правительства! — По-большевистски слащаво-фарисейское перо автора этих слов не написало. Но ведь как четко они слышны в его тексте!»

Ни слова о 70 годах самой античеловеческой в истории мира тирании большевистского тоталитаризма, а

Jacques Rossi
32, Av. de la Résistance
93100 Montreuil
F r a n c e

31.12.94.

Алла Борисовна Макарова и Нина Семёновна Дзюбенко,
663319 Норильск,
Комсомольская 47 д., кв. 106.

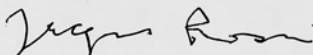
Дорогие Алла и Нина,
прошу простить за скандальное опоздание с ответом и выражением благодарности за Альбом "Норильск. Объяснение в любви" и за статью Потапова, весьма интересную. Что касается альбома - замечательно, как автору елейного "объяснения в любви" удалось двумя словами вычеркнуть 20 лет сверхварварской ломки десятков тысяч человеческих судеб... Дяденька мол пошутил, а теперь все уже давно забыто, прощено и ... под руководством ленинского ЦК народ готов к новым трудовым подвигам во славу родной Партии и правительства! - По-большевистски слашаво-фарисейское перо автора этих слов не написало. Но ведь как четко они слышны в его тексте!

Прошу извинить, что пишу одновременно и Алле и Нине: искренне сознаюсь: в моем кавардаке не сумел отнскать адрес Аллы (и прошу прислать).

Недавно франц. телевидение показывало документальный фильм "Французы из гулага". Часть снимков делали в Москве, м. пр. и на Лубянке, где любезный чекист... простите: бывший чекист! - преподнес мне снимок из личного дела 1937 года (на прилагаемой репродукции ошибочно указано: "лубянская тюрьма"; снимок был сделан в Бутырках). В парижских газетах были отчеты об этом фильме. В том числе и фотография момента моей встречи со старым другом. Но тот почему-то даже не улыбнулся...

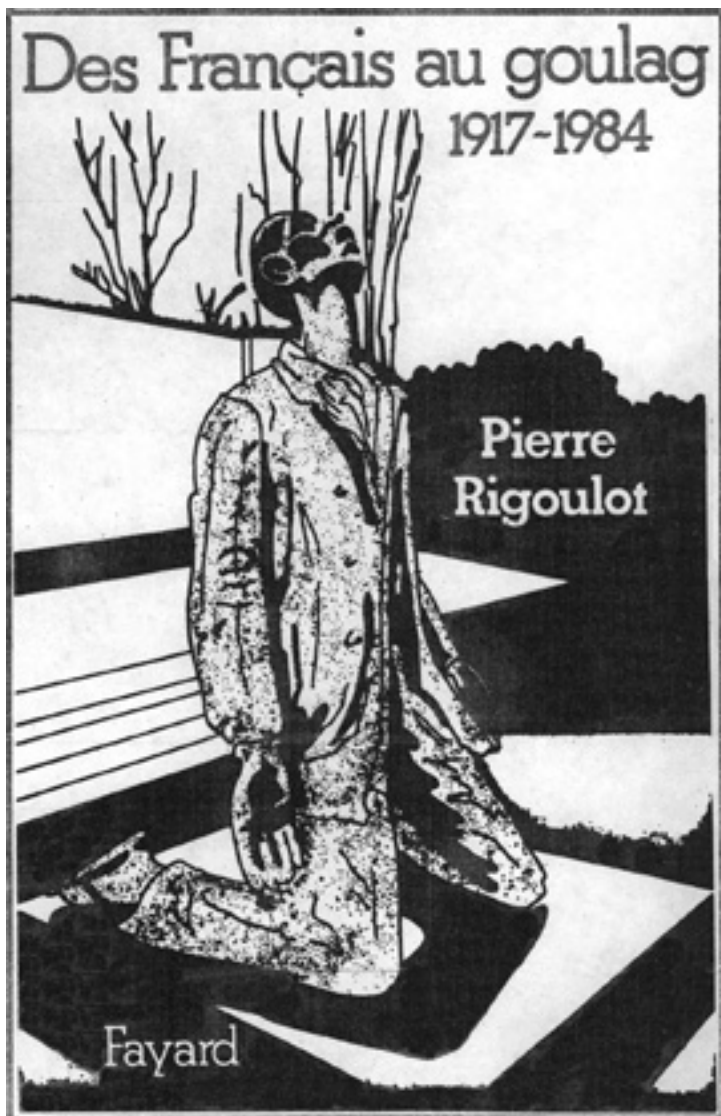
Раз еще прошу извинить опоздание с ответом. И прошу принять самые сердечные поздравления с очередным Новым Годом! Даё Бог, чтобы он не был на много хуже истекшего!

Сердечнейший Вам привет

Письмо Ж. Росси Макаровой и Дзюбенко

лишь намеки с примигиванием — какие-то де трагические события, когда за кайло взялись вчерашние инженеры, ученые, полководцы, литераторы, политики. Вот так просто решили и взялись за кайло! Обращает на себя внимание то, что в перечне совершенно отсутствует народ — рабочие, мужики. А их как раз и было большинство. Правда, это были прежде всего «кулаки и подкулачники» и прочий «ООЭ» — общественно опасный элемент, который еще вчера так вдохновенно истребляли «вчерашние политики»...

Француз Пьер Ригуло написал книгу «Французы в ГУЛАГе. 1917–1984».

На обложке этой книги памятник, установленный в мемориале в Мюлузе во Франции, посвященный памяти интернированных и репрессированных, погибших в советских лагерях

С оказией с учительницей из Франции, оказавшейся в Норильске, я отправила по просьбе Росси копию статей о количестве репрессированных в ГУЛАГе. Его эта тема интересовала и волновала ложь, которую публиковали и в России, и за рубежом.

Жак Росси в юности «заболел» призраком коммунизма, а затем сама советская действительность излечила его от этой утопии. В статье «Сидеть» «Справочника...» Росси приводит легенду, как в конце 20-х годов, стоя в длиннющей очереди за хлебом, старушка прочла вслух красовавшийся рядом гордый лозунг, назидательно подчеркнув первое слово, за что ее и арестовали. Лозунг был такой: «НАУКА — ТРУДЯЩИМСЯ». Его можно отнести и к самому «Справочнику по ГУЛАГу».

Свой материал о Жаке Росси (1909–2004 гг.) я хотела бы закончить, дав слово ему самому.

Из этих текстов читателям станет ясен масштаб незаурядной личности, интеллект, гражданское мужество активного антикоммуниста.

Выступление Росси перед участниками конференции настолько актуально, что кажется написанным сегодня.

Рассказы — это последняя работа Росси. В одном из них идет речь о норильском хирурге В.Е. Родионове (у Росси он Радионов). Воспоминания самого Владимира Евстафьевича Родионова опубликованы в первом томе издания «О времени, о Норильске, о себе...».

Жак Росси **РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ**

Выступление на конференции «Сопротивление в ГУЛАГе» (19–21 мая 1993 года)

Реальный социализм и концлагеря — это, собственно говоря, одно и то же. Мое выступление на этом можно и закончить.

Вы слышали выступление моего друга Жан-Рене Шовена. Он рассказал про лагеря, про историю множества гулагоподобных систем в мире — и мне стало немножко грустно как патриоту ГУЛАГа: я все же провел хорошую часть моей жизни, 24 года (с 26 до 50 лет) в ГУЛАГе, и так получилось, что этот ГУЛАГ оказался как-то разбавленным в этой массе: мол, на Кубе был ГУЛАГ и во многих других местах. Но я хочу защитить «честь» ГУЛАГа. Из всех концлагерных систем этого века, включая концентрационные лагеря Гитлера, советский ГУЛАГ был не только самым долговечным, просуществовав 73 года, но и самым точным воплощением создавшего его государства. Не зря ведь об освобождаемом зэке говорили, что его переводят из «малой» зоны в «большую».

<...>

Самое важное, я думаю, на нашей конференции — это то, чтобы обдумать мероприятия... как ментальность переделать так, чтобы больше такие вещи не могли повториться. Как это сделать? Вообще это очень трудное дело.

Не считаю, что марксистско-ленинский большевизм был хуже или лучше другой тоталитарной системы, в том числе и фашизма. Но в то же время, когда фашизм откровенно заявляет: «убью всех евреев, цыган», марксистско-ленинский большевизм ехидно утверждает, что несет счастье всему человечеству. Естественно, каждый нормальный человек — против фашизма. А миллионы благородных, но наивных душ всюду в мире поддаются на удочку марксистско-ленинской пропаганды. Надо отметить такую вещь, что ГУЛАГ — это не просто столько-то миллионов убитых людей, столько-то десятков миллионов стертых в лагерную пыль, как это очень обрзжно говорят, это также полнейшая деморализация населения.

Кстати, не знаю, встречалась ли вам книга такого русского немца Вячеслава Майера, который

пишет под псевдонимом Некрас Рыжий? Он написал книжку, которая вышла в прошлом в издательстве «Сибирская газета» в Новосибирске, заглавие такое, немножко неприличное, — «Чешежопица». Читали ее? Это, знаете, довольно отвратительный рассказ, красиво, хорошо написанный о прогрессе отчеловечивания человека.

Во всех этих лагерях, про которые Жан-Рене Шовен говорил, такого отчеловечивания, такого научного отчеловечивания не было. Не забудьте, что в концентрационных лагерях у Гитлера — во всех воспоминаниях видите, как активны были организации сопротивления. Они все же существовали. Во время сталинского террора, знаете, как трудно было организовать что-либо, потому что кто-то что-то подумал — уже за это его расстреливают. Поэтому, между прочим, я не считаю возможным, что был какой-то заговор, чтобы убить Сталина. Я думаю, что Сталина никто не мог убить, потому что один этого не сделает, а с момента, когда шепотком скажет другому, — уже будет расстрелян.

Хотел обратить еще внимание на то, что после концентрационных лагерей, после фашизма, где он пришел к концу, — гитлеровский фашизм, это двенадцать лет и несколько месяцев, даже не целых двенадцать с половиной лет, — везде, где был фашизм, когда был Пиночет в Чили, или эти полковники в Греции, в Испании, — везде, где фашизм кончился, начинается нормальная жизнь. Там, где был марксизм-ленинизм, там начинается Чернобыль, загрязнение как природы, так и человеческих душ, менталитета народа. Только сейчас мы открываем, насколько это прогнило.

Я считаю, что очень большая работа еще предстоит всем нам. Думаю, что организация таких совещаний, как сейчас проводит «Возвращение», может помочь очистить совесть людей.

ЛИТЕРАТУРА, МЕМУАРЫ

Жак Росси

Из сборника рассказов «Ах, как была прекрасна эта утопия!»

Бесконечная признательность

Хирурга Владимира Радионова знали все в славном городе Саранске, где он был главврачом республиканской больницы. Его ценили за знания, преданность делу и доброту. Ценили его не только мордвины, гордившиеся успехом своего соотечественника, но и русские, которые занимались русификацией этого маленького финно-угорского народа, нивелируя его культуру. Доктор, несомненно, считался своим в верхах Мордовии, хоть и не входил в номенклатуру.

Однажды ночью у него зазвонил телефон. Он услышал голос, искаженный волнением. Едва узнаваемый голос начальника республиканского НКВД генерала Петрова. Таня, его восьмилетняя дочка, задыхается. Она умирает. Генерал уже послал за доктором свою служебную машину. У врача осталось время только одеться да схватить свою медицинскую сумку... Таню он обнаружил в угрожающем состоянии. Нельзя терять ни секунды: он делает разрез трахеи, вводит трубочку и ртом отсасывает гной. Девочка начинает нормально дышать. Генерал и его жена не знают, как и благодарить врача.

Прошло два года, началась «большая чистка». По логике, которую мало кто из жертв способен воспринять, доктор Радионов должен попасть в эту мясорубку. Его известность предназначает его на роль особо омерзительного «врага народа», и ему не может быть иного наказания, кроме пули в затылок. Подумайте, каким пыткам пришлось его подвергнуть, пока он не подписал нужные показания! Показания, опубликованные в печати, чтобы возмущенный народ потребовал казни.

Но произошел неожиданный поворот. Доктор Радионов должен проходить по делу крупной «организации», и генерал Петров, питающий к доктору глубочайшую благодарность, устроил так, чтобы роль особо омерзительного «врага народа» досталась другой жертве (ровно так же ни в чем не повинной). Однако о том, чтобы обелить доктора Радионина полностью, не может быть и речи — тогда расстреляют генерала, а вместе с ним и самого врача. Поэтому Петров сочиняет на Радионина обвинение в обычной «антисоветской пропаганде» — максимум десять лет.

Несколько лет спустя, когда я встретил доктора Радионина в норильском лагере, он испытывал бесконечную и совершенно искреннюю признательность к генералу, усилиями которого он остался в живых, получив всего-навсего десять лет.

Будучи прекрасным врачом, он очень скоро оказался в лагерной санчасти, где должен был не только чинить сломанные руки и ноги своих товарищей по заключению, но и лечить лагерную администрацию. Даже начальник лагеря генерал Панюков прибегал к помощи его талантов. Генерал только что женился на очень молодой особе и, так как у него на этой почве возникли проблемы, сделал доктора Радионина своим личным врачом.

Благодаря ходатайствам этого генерала, совершенно официальным и в высшей степени легальным, Радионов был освобожден за два года до конца срока, в то время как многие политические, когда у них кончался срок, бывали одарены знаменитой формулировкой: «Оставить в лагере до нового распоряжения». Признательный доктор добросовестно охранял здоровье генерала Панюкова до самой его смерти.

Что же касается другого генерала, Петрова, то он своей пули в затылок не избежал. После каждой волны массовых репрессий систематически истребляли часть исполнителей, проводивших предыдущую волну. Славный русский народ прозвал это «ликвидацией ликвидаторов». И каждый раз критерии отбора жертв оставались неумопостигаемыми.

На минуточку!

Спасаясь от нацистов, молодой венский кардиолог нашел убежище в Москве. Зигфрид и Эстер никогда не были коммунистами, но восторгались «гуманизмом» Сталина, который так великодушно дает убежище гонимым евреям. Зигфрида взяли на работу в большую московскую больницу, приставили переводчика — молодого студента, говорившего по-немецки. Зигфрид стойчески переносил поразительную нехватку всего, которая обнаруживалась на каждом шагу как в больнице, так и в повседневной жизни. Но больше всего его угнетала царящая повсюду тяжелая атмосфера. Эстер и он стали испытывать такое чувство, будто их душат невидимые щупальца. Вдобавок им случалось сталкиваться с более или менее неприкрытым антисемитизмом. Тогда Эстер вспомнила, что у нее есть дядюшка — адвокат в Нью-Йорке. Почему бы им не эмигрировать в США? Дядя Исаак им заведомо поможет. Америка станет родиной ребенка, которого Эстер вынашивает!

К их великому удивлению, обращения в соответствующие советские административные органы натолкнулись на трудности. Прежде чем подать заявление на выезд, Зигфрид и Эстер должны были принести десятки справок от бесчисленных инстанций, о существовании которых они даже не подозревали.

Некоторые их советские друзья, предварительно проверив, нет ли поблизости бдительного уха, советовали им бросить эти хлопоты. «Но почему?» — удивлялись эти наивные люди, за плечами которых все-таки был опыт бегства от Гитлера. «Чтобы не было хуже...» — загадочным шепотом произнес друг, который кое-что об этом знал.

И вот в конце концов, после долгих усилий и самоличного заступничества замнаркома здравоохранения (ему еще, может быть, пришлось об этом пожалеть), Зигфрид, Эстер и успевшая за это время появиться на свет Ребекка сидят в купе первого класса международного поезда Москва—Рига (на дворе 1937 год,

прибалтийские республики еще независимы). В Риге семье предстоит сесть на пароход, который идет в Нью-Йорк. Места им уже забронированы. Они возбуждены, счастливы, и только одно их удивляет: никто из московских друзей не пришел на вокзал проводить их.

Поезд трогается. Завтра они пересекут границу, покинут Советский Союз. Окажутся в Латвии, потом на пароходе... Как медленно идет поезд! Граница еще далеко, а он уже замедлил ход. Советские пограничники вскакивают на ходу. Их очень много, этих людей в ярко-зеленых фуражках. В каждом вагоне для них оставлено первое купе, там их командный пункт. Другой конец вагона стережет проводник. Без единого слова они проходят по коридору и изучающе заглядывают в каждое купе, будто ощупывают взглядом. Если занавески затянуты, они входят и открывают их. И все молча. Только после этой предварительной инспекции начинается собственно пограничный контроль: всех пассажиров просят оставаться в своих купе. Офицер спрашивает у каждого паспорт. Открывает, смотрит на фотографию, потом с серьезнейшим видом долго глядит в лицо владельца паспорта, снова разглядывает фотографию. Когда он удовлетворен экзаменом, закрывает паспорт и отдает своему коллеге. Тот невозмутимо прибавляет его к пачке паспортов, которые уже держит в левой руке. Потом идет тщательная проверка багажа. Прежде чем заняться сумками и чемоданами, таможенники наклоняются и заглядывают под постели, поднимают подушки...

Наконец-то граница. Поезд останавливается между двумя рядами вооруженной охраны. Станция совсем маленькая. Пограничники уходят и возвращаются, все еще с паспортами в руках. Двое-трое лиц в штатском стоят, прислонившись к стенке, глядя в пространство. Вдоль поезда проходит, весь в саже, железнодорожник, стуча по осям длинным молотком. Пограничник сопровождает одного пассажира к почтовому ящику, чтобы тот бросил туда конверт. Пас-

сажир объясняет по-немецки, что он не видел ничего плохого в том, чтобы передать кому-то в Риге письмо московского друга: он же едет в Ригу...

— Почтой надежнее, — заверяет пограничник.

Конверт скользнул в почтовый ящик такой «надежной» советской почты. Пассажира отводят в вагон. Уф! Время тянется и тянется. Являются два офицера. Последний взгляд на фотографию, и паспорта уже в руках у Зигфрида. Какое облегчение! Он заботливо прячет паспорта в нагрудный карман куртки вместе с билетами Москва—Рига и Рига—Нью-Йорк. Когда же наконец поезд тронется?

Один офицер вернулся. Вошел в вагон. Мертвая тишина — слышен стук его сапог по коридору. Остановился перед их купе.

— На минуточку! — говорит он Зигфриду неприступно. — Следуйте за мной! Не беспокойтесь, — добавляет он с добродушной улыбкой. — Простая формальность. Поезд без вас не уйдет!

Когда я встретил Зигфрида в 1938 году в Бутырской тюрьме, он сидел там уже восемь месяцев. Никаких известий об Эстер и дочке. НКВД обвиняло его в шпионаже в пользу нацистской Германии. Через некоторое время меня перевели оттуда, и я больше никогда не встречал Зигфрида. Но десять лет спустя в огромной Красноярской пересыльной тюрьме я встретил некоего Володю. И вот что он мне рассказал.

После армии, чтобы не возвращаться в колхоз, где его ждал изнурительный труд и не было никаких перспектив, Володя завербовался лагерным охранником в Норильск. Там он познакомился с Марусей, медсестрой в лагерной больнице. Один зэк, работавший там санитаром, рассказал Марусе свою печальную историю: вот уже десять лет, как у него нет никаких известий о жене и дочери. Он умолял Марусю послать письмо его семье в Нью-Йорк, потому что сам не имел права. Маруся сначала отказалась. Чтобы получить место медсестры, она обязалась не поддерживать никаких неразрешенных контактов с заключенными под страхом уголовного преследования. Но у нее

было доброе сердце, да к тому же она ждала ребенка. Разумеется, она не послала письмо в Нью-Йорк из Норильска. Это привлекло бы внимание местных органов. Она послала его в Москву своей подруге детства Тане: письмо в Америку из Москвы не так привлечет внимание. Таня не могла отказать подруге — они росли вместе: когда Танина мать была арестована, Марусины родители взяли Таню к себе.

Откуда органы прослышали про письмо? Как бы то ни было, а Таню вызвали и разъяснили серьезность ее деяния. Деяния? Какого? Недонесения на Марусю... Но все будет забыто, если Таня согласится соблазнить одного иностранного дипломата. И если еще согласится, чтобы ее тайно сфотографировали с ним в компрометирующих позах. Таня возмутилась, но почувствовала опасность.

— Товарищ, — сказала она, чтобы выиграть время, — когда меня брали работать гидом с иностранцами, я подписала обязательство никогда не выходить в моих с ними отношениях за строго очерченные рамки под страхом уголовного...

— Не беспокойтесь. Рамки фиксируем мы.

Товарищ торжественно обещал Тане, что если она пойдет на сотрудничество, то никаких неприятностей на работе у нее не будет. И у Маруси тоже.

И верно, Тане ничего не было. Она выдержала первое испытание, и органы держали ее в резерве для других «патриотических подвигов». А Марусю, которая не была им нужна, приговорили к десяти годам за «измену родине». Володя, ее муж, получил всего пять — за «утерю бдительности и недонесение о совершении преступления против государственной безопасности».

Несчастный санитар был не кто иной, как Зигфрид, венский кардиолог. Он сумел бежать от нацистов. Но не от советских органов.

Перевод Н. Горбаневской.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Небольшое дополнение к материалу Н.С. Дзюбенко о версиях ареста Жака Росси в Норильске. (Информация об этом есть и в воспоминаниях Нины Даниловны Волошиной-Куц в 5-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 416–419.) Предлагаем прочитать письмо Алексея Егоровича Кононова председателю координационного совета «Норильское сопротивление» Льву Александровичу Нетто в 2005 году.

«Я родом из Курской области. В селе Миленино я узнал о начале войны в 1941-м, прочувствовал и отступление наших войск — к нам пришли немцы. Мне было 16 лет, когда меня угнали в Германию. Там я работал, пока нас не освободили американцы. С какой радостью я вернулся домой, поступил учиться в педагогическое училище... Но на 2-м курсе в стенах учебного заведения меня арестовали — так мне аукнулось освобождение американскими войсками. Судили по 58-й статье, доставили в Норильлаг.

А здесь я познакомился с французом Жаком Росси, он работал в фотолаборатории. А еще раньше с Франсуа Петитом. Он хотел увидеться с Жаком, и такая встреча состоялась. В 4-м лаготделении работал художник из Ленинграда, которому доверял начальник лагеря. И он, когда пошел в город за красками, попросил взять в помощники Франсуа. Начальник разрешил, выделил двоих конвоиров. В городе Франсуа Петит и Жак Росси встретились, говорили по-французски. Было и угощение, в котором принял участие и конвой. Художник и Франсуа благополучно вернулись в лагерь.

По пропуску в зону Горстроя приходил человек, по-моему, его звали Олег Петри, он приносил записки, сигареты...

Франсуа организовал группу побега (человек 12–15), в которую входил и я. Для этой цели, наверное, и встречались Франсуа и Жак Росси. Я понял, что за мной стали следить, и отказался передавать записки. Франсуа наладил другую связь. Но 22 февраля 1949 года Жака арестовали, постепенно забрали всю группу. Так якобы разоблачили диверсионную группу, которая хотела взорвать ТЭЦ Норильска, а без тепла в Заполярье не прожить. Но все это было неправдой.

А больше года спустя арестовали и меня — 15 августа 1950 года, прямо на вечерней поверке. В госбезопасность Норильска меня повели два конвоира, здесь узнал, что мой арест связан с делом Жака Росси. Я сначала ничего

не отрицал, но впоследствии отказался, что передавал записки. Мне не давали ни спать, ни сидеть — допрашивали долго. Поместили меня в карцер, в одиночку. В подвальной камере по стенам текла вода, туалетом мне служило ведро с отколотым краем. Через три месяца меня судил суд вместе с лейтенантом латышской дивизии Бергом. С ним мне устроили очную ставку, где я его «не узнал», хотя бежать с нами он тоже собирался.

Нас судили 14 ноября 1950 года, приговор: расстрел, может быть обжалован в течение 72 часов. Один надзиратель жалел меня и просил написать жалобу — я отказался. На третий день он пришел со мной попрощаться — принес папиросы и спички. Он ушел, и больше я его никогда не видел, но до сих пор благодарен ему: догадываюсь, что это он за меня написал жалобу-просьбу о смягчении приговора.

Прошло означенное время, и меня повели на расстрел в бутовый карьер. Четыре дюжих человека вошли в мою камеру, одели на меня наручники, вставили в рот кляп (а то многие орут на всю тюрьму: «Прощайте!»). Нас, шестерых, повели по Октябрьской улице, где девушки чистили снег. Одна подбежала ко мне и сунула пачку махорки в карман.

Поставили к стенке, зачитали приговор и дали сказать последнее слово. Я сказал: «Никакого преступления я не совершил и невиновен!» Мне было 24 года. Я отвернулся от стенки. Вся жизнь пронеслась в голове: родители, друзья, любимая девушка Эрика... В это время услышал шум мотора, через несколько секунд все увидели три красные ракеты и услышали крик: «Отменить расстрел! Срочная телеграмма президиума!» Мне зачитали новый приговор: «...с 14 ноября 1950 года 25 лет лишения свободы...» Привели в тюрьму, посадили опять в смертную камеру.

Потом было восстание заключенных после смерти Сталина. Надежды. Освобождение в 1956 году, а потом и реабилитация.

...Я побывал в Германии, в Люксембурге... Хотел побывать на могиле Франсуа Петита — он уехал во Францию из Норильска в 1955 году. Да не сумел — отказали ноги, упал ночью в Люксембурге, пришлось вернуться в Германию, а оттуда домой... Устал, ноги как костыли не слушались...»

Андрей Любченко

Андрей Любченко:

«Отслужил Норильску ровно полвека, а жена Валентина — сорок лет...»

Андрей Михайлович Любченко

Отслужил Норильску ровно полвека, а жена Валентина — сорок лет...

Привезли меня в Норильск осенью 1946 года. Сначала в 3-е железнодорожное лаготделение ИТЛ, потом перевели в Горный лагерь, в 4-ю зону. В знаменитом восстании летом 1953 года участвовал, как большинство политзаключенных Горлага. Считаю, что не восстание это было, а забастовка: мы же не имели оружия и были беззащитны перед солдатами. Как мне помнится, бастовали сначала месяц, потом второй раз — вроде бы еще дольше.

Сначала нас из дивизиона уговаривали, мол, кончайте забастовку, а потом стали угрожать, зону порезали. Слабодушные уходили. Солдаты не стреляли, когда они выбегали за зону, наоборот, их принимали в дивизион: «Свои!» Напряжение было такое, у всех нервы натянуты — и у нас, и у охраны. Один раз с вышки на старой вахте выстрелили. У нас появились раненые. Вот тогда кто-то бросил кирпич в председателя московской комиссии Кузнецова — он ходил потом в повязке.

Когда стало ясно, что забастовку надо кончать, иначе без большого кровопролития не обойдется, руководители и комитетчики — человек 60 — первыми пошли из лагеря, а за ними и все остальные. Успели выйти до штурма, так что у нас без убийства обошлось. Жертвы были в 5-м лаготделении (на кирпичном заводе, говорят, по-пластунски выползть всех заставили) и в каторжанском, 3-м отделении Горлага. По рассказам ребят, шел в полный рост только Воробьев. У каторжан режим был самый суровый. Выводили

их только на тяжелые работы на открытом воздухе — в карьеры, на кирпичный завод. У них бараки на ночь сразу закрывать стали, а у нас — только с 1950 года. Поставили бочку — и до шести утра. Опоздал — в БУР на два месяца.

Началась забастовка с 5-го лаготделения Горлага, с той зоны, где застрелили с вышки одного заключенного и нескольких ранили. А возглавили эту акцию те, кто прибыл этапом из Караганды. Попали они в основном в 5-е отделение Горного лагеря. У них в Караганде уже было восстание, так что опыт имели. Они же подсказали, что на первом этапе надо избавиться от стукачей, освободить от них лагерь. У нас стукачей боялись. Я дней пять неммым ходил, боялся сказать вслух, что Сталин умер, — вдруг стукач денесет? И молчал...

Карагандинцев я многих видел, но близко знаком ни с кем не был, просто нашу бригаду ненадолго переводили из 4-го лагеря в 5-й. Был там стукач Ворона, говорят, окружили его с ножами двое-трое, хотели убить, но он закричал, побежал в предзонник, шум поднялся, с вышки «попка» стал стрелять по зоне. Пули попали в барак и убили парня, который пришел с работы (с кирпичного завода) и спал на нарах. Тяжело ранили заключенного, который вскоре в больнице умер. Наши врачи Евгений Данилович Омельчук и Карл Карлович Денцель хотели спасти раненого, но не смогли.

В жилой зоне стрелять не положено. Этот момент подтолкнул первую волну забастовки. 5-я зона отказалась выходить на работу, и мы тоже их поддержали: мы видели, как раненого парня привезли к нам, в 4-й лагерь, где была центральная больница Горлага, знали, что здесь он умер. Надзиратели хотели забрать и тайно похоронить его, чтобы скрыть стрельбу в зоне. За умершими приехала машина, но мы стали ее переворачивать и добились своего: испуганные надзиратели уехали из лагеря. Мы требовали комиссию из Москвы, а парня до приезда комиссии прятали под

домом — держали на льду, замораживали. Правда, не смогли долго держать: то лето было очень жаркое. Не дождалась комиссия — увезли под Шмидтиху. Говорили, что главный врач Горлага Беспалова подписала акт, будто не застрелили парня, а он якобы умер от туберкулеза. По-моему, она была садист, а не врач.

Помню, когда приехала комиссия из Москвы, постелили красное полотно на столы. Собрались мы все, чтобы послушать и посмотреть. Слышим: председатель комиссии полковник Кузнецов — представитель Берии (а у нас в лагере «до особого распоряжения» сидит его бывший сотрудник, старичок-чекист, у него один срок кончится, вызывают — за новый распишется и дальше сидит). Видим: генерал-лейтенант Сироткин — член комиссии (мой мастер Женя Шайкевич до ареста был его адъютантом). Час, полтора идут переговоры, отдохнут — и опять. Требования заключенных бывший киевский прокурор зачитывал: сократить рабочий день с 10 до 9 часов, снять номера, разрешить письма писать всем, кому хочешь и сколько хочешь (а то можно лишь два письма в год, и только родным — папе и маме), получать посылки, чтобы платили зарплату и другие требования.

А то ведь с нами как обращались? Пока смена не придет, с производства не выпускали, и зимой в любую погоду стояла колонна в четыре-пять тысяч человек. Мы в зону возвращались в 9–9.30 вечера, а в 7 часов утра уводили уже опять на работу. На вахте разували для обыска по бригадам, иди босиком, если ботинки натянуть не успел, портянок не давали. Выходило, что в 11 часов вечера мы только добирались до нар.

И не люди мы для них были, а номера. Я лично носил Н-908, высота букв 120 миллиметров и ширина 15, от плеча до плеча, а то на вахте придирались. Номера мы с Леонидом Леонидовичем Павловым пожарной краской сами писали (работали в одной бригаде), такие номера за километр видно на бушлате или летней хлопчатобумажной курточке. Зато никто не придирался.

Конечно, разные попадались конвоиры. Был смешной случай: один заключенный, начальник снабжения на паровозоремонтном заводе (ПВРЗ), дела передавал, так ему персональный конвой дали до вагоноремонтного цеха, а дорога длинная, по пути его конвоиры дважды напивались, а он, этот заключенный, их вел и нес винтовки. Чаше, конечно, отношения охраны и заключенных были другими. На медном заводе дежурный по дивизиону с нами только так разговаривал: «Идите через ручей, господа фашисты, никакой вам другой дороги нету!» Это весной, в полный разлив луж и ручьев. Заключенных тогда через Зуб-гору водили. Особенно злым был сержант Волков, собаковод, любил поиздеваться. На мосту шпалы открыты, ограждения нет, а он командует: «Последняя пятерка, повернитесь и идите задом наперед! От колонны не отставать, а то собаку спущу!» И шли...

Только после 1953 года открыли для нас вольный магазин и столовую (коммерческую), привозили туда конфеты, рыбные консервы, комбижир, мармелад и прочее. Деньги стали давать — я мог выписать 100 рублей со счета и что-нибудь купить. Сняли номера, замки с дверей, решетки с окон. После забастовки к заключенным Горлага стали применять зачеты. Самое главное — начали пересматривать дела: кто отсидел уже две трети срока и имел зачеты, мог освободиться. Иностранцев из лагеря вывезли. Амнистию объявили в 1954 году (24 апреля) малолеткам — она касалась тех, кого арестовали несовершеннолетними. Меня арестовали в январе 1946 года малолеткой, значит, должны были амнистировать. Но меня не освободили, а задержали еще на полгода — это отдельная история.

* * *

В воспоминаниях «Лагерь есть лагерь, но...» Логинов писал, что якобы во время восстания зарезали 20 солдат-новобранцев. Нет, в Норильске этого не

было, бастующие никого не убивали, действовали только дипломатией. А вот усмирители что творили!.. Когда мы решили забастовку прекратить и из лагеря вышли, нас встретили те помощники администрации, которые убежали из зоны (Виктор Шидловский, Пилипенко, Василий Круглов и другие). Они отбирали «неблагонадежных» для отправки в лагерь на 102-й километр (около тысячи человек) и всех подряд избивали: кого обрезками труб, кого стальной проволокой, скрученной вдвое. Я тоже попал в «неблагонадежные». Меня били так, что наросты до сих пор на костях.

Коллегу моего, электросварщика Ивана Ивановича Савченко, пришлось хоронить: его тяжело ранили, а незадолго до забастовки оперировали — у него была язва желудка. Хороший человек, тоже в механическом цехе работал. Классный специалист. Году в 1948-м или 1949-м пришел его собственный сварочный аппарат из Германии — он в концлагере на нем работал. Там выжил, а здесь его убили...

Отбирали нас, «неблагонадежных», по сотням и загоняли в песчаный карьер, находившийся тогда на месте сегодняшней Театральной площади и дома с рестораном «69-я параллель». Заключение приводили в эту яму и сажали спиной друг к другу. Наверху были установлены пулеметы. Надзиратели вместе со стукачами стояли наготове с проволокой в руках, били нас, а пулеметы стреляли поверх голов, чтобы никто не выскочил. До вечера мы сидели в этом карьере, пока не пришли студебекеры. Нас набили в кузова стоя, конвой — в кабины, а дальше команда: «Поднять вещи на голову! Садись!» Везли до Нулевого пикета, потом с машин сбрасывали и оттуда по узкоколейке отправляли на 102-й километр. Там на бугре был лагерь между Каларгоном и бывшим аэродромом Надежда. Мы думали, привезли к бытовикам и уголовникам, а там, смотрю, свои, знакомый бухгалтер и другие с 58-й статьей. Немного ожили.

Месяц мы там были, потом нас перевели в лагерь на шахту «Западная», а оттуда в 1954 году — в бывший лагерь строителей ТЭЦ. Нас там оказалось тысячи три-четыре. Работали в основном на строительстве города, а я — на насосной у ТЭЦ. Приехали к нам, помню, Полтава, Логинов, Муравьев, собрали собрание и давай просить: мол, горожане ждут жилье, предлагаем потрудиться для общего и собственного блага, организуйте ударные бригады из тех, у кого две трети срока позади, — это ускорит освобождение. Не верилось, конечно, в досрочное освобождение. Однако первым вызвался организовать такую бригаду Владимир Иванович Венгеров (он, кажется, никогда физически не работал, все больше «придурком» в КВЧ — культторгом, библиотекарем). Пошел бригадиром на растворный узел у ТЭЦ. Так его первым к 7 ноября освободили и почти всю его бригаду тоже.

Время менялось. Вышла амнистия малолеткам, и у нас сразу человек 25 освободили, а меня оставили. У начальника нашего лагеря Власова заместителем был капитан Дюльдин. Вредный, упрямый, злой. Кто-то из заключенных, кажется, дневальный, его обругал, а я оказался похож на этого заключенного. Дюльдин решил меня наказать, никакие оправдания не помогли. В результате мне, как малолетке, дали месяц отдыха и... оставили еще на полгода работать в мастерской. Там же я и жил. Главный энергетик з/к Буднис все сокрушался: «Как же это Андрея не освободили? Чуть ли не самого молодого из всех...» И утешал: «Ну потерпи полгода!» Только в феврале 1955 года меня выпустили. Ехать из Норильска было некуда. О своих родных я тогда еще ничего не знал — их предстояло разыскать. На это ушли не годы, а десятилетия... Я нашел их только в 1968 году через Красный Крест в Торонто (Канада).

Когда началась война, наша семья жила в Запорожье. Отец, окончивший механический и мукомольный институты, до этого работал в Одесской области, был главным механиком. В армию его не призывали, так как он имел «белый билет». Эвакуироваться мы не смогли, успели доехать только до станции Пришиб Михайловского района, так и остались в оккупации. Отец работал механиком на мельнице. Немцы в конце 1943 года перед своим отступлением погнали в Германию эшелоны оstarбайтеров. В один из таких эшелонов попала и наша семья — отец, мама, младший брат и я. Мне было тогда 15 лет.

Когда поезд уже миновал Львов, мне удалось бежать. Я оказался в деревне Буково. Жил у хозяина хутора, который принял меня как родного сына и прятал от немцев, пока не пришли наши. Тут уже было не спрятаться. Явилась полевая контрразведка и в хату моего хозяина:

— Где сын?

— В армию ушел в 1944-м.

— А это кто? — На меня кивают.

— Тоже сын...

— А мы уже узнали, у него фамилия другая. Почему? Откуда появился?

Я рассказал все, как было. Уехали. А в марте 1945 года во время облавы на бандеровцев (были они еженедельными) я сидел в доме соседа-сапожника, и меня снова стали допрашивать: «Ты кто? Откуда? А ну-ка, пойдём!» Увезли, посадили в подвал станции Самбор. Просидел я в том подвале два месяца. Отпустили только в конце мая, уже война окончилась, победу отпраздновали. Я продолжал жить и работать у своего хозяина, там же в деревне меня приняли в комсомол. Но не прошло и года, как снова арестовали. 12 января 1946 года ночью раздался стук в дверь: «Поднимайся, пошли!» Трех деревенских ребят и меня повезли в Дрогобыч. Мы могли бы по дороге бежать, но не бежа-

ли: думали, скоро домой вернемся — разберутся, мы же ни в чем не виноваты. Вышло по-другому.

В тюрьме раздели и обыскали по всем правилам: присядь, рот открой, закрой и так далее. Комсомольские билеты у нас на глазах порвали. А дальше — четыре месяца допросов. Начали бить, изводить пытками. Два или три дня я стоял в боксе. День стоишь, а ночью на допрос. Потом на несколько дней бросают в камеру, и все сначала. 11 дней я провел в боксе. Вел следствие капитан Чернышов, которого я запомнил на всю жизнь. Били резиновыми нагайками, ноги связали, потом руки. После допроса сажали опять в бокс или в карцер, где стены ледяные, цепи, кольца, решетки, окно разбито — февраль за окном, мороз, а на мне одежды почти никакой нет. Спал полчаса, наверное, потому что негде было ни присесть, ни прилечь — нет ни скамьи, ни кровати. Только ходишь и ходишь, чтобы согреться. Да еще зачем-то каждый час девушка приходила мыть голый бетонный пол, не мыла — мочила водой да слезами.

Не знаю, сколько времени так прошло, вдруг меня на допрос вызвали днем — раньше никогда не вызывали. Мне в том коротком забытии приснился сон, будто скачут два жеребца друг на друга, один — черный, вороной, а другой — серый в яблоках. Привели меня, вижу, точно — двое сидят: один из СМЕРШа, другой из контрразведки, а вопрос у обоих один: «Ну, какая тебя разведка сюда забросила? Будешь признаваться?» А вечером капитан Чернышов и второй, подполковник из Львова по фамилии Мороз, спросили то же самое: «Ну, будешь признаваться? Будешь говорить?» «Да я же все сказал», — ответил я. А он меня взял за плечи и коленом в грудь — внутри хрустнуло, кровь пошла. «Ты хотел самостийну Украину, националист, поэтому в УПА пошел!» Бросили опять в бокс, «свидетеля» нашли. Я устал уже — четыре месяца подряд это все продолжалось — и в конце концов сказал: «Пишите что хотите... Я все подпишу...» Вот таким было следствие. Между прочим, когда прислали в

Норильск копию моего обвинительного заключения, я ужаснулся, не знал, смеяться или плакать: из приговора выходило, что я был чуть ли не правой рукой Степана Бандеры, разведчиком УПА — артиллерийские орудия Красной Армии считал и прочее. Даже на суде такого не говорили, откуда что взялось? Из группы арестованных (нашей четверки) двоих потом реабилитировали посмертно. А двое (Николай и я) остались живы. Мы вместе с ним срок отбывали, оба были реабилитированы в 1989 году, а мой бывший «свидетель» не реабилитирован.

Как только я согласился подписывать протокол, следователь уже совсем по-другому стал ко мне относиться, даже предлагал: «Выпей вина». За неделю закончил следствие. И повезли меня, 18-летнего, в лагерь на Таймыр.

Много можно рассказывать о том, где и с кем я работал в Норильске, сколько профессий приобрел, сколько узнал самых разных людей. Все это в памяти осталось. Воспитывали меня в Норильске работа и друзья. Фронтовые ребята старше меня, участники войны: смельчак-разведчик Аркадий Иванович Смешной (в Норильске он стал монтаж-

Памятный снимок о встрече с любимым артистом Г.С. Жженовым в Норильске. 1991 г.

Валентина Любченко

ником-верхолазом, первые колонны плавильного цеха монтировал на медном заводе), летчик-штурмовик Владимир Григорьевич Аистов (мой первый мастер на мехзаводе, вместе с ним мы из зоны ИТЛ перешли в Горлаг, потом он работал в проектной конторе, был начальником конструкторского бюро ЦРГО — цеха ремонта горного оборудования), танкист — мастер Щеголев, «изменник Родины» (была такая статья!), Николай Андреевич Усков, 20-летним

лейтенантом попавший в окружение под Тернополем и за это получивший 10 лет лагерей, и другие. Лагерь нас связал на всю жизнь. Дружили семьями после освобождения, наши дети ездили в гости друг к другу, хотя жизнь разбросала кого куда: в Ташкент, Белую Церковь на Киевщине, Подмосковье...

Вот кому еще хочется сказать спасибо — врачам. Замечательные врачи были в лагерях Норильска. Они хорошо относились к политзаключенным и не любили уголовников. Меня спас от цинги Андрей Степанович Петров, он всегда напевал «Темную ночь». Врач-литовец Казлаускас, когда я заболел в дороге из Красноярска в Норильск, ухаживал за мной, поил какой-то жидкостью.

Интернационализм в лагерях был подлинный, непридуманый. На медном заводе я работал каменщиком в бригаде Фикса. Он был немец, одессит, каменщик высшего класса, отличный специалист. Мы строили вторую трубу высотой 115 метров. К высоте вообще привыкать нелегко, а тут еще чем выше, тем сильнее ветром раскачивает трубу: шторм. Но работали мы бесстрашно, даже лихо соревновались — кто быстрее поднимется наверх или спустится без подъемника, по

Валентина и Андрей Любченко. 1966 г.

скобам. Как-то раз ветер начал лютовать, а тут еще отключили свет. Бригадир рукавицы надел — и по тросу вниз! Румын Гриша решил повторить, но его раскрутило на тросе, он сорвался, метров за пятнадцать до земли слетел вниз. Затеяли начальники разбирательство: «Кто показал?» Все как один промолчали, вся бригада. Фикс потом с каменщиком-украинцем на строительстве Дворца культуры установил рекорд на кирпичной кладке — по 7 кубов на каждого выложили! Мы только успевали тачками кирпич подвозить. После сдачи медного завода в мае 1950 года нас перебросили в Горстрой. На строительстве бани работали, на доме, где «Жарки» (прорабом был японец Морикава), там самое малое по 3 кубометра давали: 12 человек вели кирпичную кладку, два подсобника помогали, а на другой день менялись.

Вольнонаемных в Норильске было тогда мало, в основном все делалось руками заключенных. В 1946 году я работал в литейном цехе, формовал батареи (стоят еще кое-где, тяжелые такие). Норма была 16 штук, за смену с 6 до 16 часов мы поначалу успевали сделать только шесть,

а потом догнали до 16. Формовщиков на радиаторах было 8–10, несколько женщин из 7-го лаготделения готовили стержни, которые ставятся внутрь. С нашим звеном из четырех-пяти заключенных выходил посменно один вольнонаемный. Они через день менялись — то знаменитый формовщик Костя Заболотин, то честнейший человек Саша Рудь, то бывший власовец Вавилов. За нашу хорошую работу проценты шли всегда вольнонаемным, они считались ударниками, зарплату получали по 12–18 тысяч. Костя нам за это благодарен был, приносил с полочки и масла, и даже колбасы, хотя это запрещалось, а те двое еще и кричали на нас...

Что я помню о власовцах в Норильске? В лагере я вместе с ними не был. Я содержался в 3-й железнодорожной зоне, а их поселили в 7-й, где раньше был парк пассажирской автотранспортной конторы, стены здания там еще стоят. Привезли этих солдат РОА (Русской освободительной армии) сразу после войны в немецкой форме без петлиц, причем они в ней долго

Анатолий Расцена с сыном. Его, как бывшего власовца (спецконтингент), держали в лагере отдельно. А.М. Любченко работал с ним на механическом заводе. В конце 70-х годов А. Расцена уехал в Донбасс

ходили, даже когда их освободили осенью 1947 года (в сентябре или октябре). Называли их спецконтингентом. Их отпустили жить в город, а другой одежды они не имели. Мне один шофер в 80-х годах рассказывал, что раз зашел на Нансена, 102, дверь открыл — а перед ним стоит гестаповец! Видно, форму он долго хранил, а потом она уже домашней одеждой стала...

* * *

В Норильске я стал строителем. На каких только объектах не работал! В том числе строил и дом, где жил потом с женой и детьми. Уже появились свайные фундаменты — вначале были круглые сваи, потом квадратного сечения. На Доме хозтоваров, помню, первую сваю устанавливала моя жена, она работала мастером. Сваю развернуло ромбом и заклинило. Во дворе была грязь, и сваю засосало. Кричу: «Мужики, кран подайте!» Кран подали, так эта вредная свая за гак зацепилась! Я, помню, еще пошутил: «Ни за что здесь квартиру получать не буду!» А вышло так, что именно в этом доме нам и дали жилье...

Да, есть что вспомнить о Норильске: отслужил ему полвека! У меня 50 лет чистого рабочего стажа на комбинате, у жены — ровно 40. Она приехала в июне 1956 года к сестре, которая прислала ей газету с заметкой о плавательном бассейне. Бассейна в 1956 году, правда, еще не было. Валентине Машинец было 18 лет. Руководитель комсомольского десанта сказал ей: «Стройка от тебя никуда не уйдет, в твои годы надо учиться». Он аннулировал комсомольскую путевку. Валентина поступила в техникум и на стройплощадку пришла практиканткой. Ее дипломная работа — дом на сваях с гаражом, по такому проекту построено кафе «Горняк». На работу Валентину Петровну приняли в Горстрой и откомандировали на сваи к М.В. Киму. Она стала первым сотрудником лаборатории оснований и фундаментов Красноярского научно-исследовательского института. Собирала и готовила к печати документы на ту самую научную работу, за которую вскоре получили Ленинскую премию. Позже работала мастером, техником, табельщицей, пока ее не заметили на стройке и не пригласили на работу в управ-

Работники ОТиЗа Горстроя. В первом ряду (слева направо): А.И. Нестерец и К.П. Даниэлус. Стоят (слева направо): Э.В. Кравец, Г.И. Базылева, И.А. Алтатова и В.П. Любченко. 1969 г.

ление строительства, в отдел труда и заработной платы. Эта работа ей очень нравилась, так она и трудилась в ОТиЗе до самого отъезда из Норильска.

До сих пор Валентина вспоминает как учителя профессии и жизни первого начальника ОТиЗа Горстроя литовца Казимира Петровича Даниэлуса. В Вильнюсе он учился в военной академии, но за год до выпуска будущих офицеров погрузили в «телячий» вагон без суда и следствия. Так он попал в Норильск, отсидел здесь 10 лет, потом его оставили в Заполярье на пожизненную ссылку. Добрейшей души человек, он всем помогал, чем мог. Очень любил детей, воспитал сына жены, но так уж сложилась его жизнь, что пришлось ему доживать последние свои дни одному... Вот так Норильлаг перевернул всю его жизнь. Да только ли его?

Наши дети выросли. Один сын стал инженером-строителем, дочка работала крановщицей, а еще один сын осуществил мамину мечту о поступлении в медицинский институт — стал врачом. Сейчас он работает над докторской диссертацией.

...Своих родных, вывезенных немцами на Запад, я вновь увидел только в 1989 году. Ровно 45 лет спустя... Разыскивая их, куда только не писал, четырежды обращался в КГБ. Только в апреле 1968 года через Красный Крест узнал их адрес. Я был как раз в отпуске в Сочи, отдыхал в санатории. Знакомые передали, что мне пришло письмо из Зальцбурга. Международный Красный Крест сообщал, что моих родных вывезли в Австрию, в Зальцбург. Когда закончилась война, они попали в зону оккупации сначала к американцам, потом к французам, а в 1949 году выехали из Австрии в Канаду. Я написал письмо по адресу, который мне дали, и получил ответ. Родные спрашивают меня: «Чем ты болен, Андрей, что находишься в санатории?» Объяснить оказалось сложно. Приглашали, конечно, в гости приехать, а как поедешь, если у меня на руках была только справка об освобождении из лагеря? Пересмотр моего дела органы откладывали еще 20 лет, до начала горбачевской перестройки.

Ольга Антоновна и Михаил Владимирович Любченко под фруктовыми деревьями в своем саду в Канаде. 1968 г.

В 1989 году наконец выпустили меня за границу. Полетели мы с женой в Канаду. Волновались, как нас примут, пойдем ли друг друга через столько лет. Вы спрашиваете, о чем там говорили? Какой разговор — одни слезы... Отца я в живых уже не застал, он

умер за четыре года до моего приезда. Побывал только на кладбище, где он похоронен. Маму увидел и брата Евгения, который на девять лет младше меня. Он с дочерью встречал меня на двух машинах — каждый на своей. По дороге рассказал, что работает в Нью-Йорке, крутится в своей фирме круглые сутки, ни одного отпуска.

Мама живет в Торонто, в своем доме, брат часто ее навещает, там всего шесть часов езды. Она, одесситка, так и не выучила английский язык, говорит наполовину на русском и украинском, так что понимали мы друг друга легко. Я-то по-английски тоже только одно слово знаю: «Сенкью!» Один раз сказал, так они смеялись! Многие приходили к нам или приглашали нас в гости. Посетили мы, наверное, домов 50 разных знакомых, земляков и родственников — там живет много украинских семей. Все очень доброжелательны, переживают за нас, искренне хотят, чтобы перестройка шла в России успешно и в нашей стране победила демократия.

Остаться там? Предлагали, конечно, переехать в Канаду или в Америку, но зачем, смысл-то какой в этом? Жить вместе с родителями там не принято, а мы уже немолоды, значит, ни пенсию, ни на собственное жилье заработать не успеем. Ведь большая часть жизни позади. Так что поздно что-то менять, хотя и обидно, что так по-разному сложились наши судьбы...

И еще одно мучило: не нашел я самого старшего брата Николая. Оговсюду приходил ответ: не живет, в лагерях нет, не прописан... И нашелся он только после его смерти. Позвонила в Протвино, где мы живем, его дочь — искала и нашла нас в Интернете. Я испытал потрясение... У его могилы на кладбище в селе Мостовском Краснодарского края встретились трое братьев, оставшихся в живых (средний брат умер и похоронен на Украине). Из Бердянска приехал Михаил, Евгений из Америки, я из Подмосковья. Тут-то мы узнали, что Николай всю жизнь боялся власти, ведь он в отличие от младших еще помнил зажиточную жизнь семьи, жестокое раскулачивание. Поэтому никогда не рассказывал о семье, никого из нас не искал...

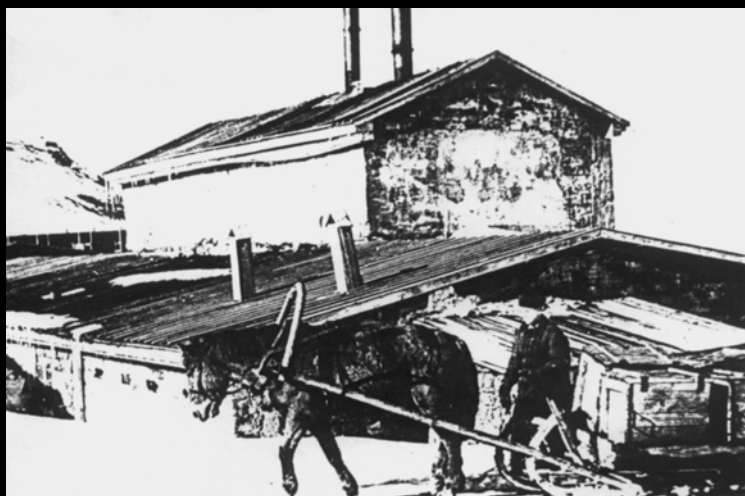
*Умогили мужа и отца Ольга Антоновна и Андрей Михайлович
Любченко. Канада, 1989 г.*

*Встреча через 45 лет. Слева направо: Андрей Михайлович Любченко,
его брат Евгений Михайлович, его дочь Катерина (Кэти),
Ольга Антоновна, Валентина Петровна и Джуен, жена Евгения.
Его семья сейчас живет под Нью-Йорком. Торонто, 1989 г.*

*Сергей Львович Щеглов.
Тула, 2005 г.*

Сергей Щеглов-Норильский:

«В Норильск Давида Кузультинова привезли с очередным этапом заключенных в 1946-м» .

Давид Кугультинов

Кажется, было совсем недавно: после рабочего дня собирались в одной из комнат редакции «Заполярной правды» на Севастопольской улице молодого Норильска любители прозы и поэзии — металлурги, горняки, строители, инженеры, техники, педагоги, врачи — люди, одержимые «одной, но пламенной страстью»: писать. Все были равны в безвестности, все мечтали увидеть свои строчки напечатанными типографическим шрифтом. И была у них единственная возможность осуществить мечту: опубликоваться в только что созданной «Заполярке». Удавалось не всем и нечасто.

Среди тех двух-трех десятков энтузиастов был калмык лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, с широким лицом, на котором нередко светилась приветливая улыбка. Он активно участвовал в обсуждении стихов и рассказов, приносимых в литературное объединение. В оценках был точен и требователен. Кое-кому приходилось услышать от него и такое, что переживалось болезненно. Однако большинство воспринимало критику как должное.

<...>

...Да, кажется, это было недавно. Но, когда подхожу к книжной полке, где в числе прочих стоят и тома сочинений Давида Кугультинова, убеждаюсь: времени с тех пор пролетело немало. Как плодотворно использовал его наш товарищ Давид, как много успел сделать!

Листаю журнал записей Норильского литературного объединения. Год 1955.

«21 марта. Обсуждение одноактной пьесы Александра Смекалина «Под сиянием полярных широт». Выступали: Головин, Андросов, Кугультинов, Векслер, Селегенов, Деменчук.

16 мая. Отчет о работе литературной группы. Среди выступивших — Давид Кугультинов. Он сказал:

«Организационные мероприятия еще не означают успеха. Самое главное — настойчивый и упорный труд. Нужно много читать, это необходимо. Слабо знают участники русский язык. Нужны доклады, читки лучших произведений. Писать — сложная работа, и относиться к этому нужно, как к святому. И самое главное: нужно больше писать. Активизировать помощь со стороны редакций. Каждому нужно участвовать в газете».

Запись в протоколе не стенографическая, сделана, как всегда на малых собраниях, торопливо, в меру умения записывающего улавливать и отражать основные мысли и стиль оратора. Можно не сомневаться, что подлинное выступление поэта на той встрече было куда более эмоциональным и убедительным, ярким и красочным.

Большинство собравшихся в литобъединении не знало, кто такой Кугультинов. Был он только что выпущен из лагеря, где отбывал срок по пятьдесят восьмой статье Уголовного кодекса РСФСР. Статья гласила о контрреволюционных преступлениях — самых страшных в тогдашние времена. На подпавших под нее висело нестираемое клеймо «врага народа». Пробриться его носителю куда-нибудь к заметной творческой деятельности было крайне трудно, почти невозможно.

Прошло еще несколько лет. Вот конспект тезисов отчетного доклада бюро Норильского литобъединения — повышать идейно-теоретический уровень и мастерство начинающих писателей. Далее — разбор произведений: сборник стихов «Глазами сердца», стихи, написанные в Норильске и о Норильске, «Моабитский узник», «Поэма о танце Ситары Дэви, стихи о Родине...».

<...>

В тот год Кугультинова уже не было в Норильске, он вернулся на свою родину, в Калмыкию.

А ту скромную книжечку в твердой обложке, оклеенной темно-синей бумагой, где бронзовой краской выведено: «ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ. ГЛАЗАМИ СЕРДЦА», я купил в Красноярске в июле 1959-го и через месяц отозвался на нее заметкой в «Заполярной правде». «Глубокой мыслью, тонким лиризмом, чувством любви к Родине, к своему народу пронизано каждое стихотворение Давида Кугультинова, — говорилось в рецензии. — Поистине «пищей для ума» и «праздником для зрения и слуха» являются многие из стихов, опубликованных в сборнике».

Так начинался поэт, имя которого стало потом известно во всем цивилизованном мире.

<...>

Он родился 13 марта 1922 года в селе Абганер-Гаханкины, где его отец был учителем в школе. «Не помню, когда я начал писать стихи, но первое стихотворение напечатал двенадцати лет в многотиражке политотдела совхоза № 107. Стихотворение имело длинное название: «Успешно проведем отелочную кампанию». В нем я определял политические задачи и давал практические указания. <...> Я даже стал хуже учиться, создавая каждый день длинные поэмы о чем угодно».

С таким юмором и самоиронией рассказывал Давид много лет спустя в краткой автобиографии «О себе», предпосланной сборнику стихов в серии «Библиотека советской поэзии». (Эта книжка карманного формата в твердом переплете, оклеенная уже не бумагой, а серым коленкором, хранится в моей библиотеке и особенно ценна для меня, поскольку открывается такой надписью: «Дорогому Сергею Львовичу. В память о суровом и прекрасном Норильске, с пожеланием доброго здоровья и всех благ. Д. Кугультинов. 21.IV.65 г.».)

Типичная история зарождения советского поэта.

ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ
РАВНЫЕ
СОЛНЦУ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод с калмыцкого

Сергей Иценов

*В память о Юрииске,
с котеломом вель
калмыцко, у ватемна
и благодарности*

Алмуз

№ 18-642.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1963

Полудетские вирши, набранные в типографии местного газетного листочка, кружили мальчишке голову, представлялись событием мирового значения. А появились они на печатной странице потому, что политика партии и правительства того требовала. Надо было поднимать активность масс и каждого члена общества, и стихотворные призывы мальчика, как

эффективнее проводить отелочную страду, способствовали этому. Напиши Давид стихи о цветочках, о любви, редактор многотиражки скорее всего сказал бы: «Неактуально!» — и вернул тетрадный листок автору.

Итак, свершилось. Завлекательный призрак славы воссиял перед глазами подростка, манил в яркое будущее, и юноша старался. В 1936 году его стихи увидели свет не в совхозной многотиражке, а в центральной калмыцкой прессе. Когда Давид учился в десятом классе средней школы, вышла его первая книга «Стихи юности» («Баг насна шулгуд», 1940 г.). Она получила хорошие отзывы и ввела автора в Союз советских писателей. Это был редкий случай. Давиду только что исполнилось восемнадцать. Вступление в высшую творческую организацию страны в таком возрасте являлось фантастической честью, о какой даже и не мечтали его сверстники, пишущие стихи и рассказы.

Он окончил школу в столице Калмыкии и поступил в пединститут. Учебу прервала война.

<...>

Второкурсник элистинского пединститута Давид Кугультинов вместе со старшими братьями надел солдатскую шинель и отправился защищать Родину.

Члену Союза писателей и начинающему педагогу поручили обязанности литсотрудника в дивизионной газете. Это означало: где красноармейцы, там и он.

<...>

Под гул бомбовых разрывов в окопах и фронтовых землянках Давид сочиняет стихи и очерки, репортажи и корреспонденции, которые тут же появляются на газетных листах.

<...>

На фронте в 1943-м Давид вступил в ВКП (б). Вступил, как и многие верные бойцы, чтобы найти дополнительные запасы мужества и победить врага, а если погибнуть, то коммунистом.

Давид не умер. Вместе с боевыми товарищами он одолел неприятеля. Но впереди ждали новые непредвиденные испытания. Летом 1943 года калмыцкие националисты собрали 5 тысяч бойцов и бросили их против партизан Украины и Польши. Этот удар в спину Советской Армии отозвался на всех калмыках. 27 декабря 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Калмыцкой АССР. Началась депортация калмыков в Сибирь и Среднюю Азию. Весь народ был обвинен в сотрудничестве с фашистами, в измене Родине. В 1945 году фронтовика Кугультинова арестовали по навету и осудили по пятьдесят восьмой статье на десять лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

«Я был арестован за стихи, в которых осуждал несправедливость по отношению к моему народу, учиненную в годы культа личности Сталина», — писал Давид в упоминавшейся заметке «О себе».

<...>

В Норильск Давида Кугультинова привезли с очередным этапом заключенных в 1946-м. Работать направили на БМЗ (большой металлургический завод). Определили пачуковщиком в хлорно-кобальтовый цех. Это очень ядовитое производство в то время находилось на крайне низком уровне техники безопасности. Давид получил сильное отравление. Спасли молодого человека два доктора: Иосиф Янужевичус и Владимир Родионов. После больницы ослабленного зэка зачислили сторожем в котельную поселкового родильного дома, который разместился в двухэтажном кирпичном доме неподалеку от норильской теплоцентрали.

Из котельной Давида, как человека грамотного, через некоторое время перевели в роддом санитаром.

Приведу отрывок из воспоминаний моей жены Нины Балугеовой «Тропкою памяти далекой», опубликованных в «Заполярной правде» в 1988 году:

«Когда я работала в бюллетене «За ударный труд», поселковая почта доставила в КВО (культурно-воспитательный отдел Норильлага. — С.Н.) конверт из одного лаготделения — несколько рукописных страничек: отрывок из поэмы о Великой Отечественной войне. С первых же строк было ясно, что стихи талантливые. Газета издавалась для заключенных, и мы эти стихи опубликовали. Только вот подпись автора никак разобрать не могли. В конце концов без уверенности, но остановились на варианте, предложенном машинисткой Верой Александровной: **КУЧУМИТИНОВ**.

Было это в конце 1946 или в начале 1947 года. Позже я услышала фамилию **КУГУЛЬТИНОВ** и поняла, как мы ее исковеркали.

Летним утром 1948 года я подарила своему мужу Сергею Львовичу первенца — дочку. На второй или третий день муж не смог до окончания приема передать мне записку и передачку, и, когда спустился с рудника, расположенного высоко в горах за Но-

рильском (взрывал там заряды окисилквита), дверь роддома была уже закрыта. Сережа легонько, без всякой надежды на отклик постучал. К его радости, дверь отворилась — и он увидел смуглолицего человека, казаха или киргиза, который вежливо и доброжелательно его выслушал и взял передачу. Мой муж не нашел ничего более подходящего, как принести новоиспеченной матери том Шекспира. Вместе с запиской и еще чем-то съестным передал мне этот том вежливый смуглый юноша, в белоснежном халате и такой же шапочке, из-под которой выбивались слегка вьющиеся черные волосы. Он спросил меня, будет ли ответ, и я написала несколько слов, он взял листок и отнес его посетителю. А вечером, когда соседки по палате уже спали, он на цыпочках подошел к моему изголовью и сказал:

— Извините, пожалуйста, вам принесли Шекспира. Если вы не будете ночью читать, то, может быть, дадите мне эту книгу до утра?

Несколько суток мы читали драмы Шекспира по очереди: я — днем, он — ночью.

Юноша этот был быстрым, ловким, буквально летал по лестницам, коридорам и палатам и со всеми был необычайно доброжелательным, общение с ним доставляло радость обитательницам роддома. Женщины называли его Юрок (в большинстве там находились бывшие лагерницы, а в лагере молодых людей нерусских национальностей принято было называть Юрок). Он был любознательным, интересовался судьбами лежащих здесь женщин, всем старался угодить, помочь, сделать приятное. Мне сказали, что он заключенный, но на типичного лагерного работягу он мало походил. Вскоре кто-то объяснил мне, что это калмык, зовут его Давид Кугультинов, он поэт, еще до войны был принят в Союз писателей, а в Норильск попал с фронта. Кто-то — добрый человек — вытащил его с общих работ и устроил дневальным, а потом вахтером в роддом. И тут вспомнила я тот эпизод с Кучумитиновым.

Позднее мне рассказали, что Давид Кугультинов то ли до освобождения, то ли после работал на одной из баз Норильскснаба.

Встречая Давида в «Заполярной правде» на занятиях литобъединения, я вспомнила первое знакомство с этим человеком. Он стал к тому времени представительным, неторопливым, годы брали свое. Брало свое и время. Кугультинов теперь высоко нес голову, одет был в добротный, хорошо сидящий костюм. Не знаю, был ли он к тому времени реабилитирован или еще это предстояло. Меня он не узнал либо не показал виду, и я не стала напоминать ему о Шекспире. А стихи его, которые он читал на литобъединении, мне нравились. Только потом, когда всесоюзная слава пришла к этому человеку, когда его произведения стали печататься в центральной прессе, я, как, наверное, и многие, по-настоящему оценила их. И по сей день читаю и слушаю строчки Кугультинова с большим интересом.

Сергей Львович лет десять после нашего выезда из Норильска (а Кугультинов выехал раньше) переписывался с ним, напечатал о его творчестве много статей в газетах. На полке в нашей квартире стоят сборники стихов с дружескими автографами поэта.

На днях пришел ноябрьский номер журнала «Знамя» за 1988 год. В подборке стихов ветерана Норильлага Марата Картманова мы прочли небольшое стихотворение «Поэт», посвященное Д. Кугультинову:

*Туда, где товары и гири,
пришел он сегодня чуть свет:
поэт не бряцает на лире —
заведует складом поэт.
Но здесь, где рогожи и бочки,
он чувствует, что песня жива!
Что делать? Приходовать строчки?
Как мясо, морозить слова?
Трубить в самоварные трубы?*

*Иль склад запереть на замок,
жалеть, что когда-то на губы
замка он повесить не смог?*

Под стихотворением значится: Норильск, 1955». Так вспоминала Нина Балужева.

<...>

Пытаясь эзоповым языком ответить на вопрос, чем дорог ему Норильск, Давид Кугультинов в годы недомолвок и иносказаний, продолжая образный строй стихов, посвященных опасной теме, высказал обнаженно горькую мысль:

*Глубокой ночью свершено насилье —
жестокое, безжалостное, злое.
Но кто сказал: зачатъе — результат любви?
Ему и в ненависти быть возможно!
Норильск — насилья плод.
Но как же матери он дорог!*

Норильск — насилья плод! Вот она, истина, высказанная в стихах о нем впервые!

<...>

После реабилитации поэта восстанавливают в Союзе писателей, зачисляют в Литературный институт им. Горького (окончил в 1960 году, затем Высшие литературные курсы и аспирантуру). Выходит сборник стихов «Жизнь и размышления» (1963–1964 гг.). Стихи Давида стали публиковаться в газетах и журналах СССР подборка за подборкой: в «Литературной России», «Литературной газете», «Новом мире», «Дружбе народов», «Доне», «Волге». Там и тут светила читателям добрая улыбка калмыцкого поэта с его портретов.

В 1964 году Кугультинова избрали руководителем Союза калмыцких советских писателей.

Вслед за норильскими стихами еще одной — и более художественно обобщенной! — формой эзопова

языка в раскрытии темы тоталитаризма избрал Кугультинов близкие ему мотивы народного фольклора, калмыцкие сказки.

<...>

Русский читатель получал стихи Кугультинова в переводах, которые не были равноценны, но важно, что творчество калмыцкого поэта сразу попало в поле зрения лучших переводчиков. Свыше двух десятков поэтов доводили до россиян и жителей республик поэзию Давида. Возглавляли процесс мастера высшего класса: Михаил Светлов, Владимир Луговской, Новелла Матвеева. Широкую известность получили переводы, созданные Семеном Липкиным, Юлией Нейман, Яковом Козловским, Ильей Френкелем, Юлием Даниэлем, Александром Николаевым, Александром Голембой, Эдмундом Йодковским. М. Шехтер, В. Стрелкова, А. Долинский, П. Карп, Ю. Вронский, К. Алтайский, В. Гнеушев вложили немало труда и искусства, чтобы передать русскому и всесоюзному читателю поэзию талантливого калмыка.

О труде своих переводчиков с глубоким уважением и благодарностью говорил Давид Никитович, выступая на Третьем съезде российских писателей.

<...>

Двустихия Кугультинова, замечательные по краткости и отточенности мысли, продолжают традиции восточных поэтов.

*Сбить масло из воды не смог бы сам Всевышний.
Пустая голова — советчик никудышный.*

*За то, что зла не совершил, ты не проси наград,
коль ты добра не совершил на этом свете, брат.*

*Если в правде своей убежден, то не бойся хулы,
если в ней сомневаешься сам, то страшись похвалы.*

*Жизнь, если цели нету в ней, —
Телега без лихих коней.*

*Росту тела есть в годах граница,
рост ума — до смерти сохранится.*

<...>

В декабре 1965 года кафедра языка и литературы Калмыцкого государственного педагогического института представила стихи Давида Кугультинова на соискание высшей награды СССР — Ленинской премии. В перечне поэтов, выдвинутых на нее, Кугультинов значился с Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Леонидом Мартыновым.

Секция поэзии и пленум Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР после первого рассмотрения оставили стихи Кугультинова, Вознесенского и Мартынова для дальнейшего обсуждения (Евтушенко не пропустили!).

Борьба вокруг выдвинутых на Ленинскую премию 1966 года кандидатур закончилась победой тех, кому лучшие стихи Евтушенко, Вознесенского, Мартынова и Кугультинова были враждебны по духу, кто стремился затушевать, а еще лучше — вычеркнуть из памяти людей трагедию калмыков, чеченцев и ингушей, крымских татар и немцев Поволжья, да и вообще все деяния Сталина — Ягоды — Ежова — Берии, вычеркнуть и Колыму, и Соловки, и Норильск, и Воркуту, и прочее. Ленинская премия 1966 года за произведения поэзии не была присуждена ни одному автору. (Кому же было ее присудить, если не Евтушенко, Вознесенскому, Мартынову и Кугультинову?)

<...>

«Стихи Кугультинова полны тонкого душевного и духовного изящества, глубины мысли и того света добра, того внутреннего поэтического озарения, какие нам сейчас так остро необходимы», — говорила Мариэтта Шагинян.

14 сентября 1968 года отправил я Кугультинову такое письмо:

Здравствуй, дорогой Сергей!

Человек силен, когда сопротивляется капризам тела и капризам
души, как на вас, только сопротивляясь мысли — иными словами
адрес. Этой силой тело ищет такой неравновесия, как
на море море. Капризы души отражаются мыслью, мыслью,
мыслью адресованно этой адресе внешнего себя по себе.
И вот, наоборот, в связи с релаксацией, шумом, мыслью
иногда обрывается с другим адресом и реально само
не может капризом измениться.

Жизнь, работаю по-прежнему, и много по-прежнему. Как же.
В том смысле, что не только я, но и мои все мои,
современные мысли, желания, мечты и интересы, и всякая
трагедия на вас, только очень мало на интернету. Не
представляю, что если бы во всем мире, если бы
был родил нас на все лет реально. Конечно, с
когда-то когда-то. Впрочем, это взгляд мысли на вопрос.
с другой стороны, вероятно, если бы еще человек, если
мысль была только силой мысли, мыслью, мыслью, мыслью
отвращаясь по поводу и сторону мысли! Не думаю
— 30 тысяч! А если подумать с другой стороны — 36
тысяч! А если подумать как бы не мыслью, но
мыслью?! Впрочем, представляю бы огромная
кибернетическая машина, которая бы могла бы и обра-
ботить (машина была бы активнее человека?) [с
функциональной машиной, может, такой все-таки был автор
машины — речь на как работа мысли?] ~~.....~~
страх видения из мысли как мысли и мыслию,
это именуется мыслью. (Каково бы тогда как
осмыслить? Впрочем, все же, думаю, мыслью.)

Все, что связано, да, впрочем, мысли. В этом году вышла новая книга "Древние сказки", которую написал отец. В прошлом году, в начале, выдал два тома изданных статей и много в "Советском". Там как раз вышла книга. В ней будет большое число статей, постоянно добавляется. Материал статьи. В конце февраля прошлым годом я много в абсолютную катастрофу. Прочитал половину статьи. Думал о смерти, а родился сын и любовь. В это время я много пережил в последние годы. В "Книжки", "Молодежь", "Лит. Россия". И еще будет в "Лит. Россия", в "Лит. России". Но конечно много в плане философских, философ и все, что связано само на себя. Много лет работал над одной большой работой. Вышел из нее в этом, а если выйдешь - будет ли капитализм - не знаю. Если серьезно, много, в том - во смысле, а, много, смысл да, как будет решать ее судьбу. Нет, не в теории и не о жизни. А о жизни современного человека, который находится над уровнем атомной энергии. Много времени уходит на издании. Только в этом году выдал в Хабаровске, Камчатке, Владивостоке, Якутске, влезла даже, Пскову, много ^{да} после Москвы и почти все издано, издано, в издании, в журнале, в журнале. Если выйдут выйдут - это сделано. Как выйдете, это решается?

Кто, конечно, и все, что все издано.

С изданием

М. М. М. М. М.

26. 11 - 68.

Дорогой Давид! После долгого колебания посылаю «Заполярку» с заметкой о тебе. Почему колебался? Дело в том, что как-то послал тебе «Сибирские огни» с рецензией на твою книгу, а ответа не получил. То ли не дошла она до тебя, то ли не понравилась? Но желание сделать приятное одержало верх, и вот — посылаю снова. Сказать о тебе хотя бы вполголоса где-либо в более широком издании у меня нет возможности (много раз пытался сделать это!). Благодарен «Заполярке», что напечатала.

А написано у меня о твоих стихах много. Почти каждая твоя публикация вызывает мысли, которые хочется вылить на бумагу, и я это делаю. Накопилось, пожалуй, на добрую монографию. В прошлом году пытался предложить ее издательству в Элисте, но получил ответ, что они готовят о тебе статью в каком-то сборнике. Впрочем, не унываю. Авось будем живы и удастся где-нибудь напечатать.

Горячо желаю тебе успехов. Пиши больше и так же хорошо, умно и благородно.

И мне пиши, хоть по паре слов, не обижайся, если у меня что не так. Сергей.

6 октября, не получив ответа, я нашел в записной книжке телефон квартиры Давида в Элисте и позвонил. Женский голос спросил: «Кто?» Давид оказался дома, и через несколько секунд послышался его басовитый голос:

— Здравствуй. Получил твое письмо и газету. Все собирался ответить до поездки. Только что вернулся из Ташкента. Был на встрече с читателями.

— Что нового? — спросил я.

— В Москве на днях книга выходит. А в будущем году двухтомник в Гослитиздате.

— Работаешь в отделении Союза?

— Нет, свободен.

Прошел год, и в Москве, в издательстве «Советский писатель», вышла книга Кугультинова «Дальние сигналы», состоявшая из двух разделов стихов: «Жизнь и размышления», «Душа слова» и

двух поэм: «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Повелитель Время» — восемьдесят с лишним стихотворений, в большинстве не входивших в предыдущие сборники.

<...>

«Здравствуй, дорогой Сергей! — писал мне Давид 26 ноября 1969 года. — Честное слово, давно собирался написать тебе, и каждый раз, как назло, только соберусь писать, — исчезал твой адрес. Это бывает часто при такой неразберихе, как на моем столе. Каждый раз откладывал письмо, надеялся, что обязательно твой адрес выплывет сам по себе. И вот, перебирая в связи с ремонтом бумаги, нашел твою открытку с обратным адресом и решил сию же минуту написать непременно.

Живу, работаю потихоньку, именно потихоньку. Как все. В том смысле, что не только я, но почти все мы, современные писатели, ужасные лентяи и лодыри и время тратим на все, только очень мало на литературу. Не представляю, что было бы со всеми нами, если бы бог родил нас на сто лет раньше. Наверное, с голоду подошли бы. Впрочем, это взгляд писателя на вопрос. С другой стороны, наверное, было бы еще ужаснее, если бы шесть тысяч членов Союза писателей каждый год стали бы отваливать по роману и сборнику стихов. За пятилетку — 30 тысяч! А если пятилетку в четыре года — 36 тысяч! А если прибавить книжки не членов, но писателей?! Вероятно, потребовалась бы огромная кибернетическая машина, которая все читала бы и объективно (машина всегда объективнее человека? в думающие машины, может, будет вселяться дух автора машины — тогда на них надежда малая?) стала бы выделять из массы книг гожее и негожее, точно информируя читателя. Сколько бы гожих книг осталось? Впрочем, все это, разумеется, шутка.

Все, что печатаю, ты, вероятно, читаешь. В этом году вышла новая книжка «Дальние сигналы», которую посылаю тебе. В будущем году, в начале, выйдут два тома избранных стихов и поэм в Гослитиздате.

Уже набирается новая книжка. В ней будет большой цикл лирики, неожиданно родившейся. Любовной лирики. В конце декабря прошлого года я попал в автомобильную катастрофу. Пролежал полтора месяца. Думал о смерти, а родились стихи о любви. Из этого цикла я много печатал в нынешнем году. В «Юности», «Москве», «Лит. газете». И еще будет в «Лит. газете», в «Лит. России». По-прежнему пишу в плане философском, раздумья и все, что пишется само по себе. Много лет работаю над одной большой поэмой. Выйдет ли что из этого, а если выйдет — будет ли напечатано, — не знаю. Вещь сложная, может, в чем-то ошибусь, а может, ошибутся те, кто будет решать ее судьбу. Нет, не о тюрьме и не о лагере. А о жизни современного человека, который находится под угрозой атомного гриба.

Много времени уходит на поездки. Только в этом году побывал в Хабаровске, Комсомольске, Владивостоке, в Башкирии, объездил МНР, Польшу, много раз был в Москве. И хочется еще поездить, побывать, в частности, в Норильске. Если вырву время — это сделаю. Как живешь, где работаешь? Вот, пожалуй, и все, что хотел черкнуть. С приветом. Д. Кугультинов».

На «Дальних сигналах», присланных Давидом, было написано, пусть и с преувеличением, но дорогое для меня:

«Сергею Щеглову, хорошему, умному человеку, в память о Норильске, с пожеланием всего доброго на свете. Д. Кугультинов, 26.ХІ–69 г., Элиста».

<...>

В августе 1978 года, будучи в Ясной Поляне и просматривая экспозицию на нижнем этаже Дома Волконского, где выставлены были книги — подарки писателей музею-усадьбе, нашел я под стеклом витрины раскрытый на портрете Кугультинова его сборник «Жизнь и размышления». На титульном листе, возле силуэта птицы, знакомый мелкий почерк:

«Человечество, родившее такого титана мысли, как Толстой, видимо, все-таки одолеет все внутренние распри и дойдет до своей великой цели и всеобщего

Неожиданный ракурс: нелетная погода (Михаил Дудин, Кайсын Кулиев и Давид Кугультинов в аэропорту Норильска). 7 февраля 1979 г.

блага всех людей на Земле, к светлой эре Любви, Разума и Свободы. Д. Кугультинов. 9.1–72».

«Дай-то бог!» — подумал я, прочитав эти строки.

Рядом со сборником Давида лежали исписанные тем же ровным бисерным почерком две страницы ответов на вопросы анкеты Ясной Поляны в связи с пятидесятилетием образования СССР.

Много лет прошло с тех пор, как виделись мы с Кугультиновым. И эта случайная встреча с его высказыванием у Дома Волконского как бы восполнила для меня пробел в общении с человеком, которого всегда уважал и ценил. Особенно дорога она была тем, что мысли, высказывания моего давнишнего друга, совпадали с моими.

12 марта 1982 года услышал я сообщение о награждении Давида Кугультинова орденом Ленина. А вслед за тем и интервью с ним в программе «Время» по Всесоюзному телевидению. На следующий вечер в концертной студии Останкино экран позволил мне увидеть его вновь на торжестве, ему посвященном. Я радовался его славе.

Промелькнуло еще девять лет. 17 января 1991 года по радио объявили, что сотрудница Крымской астрофизической обсерватории Черных открыла еще одну малую планету и назвала ее **КУГУЛЬТИНОВ**.

Вячеслав Николаевич Ханжин

Вячеслав Ханжин:

*«Токоя нет ни сердцу, ни
уму...»*

Вячеслав Николаевич Ханжин

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДРУГА

...С Вячеславом Ханжиным мы встретились более сорока лет назад в Норильске, в литературном литобъединении. По профессии юрист, по должности народный судья, он часто приходил на наши заседания, дружил со многими поэтами, а также норильскими художниками, музыкантами, артистами — был членом художественного совета местного театра. Но стихов никогда не писал (как все мы были уверены).

И вдруг, когда в 1995 году, к 60-летию Норильского комбината, готовился юбилейный сборник норильских поэтов, Слава проговорился:

— Хочешь, я покажу тебе свои стихи? Короткие, по четыре строчки. Наброски.

Удивленный, я, конечно, согласился. Получил тетрадь и прочел:

*Мать-Россия — без сына.
Это значит без сна.
И дорога полынна,
И нелепа весна.*

Не все наброски были равноценны, но несколько мы отобрали для юбилейного сборника «Мую весну не замет пурга...».

И вот в 2005 году — свой поэтический сборник... Это поэтические наброски в тетради, которая всю жизнь была под рукой юриста-следователя, народного судьи. Автор не планировал их издавать, никогда не рассматривал со строгостью профессионального поэта. Ничего не хочет менять или улучшать, потому что многие строки, связанные с конкретными минутами его жизни, пусть остаются такими, какими родились.

*Бездарно, безмерно и горько
Огонь моей жизни горит.
Прощальной улыбкою зорька
Пепел костра озарит.*

— Слава, — спрашиваю, — почему вдруг так? О чем?
— Понимаешь, мы нашли труп за деревней. Молодая — изуродованная, исковерканная! Зачем?! Жутко переживать жестокость. А тут еще закат...

Вот краткая биографическая справка Вячеслава Николаевича Ханжина. Он родился 17 декабря 1931 г. в селе Голицыно Пензенской области, в семье учителя-агронома. В 1949 г. окончил среднюю школу в г. Пензе, в 1953 г. — юридический факультет Казанского государственного университета. С августа по декабрь 1953 г. работал следователем прокуратуры Казачинского района Красноярского края. С января 1954 г. до декабря 1960 г. — старшим следователем прокуратуры города Норильска. С 1954 г. — лектор общества «Знание». В 1956 г. заведовал отделом пропаганды и агитации Норильского ГК ВЛКСМ. Был редактором молодежной страницы газеты «Заполярная правда».

Стихи публиковал в газете «Заполярный вестник», в журнале «День и ночь», в сборниках «Мою весну не заметит пурга...», «На рубеже веков», «Дух зимовья». С 1960 по 2000 г. — судья Норильского городского суда. Заслуженный юрист РФ. После окончания судебных полномочий — преподаватель права.

В Норильске В.Н. Ханжин участвовал в реабилитации сотен людей после ГУЛАГа и 40(!) лет работал судьей. Сколько грязи — каждый день! Но природенные доброта и нежность не позволили свыкнуться с мерзостью, предательством, жестокостью. Внук знаменитого пасечника на всю жизнь остался человеком трепетным и застенчивым. Помогала культура Норильска, ставшего родным. Спасала и спасла собственная поэзия — иногда он что-то записывал. Ну а то, что философии хватает, — не всем же выпало так часто сталкиваться со смертью и принимать самостоятельное решение по обстоятельствам, с ней связанным. В материале В.Н. Ханжина о И.С. Макарьеве, Л.П. Юшкове, Г.Р. Варене вместо традиционных заголовков вы прочитаете четверостишия Вячеслава Николаевича из книги стихов «Антиболь» (М.: «Трoвант», 2005).

Михаил Колпаков

Жизнь — смерти мать,
Лелеет лилию палач.
Прощать иль осуждать?
... За смехом — плач!

В 1957–1959 годах во время работы в прокуратуре города Норильска мне довелось собирать материалы по реабилитации жертв политических репрессий периода культа личности Сталина.

Особенно запомнился Иван Сергеевич Макарьев. Ровесник века, он родился в рабочей семье и рано начал писать. Был знаком с великим пролетарским писателем, дружил с Фадеевым и Шолоховым, работал корреспондентом одной из центральных газет.

В начале 40-х годов он был арестован по обвинению в связях с троцкистами и год просидел в тюрьме, пока шло следствие. Он слышал, как следователь предлагал одному заключенному вместе с его товарищем дать показания против Макарьева, обещая за это обоих освободить, но другой заключенный отказался это сделать.

Тем не менее Иван Сергеевич был осужден на длительный срок лишения свободы и этапирован в Норильский лагерь, где находился в одной зоне с бытовыми уголовниками.

Однажды он увидел, как они со штырями идут к вахте, чтобы убить дежурного и совершить побег. Макарьев крикнул об этом молодому солдату. Тот закрылся на вахте и тем спасся, а разъяренные неудачей уголовники искололи штырями самого Макарьева.

По тревоге он был доставлен в реанимацию, долго болел и еле выжил.

Во время войны с фашистской Германией он неоднократно писал заявления об отправке его на фронт, но письма так и остались в личном деле заключенного без ответа.

Будучи расконвоированным в начале 50-х годов без права выезда из Норильска, он работал диспетче-

ром управления строительства комбината и выпускал многотиражную газету, которая была признана самой лучшей во всем Норильске.

По собранным материалам определением Верховного суда СССР он был реабилитирован и вернулся в Москву, где был избран секретарем партийной писательской организации.

О дальнейшей жизни Макарьева рассказали Раиса Орлова и Лев Копелев в книге «Мы жили в Москве». Р. — текст Раисы Орловой, Л. — Льва Копелева.

«Р. На трибуне партийного собрания 26 марта 1956 года стоял Иван Сергеевич Макарьев. Высокий, худой, истощенный, с удлинненным скелетно-голым черепом, он говорил глуховато-низким голосом:

«Зимой тридцать седьмого года к нам в лагерь пришли два эшелона, больше четырех тысяч арестантов. Я увидел множество знакомых лиц, были и делегаты XVII съезда...

...Культ нельзя рассматривать как некое количество фактов, касающихся только лично Сталина. Культ — это уже отрицание ленинизма. Надо высмеивать, вытравливать культ...»

Ему рукоплескали больше, чем всем. Вот он, настоящий большевик: прошел сквозь ад тюрем и лагерей, все выдержал, сохранил душевные силы, сохранил веру в наши идеалы.

<...>

Мы познакомились с ним, когда он пришел в редакцию «Иностранной литературы» к своему другу Николаю Стальскому, тоже недавно реабилитированному. Они оба в двадцатых годах работали в Ростове, были друзьями Фадеева.

Макарьев рассказывал, как Фадеев пригласил его на дачу.

— Он передо мной вроде как оправдывался. Когда-то был настоящим большевиком. Что потом стало, каким он сделался, — не знаю, не понимаю. Посмо-

трел на его дачу, спросил: «Саша, а зачем тебе этот дворец?»

Он насупился, а потом сказал: «Отдам под детский сад».

В день самоубийства Фадеева, 13 мая 1956 года, мы встретили на улице Макарьева, он был бледнее обычного. Ему было необходимо говорить, говорить... Он зазвал нас к себе и до ночи говорил о Фадееве, об их общей молодости:

— Сообщение в газете о причинах смерти — чистое вранье. Фадеев полгода уже совсем не пил. С ним что-то произошло после съезда. В последние дни он ходил по старым друзьям, накануне был у Либединского. Неужели и у него руки в крови? Но если и так, то теперь он смыл ее своей кровью.

Макарьев стал часто приходиться к нам, иногда хмельным, иногда выпивал у нас, быстро хмелел и тогда уже не мог замолчать. В любом обществе он говорил больше всех либо читал стихи и прозу. Однажды у нас за полночь читал рассказы Хемингуэя. Охотно вспоминал о РАППе, о Горьком, — он состоял при нем последние годы. Реже всего вспоминал о лагере. Ему необходимы были слушатели, внимательные, восхищенные. На первых порах их было много.

— Помните сталинскую резолюцию на сказке Горького: «Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гете. Любовь побеждает смерть»? Он это моим карандашом написал. Сидели тогда у Горького, он, Ворошилов, еще кто-то. Сталин начал вслух читать «Девушку и смерть». Горький морщился, отмахивался, мол, глупость, юношеское баловство. А Сталин все цокал от восхищения. Все выпили здорово тогда. Горький, пожалуй, один был трезвым. Сталин ко мне: «Давай карандаш». И наложил резолюцию, «любов» без мягкого знака написал. Потом Ворошилову подсунул: «Пиши». Тот развел тяготины, Горький был очень недоволен.

Последствиями этой пьяной резолюции были статьи, книги, диссертации. Мариэтта Шагинян, бывшая приятельница Андрея Белого, Мережковских,

утверждала, что пересмотрела свои суждения о Гете, сложившиеся за десятилетия, «в свете гениального определения товарища Сталина».

У Макарьева глубокий шрам на правой кисти.

— Это сквозное, пулевое. Когда в сорок втором немецкий крейсер вошел в Северное море, в нашем лагере бандиты, ворье пытались поднять восстание. Разоружили часть охраны. Мы, заключенные-коммунисты, дали им отпор. Я схватился с одним, тот выстрелил, я только ожог почувствовал. Но все же вырвал винтовку. Меня представили к медали. Но вместо этого только сократили срок на один год. А потом все равно — ссылка.

Он дружил с Ольгой Берггольц, которую знал с тюремных времен. Она посвятила ему стихотворение.

Макарьев казался нам волевым, энергичным, призванным руководить. При каждой встрече говорил, что уже начал писать большую работу по истории РАППа. Он опубликовал брошюру «Заметки Горького на полях начинающих писателей» и сулил большую книгу о Горьком.

Осенью 1956 года он привел нас на квартиру Юзовского. Там обсуждался замысел нового альманаха «Литературный Ленинград». Редактор-издатель Анатолий Горелов некогда был так же, как и Макарьев, воинственным РАППовцем и тоже отбыл 17 лет в лагерях и ссылке.

В тот вечер к Юзовскому пришли Мартынов, Слуцкий, Рудный, Осповат. И опять Макарьев говорил больше всех, оттеснил даже златоуста Юзовского.

<...>

Мы испытали радость содружества, единомыслия совершенно разных людей, объединенных общими надеждами, общим стремлением «восстановить советскую власть».

<...>

Л. Те, кто тогда возвращался из лагерей, из ссылок, радовались возобновлению жизни, с жадностью бросались на любую работу и на развлечения, стре-

мясь наверстать упущенное. Одни без устали ходили в театры, на концерты, на выставки, другие объезжали родственников, знакомых в разных городах, просто много путешествовали. Третьи спешили обзавестись квартирой, дачей, получше одеться. Некоторые крепко пили. Реже восстанавливались старые семьи, чаще создавались новые.

Никто вокруг не думал о возмездии, о наказании доносчиков, палачей. Не было никакого «реваншизма», которым аппаратчики пугали себя и начальство.

Однажды Макарьев пришел к нам с рукописями третьего тома «Литературной Москвы» и прочитал вслух рассказ Равича о человеке, который в 1920 году был арестован ЧК и едва не расстрелян.

Все происходившее в рассказе было таким же бессмысленно жестоким, как и многие дела 1937–1938 годов. Макарьев читал очень выразительно, взволнованно. Потом мы говорили уже не только о прочитанном, и все были согласны, что корни сталинщины уходят в глубь тех самых двадцатых годов.

Мы понимали, что значительная часть аппарата неизлечимо развращена, выродилась в касту. Мы достаточно хорошо знали прилитературных сталинцев; о них, об их своекорыстии, невежестве, лживости много говорили вслух на разных собраниях, но не в печати. Мы были уверены в том, что наши методы борьбы и полемики должны быть иными, чем те, которыми пользовались они: мы не хотели никаких административных мер, никаких проработок, бойкотов, запретов. Только открытая критика, открытый спор — пусть возражают. Иного оружия, кроме слова и избирательного бюллетеня, мы не признавали.

Нам казалось, что можно расшевелить инертное, колеблющееся большинство, объяснить и убедить, как это важно, как благотворно «вернуться на ленинский путь».

Но Макарьев хотел не только убеждать и просвещать. Он считал необходимым «прорываться в лагерь противника... вербовать перебежчиков», а

главное — «проникать на командные позиции», в руководство Союза писателей, в редакции издательств, журналов.

Его избрали секретарем партбюро секции критиков Московского отделения Союза писателей, он стал одним из официальных «внутренних» рецензентов издательства «Советский писатель», членом редколлегии «Литературной Москвы». Он встречался с бывшими заключенными Снеговым и Шатуновской, которые тогда работали в аппарате ЦК, и надеялся через них влиять на Микояна и даже на Хрущева.

Однажды он рассказал нам, что побывал в гостях у А. Чаковского и тот его хорошо и очень дружески принял.

Мы были неприятно поражены.

— Иван Сергеевич, это уж слишком, ведь на нем, что называется, пробы ставить негде. Он участвовал в травле космополитов и своим еврейским паспортом прикрывал черносотенную, антисемитскую сущность всей кампании. В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году его согнали с трибуны партийного собрания, публично назвали подлецом.

— Ну и что же. Люди меняются. И мы с тобой были ведь сталинцами. А он очень умный мужик и думает о многом так же, как мы. Его надо не отталкивать, а привлекать.

Вскоре мы узнали, что Макарьев по просьбе Чаковского написал развернутую внутреннюю рецензию на рукопись его очередного романа, безоговорочно рекомендуя издать «ценную» книгу. Мы знали, что такое литературная продукция Чаковского, — посредственная беллетристика с незамысловатыми «интеллектуальными узорами». И опять был неприятный разговор с Макарьевым.

<...>

...А на первом пленуме правления вновь созданного республиканского Союза выступил Иван Сергеевич, он осуждал «идеологически сомнительный»

роман «Не хлебом единым», осуждал «серьезные политические ошибки» «Литературной Москвы» и нездоровые выступления их защитников.

После этого мы стали его избегать.

<...>

Он пьянствовал почти ежедневно, собутыльничал с отъявленными сталинцами и со всякими литературными проходимцами. В апреле 1958 года стало известно, что он, секретарь партбюро, пропил две тысячи рублей партийных взносов. Предстояло «персональное дело».

И Макарьев покончил с собой — вскрыл вены.

В крематории нас было совсем немного. Мы прощались с несчастным человеком. Еще до того, как его арестовали, пытали, превратили в бесправного раба, душа его уже была изувечена представлениями о партийности, о дозволенности любых средств для благой цели.

.....

Об Александре Мильчакове, бывшем секретаре ОЦК комсомола, который был в лагере вместе с Макарьевым и тоже вернулся семнадцать лет спустя, Евгения Гинзбург написала в «Крутом маршруте»:

«Это был человек, аккуратно связавший разорванную нить своей жизни. Тугим узелком он затянул кончики, соединил тридцать седьмой с пятьдесят четвертым и забросил подальше все, что лежало посредине. Сейчас он ехал, чтобы снова занять соответствующий номенклатурный пост, чтобы снова начать подъем по лестнице Иакова, с которой его ненароком столкнули. По ошибке столкнули, приняли за кого-то другого, совсем иной породы...»

В отличие от него Макарьев после возвращения не хотел забывать «о том, что лежало посредине». И хотел, ведь было, бороться против сталинщины. Но не хватило душевных сил, сломился.

Похоронив его, мы все еще не хоронили идеалов того прошлого, к которому он звал, не похоронили и тех надежд, которые разделяли с ним.

Эти идеалы, эти надежды вновь оживали для нас в книгах, в рукописях и в людях, которым мы верили.

*Из книги «Мы жили в Москве»
(М.: Книга, 1990)*

*Знай свой талант и призванье,
И свое назначение знай.
И без страха иди на закланье,
И ворота беде отворяй.*

Другой, относительно благополучной была судьба ленинградского профессора Леонида Павловича Юшкова. В начале 30-х годов он имел редкое для советского времени высшее образование экономиста и металлурга и работал в аппарате легендарного руководителя промышленности Серго Орджоникидзе, который при нем как-то с горечью сказал, что умники, видимо, системе не нужны.

За подобное высказывание в годы Великой Отечественной войны Л.П. Юшков был обвинен в антисоветской агитации. Предлагая ему признать себя виновным, следователь цинично объяснил, что это необходимо, чтобы его отправить на стройки севера Сибири, так как добровольно он туда не поедет.

После многолетнего пребывания в норильском лагере и работы на предприятиях горно-металлургического комбината Леонид Павлович был расконвоирован и остался в Норильске без права выезда. Работал в технической библиотеке, где оченьгодились его знания нескольких языков для перевода специальной литературы.

Кроме технической он читал в подлинниках ред-

кие книги классиков художественной литературы Западной Европы и в беседах их цитировал.

Очень было тяжело собирать и читать материалы по реабилитации тех, чью судьбу сломала репрессивная машина государства. Определением Верховного суда СССР Леонид Павлович Юшков был реабилитирован. У него не было семьи, он уехал к племяннице в Москву уже больным, был парализован и умер в безвестности.

*Чему быть — не минуется,
Суетиться не стоит зря.
Пусть спокойно ночуется:
За закатом — заря.*

После окончания Донецкого индустриального института в 1953 году Вареня приехал в Норильск. Познакомиться нам пришлось зимой 1955-го

Гавриил Дмитриевич Вареня

по печальному поводу. В прокуратуру Норильска пришло сообщение от бывшего начальника Имангдинской геолого-разведочной экспедиции, самой отдаленной от города (более 100 км), что по вине нового начальника Гавриила Дмитриевича Варени на буровой произошел тяжелый несчастный случай, пострадал рабочий. Потом выяснилось, что бывший начальник, простой хозяйственник без специального образования,

надеялся таким образом убрать своего конкурента. Было возбуждено уголовное дело. Я, как следователь прокуратуры, выехал на место происшествия со стариком-каюром на единственно возможном в тот момент транспорте — двух оленьих упряжках.

Переночевав по пути в заброшенной балке за озером Мелким, на следующий день мы добрались до Имангды, где раскинулись несколько деревянных домиков геологоразведочной экспедиции. Дежурный, молодой рабочий, сообщил, что Вареня вместе с потерпевшими отправился в Норильск и что переночевать можно в его комнате.

Эта маленькая, как пенал, но чистая комната находилась в соседнем домике. Вся обстановка состояла из простого стола с двумя табуретками, книгами по геологии и, что меня поразило, из многих томов академического издания Пушкина в светлых, бежевых переплетках. Как же надо было любить поэзию, чтобы тащить это собрание в такую глушь!

Мой провожатый отзывался о хозяине восторженно, как о необыкновенном начальнике — строгом, требовательном, но внимательном и самоотверженном. Когда первый раз они шли санным поездом из Норильска на Имангду неразведанным путем, Гавриил Дмитриевич не отсиживался в теплой кабине с трактористом, а почти весь путь, чреватый всякими неожиданностями, шел впереди трактора на лыжах.

Все опрошенные рабочие экспедиции и буровой вышки ничего плохого в адрес своего начальника не сказали: просто он не терпел пьянства и не допускал с похмелья к работе. Несчастный случай с рабочим на старом буровом станке произошел из-за небрежности самого пострадавшего. Никакой вины нового молодого начальника экспедиции в этом не усматривалось. Вскоре в прокуратуру Норильска поступило письмо от старейших геологов НКГРЭ. В нем они характеризовали Вареню исключительно положительно — как талантливую, ответственного,

энергичного, перспективного специалиста, который весь отдавался исследовательской работе и готовил кандидатскую диссертацию со своей теорией освоения Имангдинского медно-никелевого месторождения.

После завершения расследования несчастного случая вызванному в прокуратуру хмурому, худому, обросшему бородой и буйной шевелюрой, одетому в полевую геологическую форму молодому Варене было объявлено, что уголовное дело в отношении его прекращено за отсутствием состава преступления. После этого судьба неоднократно сводила нас в течение полувека. Уже накануне своей смерти он признался, что переживал эту трагедию всю оставшуюся жизнь.

*Ничто не проходит бесследно,
Все остается с нами.
Дай Бог мне прожить бессмертно
И продлить себя семенами —
Семенами добра и света.*

Думаю, он был геологом по призванию и при встречах, как правило, ни о чем, кроме геологии, не говорил. Однажды мы летели вместе в одном самолете из Норильска в Москву. Внизу проплывали Уральские горы. Вареня заявил, что точно так же, как врач по внешнему виду больного может поставить диагноз, так и опытный геолог по очертаниям местности может заранее определить, какие здесь могут быть месторождения.

Всех преданных геологии людей Вареня самозабвенно любил и старался заботиться о них. Впрочем, с такой же силой ненавидел и не терпел всех примазавшихся к геологии корысти ради. В Норильске с декабря 1956 года он работал инженером-геологом Норильской ГРП, с апреля 1958-го до февраля 1966-го — главным геологом НГМК. Его подчиненная — молодой специалист Евдокия Язан побаивалась своего сердитого начальника, но прощала ему все строгие высказывания,

потому что они были справедливыми и он никогда никого не подставлял, за спины не прятался и никого не бросал в беде. Когда она скончалась в Киеве от рака в черныбыльском 1986 году, он учил и трудоустраивал ее сына, оставшегося и без отца.

Все, кто нуждались в защите, находили у него поддержку. Недаром с такой благодарностью вспоминает Вареню один из первооткрывателей Талнаха Юрий Кузнецов. Когда стали делить лавры, награды и почести за открытие уникального месторождения, Кузнецова пытались выбросить из списка открывателей, он остался без любимой работы. В 63 году Гавриил Дмитриевич Вареня пригласил его на должность главного геолога рудника «Маяк» (тогда он назывался «Талнах»), за что Кузнецов благодарен ему до сих пор.

Характер у Варени был крутой, прямой, он мог высказать свое мнение любому начальству, невзирая на лица. Вот почему его многие не любили и распускали о нем всяческие сплетни.

Вареня был очень принципиальным. Даже своему уважаемому, авторитетному наставнику и учителю Николаю Урванцеву он не прощал того, что тот почти не упоминал дудинского купца Сотникова, своего предшественника по геологоразведочным работам на Таймыре.

Если того требовало дело, никогда и ни с кем не шел на компромиссы. С открытием Талнаха и Октябрьского связана интересная история. На основании данных одной из скважин было сделано заключение, что место это неперспективное. По распоряжению директора комбината Владимира Ивановича Долгих здесь начали строить ТЭЦ. Один из инспекторов — Бахарев обнаружил, что на заключении нет подписи главного геолога Варени, а тот и не знал о принятии решения. Долгих пригласил Гавриила Дмитриевича и стал требовать, чтобы тот подписал заключение. Вареня не соглашался и настаивал на продолжении разведочных работ.

Как он рассказывал потом, основанием для такого упрямства были не только доклады геологов, например геофизика Салова, но и интуиция. Вареня увидел открытие во сне.

Бумагу он подписал, и вскоре скважины вскрыли богатую руду Октябрьского. Заключение о бесперспективности участка было составлено главным геологом НКГРЭ Егоровым. После Егоров пришел к Варене и сказал: «Гавриил Дмитриевич, дай мне заключение, я его съем при всех».

Бывало, что за принципиальную позицию его хотели судить, писали доносы, а заслуженных наград он так и не получил.

Несмотря на строптивость Варени, вышестоящее начальство ценило его одержимость делом и горение на работе.

В феврале 1966 года он был откомандирован в Москву. Там за него боролись три министерства. В связи с этим министр цветной металлургии Петр Фадеевич Ломако приказал своим сотрудникам сделать все, для того чтобы оставить Гавриила Дмитриевича у себя, — распорядился не пускать его на коллегии, где Вареню могли перехватить представители смежных министерств. Почти 30 лет он проработал главным геологом главка «Главникелькобальт» Министерства цветной металлургии. С 1995 года в связи с реорганизацией этой структуры стал генеральным директором ЗАО НПО «Никельмедьгео».

*Здесь, на земле благословенной,
Мне весело, свободно и печально:
Конец я вижу изначально,
И суете здесь ни к чему.
Покая нет ни сердцу, ни уму,
Пока я сгину во Вселенной.*

В течение своей жизни он был участником многих международных геологических конференций. Однажды вместе с Антониной Петровной Волковой,

бывшим директором обогатительной фабрики, ректором НВИИ, женщиной умной и волевой, знающей цену людям, мы оказались в гостях у Варени, только что вернувшегося в Норильск из путешествия по Индии. Он был в восторге от поездки. Когда мы остались вдвоем, Вареня рассказал, как в самолете с первого взгляда влюбился в стюардессу-индианку, понравился ей и взял у нее адрес. Почти каждый день во время пребывания в Дели он встречался с ней, а перед отъездом пришел с цветами и подарками к ее родителям, прося руки их дочери. Во времена КПСС это было рискованным поступком. Родители обещали подумать, а невеста — приехать в Россию.

Однако индианка не приехала. Несмотря на свою деловитость, Гавриил Дмитриевич был восторженным романтиком и мечтателем, не зря близкие друзья называли его Гаврошем — в честь героя романа Виктора Гюго. Вареня впал в отчаяние. Однажды я зашел в его «гостинку». У него была большая коллекция пластинок и магнитофонных записей, но он весь вечер ставил одну и ту же песню: «Если я заболею, к врачам обращаться не стану, обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду. Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом, в изголовье поставьте ночную звезду...»

Время лечит все раны. Через много лет он привез в Москву со своей малой родины на Украине здоровую сельскую дивчину, по-моему, ее звали Оксаной. Однако они оказались очень разными людьми, пришлось расстаться. В последнее время вместе с ним жил только сын Дима, такой же умный, как отец, и тоже романтик.

Любовь к музыке и искусству сопровождала его всю жизнь. В Москве и Киеве он познакомился и был дружен с такими знаменитыми певцами, как Гмыря, Бэла Руденко и сам Иван Козловский. В 2000 году в Норильске, на конференции, посвященной 300-летию российской геологии, экспонировалась его интересная большая фотовыставка, запечатлевшая эпоху освоения Талнаха. Много фоторабот Варени хранится в но-

рильском музее. Будучи разносторонним человеком, он интересовался и живописью. В Норильске молодой еще тогда художник, его земляк с Украины Анатолий Шульжинский неоднократно жаловался мне, что Гавриил Дмитриевич, с одной стороны, хвалит его работы, с другой — ругает за то, что он мало пишет.

Общение, увлечение искусством и наукой он сочетал с бесконечной, почти круглосуточной работой в области цветной металлургии. Во время поездок в Москву я мог встретиться с ним только на его новой работе в Доме металлургов на площади Ногина.

Он болезненно переживал распад СССР и наше разделение на разные государства, сопровождавшееся расформированием прежней геологической службы. Стал болеть, хотя всегда вел здоровый, трезвый образ жизни и еще до того, как стали издаваться труды известных ученых по проблемам здоровья, дарил друзьям самиздатовские перепечатки — книги Брегга о системе питания и оздоровлении. Себя он, однако, не уберег. Болело сердце, травмировал ногу, жаловался: врачи прописали принимать по 40 таблеток ежедневно. Он ходил на костылях и страдал, что не может выехать на речку за дачей вместе со старыми норильчанами.

Он собирался вести дальнейшую научную работу, сделать книгу воспоминаний знакомых ему норильчан и не верил, что жизнь может кончиться так неожиданно и жестоко.

...Поздно ночью 18 марта 2004 года в моей квартире раздался телефонный звонок из Москвы, и неизвестный голос сообщил: Гавриил Дмитриевич скончался 16 марта в больнице от сердечного приступа, послезавтра состоятся похороны. Мой телефон общавший нашел в телефонной книжке. Я перезвонил московским друзьям. Кто смог, успели приехать на отпевание в церквушке у той самой речки, где находится его дача. Его там же и похоронили. Некрологов в газетах не было. Светлая память...

Петр Осипович Сагоян

Петр Сагоян:

«...люди, в первую очередь партактив, продолжали жить страхами 1937 года».

Петр Осипович Сагоян. 1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти воспоминания под заголовком «1937 год в моей жизни» получили положительный и заинтересованный отзыв Всесоюзного историко-просветительного общества «Мемориал», Норильского краеведческого музея и норильчан — М.В. Нанейшвили (Косаревой), Л.А. Поды, Е.Е. Забрамной, почетного гражданина Норильска Ивана Макаровича Перфилова и др.

Свои воспоминания теперь я решил дополнить несколькими новыми главами. Как я полагаю, они дадут возможность понять ту моральную и просто человеческую атмосферу, в какой очутились реабилитированные члены партии по приезду на места, где они раньше жили и работали. В незавидном положении оказались и сами местные руководящие работники партийного и советского аппаратов. Они были в растерянности, в недоумении.

Такое положение продолжалось не один год. Это было заметно и в Шахтах, и в Павлодаре, и в Ессентуках. Лишь с началом гласности и перестройки взаимное недоверие и отчужденность отпали.

ШКОЛА ПАРТОРГАНИЗАТОРОВ ПРИ ЦК ВКП (Б)

Осенью 1936 года в Москве была создана школа парторганизаторов при ЦК ВКП (б). По замыслу там должны были готовить резерв партийных работников ЦК. Был первый набор. О том, как трудно было попасть в эту школу, говорят условия приема слушателей. Надо было иметь высшее образование, партийный стаж не менее 10 лет, минимум 5 лет партийной работы в масштабе города или звание полковника политработника в Красной Армии. Возраст — до 35 лет. Разверстки у крайкомов и обкомов партии не было. Слушателями брали только тех, кого знал аппарат ЦК

*Высшее начальное училище. Среди учеников Петр Сагоян.
Тифлис, 1915–1916 гг.*

*Слушатели Коммунистического университета трудящихся Востока.
В первом ряду первая справа — Мария Сагоян, жена П. Сагояна.
В третьем ряду третий справа — Петр Сагоян.
Москва, 1927 г.*

партии. Не случайно, что при таких условиях вместо 175 слушателей набрали всего 150.

За полтора месяца перед приемом каждый из нас был вызван в Москву, имел беседу с тогда еще малоизвестным в партии человеком, зав. отделом партийной работы ЦК ВКП (б) Маленковым. Он одновременно был утвержден ректором школы. Когда я начал рассказывать Маленкову о себе, он меня остановил и сказал: «О себе вы не рассказывайте. Мы вас лучше знаем, чем вы сами себя. Лучше скажите, что делается в Шахтах». Это не помешало Маленкову через некоторое время дать санкцию на мой арест. После собеседования все слушатели школы персонально были утверждены Оргбюро ЦК. Я был в их числе.

Занятия начались 1 октября 1936 года, но мы, слушатели, в Москву приехали на несколько дней раньше. Школа помещалась на улице Садовая-Кудринская, 9, там теперь находится Академия общественных наук. В общежитии каждый из нас имел отдельную комнату с альковом. Окна моей комнаты выходили в зоологический сад, откуда доносились голоса птиц и животных, особенно в ночное время. Словом, полная идиллия.

Система обучения была принята как в высшей школе: лекции, семинарские занятия, самостоятельная работа, зачеты. Преподавателями были подобраны высококвалифицированные специалисты. Политэкономии читали автор учебника Островитянов и сын Феликса Кона — Кон, историю партии — Поспелов. Преподавали иностранные языки. Я выбрал немецкий.

Не забыть лекцию из цикла «Общественное развитие России в шестидесятых годах XIX века». Лектор, фамилию которого я, к сожалению, забыл, свою лекцию закончил чтением знаменитого «Письма к Гоголю» Белинского. Лектор так увлекательно прочел лекцию и завоевал наше внимание и симпатии, что под конец лекции, незаметно для нас самих, мы

все встали, а потом подошли к кафедре и поздравили его с успехом.

В один из дней декабря 1936 года по приглашению ректората к нам пришел член партии с 1903 года, делегат X съезда партии и II и III конгрессов Коминтерна академик Дмитрий Захарович Мануильский. Он тогда был одним из руководителей Коминтерна. На встречу с Мануильским пришли не только слушатели школы, но и преподаватели. Лекционный зал на 200 с лишним человек был переполнен. Проходы также были заняты. Мануильский вошел в зал и быстро поднялся на трибуну. Он был выше среднего роста, крепкого телосложения, с живыми чертами лица и седеющей копной волос. Ему шел 53-й год. Многие Мануильского видели в первый раз. К счастью, я его видел и слышал раньше, будучи с гостевым билетом на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна и делегатом XVII съезда партии, где Мануильский был избран членом ЦК ВКП (б).

Когда зам. ректора школы предоставил слово Мануильскому, он сказал: «Товарищи, меня попросили сделать доклад о международном положении, но доклада я делать не буду. Я знаю, что вас больше всего интересуют события в Испании. Давайте лучше просто побеседуем. И еще. Прошу неудобных вопросов мне не задавать». Услышав это, мы все рассмеялись, а он с трибуны спустился к нам в зал. Мы тут же его окружили. Началась беседа.

Старый большевик, опытный пропагандист и агитатор, блестящий оратор, Мануильский с первых же слов сумел создать непринужденную обстановку и установил полный контакт с аудиторией. В руках никаких бумажек у него не было. Несмотря на предупреждения Мануильского, на него посыпались «неудобные вопросы», на которые с великолепным юмором, искрометным и глубоким знанием обстановки в мире, и в частности в Испании, он отвечал. Беседа продолжалась два часа. Для нас выступление Мануильского было уроком старого большевика, уме-

ющего сложные политические вопросы передавать своим слушателям простыми словами, доводить до их сердец.

С конца 1936 года из Саратова, Куйбышева и других городов слушатели школы начали получать письма с сообщениями об арестах ответственных работников. Все между собой шушукались, не понимая того, что происходит вокруг.

В первых числах декабря 1936 года принималась новая Конституция. На сессию приехал председатель Шахтинского горсовета И.А. Деревянко. На одном из заседаний сессии с гостевым билетом был и я.

Во время перерыва я увидел своего друга Бориса Бермана. Мы оба были рады встрече. Борис Берман в Коммунистическом университете трудящихся Востока преподавал историю партии и был секретарем партячейки университета, где числилось более 880 членов и кандидатов в члены партии. С третьего курса меня выбрали членом партбюро ячейки, и я стал заместителем секретаря. С того времени я подружился с ним и его женой Асей Клебановой. На сессию Борис Берман приехал из Ижевска, где работал первым секретарем Удмуртского обкома партии. Борис Берман член партии с 1917 года, а его жена с 1918-го. Оба были участниками Гражданской войны. В одном из боев с колчаковцами Клебанова была ранена. Младший брат Бориса Лев Берман учился со мной в КУТВ. В оформлении Льва Бермана из комсомола в партию, а потом из кандидатов в члены партии в Краснопресненском райкоме партии от имени ячейки принимал участие я.

После окончания университета Л. Берман работал в Баку, а позже стал вторым секретарем Магнитогорского горкома партии. Первым секретарем был один из организаторов подпольного комсомола Грузии — Хитаров.

В 1937 году Борис Берман, его жена Клебанова и младший брат Лев Берман стали жертвами Сталина. Погиб и Хитаров.

К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в 1987 году в передаче по телевидению под названием «Печальный 1924 год» на экране я увидел Бориса Бермана, стоящего в почетном карауле у гроба Владимира Ильича Ленина в Колонном зале. На лице Бориса Бермана были глубокая скорбь и печаль. Так, через 52 года, я вновь увидел своего учителя и друга Бориса Бермана.

Во время сессии от ростовских работников я узнал, что по дороге в Москву на сессию был арестован член партии с 1917 года председатель Ростовского горсовета Овчинников. Кто-то пустил провокацию, что он бывший монах.

В канун нового, 1937 года в школе состоялся торжественный вечер. На него приехал ректор школы Маленков и произнес короткую речь. На встречу Нового года я пригласил нашу знакомую, члена партии с 1919 года Авету Сталболцан. После новогоднего вечера я проводил ее домой, на Плющиху. Всю ночь

*«Синяя блуза» Ахалкалакского уезда комитета комсомола Грузии.
В середине со свистком сидит секретарь укома комсомола
Петр Сагоян. 1922–1923 гг.*

на 1 января 1937 года в Москве работал транспорт. На улицах всюду горели электрические светильники, гулял народ, слышны были веселые песни. Мы с Аветой шли по запорошенным снегом улицам безмятежно и в приподнятом настроении. Мы тогда не подозревали, что через короткое время будет арестован и расстрелян ее муж, член партии с 1915 года, начальник политотдела Красноярской железной дороги Геворг Петросян. В 1926 году Коминтерном он был отправлен в Китай на подпольную работу в помощь китайским коммунистам. Не знали мы, что скоро арестуют и меня, что мы с ней увидимся в Москве лишь через 18 лет, в августе 1954 года, а потом несколько раз у нас в Эссентуках, куда она приезжала лечиться.

АРЕСТ. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В конце января 1937 года меня вызвали в ЦК партии и предложили на 5 дней поехать в Ростов-на-Дону: надо было дать объяснения крайкому партии по поводу того, что якобы я, второй секретарь Шахтинского горкома партии, в свое время выдавал партийные билеты троцкистам.

Для ясности приведу маленькую справку. Население г. Шахты в то время составляло 100 тысяч человек, а с шахтерскими поселками — 250 тысяч. В поле нашей деятельности входили 34 шахты, некоторые из них (шахта «Углерод» и шахта им. Чичерина) находились в районе железнодорожной станции Лихая, то есть в 150 км от города. В составе населения было 80 тысяч рабочих, в рядах Шахтинской парторганизации состояло 6 тысяч коммунистов, из них 90 процентов рабочих.

Я хорошо знал Шахтинскую парторганизацию, ее актив, знал все шахты района с их подземными выработками и легко в них ориентировался. В 1934 году я стал зам. председателя общегородской комиссии по чистке партии. В 1936 году во время обмена партби-

летов из 6 тысяч коммунистов я вручил партбилеты только 4 тысячам, а 2 тысячам вручил Любарский — первый секретарь.

Мотив выдачи партбилетов троцкистам отпадал уже по одному тому, что в Шахтинской парторганизации ни одного такого члена не было, если не считать первого секретаря горкома партии Любарского, который, учась в Свердловском университете в 1923 году, голосовал за позицию Троцкого. Однако Любарский скоро от этой линии отошел и впоследствии был на ответственной работе. Все это позволяло мне оставаться относительно спокойным, хотя меня не могли не волновать слухи о том, что в Ростове арестованы секретари крайкома партии, а секретарь горкома партии Н.Г. Колотилин застрелился. Тогда я никак не мог понять, почему Колотилин застрелился, если он ни в чем не виноват.

Теперь такое рассуждение кажется мне наивным, но тогда... Николая Гавриловича Колотилина я знал с 1926 года. Он был секретарем Бежицкого укома партии, а я инструктором культпропа Брянского губкома партии. Колотилин, рабочий-котельщик, в 1919 году, в возрасте 17 лет, вступил в партию, затем учился в Свердловске, был секретарем ячейки университета. В Шахтах он работал первым секретарем горкома партии, а потом его перевели в Ростов.

...В Ростове я несколько дней очень нервничал, а потом дал телеграмму в ЦК партии Маленкову, что срок 5 дней, данный мне, прошел. В тот же день, 3 февраля 1937 года, я зашел к зав. отделом крайкома Лазарю Шацкину, бывшему первому секретарю ЦК комсомола, который на III съезде комсомола для выступления давал слово В.И. Ленину и которого я знал по Брянску, где он работал зав. культотделом губсовпрофа. Я его спросил: «Когда же будет разобрано мое заявление?» На это Л. Шацкин ответил: «Мы же не органы НКВД». Вид Шацкина был бледный. Когда он разговаривал со мной, то был смущен и в лицо мне не смотрел. Бедный Шацкин! Мог ли он представить, что

скоро сам будет арестован органами НКВД. На имя Сталина он написал заявление, где подробно рассказал, каким изуверским пыткам подвергали его во время следствия (см. журнал «Известия» ЦК КПСС, № 8 за 1989 г., с. 87). Трудно читать заявление Шацкого без содрогания. Оно не помогло — его расстреляли.

Я уже почувствовал за собой слежку и считал, что мои дни на свободе сочтены. Когда я вышел из кабинета Шацкого, сзади ко мне подошли двое здоровых дядей и попытались схватить меня за плечи и за руки. Я со всей злостью сказал им: «Вы меня не трогайте, я сам пойду». Они опешили, но отошли от меня. Втроем мы спустились с третьего этажа, вышли из здания, сели в машину, которая нас ожидала, и приехали в управление НКВД на улице Энгельса.

Так, без предъявления ордера, с партбилетом, билетом члена Азово-Черноморского крайкома партии, с удостоверением слушателя Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б), в помещении крайкома партии я оказался арестованным. И это в то время, когда еще не успели высохнуть чернила на Конституции СССР, принятой 7 декабря 1936 года, где говорилось красивые слова о свободе личности.

Меня продержали три дня в комнате при коммандатуре НКВД, потом перевели в общую камеру. Следователь, насколько я понял, не кадровый работник органов, в довольно-таки вежливой форме пытался добиться от меня какого-то признания. Когда из этого ничего не вышло, дело было передано кадровому следователю, который не захотел называть своей фамилии. Я его прекрасно понимал — ведь следователи сами боялись. Не раз бывало, когда следователь сегодня допрашивал подсудимого, а через день сам был арестован. Новый следователь рьяно взялся за дело и пытался заставить меня признаться в том, что я троцкист и что вместе с другими троцкистами готовил взрыв шахт, пожары и т.д.

Окольными путями я все же узнал фамилию следователя. Это был Алексеев. Во время очередного до-

проса он пригрозил: «Вот я вам устрою очную ставку и разоблачу...» Действительно, через несколько дней меня ввели в комнату, где, понутив голову, за столом сидел Любарский. Меня посадили в стороне. Алексеев прочел признание Любарского, где буквально были следующие слова: «Как-то ко мне зашел Сагоян и сказал, что он тоже троцкист». На мой вопрос: «Когда это было?» — Любарский не ответил. Его выручил следователь. «Он не помнит», — сказал Алексеев. На этом очная ставка была закончена. Как говорится, комментарии тут излишни.

Однако на этом следователь не остановился. Ему казалось, что он вынул еще одну козырную карту. Один раз во время допроса следователь сказал со злорадством: «Вот на вас показание дает Деревянко» — и замахал какой-то бумажкой. На это я ему ответил, что даже если такое скажет при мне Деревянко, и то я этому не поверю. Я был абсолютно убежден, что следователь хотел меня спровоцировать. Ивана Аксентьевича Деревянко я знал многие годы. Это был кристально честный человек, член партии с 1918 года, делегат XV съезда партии, участник Гражданской войны, человек-легенда. Он два раза попадал в лапы к белогвардейцам. Первый раз пьяные казаки его не дорасстреляли, и в тяжелом состоянии его подобрала и выходила шахтерская семья, а второй раз выручил партизанский отряд красных. Все это для здоровья Деревянко не прошло даром. Он заболел эпилепсией.

После изгнания белых из Донбасса Деревянко был секретарем Должанского ревкома, потом секретарем партийной ячейки шахты «Артем».

У меня есть групповая фотография 1921 года, где Иван Аксентьевич заснят с вооруженными шахтерами, охраняющими шахту. Позже Деревянко стал заведующим этой, в то время самой крупной, шахтой нашей страны, где числилось 4 тысячи человек. Под его руководством шахта «Артем» в 1933–1934 годах во Всесоюзном социалистическом соревновании завоевала переходящее Красное знамя бакинских

нефтяников и переходящее знамя газеты «Правда». В 1935 году И.А. Деревянко избрали председателем горисполкома г. Шахты. На этом посту его и арестовали. То, чего не удалось белогвардейцам, завершил культ личности Сталина. 7 августа 1937 года Деревянко был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

На шахте «Артем» свято хранят память о нем. В фойе клуба шахты на видном месте висит большой портрет И.А. Деревянко. Династия его продолжается. Во время Великой Отечественной войны, когда немцы добрались до Донбасса, сын Ивана Аксентьевича Владелен учился в горноремесленном училище. Решено было училище эвакуировать. В это время через Должанку проходила артиллерийская часть Красной Армии. Владелен Деревянко, в возрасте 15 лет, не по летам взрослый и крепкий, присоединился к этой воинской части и прошел всю войну до Победы. Характерно, что Владелен все эти годы в кармане носил фотографию своего отца. Владелен Деревянко вернулся с войны со многими орденами и медалями, учился, работал. Он сейчас на пенсии, живет в г. Павлово Горьковской области. Сын Владелена Александр Деревянко окончил среднюю школу с золотой медалью, потом технический институт в Москве, защитил кандидатскую диссертацию, а теперь работает над докторской. Он преподает в том же институте, где недавно учился сам.

В камере НКВД я провел 4 месяца. Со мной сидели редактор ростовской газеты на армянском языке и еще три человека. Фамилии этих товарищей я не помню и потому обозначаю их кличками.

«Редактор» среди нас был самым старшим, ему шел пятидесятый год. Он родился в Египте, в Каире получил высшее образование, там же стал коммунистом и работал в подполье. В 1919 году английские власти, которые в те времена хозяйничали в Египте, арестовали «редактора» и три года держали в «яме». В 1922 году Советское правительство добилося обмена

англичан, попавших в плен в Гражданскую войну на севере нашей страны, на русских дипломатов, солдат и коммунистов иностранных партий. Так в порядке обмена «редактор» оказался в нашей стране. Здесь он работал, пока не попал в тюрьму как «враг народа».

«Венгр» был солдатом австро-венгерской армии и во время Первой мировой войны попал к нам в плен. В период Гражданской войны он вступил в Красную Армию и в ее рядах воевал до полной победы советской власти. «Венгр» прекрасно играл в шахматы. Мы их сделали из хлеба и спрятали.

«Француз» был членом Французской компартии и подданным Франции. Он оказался среди нас единственным человеком, которому разрешалось получать продуктовые передачи и литературу. Один раз ему прислали богато иллюстрированную французскую энциклопедию.

В камере сидели инженер из Ростсельмаша и студент 1-го курса Ростовского университета. Студенту было лет 18–19. Видимо, этого юношу так запутали следователи, что он наговорил на других, и, стыдясь своего поведения, однажды в туалете со всего размаха ударился головой об стенку. К счастью, он остался жив. Я старался морально поддерживать этого молодого человека чем мог.

19 июня 1937 года в помещении красного уголка Управления Ростовского НКВД состоялась сессия военной коллегии Верховного суда СССР. Суд над мной продолжался 20 минут. Как потом я узнал, у других эта процедура продолжалась не более 5 минут. Ответив на два-три вопроса, в последнем слове я сказал: «Я партийный работник. Партия меня научила говорить правду, и, если я буду знать, что через минуту в этом здании прольется моя кровь, другого вам ничего не скажу. Я невиновен». К этому добавил: «Лес рубят — щепки летят». Не знал я тогда, что под корень рубят человеческий лес. Может быть, мои слова произвели какое-то впечатление, потому что, пока я говорил, к сцене подходили люди в форме НКВД

и слушали мою речь. Затем меня отвели вниз и посадили в одиночку, где держали до позднего вечера. Видимо, вахтер подвальных камер хорошо знал, что это — камера смертников, поэтому он время от времени подходил к окошечку и с тревогой спрашивал: «Вам еще не объявили приговор?»

Потолок моей камеры был вровень с тротуаром на улице Энгельса. В этот день пионеров Ростова отправляли в пионерские лагеря, и мне хорошо были слышны голоса детей, поющих песни, и звуки духовых оркестров.

Вот контраст жизни: в подвале, в камере, — горе, а наверху — радость! Как тут не вспомнить сцену из пьесы Шекспира «Гамлет», когда могильщики, копая могилу, обмениваются шутками...

Суд проходил в 9 часов утра, а вызвали меня наверх и объявили о решении суда часов в 10 вечера. Всех обвиняемых после суда сейчас же отправляли в общую камеру. В этот день я был единственным, кого посадили в камеру смертников. Вдруг послышался щелк ключа в моей камере, и двое работников НКВД предложили мне выйти и последовать за ними.

Мы поднялись наверх и зашли в тот красный угол, где заседал суд. Охранники встали по обе стороны от меня, и, уже не помню, то ли председатель, то ли секретарь суда начал читать приговор. Честно говоря, когда читали приговор, все мои мысли и слух были направлены на то, чтобы уловить, есть ли там слово «расстрел». К счастью, этого слова там не было. Все остальное я пропустил мимо ушей, в том числе срок заключения.

Когда после суда меня ввели в общую камеру, то первый вопрос находящихся там 60–70 заключенных был: «Сколько лет вам дали?» Я им ответил: «Восемь лет». Откуда у меня появилась такая цифра — до сих пор не помню. Однако никто этому не поверил. Все в один голос сказали: «Этого не может быть!» Все они без исключения имели по 10 лет. Лишь потом я узнал, что осужден по ст. 58.10.11 на 10 лет тюремного за-

ключения с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Благо, конфисковать у нас было нечего: в те времена партийные работники получали мизерную зарплату.

Нередко можно услышать или прочесть, что такой-то человек не боялся смерти. Я этому никогда не верил и не верю. Можно себя перебороть и мобилизовать свою волю, но не бояться смерти человек не может. Находясь в камере смертников, я все время думал о смерти и о том, сумею ли достойно ее встретить. К счастью, до этого не дошло.

Для суда и главного прокурора страны Вышинского, бывшего меньшевика и начальника одного из районных отделений милиции Москвы при Временном правительстве Керенского, летом 1917 года отдавшего приказ «Найти и арестовать В.И. Ленина», было ясно: дело создано, всякие бумаги там есть, признание одного лица имеется, жертва в моем лице тоже есть. Таких дел — тысячи и тысячи, надо торопиться и находить новых и новых «врагов народа»... Как не возмущаться тем, что урна с прахом человека, давшего санкцию на арест и гибель тысяч людей, находится сейчас в стене святого места нашей страны — Кремля.

Ни на кого я показаний не давал. Через 17 лет, при восстановлении в партии, в ЦК КПСС за это мне скажут: «Спасибо, что ни себя, ни других не подвели». Здесь же в ЦК меня познакомили с некоторыми материалами следствия. Из них я узнал, что один из двух, давших на меня показания, никогда меня в глаза не видел и не знал, кто я такой. Оказывается, протокол о моем исключении из партии тоже был сфабрикован. Меня никто из партии не исключал. В момент моего ареста я состоял на партийном учете в Советском райкоме партии Москвы и никакого отношения к Шахтам, а также к Ростову не имел.

Мне в жизни три раза везло по-крупному. Подроском я тонул, купаясь в бурной реке Куре в Тиф-

лисе, — меня спасли. Во время подземного пожара на шахте «Артем» летом 1935 года меня в бессознательном состоянии случайно нашли в шахтной вагонетке и вернули к жизни. «Повезло» и в том, что меня арестовали в самом начале массовых репрессий в стране (я был арестован 3 февраля 1937 года). Тогда в органах НКВД, по крайней мере в Ростове, насколько мне известно, и в других местах пока довольствовались фабрикацией протоколов, изысканием лжесвидетелей и т.д. Физических и других изуверских методов к арестованным еще не применяли.

Однако уже со второй половины 1937 года положение резко изменилось. Инициатором избиений арестованных был сам Сталин. Когда ему доложили итоговые данные по стране, которые свидетельствовали, что арестованные как «враги народа» в подавляющем большинстве виновными себя не признают, тогда он дал указание любыми средствами из арестованных выбивать показания. Об этом я узнал во Владимирской тюрьме. Там в одной камере со мной сидели люди, которые после неоднократных избиений не могли стоять на ногах и, будучи в полном изнеможении, лежа на полу, подписывали готовые списки на десятки и десятки людей. Вот, например, бывший исполняющий обязанности первого секретаря Северо-Кавказского крайкома партии В.И. Рябоконт дал показания, что во вредительской работе его сообщниками были 102 человека (см. газету «Кавказская здравница» от 10 марта 1988 года, статью «Взгляд историка» доктора исторических наук, профессора Л. Смеркалова).

Владимир Иванович Рябоконт в Ростове был зав. партийным отделом крайкома партии. Он часто приезжал на шахту «Артем» и мне как парторгу ЦК ВКП (б) давал дельные советы. Помню приезд В.И. Рябоконта на шахту «Артем» в мае 1933 года. Я только что поднялся из шахты и, помывшись и переодевшись, зашел к себе в партком. Вдруг двери открываются, и заходит Рябоконт. Он с ходу спрашивает: «Что у вас делается в поселке? Раньше, заезжая

в поселок, мы прямо через пустыри подъезжали к вам, а теперь появились скверы, тротуары, и мы еле-еле нашли дорогу к вам». В ответ я ему рассказал, что партийная организация и администрация шахты решили переделать территорию поселка, и в течение двух недель шахтеры и их семьи огородили пустырь и улицы штакетником, завезли шлак и построили дороги и тротуары. Я ему рассказал, что теперь шахтеры идут на работу, не меся грязь, и при этом показал план будущих работ в поселке. Внимательно выслушав меня, Владимир Иванович с добродушным укором сказал: «Какой вы партработник? Люди делают на копейку, а продают на рубль, а вы делаете на рубль и не можете продать на копейку».

Через три дня в краевой газете «Молот» было напечатано постановление Азово-Черноморского крайкома партии: всем организациям края предлагалось перенять опыт парткома и администрации шахты «Артем» в благоустройстве поселков и в создании элементарных социальных условий для трудящихся.

В.И. Рябоконт был честным коммунистом и хорошим партийным работником, и вот до чего довели человека...

Слухи, ходившие по Владимирской тюрьме, теперь подтверждены документами, опубликованными в газете «Правда» (1988. 7 окт., № 281). Здесь напечатана беседа двух корреспондентов газеты с профессорами В.Т. Масловым и Н.Ф. Чистяковым под заглавием «Страницы истории». На вопрос корреспондентов о легенде, что Сталин якобы не знал о чинимых в застенках Ягоды, Ежова и Берии пытках и других преступных методах следствия и фальсификации уголовных дел, профессора ответили: «Для такой легенды нет оснований. Знал, и не только знал. В 1937 году он от имени ЦК ВКП (б) дал органам НКВД указания применять физические меры к арестованным. Два года спустя, в январе 1939 года, Сталин от имени ЦК в телеграмме ЦК союзных республик, обкомам, крайкомам, наркомам внутренних

дел и начальникам управлений внутренних дел еще раз потребовал обязательного применения таких мер и впредь».

ТЮРЬМЫ

После суда из ДПЗ меня перевели в Ростовскую тюрьму. Здесь, в камере размером 8 квадратных метров, содержали 11 человек. Днем места для сидения на полу каждому из нас хватало, а ночью ложились спать валетом. Передач и прогулок — никаких, туалет — параша. Наши семьи не знали, что мы находимся в Ростовской тюрьме.

Осенью 1937 года из Ростовской тюрьмы нас повезли на железнодорожный вокзал и посадили в «столыпинские» вагоны. Теоретическое знание о них по истории царизма стало для меня предметным уроком в советское время: я тоже ехал в железной клетке.

Через два-три дня нас привезли во Владимирский централ. В царское время там сидели М. Фрунзе и другие старые большевики. Многие из них уже в наше время оказались в тех же камерах, что и до революции. Теперь к ним прибавились большевики нашего поколения.

Первый год во Владимирской тюрьме я провел в полуподвальной, темной и сырой камере. Хуже всего было зимой. Когда открывали форточку, то мерзли от холода, когда же ее закрывали, то от испарения и сырости, от пара нечем было дышать.

Через своих братьев, живущих в Тбилиси, я нашел свою семью. Жена с пятилетним сыном из г. Шахты переехала в Ворошиловград, а с началом войны эвакуировалась в Ташкент. В Шахтах мою семью выселили из государственной квартиры, «бдительные» работники горкома партии забрали мою личную библиотеку. Во время обыска забрали Почетную грамоту ЦИК СССР за успешное восстановление угольной промышленности Донбасса, которую в Кремле мне вручил М.И. Калинин, и приветственное письмо (открытка

женам шахтеров, написанная лично Н.К. Крупской на мое имя как парторгу ЦК ВКП (б)). К сожалению, обе реликвии навсегда пропали.

Через год из сырой камеры Владимирской тюрьмы меня перевели в камеру на втором этаже. Здесь было сухо и светло, но зато с 7 часов до 22 висячие железные кровати закрывались на замок. Под угрозой карцера запрещалось наклоняться и опираться на стол или ходить по камере. К вечеру от непрерывного сидения на табуретке спина болела до невозможности. Целый день сидеть без движения было настоящей пыткой.

Раз в неделю или в две недели один раз, точно не помню, бывал ларек, и через надзирателя можно было купить кое-что из продуктов. Первое время жена и братья мне высылали немного денег. Однако, не желая их стеснять, я от их помощи отказался. Переписка с родными была разрешена. Прочитав письма, надо было их сейчас же вернуть надзирателю. Мои письма к жене не сохранились. В них я описывал свою жизнь, будто я был не в тюрьме, а в санатории. Хоть этим нехитрым обманом в какой-то степени успокаивал своих близких.

Во Владимирской тюрьме со мной сидел Седакин — секретарь одного из райкомов партии Ростовской области. Он хорошо знал Шолохова и очень много рассказывал о нем как о душевном человеке. Седакин откуда-то узнал, что Шолохов был у Сталина и взял у него охранную грамоту. И когда пришли арестовывать Шолохова, он им показал эту бумажку и тем самым избежал репрессий. Теперь из газет и журналов известны и другие версии, как избежал ареста великий советский писатель.

Среди остальных соседей по камере были работники Ленинградского райкома партии. Алексей Дубров работал заместителем председателя Таганрогского горсовета. Это был выдвигенец из рабочих на ответственную выборную работу. Котельщик по профессии, он имел всего лишь начальное четырехклас-

сное образование. Дубров очень любил математику и по школьному учебнику в камере все время пытался решать головоломные арифметические задачи.

Он, не скрывая возмущения, говорил о Сталине. Мы с ним дружили, и я, сколько мог, убеждал его держать свое мнение при себе. Для нас не было секретом, что сидящий с нами человек за всеми шпионил и все наши разговоры передавал куда следует. Дубров говорил, что при его аресте жена сказала, что в случае его гибели повесится. Сложилось так, что после Владимирской тюрьмы мы все время были вместе и в августе 1939 года оказались в норильском лагере № 2.

В 1940 году я стал работать на промплощадке и меня перевели в лагерь № 5. Несмотря на это, иногда издали приходилось видеться с Дубровым или передавать ему весточку через других заключенных. Потом он исчез. Прошло несколько месяцев, и о нем ничего не удалось узнать. Но однажды через колючую проволоку мимикой мне дали понять, что Дубров расстрелян.

После реабилитации в 1954 году мы с женой поехали в Таганрог повидаться со старыми друзьями. Здесь я узнал, что жена Дуброва, получив известие о муже, повесилась.

Во Владимирской тюрьме в камере со мной сидел немецкий разведчик. Насколько можно было понять, он был кадровым офицером и с Первой мировой войны находился в нашей стране. За шпионаж против СССР он был приговорен к расстрелу, однако был помилован Верховным Советом СССР, хотя никакого ходатайства о помиловании не подавал. Не приходилось сомневаться, что за ним стояло целое государство — Германия, а кто стоял за нами?.. Денег у этого агента водилось много, и в день прибытия ларька он покупал много продуктов, и особенно колбасы. Едой он ни с кем не делился и почти ни с кем не разговаривал, хотя русским языком владел.

Однажды, когда нас из полуподвальной камеры вывели в коридор, чтобы направить в туалет, близ глухой стены на полу мы увидели ничем не прикрытого мертвеца. Его худое лицо и рыжеватые волосы мне видятся до сих пор. В длинный коридор выходили десять больших камер, где содержалось 130–150 заключенных. Все видели эту трагическую картину. На всех она произвела удручающее впечатление. До какого омерзения должны были прийти надзиратели и их высокое начальство, если не нашли нужным прикрыть мертвеца хотя бы какой-либо тряпкой.

Иногда минут на 10 нас выводили из тюрьмы на прогулку, но категорически запрещали поднимать голову и смотреть на небо. Недалеко от нашего корпуса строители возводили из красного кирпича многоэтажный тюремный корпус. Как и положено, на окнах были железные решетки и козырьки над ними. На стене этого строящегося здания во всю ширину был прикреплен красный транспарант «Строители! В социалистическом соревновании победим! Новый корпус сдадим досрочно!». Во время прогулок по тюремному двору мы читали это обращение и краснели за нашу партию и советскую власть, которые позволили палачу и деспоту именем социализма строить новые тюрьмы.

При царизме казематы возводили для революционеров, теперь же тюрьмы строили, чтобы томить тех, кто совершил революцию, и тех, кто продолжил их дело.

Во Владимирской тюрьме разрешали читать, по списку из библиотеки можно было выписать книги. Я воспользовался этим и в какой-то степени восполнил свои пробелы в литературе. Некоторые книги не просто читал, а изучал. Например, чтобы знать и разобраться во всех богах, упоминаемых на страницах «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, я в отдельные тетради записал почти всю мифологию Древней Греции. Много книг прочел и по русской литературе, и как

тут не вспомнить русскую пословицу «Не было бы счастья, да несчастье помогло»?!

К нам из одиночной камеры перевели одного из бывших начальников политотдела сельского хозяйства. За время полугодового одиночества он так истосковался по общению с людьми, что почти две недели непрерывно говорил. К сожалению, его фамилию я забыл. Этот товарищ с дореволюционным партийным стажем в старое время окончил учительскую семинарию и после Гражданской войны преподавал русскую литературу. Под его руководством я и еще один товарищ по камере написали немало диктантов из «Войны и мира» Толстого, «Мертвых душ» Гоголя и т.д.

ОРЛОВСКИЙ ЦЕНТРАЛ. ЭТАП В КРАСНОЯРСК

В мае 1939 года нас вывели из Владимирской тюрьмы, посадили в грузовики с вооруженной охраной и собаками-овчарками, повезли на товарную станцию и по железной дороге снова в знакомых «столыпинских» вагонах повезли в Орел и посадили в Орловский централ.

Главный корпус тюрьмы, как ни странно, был похож на пассаж. Эта тюрьма была гордостью царизма: была построена по последнему слову тюремной техники. В одной из камер там в 1914 году сидел Ф.Э. Дзержинский. Однако недолго нам пришлось пользоваться «образцовой тюрьмой». Через месяц открыли все тюремные камеры, нас выпустили во двор тюрьмы и предложили одеться.

Среди своих вещей я не нашел карманных часов фирмы «Ланжерон», да и до часов ли тогда было! Снова этап. Вот и Московская железная дорога. А теперь то, что я опишу, даже через 50 лет кажется выдумкой.

В вагоне среди нас был член партии с 1919 года, бывший директор одного из крупных заводов цветной металлургии Урала Рувим Моисеевич Кац. Пока нас везли по Московской железной дороге, Рувим Мои-

сеевич не отходил от окна вагона. Поезд остановился на станции Перово. Он прилип к окну, и мы увидели следующую сцену: прямо напротив нашего вагона за полотном железной дороги стоит старушка и держит за руку мальчика лет десяти. Рувим Моисеевич в сильном волнении воскликнул: «Это мама с моим сыном!» Пока поезд стоял, мать и сын разговаривали с помощью жестов. Как им удалось узнать, что из Орла будет отправляться эшелон с арестантами, где будет формироваться эшелон, когда будет отправлен поезд, когда прибудет на станцию Перово и точное место остановки нашего вагона, — до сих пор для меня остается загадкой. Однако одно ясно: нашлись добрые люди, которые родным Каца в этом деле помогли. Забегая вперед, скажу, что в Норильске Рувим Моисеевич работал главным бухгалтером горного управления.

Еще в Орле по тюремному «телеграфу» мы узнали, что нас везут в Норильск и Дудинку. Слово «Норильск» нам ни о чем не говорило, а о Дудинке кое-что мы знали из печати, которая в те годы много рассказывала о Северном морском пути.

От Орла до Красноярска нас везли 10–12 дней, а там посадили на баржу, и по могучему Енисею мы поплыли 2000 км на север, в Заполярье. Удивить нас тяжелыми условиями жизни было трудно, но то, как нас везли в Дудинку, и сейчас вызывает содрогание. Баржа не была переоборудована хотя бы во временную тюрьму. Не было никаких окон, в трюме были сделаны сплошные нары в три этажа. Полная темнота, если не считать где-то далеко мерцающей лампы «летучая мышь». В трюм, где в лучшем случае можно было разместить 300–350 человек, напихали 800 арестантов. Можно было лежать или сидеть на нарах, спускаться вниз, а подниматься на палубу строжайше запрещалось. Семнадцать дней мы плыли по Енисею, но не видели не только реки, но и кусочка неба. Тяжелый воздух и смрад от параш — вот чем мы дышали. Все

это сказалось на людях, измученных тюрьмами, длинными железнодорожными перегонами.

Когда в Дудинке баржа причалила к берегу и по длинному шаткому трапу заключенные начали сходить на берег, многие стоять на ногах и идти не могли. Мы их поддерживали, хотя сами качались, как тростинки. Сколько из них в Дудинке нашли могилу, может знать разве что вечная мерзлота Заполярья.

Для тех, кто выдержал нечеловеческие испытания и первый год адаптации на Крайнем Севере, Норильск был спасением. Как самозабвенно трудились безвинно осужденные люди! Они сами себе при жизни построили прекрасный памятник — город Норильск! Чем объяснить такое парадоксальное явление? Казалось бы, эти люди должны быть озлобленными против партии и советской власти. Видимо, такие могли быть, но я их не встречал. Объяснить этот парадокс очень просто: среди заключенных было огромное количество членов партии, которые в любых условиях душой оставались коммунистами-ленинцами. Они вели за собой беспартийную массу. Тюремные условия их не сломили. Они были борцами партии, созданной великим Лениным. К чести беспартийных, надо сказать, что и они оставались советскими людьми, всей душой преданными своей Родине.

НОРИЛЬСК. ЛАГЕРЬ № 2. ВОЙНА

В конце июля 1939 года я оказался в норильском лагере № 2 и попал в строительную бригаду. В том же лагере в ноябре 1940 года мне удалось попасть в сапожно-портняжную мастерскую. Мы чинили кожаную обувь и валенки, а когда портные не успевали чинить рабочую одежду и рукавицы, тогда мы, сапожники, включались в портняжное дело, и уже к утру бригады получали отремонтированную спецовку. Моя работа по старому юношескому ремеслу продолжалась месяца полтора. Потом оказалось, что на такую «привилегированную» работу имели право только уголовники и бытовики.

Я лично не особенно этим огорчился, так как тяжелого труда и мороза не боялся, и все время мечтал попасть на промышленную площадку, где строились основные заводы, цехи и мастерские Норильска. Не надо обладать особым умом, чтобы понять — дорога на волю будет короче через промплощадку. Выросший в многодетной семье, в плохих материальных условиях, я был воспитан в спартанском духе. Да, в конце концов, я был не лучше тех, которые сидели по ст. 58-8 и которым была предназначена самая черная и тяжелая работа.

Теперь, по истечении полувека, стало известно, что и жена М.И. Калинина, будучи в заключении в 1938–1945 годах, в лагере работала в бане и через стекло давила гнид (см. статью писателя Л. Разгона «Жена президента» в журнале «Огонек» за 1988 год, № 13, с. 28).

На территории лагеря № 2, недалеко от сапожно-портняжной мастерской, стояло несколько бараков, где помещалась больничная часть всего норильского лагеря, в том числе и морг. Вечером, часов в 9–10, когда заключенные уже спали и во дворе никого не было, к баракам подъезжали несколько больших саней, запряженных лошадьми, на которые, как поленья, грузили мертвые тела заключенных, сверху их накрывали брезентом и увозили. Я не раз был свидетелем этих страшных сцен. Возчики говорили, что трупы бросали в общую яму. Спустя немало времени, когда я уже не работал в мастерской, узнал, что покойников начали хоронить в гробах. Видимо, нашелся смельчак, который послал жалобу в Москву.

Мой товарищ по несчастью Рувим Моисеевич Кац, который какое-то время лежал в больнице, рассказывал, что многих больных унесла в могилу дизентерия. Он сам чудом спасся от этой опасной болезни.

...14 июня 1941 года, за неделю до начала войны, было Сообщение ТАСС, в котором говорилось, что в западной печати распространяются слухи, будто Германия передвигает к границам СССР огромное количество войск. ТАСС считал эти слухи ложными, а передвижение войск объяснял обычным явлением для немецкой армии. Услышав это сообщение, в лагере все без исключения заключенные поняли, что скоро начнется война. Хорошо помню слова бывшего начальника подземного участка шахты «Нежданная» г. Шахты Жидкова: «Пусть ТАСС сообщает что угодно, а война будет». Так оно и произошло.

Ни у кого из нас не было сомнения в том, что немцам СССР не победить, даже тогда, когда фашистские полчища были уже под Москвой, даже в то критическое время эта уверенность у нас не была поколеблена.

В первые же дни войны многие из заключенных подали заявления о добровольном направлении на фронт. В их числе был и я. Но всем, имеющим ст. 58, было отказано. Однако заключенные не оставались сторонними наблюдателями, а добросовестно работали и тем самым вносили свой трудовой вклад в победу над коварным врагом. Помню, как зимой 1941 года, когда шла реконструкция малого металлургического завода (ММЗ), наша бригада строителей в течение трех суток работала день и ночь, оставляя на сон самое минимальное время, если это вообще можно назвать сном. Еду нам привозили прямо на площадку, и, едва успев поесть у действующего ватержакета, мы буквально сразу же брались за работу.

МЫТАРСТВА СЕМЬИ

Говоря о печальных событиях 1937 года, считаю крайне необходимым коснуться трагедий, которые пережили наши семьи, жены. Они оказались разделенными на две группы: на тех, кто как жены «врага народа» были репрессированы, и на тех, кто не сиде-

ли, но жили на свободе как изгои общества. Впервые я узнал о том, что арестовывают жен, в Ростовской тюрьме в июле 1937 года. Однажды утром мы рано проснулись от шума женских голосов и уже через пару часов от уголовников, которые разносили по камерам утренний чай и хлеб, узнали, что две большие камеры до отказа заполнены женами арестованных. Каждый из нас конечно же подумал о своей жене, но что мы могли узнать?

Тягостная неизвестность о семье продолжалась до 1938 года, когда из Владимирской тюрьмы я написал письмо братьям в Тбилиси, от них я узнал, что моя семья живет в Ворошиловграде. После моего ареста мою жену Марию Яковлевну Сагоян, члена КПСС с 1927 года, вызвали в Шахтинский горком партии и потребовали отказаться от мужа как от «врага народа». Мария от этого категорически отказалась, и ее исключили из партии.

К сожалению, некоторые из жен, я их знал по фамильно, поддались провокационным слухам и лживым сообщениям из газет об антисоветской и антипартийной деятельности мужей и от них официально отреклись. Их осуждать не приходится. Может быть, этим самым они пытались спасти себя, детей и близких. Во всяком случае, в такую трудную минуту моя жена осталась верной подругой и поступила как принципиальный человек. И на второй день ее с 4-летним сыном выселили из государственной квартиры. Оказавшись без угла, промаявшись по чужим квартирам, она через два месяца переехала в Ворошиловград, куда ее пригласила Валентина Карповна Непомнящая, коренная жительница Луганска. Ее муж, талантливый инженер и прекрасный организатор, горняк, Абрам Моисеевич Непомнящий был управляющим комбинатом «Шахтантрацит». Он был арестован и погиб, став еще одной жертвой культа личности. Их сын Юра в возрасте 17–18 лет добровольно пошел в армию и погиб, защищая Родину.

Положение жен усугублялось еще и тем, что их ни на какую работу не принимали. Отделы кадров отказывали им в трудоустройстве. В конце концов, моя жена пошла на обман, сказав, что муж ее бросил, и тогда ее взяли на работу как квалифицированную машинистку-стенографистку.

Когда началась война, она с сыном из Ворошиловграда эвакуировалась в Ташкент к своему брату Владимиру Непомнину, который там был на ответственной партийной работе и чудом остался unrepressed. От Ворошиловграда до Пензы они ехали в теплушках, от Пензы до Ташкента — в переполненных пассажирских вагонах. Это трудное и долгое путешествие продолжалось целый месяц. Уж действительно, беда не приходит одна.

В публикациях печати, в журналах и газетах, наших жен сравнивают с декабристками. Безусловно, поступок жен декабристов был героическим. Однако все познается в сравнении. Ни режим Николая I, ни следующих царей, включая Николая II, репрессий к женам осужденных и другим родственникам не применяли. Только при Сталине происходили массовые аресты жен и детей и даже физическое уничтожение беременных женщин.

В результате добросовестной работы на строительстве объектов Норильского никелевого комбината срок моего заключения был сокращен один раз на два года, а второй раз на полгода. Просидев в тюрьмах семь с половиной лет, в августе 1944 года я был освобожден без права выезда из Норильска. Не дожидаясь моей телеграммы, жена, имея вызов в Норильск от представителя Норильского комбината в Ташкенте, выехала ко мне вместе с 12-летним сыном и своей матерью 74 лет. Они добрались до Красноярска и несколько дней ждали отхода пассажирского колесного парохода «Спартак». Оказалось, что денег на три билета до Дудинки им не хватает. Тогда Мария продала свои туфли, остальное добавили работники представительства Норильского комбината в Красноярске.

В таком бедственном положении они 10 дней плыли по Енисею из Красноярска на Крайний Север.

20 сентября 1944 года я занял у начальника строительного участка П.П. Иванова 1000 рублей и хотел было уже перевести их в Ташкент, как ночью диспетчер управления строительства Куц позвонил мне и сообщил, что моя семья уже в Дудинке. Я тут же связался в Дудинке со знакомыми по Металлургстрою В.И. Пилипенко и А. Божко, которые известили меня, что жена с сыном уже сидят на Дудинском вокзале. Я помчался на станцию Норильск-1 и первым же поездом по узкоколейной дороге поехал в Дудинку.

Первое впечатление от встречи с родными было ужасным. От полнокровной жены остались кожа да кости и огромные глаза. Сына я оставил, когда ему было четыре с половиной года, а теперь передо мной стоял мальчик 12 лет. Бабушка в Ташкенте сшила ему обувь шерстью наружу — это был какой-то гибрид обуви, вроде бахил, как говорят в народе.

Однако это не все. Меня поразило, что на север приехала теща! Я никак не мог предвидеть, что в Заполярье, где суровый климат не всегда может выдержать молодой организм, приедет глубокая старушка. Видимо, в Ташкенте понятия не имели, что такое Крайний Север, если никто не отговорил старушку совершить тысячекилометровое путешествие по железной дороге и по воде. Через год тещу свалил паралич, и с огромными трудностями мне удалось попросить одного освободившегося фельдшера отвезти ее в Ташкент к сыну. Нам было очень трудно собрать деньги и продукты (ведь еще действовала карточная система), чтобы обеспечить поездку двух человек с Крайнего Севера на юг нашей страны. Помимо материальных были и другие трудности. Ведь надо было отправить в далекий путь человека, который сам не мог двигаться. К чести фельдшера, фамилию которого я, к сожалению, забыл, он добросовестно выполнил столь трудную миссию.

Началась летняя навигация 1946 года по Енисею. Ее открывал колесный пароход «Спартак». По случайному совпадению моя теща года полтора назад этим же пароходом приехала в Норильск. 10 июня мы поехали в Дудинку. Не буду описывать наши злоключения. Остановлюсь только на эпизоде, поразившем меня. Для отправки больной кроме фельдшера поехал и мой знакомый по имени Алеша. В ожидании парохода собралось более тысячи человек, а взять он мог только человек 400. Предварительной продажи билетов не было. К вечеру из Красноярска прибыл «Спартак». На фоне весеннего паводка, когда ширина Енисея простирается более чем на 40 километров, пароход выглядел как спичечная коробочка.

Под лучами незаходящего полярного солнца медленно таял снег. На косогоре снег и грязь перемешались, но, несмотря на это, люди с вечера начали заполнять все пространство. Все старались быть поближе к реке. Мы этого себе позволить не могли. Пришли туда за два часа до посадки и оказались на самой вершине косогора, позади всех. Рано утром расторопный и вездесущий Алеша уже был в порту и, несмотря на огромную толчею у кассы, сумел добыть два билета третьего класса. Когда Алеша с билетами в руках подошел к нам, то от радости его лицо сияло, как яркое солнце.

Это была первая удача. Но как посадить на пароход больного человека, если путь к нему до отказа забит людьми, чемоданами, узлами и всякими вещами? Тут все перемешалось... С вершины косогора мы увидели, как со «Спартака» спустили трапы и началась посадка — все пришло в движение. Неразбериха и толкотня невероятные, поэтому мы немного растерялись, но тут же решили поднять бабушку на плечи и внести ее на пароход. Так и поступили. Я и Алеша начали спускаться вниз, а фельдшер с вещами шел позади. Не успели мы пройти и пяти метров, как кто-то из толпы снизу громко крикнул: «Больную несут!» И тут, как говорится, произошло

чудо: люди расступились и перед нами образовался человеческий коридор. Осторожно переступая кочки и проталины под сочувственными взглядами людей, мы дошли до трапа и поднялись на пароход. И здесь нас ожидала вторая удача. Не успели мы еще найти место для больной, как ко мне подошел молодой человек, которого я знал по Норильску, и, узнав, кого я отправляю, тут же предложил свою каюту второго класса, помог донести больную и уложить в мягкую постель. Он взял наш билет третьего класса и пошел искать для себя место.

Как не удивляться благородству сотен людей, многие из которых были из уголовного мира и только освободились из лагеря! Увидев беспомощного человека, люди проявили сочувствие и милосердие. Поразили бескорыстие и доброта молодого человека, отказавшегося от удобств и переселившегося на палубу... А какие душевность и милосердие проявил Алеша!.. Он на Metallургстрое работал экспедитором. Поскольку он по специальности был монтажником, я ему поручал дела, связанные с получением и доставкой разных стройматериалов и оборудования. Как экспедитор, он был не просто очень толковым человеком, но и отличным организатором.

И еще несколько слов о теще. Почему-то у нас принято говорить и писать о теще с некоторым оттенком иронии. Я же с глубоким уважением вспоминаю Любовь Михайловну Непомнину. Простая швея, она была грамотной, читала много художественной литературы, живо интересовалась общественной жизнью в стране, была человеком прогрессивных взглядов. Куда меня ни перебрасывали на партийную работу (Брянск, Армавир, Тихорецк, пос. Артем, Шахты), она не покидала нас. Я никогда от нее не слышал жалоб на тяготы жизни.

До вызова семьи в Норильск передо мной встал вопрос: где нам жить? И тут совершенно неожиданно меня выручил начальник Metallургстроя Семен Михайлович Енин.

В тот же день, как я вышел из лагеря, Семен Михайлович назначил меня своим помощником по административно-хозяйственной части. В шутку я тогда говорил, что освобожден без отрыва от производства. Недели две я не мог выбрать время, чтобы пойти в управление лагеря и получить справку об освобождении с отпечатком моего большого пальца. Эта справка хранится у меня до сих пор. Через несколько дней после освобождения меня вызвал Семен Михайлович и сказал: «Петр Осипович, вы никогда ничего не просили, и я хочу вам сделать приятное. Я знаю, что к вам приезжает семья. Вот вам ключ от моего балка, где я отдыхаю. Можете там жить, пока получите квартиру». Так благодаря Семену Михайловичу мы были обеспечены жильем, да еще обставленным неплохой мебелью.

Семен Михайлович Енин

С Семеном Михайловичем мы были в дружеских отношениях, вплоть до его смерти. Я сделал все, чтобы в тяжелую минуту его морально поддержать. Этим я хоть как-то выразил ему свою благодарность за его доброту. До сих пор я храню его письмо по этому поводу.

Приезд моей семьи в Норильск стал сенсацией, так как это был первый случай прибытия полной семьи бывшего заключенного. Это бросалось в глаза — ведь мы жили на территории промплощадки, на строительных объектах которой работали несколько тысяч заключенных. Весть о приезде моей семьи с быстротой молнии облетела весь город. Меня поздравляли и знакомые, и малознакомые люди. Для сравнения отмечу, что в Норильске в 1944 году проживало всего 40–45 тысяч человек (в 1991-м — 270 тысяч).

Пока мои жена, сын, теща и я, миновав главную вахту и растянувшись цепочкой с вещами в руках, шли мимо строящихся электролитного и других цехов, сотни строителей с неподдельным интересом следили за нашим передвижением. К нам подходили люди и предлагали поднести вещи...

А на другой день раздался телефонный звонок из канцелярии управления комбината, и жене предложили выйти на работу. На мою просьбу об отдыхе хотя бы на два-три дня управделами Бейер сказал, что машинистка-стенографистка крайне нужна, и просил ускорить ее выход. На третий день после приезда моя жена Мария Яковлевна сидела за машинкой и печатала. В первые дни, возвращаясь с работы, она жаловалась, что ей сидеть за машинкой трудно: болят кости, так как она сильно похудела.

Длительное время бабушка, сын и жена, сколько бы раз ни садились за стол, все равно не наедались — через час-другой им снова хотелось есть. Чувство голода долго их не покидало. В Норильске по карточкам в день на человека выдавали 1 кг хлеба. Им этого было мало. Тут на помощь пришли друзья, которые нас завалили хлебом. Лишь через 2–3 месяца они вошли в норму. Однако страх у нашей бабушки Любови Михайловны перед голодом был настолько велик, что она со стола собирала хлебные крошки в стакан и ставила на самое видное место. Для нее это был приятный признак того, что в нашем доме полный достаток.

Со второй половины октября начались морозы 20–25 градусов. Это страшило любого человека, не привыкшего к таким морозам. Однако главная трудность была впереди — это пурги. Если с морозами можно было как-то бороться, одеваясь теплее, то против сильной пурги, которую в Норильске называют черной, никаких средств защиты не было. Откуда дует ветер со страшной скоростью, залепляя снегом глаза, ноздри, все лицо и даже попадая за воротник, — не

определишь. Впереди на 2–3 метра ничего не видно, на гладком месте тебя сносит, как пушинку. К этому моя жена долго не могла привыкнуть и часто плакала, зато нашему сыну Володе все было нипочем. Он в любую погоду ходил в кино.

Однако к школе его необходимо было соответственно одеть. По этому поводу я посоветовался с заведующим нашей инструментальной мастерской Петром Михайловичем Лепешевым. Он предложил сшить Володе костюм из желто-зеленой брезентовой спецовки сварщиков. Сняли мерку, и портные, которые ремонтировали спецовки и рабочие рукавицы, сшили ему брюки и куртку. Нашу радость не омрачало даже то, что в таком костюме из жесткого брезента сын чувствовал себя зажатым в тиски. Впрочем, это было не хуже, чем у школьника, по имени Шеннон, из романа английского писателя А. Кронина «Юные годы». Чтобы одеть мальчика к первому дню посещения школы, бабушка юного героя из своей нижней юбки зеленого цвета с полосками и маленькими выпуклыми цветами сшила внуку костюмчик. В таком одеянии Шеннон пошел в школу и стал всеобщим посмешищем. Даже учителя и те еле сдерживали свои улыбки при виде нелепой одежды ученика. Все мучения Шеннона закончились, когда дедушка бросил костюмчик в огонь.

В отличие от костюмчика Шеннона брюки и куртка нашего сына ни сгореть в огне, ни износиться не могли. Весь первый год учебы он пронесил этот наряд, пока на следующий год, немного улучшив свое материальное положение, мы не сшили ему одежду из подходящего материала.

Школа, где должен был учиться Володя, находилась близко от нашего дома. Директором школы была Наталья Ивановна Царева. Вот у кого на должной высоте стояли учебное дело и дисциплина! Я не раз бывал на родительских собраниях и удивлялся ее энергии и деловитости. О ней, о Царевой, Норильск всегда должен помнить.

ПРОВОКАЦИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО НКВД

Какие только превратности судьбы не пришлось мне пережить в Норильске, даже после того, как был освобожден и работал начальником кирпично-блочного завода № 2.

Это был комбинат в комбинате. Здесь изготавливали все: красный и легковесный кирпич, керамзитовые блоки, цемент, сегменты и плиты из пенобетона, железобетонные плиты для перекрытия, облицовочную плитку, минеральную вату, стеклянные изделия и даже елочные игрушки.

На заводе во всех цехах и в глиняном карьере работали 1800 человек. Завод имел собственную большую котельную. По распоряжению начальника комбината она обеспечивала теплом 28-й квартал города, где в двухэтажных домах из керамзита жили сотни семей с детьми. В одном из домов этого же квартала помещалось управление Горного лагеря. Режим лагерей, подчиненных этому управлению, был особенно строгим: на одежде заключенных, на спинах, были написаны их номера, после работы бараки запирались в отличие от бараков Норильлага, обитатели которых свободно ходили по территории своего лагеря.

Учитывая случающиеся недостатки угля, я издал приказ по заводу о том, что при уменьшении выработки пара в первую очередь необходимо ограничить подачу тепла на производственные объекты, но ни в коем случае не в дома 28-го квартала. Приходилось уменьшать подачу тепла и на другие объекты, в том числе в кабинет уполномоченного НКВД. И вот по этой причине он завел на меня дело о вредительстве. Об этом мне сообщил начальник котельной Виктор Александрович Никитин, которого уполномоченный вызвал на допрос. Он, конечно, сослался на приказ и мои личные неоднократные распоряжения по этому поводу, а сам не на шутку взволновался. Из своего

многолетнего опыта я знал, на какие подлости работники НКВД того времени были способны.

Через несколько дней я решился и пошел к заместителю начальника Горного лагеря полковнику Колосову, чтобы рассказать ему о своем беспокойстве. Полковник не раз бывал на заводе по вопросам оплаты труда и условий работы заключенных и на меня всегда производил впечатление порядочного человека. Когда он узнал, в чем дело, то возмутился, а немного остыв, сказал: «Товарищ Сагоян, идите и спокойно работайте, я за него возьмусь».

Не знаю, какой разговор состоялся между полковником и уполномоченным, но дело о моем вредительстве заглохло, а его инициатор со мной стал подобострастным и вежливым. Мало того, работники кирпичного завода, в том числе и я, к ноябрьскому празднику 1951 года за успешное выполнение производственной программы от комбината получили благодарность. Но почти сразу, 9 ноября, меня ознакомили с приказом по комбинату, согласно которому по ст. 47в трудового законодательства (политическое недоверие) я был уволен с работы. Проработав на комбинате 12 лет, я оказался безработным. Всегда оптимист, на этот раз я стал в тупик. На комбинате работы не дают, а выехать из Норильска, как ссыльный, я не имею права. Попытка начальника управления кадров конторы строительства Николая Николаевича Рознатовского устроить меня на работу успеха не имела. Не помогло и мое заявление на имя начальника комбината В.С. Зверева, который хорошо знал меня лично. Видимо, и он, так сказать, царь и бог Норильска, перед органами НКВД был бессилен.

Поскольку я упомянул Владимира Степановича Зверева, то хочу высказать личное мнение о нем как о человеке. Это тем более считаю актуальным, так как некоторые люди, даже в печати конца 50-х годов, о нем писали немало отрицательного.

В.С. Зверев был очень требовательным руководителем, что далеко не всем нравилось. Это с одной

стороны, а с другой — он находился в сложном положении. Ему необходимо было считаться с органами НКВД, которые требовали жесткости по отношению к заключенным, но в то же время для них надо было создать более-менее нормальные бытовые и трудовые условия. Характер у Владимира Степановича был очень противоречивым. Хорошо помню один случай. В помещении библиотеки шло производственное совещание. На нем присутствовало 80 человек. Это были начальники цехов, строительных участков, взводов и др., шел разговор о строительстве жилья в Горстрое.

По ходу совещания выяснилось, что железнодорожники станции Норильск-2 вовремя не подали вагоны для погрузки строительных материалов. Когда ответственный работник железной дороги начал объяснять, почему это произошло, Владимир Степанович резко оборвал его и предложил немедленно покинуть зал. Иными словами, он выгнал его. Сидящие в зале опешили. Но каково же было наше удивление, когда мы узнали, что на второй день после этого случая В.С. Звереву стало известно, что у выгнанного железнодорожника для лечения ребенка не было каких-то лекарств, и он распорядился срочно доставить самолетом из Москвы необходимое лекарство.

Сын Владимира Степановича Олег в школе учился с нашим сыном и часто бывал у нас дома. Он, как и все ученики, в школу ходил пешком или добирался на автобусе. Отец категорически запрещал сыну ездить на его автомашине.

...Но вернусь к самому тупиковому для меня времени. Однажды в магазине я встретился с работницей кирпичного завода. Ее муж работал мастером обжигового цеха, а она была стрелочницей на внутриводской железной дороге. На заводе их хорошо знали. Оба коренные сибиряки из Красноярска. Трудолюбия им было не занимать. Ее пост всегда отличался особой чистотой и порядком. Когда у ее стрелки паровоз с вагонами маневрировал, люди, которые проходили мимо, останавливались и с восхищением смотрели,

как она переводит стрелку. Дело в том, что женщина не признавала ни перчаток, ни рукавиц. В самый лю- тый мороз железную стрелку она переводила голыми руками. Было чему удивляться: обычно в сильный мороз, если человек берет за железо, его руки об- жигает. С ней ничего подобного не происходило. Так вот, эта стрелочница в разговоре со мной с жалостью и досадой произнесла: «Петр Осипович, мы все жалеем, что вы от нас ушли. Теперь на заводе мало кто инте- ресуется нашим бытом». Она спросила, как я живу. Ком застрял в моем горле. Как дороги были для меня слова простой русской женщины! Может, нескромно так говорить о себе, но я подумал, что, видимо, неда- ром проработал несколько лет на заводе, если в душе людей оставил теплые, человеческие чувства.

Исчерпав все возможности, я обратился к новому начальнику Metallургстроя, бывшему заключенно- му И.М. Мгебрашвили, и попросил взять меня рабо- чим на бетонный завод. Не знаю, с кем он согласовал вопрос, но я был назначен мастером бетонного завода. Не прошло и нескольких месяцев, как меня вызвал к себе главный инженер управления строительства Владимир Иванович Полтава, милейший и добрей- ший человек. Он предложил мне принять и привести в порядок самый большой бетонный завод Норильска и в придачу к этому один из строительных участков ТЭЦстроя. Я ответил, что не хочу быть на ответствен- ной работе, — ведь ему хорошо известно, как меня сняли с должности начальника кирпично-блочного завода и уволили с комбината. Однако Владимир Иванович со мной говорил как товарищ и друг. Я не смог ему отказать. Так я стал начальником участка, который строил насосную станцию для всего города, гидрозолоудаление ТЭЦ, коровники у Среднего озера и давал сотни кубометров бетона в сутки под бетон- ный фундамент и подушку под турбину мощностью 100 тысяч киловатт. Помимо этого в течение несколь- ких суток завод поставлял для срочной стройки день и ночь, без малейшего перерыва, бетон самой высокой

марки. Думаю, что и сейчас турбина дает свет и тепло на радость норильчанам.

ОТПУСК

В августе 1944 года, освободившись из заключения, я стал вольнонаемным. Отдыха не имел. Нельзя же считать отдыхом пребывание в течение восьми дней осенью 1946 года в доме отдыха «Таежный» под Красноярском. Я тогда прервал свой отпуск, точнее, подарил его строителям Норильска. По их просьбе я собрал деньги и в совхозе «Таежный» закупил сливочное масло, мед, картофель, капусту и другие овощи, погрузил все это на баржу, довез по Енисею до Дудинки, а там по железной дороге до Норильска. Таким образом несколько десятков строителей и их семьи я обеспечил продуктами на зиму.

В начале марта 1949 года, будучи начальником кирпичного завода № 2, я решил взять четырехмесячный отпуск и поехать, как тогда говорили в Норильске, на «материк», чтобы по-настоящему отдохнуть. Маршрут выбрал такой: Красноярск—Ташкент—Тбилиси—Ахалцихе, что в 50 км от Боржоми. В Ахалцихе жила моя племянница, а в Тбилиси из пяти братьев трое были живы.

Купил в городской кассе авиабилет и рано утром 9 марта 1949 года поехал в аэропорт Надежда. Впрочем, это место в то время только условно можно было назвать аэропортом. Небольшое здание из двух-трех комнат, окошечко кассы, несколько стульев и скамеек, а снаружи чистая подошва горы Надежда и высокий столб, на котором прикреплен флюгер в виде матерчатого рога изобилия, который, надуваясь, показывал направление ветра. Вот и весь аэропорт.

Здесь оказалось восемь пассажиров. Три-четыре часа мы ждали самолета, который должен был прийти из Красноярска и обратным рейсом забрать нас. Мы хорошо знали, что в условиях Крайнего Севера летную погоду можно ждать не только часами, но и сутками. К нашему счастью, мы вскоре услышали гул

мотора, и дежурный аэропорта крикнул нам: «Скорее бегите и садитесь в самолет». Мы моментально выбежали из здания и сели в Ил-14, грузовой самолет. Здесь на полу лежали какие-то громоздкие ящики. По краям вдоль стен были прикреплены железные скамейки с вдавленными ячейками для сидения. Снаружи температура была минус 20–25 градусов. В самолете было столько же. Когда он оторвался от земли и поднялся высоко, стало еще холоднее. Самолет не отапливался, мы начали мерзнуть. Кто-то из бывалых пассажиров попросил у летчиков тепла. Через несколько минут по трубе, проложенной по полу, начал поступать теплый и едкий отработавший газ. Каждый из нас по очереди подходил к выхлопной трубе и, сидя на корточках, согревался.

В Подкаменной Тунгуске самолет сделал посадку. В салон погрузили огромные тюки со множеством сургучных печатей. В них была пушнина. Нам сидеть стало совсем тесно. Через 6–8 часов мы прилетели в Красноярск. Я сразу поехал в город и на Главпочтамте отправил телеграмму жене, что доехал благополучно. И тут же я за собой заметил хвост. Не было никакого сомнения, что бдительное око органов за мной следило, где бы я ни находился. Меня это не обрадовало. Надо было все время быть начеку и ждать худшего, что потом и подтвердилось. И все же я решил продолжать свой отпуск.

В Красноярске взял железнодорожный билет до Ташкента. Здесь заехал к брату моей жены Владимиру Непомнину, который тогда был редактором газеты «Правда Востока». В Ташкенте мне очень хотелось пойти в Узбекский театр оперы и балета, но от такой соблазнительной мечты, подумав, отказался. Осторожность и осторожность — вот тогдашний мой девиз. На следующее утро поехал в Красноводск, откуда самолетом вылетел в Баку. В этом городе меня ожидала еще одна неприятность. Когда я зашел в сберкассу, чтобы обменять аккредитив на деньги, и предъявил

паспорт, то оказалось, что он просрочен. Выяснилось, что работники паспортного стола Норильска, выписывая документ сроком на пять лет, вместо «август 1949 года» поставили «август 1948 года». Заведующий сберкассой, к которому я обратился, пожалев меня, дал указание деньги выдать.

Еще в Норильске мои знакомые советовали мне в отпуске всячески избегать встреч с милиционерами. Для бывших заключенных встречи с ними были нежелательными — ведь любой из них по серии паспорта мог сразу установить, что перед ним осужденный по ст. 58. Вспомнив опыт друзей, в городах я за целый квартал избегал встреч с милиционерами, а пешеходные дорожки переходил как самый примерный школьник.

Из Баку я поехал в Тбилиси. Тут встретился с братьями и, не задерживаясь в столичном городе, поехал в Ахалцихе, куда уже была проложена железная дорога. Вот и Ахалцихе. В этом городе я родился, а вырос в Тбилиси. Впервые я сюда приехал в июне 1921 года, когда ЧК Грузии направил меня в Ахалцихское уездное Политбюро ЧК Грузии (такое странное название в то время имели органы ЧК в уездах).

И вот через 28 лет я снова в Ахалцихе. Живу несколько дней и никуда не показываюсь. Я только и делаю, что сплю, потом племянница будит меня, чтобы я поел. И снова меня тянет ко сну. Однако настоящего сна не было — я все время в напряжении. Однажды ранним утром, когда еще полностью не рассвело, я проснулся от яркого света электрического ручного фонаря — он освещал наш дом. Я сразу понял, что пришли за мной, встал и быстро оделся. Племянница еще спала. Раздался стук в дверь. Я ее разбудил, она кое-как оделась и открыла дверь. Вошли двое: сотрудник органов и милиционер. Я им показал паспорт и свое грозное отпускное удостоверение со штампом и печатью Норильского комбината ГУЛАГа НКВД. Для меня это удостоверение равнялось паспорту иностранного посольства. По этому удостоверению выходило,

что я и есть их человек. Они несколько минут были в замешательстве, но на всякий случай взяли мои документы и ушли.

В 9 утра я попросил племянницу: «Иди к тем, кто приходил за мной, и любыми средствами выручай мои документы». Какими путями она этого добилась, не знаю, но мои документы принесла. Тут же я побежал на вокзал, поехал в Тбилиси, а оттуда в Москву. Здесь я решил зайти к норильчанам по фамилии Пищики. Дома оказалась Елизавета Евсеевна Забрамная, которая на кирпичном заводе, а потом в управлении строительства работала диспетчером. С первых же слов Елизавета Евсеевна меня оглушила — сказала, что в Москве и других местах вновь арестовывают всех, кто был ранее осужден по ст. 58. От нее я также узнал, что в гостинице «Пекин» остановился начальник управления капитального строительства Иван Макарович Перфилов.

Об этом замечательном человеке сказано много добрых слов, и не только мною. В настоящее время Иван Макарович живет в Москве. Когда бываю в столице, обязательно захожу к нему, и мы ведем многочасовые разговоры, а чаще всего вспоминаем Норильск. Его жена Мария Александровна Перфилова работала у нас бухгалтером. В отличие от других жен больших начальников она вела себя очень скромно и со всеми работающими, среди которых было много заключенных, была на равных. Очень жаль, что преждевременная смерть оборвала ее жизнь.

А тогда я пошел на площадь Маяковского в гостиницу «Пекин». К счастью, Иван Макарович оказался в номере и, по своему обыкновению, принял меня хорошо. Я прекрасно понимал деликатное положение Перфилова, майора НКВД, к которому в частном порядке зашел бывший заключенный, у которого еще не закончился срок лишения права голоса. По этой причине я был очень краток. Я сразу сказал, что здесь, в Москве, ходят слухи, что вновь арестовывают всех тех, у кого закончился срок за-

ключения, кто насовсем уехал, и тех, кто находится в отпуске. Я спросил: верны ли слухи? Иван Макарович от прямого ответа уклонился, но твердо сказал: «Чем раньше уедете из Москвы и вернетесь в Норильск, тем лучше». Мне стало ясно, что слухи об арестах соответствуют действительности и что надо отсюда срочно выбираться.

Я, долго не думая, пошел в центральную железнодорожную кассу, которая находилась на первом этаже гостиницы «Метрополь». Пока кассир считала деньги и выписывала билет на экспресс «Москва—Красноярск», я любовался памятником первопечатнику Ивану Федорову, который был виден из окна кассы. Экспресс в сутки делал одну тысячу километров, а я в мыслях ехал еще быстрее. «Скорее, скорее в Норильск, пока я на свободе», — думал я.

« Я ПОТЕРЯЛ ВОЛЮ...»

Случай, о котором я расскажу, произошел в начале октября 1942 года. Если настоящие морозы только начинали давать о себе знать, то пурга свирепствовала уже во всю силу. Из лагеря № 5, где я находился, на ночную работу вывели человек 800, а заключенных дневной смены, которых на промплощадке было много больше, отвели в зону.

Я только что обошел электролитный и электропечной цехи, ознакомившись там с обстановкой, зашел в диспетчерскую и принял дежурство от Каплиенко, члена партии с 1918 года, бывшего председателя одного из райисполкомов Киева. Начиналось мое очередное ночное дежурство. Не прошло и нескольких минут, как ко мне вбежал взволнованный комендант Федя и с порога сказал: «Петр Осипович, из дневной смены одного человека не хватает». Федя был красивым молодым человеком лет 23-х, сидел за какие-то бытовые проступки. Он обычно заходил в диспетчерскую, согревался и уходил на промплощадку следить за тем, что делается на строительных объектах.

Я сейчас же позвонил в обогревалку и попросил бригадира грузчиков обойти вместе с комендантом все участки, обыскать все закоулки и найти человека. Прошло часа два-три, но следов пропавшего не нашли. Тогда я решил позвонить диспетчеру управления строительства и сообщить о случившемся. Не прошло и нескольких минут, как мне позвонил начальник управления строительства Волохов. Я ему коротко доложил, что пропал человек и уже три часа мы ищем его, но безрезультатно. На это он мне сказал: «Ищите и, когда найдете, в любое время ночи позвоните мне домой». Тут я прервусь и коротко расскажу о Волохове.

Впервые слова «1937 год» в нарицательном смысле я услышал от Волохова. Дело было так. После совещания у начальника С.М. Енина ко мне в диспетчерскую зашли несколько прорабов и мастеров. Все они были заключенными. Через несколько минут зашел и Волохов, чтобы созвониться с диспетчером управления строительства, с которым у меня была прямая телефонная связь.

Волохов, увидев их, задавал один и тот же вопрос, каждому искренне сочувствуя: «По какой статье вы сидите?» Оказалось, что все осуждены по ст. 58 военной коллегией Верховного суда СССР. Выслушав всех, он многозначительно сказал: «Да, этот 1937 год...»

Комментариев тут не требовалось. Все прекрасно поняли, что имел в виду начальник норильского строительства Волохов, этот волевой и добродушный человек.

В 1937 году Волохова вызвали в Москву. К счастью, его не посадили, но отправили на Крайний Север. Норильск для Волохова фактически был ссылкой. Как начальник строительства, он часто бывал на промплощадке, проводил совещания в кабинете начальника Metallургстроя Енина, а иногда заходил к нам в диспетчерскую. Он носил гражданскую одежду, но по его выправке любой наблюдательный человек мог определить в нем военного. Волохов со

всеми людьми, будь то рабочий, бригадир, начальник участка, вел себя ровно, демократично и поэтому был очень популярен.

...Почти в полночь Федя привел с собой человека и сказал: «Петр Осипович, вот пропавший человек, я его нашел в помещении под ванным отделением электролитного цеха. Он зарылся в большой ящик с опилками и дремал». Этот крепко сложенный мужчина по самый нос был закутан в какую-то тряпку и весь был грязным. Я поблагодарил Федю, отпустил его, а незнакомца посадил рядом с собой, напоил горячим чаем, угостил своим хлебом и доложил Волохову, что человека нашли.

Когда незнакомец пришел в чувство, я попросил его рассказать о себе, объяснить, почему он такой запущенный и неухоженный. И вот что он рассказал. Родился в Прибалтике. Отец был богатым, поэтому с детства его окружали кормилицы, няни, гувернантки и гувернеры. Учился в гимназии, потом поступил в университет: хотел стать врачом. Однако со второго курса его в числе других студентов призвали в армию и в офицерском корпусе научили военному делу. В буржуазной армии он дослужился до полковника генерального штаба. После присоединения республики в 1940 году к Советскому Союзу остался в Красной Армии, а в 1941 году прямо в летнем лагере, как и другие офицеры, был арестован и попал в Норильск. «Уже много месяцев я не умываюсь, а когда бригаду водят в баню, я прячусь. Я потерял волю...» — так он закончил свой рассказ.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Пленум Верховного суда СССР 21 мая 1954 года приговор военной коллегии от 19 июня 1937 года и постановление Особого совещания при МГБ СССР от 23 декабря 1950 года отменил, и дело в отношении меня было прекращено.

Впервые я подал заявление в Верховный суд СССР о пересмотре дела в 1939 году из Владимирской

тюрьмы. Второй раз я это сделал в 1940 году и больше не писал. При восстановлении меня в партии в сентябре 1954 года в ЦК КПСС меня спросили, писал ли я заявление после 40 года. Я ответил, что считал это бесполезным. В Норильске я знал немало заключенных, которые писали десятки заявлений, а приемный сын прокурора СССР при НКВД, старого большевика Виктора Викторовича Катаняна, написал сто заявлений. Старший Виктор Катанян тоже был репрессирован, и, как говорил его сын, отец сидел без права переписки. Теперь мы знаем, что это была ложь, распускаемая органами. Прокурор Катанян погиб.

Вернусь к своей реабилитации. Осенью 1953 года, когда стала меняться обстановка в стране, я написал заявление в Верховный суд СССР и одновременно личное письмо дальней родственнице моей жены Марии Иосифовне Полянской, живущей в Москве, с просьбой пойти в Верховную прокуратуру СССР и узнать судьбу моего заявления. Она так и сделала, ей предложили прийти через две недели. В мае 1954 года от Марии Иосифовны пришло письмо с сообщением, что я реабилитирован. Но, не имея официального документа, мы об этом никому не сказали. Вдруг это не подтвердится, и тогда разочарование постигнет сотни и тысячи норильчан. Ведь я был первым человеком в Норильске, который был реабилитирован. Нервное состояние продолжалось до конца июня 1954 года, когда с утра начались звонки от друзей с сообщением, что я реабилитирован. Оказывается, комендант МГБ, у которого я регистрировался каждый месяц, как ссыльный, разыскивал меня, чтобы сообщить о реабилитации. Об этом узнали, и эта весть моментально облетела весь город. Это и понятно: тысячи и тысячи бывших заключенных, находящихся в это время в норильских лагерях, ждали лучших перемен, и каждое такое сообщение затрагивало лично их самих и близких.

Я пришел к коменданту. Он меня поздравил с реабилитацией, вручил справку Верховного суда о

реабилитации и попросил расписаться. Начальник комбината А.Б. Логинов 9 августа 1954 года приказ о моем увольнении в декабре 1951 года отменил. Теперь моя биография стала совершенно чистой и я мог уехать из Норильска, добиваться восстановления в партии. 14 августа 1954 года мы с женой сели на самолет и с пересадками двое суток, днем и ночью, летели до Москвы... Так закончилась моя норильская эпопея.

О дальнейшей нашей жизни я рассказал в своих воспоминаниях «Начало строительства Норильска», где я постарался показать людей и условия, в которых они работали. Эти воспоминания экспонируются в норильском музее, а главы «Железо не выдерживает», «Как спасти котлованы» и другие напечатаны в городской газете «Заполярная звезда» (см. номер норильской газеты от 1 мая 1987 года и др.).

В том же году мы с женой приехали в Тбилиси. Там мой старший брат, шорник по профессии, наивно спрашивал меня: «За что тебя посадили? Ты же ничего не украл».

ВЕЗДЕ ЕСТЬ ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Позволю себе небольшое отступление. В то страшное время, когда во всю мощь работала чудовищная машина репрессий, нередко вслед за мужем, а то и вместе с ним арестовывали жену.

С моей женой произошел удивительный, если не сказать невероятный, случай. После моего ареста в феврале 1937 года жену с малолетним ребенком выгнали из государственной квартиры. Более того, не на шутку напуганные руководители Шахтинского горкома партии прислали группу работников с транспортом и забрали нашу домашнюю библиотеку, которую мы с женой собирали не один десяток лет. Среди книг были первое полное издание Сочинений В.И. Ленина, труды Плеханова, четыре тома толкового словаря Даля издания 1881 года, издание «Академии» «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Книга» (такое название

дал своему путешествию в XIII веке в Среднюю Азию, Китай, Индию и обратно морем в Венецию Марко Поло), «История кавалера Де Гриё и Манон Леско» аббата Прево и т.д.

Чтобы не остаться на улице, моя жена на окраине города сняла угол. Один раз по какому-то поводу она ушла из дому. А когда вернулась, хозяйка сказала, что приходили двое работников НКВД и спрашивали о ней. Долго не думая, моя жена собралась и пошла в городское отделение НКВД. Как тут не сказать: святая простота. В отделении ее встретил дежурный и, созвонившись с кем-то по телефону, предложил ей подняться на второй этаж, назвав номер кабинета.

В кабинете, куда она вошла, за столом сидел мужчина лет тридцати. Между ними состоялся разговор.

— Что привело вас к нам?

— Я — жена арестованного второго секретаря горкома партии Сагояна. Моя хозяйка, у которой я живу, сказала, что приходили два ваших работника и спрашивали обо мне. У меня на руках ребенок. Здесь в городе никого из близких нет. Я пришла к вам спросить, имеете ли вы какие-либо претензии ко мне?

— Так вы собираетесь уезжать? — спросил сотрудник после долгой паузы.

— Не знаю. Возможно, поеду в Тбилиси к братьям мужа или в Донбасс к знакомым.

— Как скоро вы собираетесь уехать?

— Через несколько дней.

Пауза.

— Вы твердо решили уехать?

— Да, твердо решила уехать.

Пауза.

— Ну что же, поезжайте.

— Хозяйка взяла часть моих вещей и сказала, что вы их конфисковали.

— Мы ничего у вас не конфисковывали. Хозяйка на вашем несчастье хочет нажиться. Забирайте у нее свои вещи.

Весь этот диалог прерывался большими паузами со стороны сотрудника. Видимо, в душе у него происходила мучительная борьба между долгом службы работника грозного государственного органа и человеческим милосердием и жалостью. К его чести, в нем победило последнее. Вскоре жена с ребенком уехала в Ворошиловград, где ее приютили чужие люди и помогли устроиться на работу. Так, благодаря этому доброму человеку моя жена не была репрессирована в отличие от других жен «врагов народа».

Жаль, если этот благороднейший человек сам стал жертвой в числе 20 тысяч чекистов, погибших в 1937 году. Его начальник Баланюк, которого я хорошо знал, стал такой жертвой. Он погиб в 1937 году в возрасте 35 лет, в самые цветущие годы.

...Всю свою жизнь мы с женой жалели о том, что она не запомнила фамилию ее спасителя. Везде были и есть хорошие люди!

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Какие только встречи не случались в моей жизни! Даже человек с богатой фантазией не может себе их представить. О некоторых из этих встреч мой рассказ.

Это было летом 1943 года в Норильске. Я написал слово «лето» и подумал о том, что о лете в Норильске многие не имеют представления. Заполярное лето — это отсутствие темных ночей, 8–10 солнечных дней, и то не всегда, когда в озерах можно купаться в студеной воде, где она прогревается на глубину лишь 60–70 см. Надоедливый, мелкий, морозящий дождь или, как это бывает на высоких горных перевалах, густой, проникающий как бы внутрь туман. Без плаща и не вздумай выходить из дому.

Лето начинается в конце июня и заканчивается 15 августа. В течение нескольких дней меняется облик всей тундры. Она покрывается зеленой травой, мхом, сказочными по красоте, но без всякого запа-

ха цветами, преимущественно колокольчиками. На чахлах и невысоких деревьях появляются листья и иглы. Кустарнички с плодами голубики, морошки, клюквы — любимыми лакомствами куропаток — как бы оживают. Вся зелень тундры, как в сказке, так же быстро исчезает, как и появляется.

Природа как бы восполняет скудность здешней растительности криком и писком несметного количества перелетных птиц, которые заполняют небо и землю Заполярья. Любой выдуманный, чрезмерно привлекательный рассказ охотника здесь окажется слабым отражением действительности. Тому мое личное подтверждение.

В октябре 1946 года я плыл с караваном барж, нагруженных картофелем и овощами, из поселка Таежный до Дудинки по могучей реке — Енисею. Вдруг до нас начали доноситься крики и гомон птиц. Мы все смотрели на небо до самого горизонта, но никаких признаков птиц не могли обнаружить. Видимо, они были далеко от нас, за несколько километров. Лишь по мере продвижения на север мы увидели стаю уток, улетающих в теплые края. Когда стая оказалась над баржами, на небе образовалась как бы огромная черная туча. Интересно, сколько тысяч птиц должно было быть в стае, чтобы закрыть немалое пространство неба?

В один из летних дней 1943 года я пошел в управление торговли Норильскснаба, чтобы выписать за наличный расчет продукты для заключенных из числа инженерно-технических работников Metallургстроя. Пару слов о Metallургстрое. Это площадка размером сто квадратных километров, где одновременно строились и по очереди уже действовали заводы и цехи, равные заводам. На Metallургстрое было занято несколько тысяч рабочих и инженерно-технических работников.

Получение продуктов было доверено мне, диспетчеру Metallургстроя, и бывшему преподавателю

философии Института красной профессуры, заведующему инструментальной мастерской Петру Михайловичу Лепешеву.

Это было хлопотное дело: найти деньги в размере 1500 рублей (это было до денежной реформы), выписать продукты, развести и раздать их, собрать с каждого стоимость его пайка и вернуть полную сумму кредиторам.

Не умея торговать, а главное, боясь недодать, мы к каждому пайку сверх положенного веса добавляли еще несколько граммов. В результате нам с Лепешевым всегда недоставало продуктов. Это была странная торговля по принципу «во вред себе». Как видно, философия Лепешева тут ничем нам не помогала.

Нечего говорить, что у нас самих больших сумм для оплаты и выкупа продуктов не было. Приходилось обращаться к кредиторам. Их было двое: инженер по технике безопасности Александр Васильевич Венецкий и расконвоированный курьер Алеша (фамилию его не помню).

Что у Венецкого было много денег, удивляться не приходилось. Он был старым заполярником, который получал по два оклада, у него была привычка постоянно в кармане иметь целую пачку денег из крупных купюр. Можно было подумать, что в любую минуту он готов выехать в командировку или отпуск. Впрочем, один раз так и случилось. Не зная об объявлении войны, 22 июня 1941 года он летел на самолете в отпуск. Из Новосибирска, прервав отпуск, вынужден был вернуться в Норильск.

А вот откуда были такие деньги у расконвоированного курьера Алеши, для меня долгое время было загадкой. Потом мне эту загадку разгадали люди, хорошо знающие его. Оказывается, он был не только преуспевающим картежником, но и их главарем. Этого маленького, тщедушного человека боялась вся уголовная братва. С нами же он был тих и щедр, тем более что деньги, которые он одалживал нам, мы через несколько дней возвращали ему.

Однажды я пошел за разрешением на получение продуктов. Начальником торгового управления был Капулер. Контора находилась в одноэтажном здании барачного типа. Я зашел в приемную и увидел, что за машинкой сидит, что-то печатая, еще не потерявшая былую красоту блондинка лет сорока. Это была секретарь. Вслед за мной начали приходить и другие посетители. Будучи первым, я обратился к ней с просьбой зайти к начальнику. Она ответила: «Подождите» — и стала пропускать других. Самым последним она пропустила меня, и, когда я, получив визу на свою бумагу, вышел из кабинета Капулера, секретарша пристально и очень заинтересованно посмотрела на меня, со мной вышла в коридор, заговорщически оглянулась кругом и, убедившись, что никого нет, шепотом спросила: «Вы не Сагоян?» Я ответил: «Да». Она тут же повернулась и пошла к себе, а я двинулся на промплощадку.

С этой минуты до следующего дня меня не оставляло желание вспомнить, кто же эта женщина и откуда она меня знает. С трудом я начал вспоминать, что, возможно, она из г. Шахты. Что-то в ее облике мне было знакомо. С этим предположением я пошел к ней и спросил: «Вы не из Шахт?» Она назвала свою фамилию: «Соловьева».

Эта фамилия меня сразу вернула к действительности на восемь лет назад. Тогда, в 1935 году, я часто бывал в редакции газеты «Красный шахтер» и даже месяца два временно редактировал эту газету и ее трехтысячный, юбилейный номер. Среди сотрудников я не раз видел молодую русскую красавицу, очень похожую на героиню рассказа известного французского писателя Ги де Мопассана «Пышка».

Через год после этой встречи ко мне в Норильск приехала моя жена и начала работать в горнорудном управлении машинисткой-стенографисткой, где инженером по технике безопасности был муж Соловьевой — Аникин. Мы подружились семьями, и

тогда я узнал, что Аникин ранее работал механиком на одной из шахт г. Шахты. Там произошла какая-то авария, ответственность возложили на Аникина, его осудили на срок три года, и он оказался в Норильске. Соловьева очень переживала из-за мужа и приехала в Заполярье, устроилась работать в Норильске. Оказалось, что и до нашей встречи Соловьева видела меня несколько раз в Норильскнабе, но не решалась подойти, так как не была убеждена, что перед ней знакомый человек.

У Соловьевой и Аникина была взрослая дочь. Она вышла замуж за парня из Ленинграда, пережившего блокаду, под редким именем Баян Баянич. Родители вслед за дочкой переехали жить в Ленинград.

Многие годы мы переписывались с ними. Печальное известие о смерти Соловьевой прервало нашу переписку.

ФАИНА МОИСЕЕВНА КОГАН

В августе 1954 года, получив на руки постановление Пленума Верховного суда СССР о полной реабилитации, мы с женой окончательно расстались с Норильском, где я прожил 15 лет, а жена — 10, и уехали в Москву. Там месяца два прожили у ее дальней родственницы и через ЦК КПСС, получив партбилет, решили поехать в Шахты, обосноваться и работать там.

Когда мы приехали в свой город, решили найти хоть одного старого знакомого. За 18 лет нашего отсутствия в городе многое изменилось... Выяснилось, что самые близкие нам люди — врачи Анна Моисеевна Коган и ее муж Самуил Самойлович Драгицин из Шахт переехали в Таганрог. К счастью, в Шахтах осталась сестра Анны Моисеевны — Фаина Моисеевна Коган. Зная, что она в 30-х годах работала в редакции «Красного шахтера» техническим секретарем, мы пошли туда. Оказалось, что и теперь Фаина Моисеевна работает в редакции, но корректором. Мы пошли в типографию.

Помещение типографии от входного тамбура отделяла стеклянная дверь. Мы подождали, пока кто-нибудь из работников типографии откроет дверь, и попросили позвать Фаину Моисеевну. Эти строки я пишу через 36 лет после описываемого случая, а картина нашей встречи стоит перед глазами, точно это происходит сейчас, сию минуту.

...Скоро появилась стройная, но уже сидящая Фаина Моисеевна, посмотрела в нашу сторону, остановилась и стала пристально вглядываться в меня. Мы, называя ее по имени и отчеству, попросили открыть дверь. Она же все смотрела и смотрела на меня... Наконец дверь открылась, Фаина Моисеевна удивленно и взволнованно вскрикнула: «Это вы, Петр Осипович?!» Потом, немного успокоившись, сказала: «Я не верю своим глазам! Это мираж! Я никак не могу поверить, что передо мной стоит живой Сагоян. Ведь через некоторое время после вашего ареста в 1937 году в нашей газете «Красный шахтер» и в краевой газете «Молот» не раз писали, что вы расстреляны». Чтобы не омрачать нашу встречу, я сказал: «Это значит, что буду жить долго».

Фаина Моисеевна приютила нас у себя, и мы у нее прожили около месяца. Через некоторое время она переехала в Таганрог к своей сестре. Мы с женой ездили к ним в гости. Недаром говорится, что друзья познаются в беде. Когда меня арестовали, многие начали избегать встреч с моей женой. Сестры Коган и Драгицин были единственными людьми, которые приходили к ней и оказывали посильную материальную помощь.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ РОЖКОВ И ДРУГИЕ

Наша попытка обосноваться в г. Шахты потерпела неудачу. Оказалось, что люди, в первую очередь партактив, продолжали жить страхами 1937 года. Впрочем, у меня самого и особенно у моей жены на многие годы сохранился этот страх, чувство тревоги.

Такое настроение было вполне объяснимо. Пока мы были в Шахтах, я часто встречался с хорошо знакомыми старыми членами партии, участниками Гражданской войны, первых трудных лет установления советской власти и со строителями первых пятилеток. Коротко расскажу о некоторых из них.

Александр Федорович Рожков — шахтер, член партии с 1917 года, во время Гражданской войны — командир объединенных отрядов красногвардейцев шахт Александра Грущевского месторождения угля, позже названного Шахтинским. В Гражданскую войну был награжден орденом Красного Знамени, вторым орденом Красного Знамени к 10-й годовщине Октябрьской революции. На гражданке работал в системе коммунального хозяйства.

Стародубцев (имя и отчество не помню) — шахтер, участник Гражданской войны, красногвардеец отряда Рожкова, член партии с 1918 года. Работал заведующим шахтой «Октябрьская революция», второй по величине в районе.

Коробко (имя и отчество не помню) — казак, учитель из станицы Медведовская, что на Кубани. Член партии с 1918 года, участник Гражданской войны. В Великую Отечественную войну в звании капитана дошел до Германии. После войны был директором рабфака.

Тимофеев — матрос Тихоокеанского флота, член партии с 1919 года, участник Гражданской войны, заместитель председателя горсовета г. Шахты.

Михаил Иванович Баев — член партии с 1925 года, в Гражданскую войну был красноармейцем, после войны — директором горного техникума.

Четверо из пяти указанных лиц в 1937 году были арестованы органами НКВД и подвергались таким пыткам, что, слушая их, мои волосы становились дыбом. К счастью, потом их выпустили, и они не попали под суд, что означало бы их верную гибель.

Музу Александровну Гречникову, бессленно работавшую в горкоме партии десятки лет, не посадили,

но уволили, и она вынуждена была работать на шахте «Петровская», выбирая породу с ленточного конвейера во время сортировки угля.

Узнав, что в город после реабилитации вернулся второй секретарь горкома, ко мне потянулись и старые члены партии, тоже пострадавшие в 1937 году. Я слушал их печальные рассказы, и мне было больно не только за каждого в отдельности, но и за партию в целом. И не только больно, но и обидно и стыдно. Мое сознание не могло примириться с тем, что все это происходило в Стране Советов, хотя и я был жертвой этой мерзости.

Мой приезд в Шахты у руководства горкома партии и комбината «Шахтантрацит» вызвал шок: руководители не знали, как со мной поступить, что со мной делать. Попытка устроиться на работу ни к чему не привела. Даже вмешательство сына Стародубцева, который был начальником отдела кадров комбината, не помогло. Просить помощи в горкоме считал унижительным делом, так как был убежден, что горком — не биржа труда. Видимо, кому-то я очень мешал, и мое появление в городе было крайне нежелательно. Позже я, конечно, понял, что очень мешал органам НКВД.

...Не дожидаясь решения суда о возвращении нашей квартиры, мы с женой уехали в Москву.

СТРОИТЕЛИ ЧУДО-ГОРОДА НОРИЛЬСКА

Хочу коротко рассказать о некоторых членах партии и беспартийных, которые в условиях заключения строили Норильск и не упоминаются в моих воспоминаниях «Начало и строительство Норильска».

Иван Иванович Богатырев — член партии, бывший секретарь одного из райкомов партии Уфы, по профессии каменщик. В 1938 году после недозволенных методов следствия он оглох. В Норильске Иван Иванович работал футеровщиком электролитных ванн. В декабре 1950 года по решению Особого сове-

щания все ранее осужденные на 10 лет тюрьмы и уже отбывшие свой срок были вновь осуждены, на этот раз на вечную ссылку. Такую же ссылку получил и я с закреплением за Норильском. Тех же, кто имел 15–20 лет тюрьмы, отправили отбывать первоначальный срок в тюрьмы. Богатырев был приговорен к 15 годам, и его этапом отправили отбывать срок в Иркутский централ. В 1956 году он был реабилитирован.

С ним у меня произошла интересная встреча. Было лето 1958 года, стояла чудесная погода. По какому-то делу из Ессентуков я поехал в Кисловодск. Когда шел от вокзала к парку, увидел идущего навстречу человека, на лице которого были написаны страдания и боль. Он шел, глубоко задумавшись. Лицо и фигура мне показались знакомыми. Уже пройдя мимо, я решил вернуться и поговорить с ним. Догнав его и извинившись, я сказал: «Простите, ваше лицо мне знакомо» — и услышал в ответ: «Ты что, Сагоян, дурака валяешь, я Богатырев». Мы крепко обнялись, я пригласил его к себе в Ессентуки. Он приехал и рассказал свою историю. Оказалось, что после Норильска он сидел в Иркутской тюрьме около 6 лет. В 1956 году из Иркутской тюрьмы был освобожден и выслан в Карелию в качестве ссыльного.

В Карелии Богатырев несколько месяцев работал каменщиком на строительстве какого-то объекта и жил в общежитии. Оттуда он написал заявление в ЦК КПСС и скоро был реабилитирован. На второй день после реабилитации он уехал на родину. В Кисловодск Богатырев приехал по путевке — лечился в санатории «Кавказ». Он встретился со своей семьей после 18-летней разлуки. Сыну было 5 лет, когда его арестовали, отец увидел его только 23-летним.

Я несколько раз ездил в Кисловодск для встречи с ним, а он приезжал к нам в Ессентуки. Мы долго с ним разговаривали, вспоминали все перипетии нашей жизни и обменивались письмами. Иван Иванович скончался в 1975 году.

Иосиф Михайлович Мгебрашвили — член партии, чекист из Тбилиси. Он получил 10 лет заключения, срок был сокращен на два с половиной года. Во время строительства электролитного цеха при переходе через рельсы бетоновозной железной дороги Иосиф Михайлович споткнулся, а в это время на полной скорости мчалась загруженная бетоном вагонетка. В итоге одну ногу пришлось ампутировать до колена. После освобождения Мгебрашвили стал начальником Metallургстроя. В 1954 году Иосиф Михайлович был полностью реабилитирован, выехал в Грузию, работал начальником строительства высотной гидроэлектростанции на реке Ингури. Недавно я узнал, что Иосиф Михайлович умер.

Владимир Иванович Пилипенко — член партии, железнодорожник. До ареста был начальником железнодорожного вокзала в Краснодаре, получил 10 лет. В Норильске работал на станции Норильск-2, а потом в Дудинке коммерческим агентом железной дороги. В Норильске Владимир Иванович как-то показывал мне два письма из дому. Его 12-летняя дочь писала: «Папа, вышли мне мех песца». Бедная девочка не понимала, в каком положении находится ее отец. Мы уехали из Норильска, а Владимир Иванович еще оставался там. Впоследствии он также был реабилитирован.

Вячеслав Владиславович Сендек — член партии с 1920 года. Инженер-строитель из г. Шахты, потом работал в Красноярске, там же его и арестовали. В Норильске строил электроплавильный цех, а затем стал главным инженером ТЭЦстроя. В лагере он хотел меня устроить дневальным барака, я его поблагодарил и от предложения категорически отказался, предпочитая работать на строительстве рядовым рабочим. Сендек после реабилитации выехал в Новороссийск.

Георгий Сергеевич Доценко — член партии с 1916 года, старый чекист. Один из ответственных работников центрального аппарата НКВД в Москве.

В 1938 году был назначен начальником управления НКВД в г. Калинин, там работал, там же был и арестован. Срок имел 15 лет тюрьмы. В Норильске мы с ним работали в одной строительной бригаде. В 1954 году Георгий Сергеевич по ст. 58 был реабилитирован, но за превышение власти по другим статьям судимость с него не была снята. Проживание в Москве ему было запрещено. Когда я жил в Ессентуках, держал с ним письменную связь. В 1956 году Георгий Сергеевич работал мастером на одном из кирпичных заводов в г. Серпухове. Во время дежурства на заводе Георгий Сергеевич повесился. Об этом мне сообщил в письме его родной брат Василий Сергеевич Доценко.

Думаю, в этой трагедии роковую роль сыграл отказ жены Георгия Сергеевича от своего мужа. Я этот вывод делаю вот из чего. В августе 1954 года мы с Марией приехали в Москву и заехали к жене Доценко, передали ей его письмо. Она была очень недовольна тем, что мы пришли к ней с письмом. Никаких вопросов о муже не задала и даже не поблагодарила нас. Уже на улице моя жена с возмущением сказала: «Вот какие неблагодарные женщины бывают! Когда ее муж был на ответственной работе, тогда он ей был нужен, а в беде Георгий Сергеевич ей не нужен. Как это гадко!»

А.Б. Крымов — псевдоним. В 1923 году он ЦК Компартии Китая был отправлен в Москву учиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока, который имел два сектора: советский и иностранный. Общее число студентов — 1800 человек, из которых 600–700 были коммунистами-подпольщиками из Египта, Греции, Японии, Турции, Персии и т.д. Самая большая группа была из Китая — 200–250 человек. Мне, студенту III курса этого университета, было поручено ректоратом заниматься с иностранными студентами. Крымов был старостой одной из китайских групп. Вот тогда я и познакомился с ним

близко. Он уже владел немного русским языком, хорошо знал английский.

Окончив КУТВ, я поехал на работу в Брянск и всякую связь с Крымовым потерял. Однако судьбе было угодно, чтобы мы вновь встретились за тысячи километров от Москвы — в Заполярье, в Дудинке.

В своих воспоминаниях «Начало и строительство Норильска» я подробно описал, как, очистив железнодорожную трассу от снега, наша бригада Грампа в июне 40 года прибыла в Дудинку. В дудинском лагере, проходя мимо пищеблока, я вдруг увидел Крымова в поварском колпаке. Он меня тоже заметил, мы тепло встретились и обнялись. Оказалось, что он работает поваром в столовой лагеря. Крымов после окончания КУТВ по заданию Коминтерна поехал в Китай, вел там подпольную работу, затем ЦК Компартии Китая его командировал в Москву, где он работал помощником Димитрова. На этом посту его и арестовали. В 1954 году Крымов был реабилитирован. Его жена, стенографистка Коминтерна, приехала в Норильск, мы там дружили семьями. Потом и мы, и они уехали.

Крымов в Москве работал в Институте востоковедения научным сотрудником, имел звание доктора исторических наук. О Крымове в статье Н.Н. Тимофеевой под названием «Коммунистический университет трудящихся Востока» сказано так: «Из его стен вышло немало известных востоковедов, таких, например, как ныне здравствующий доктор исторических наук, научный сотрудник ИВ АН СССР, профессор А.Г. Крымов (ГО ШАОТАН)» (журнал Академии наук СССР «Народы Азии и Африки» № 5 за 1979 год, с. 34).

В КУТВ учился в иностранном секторе Назим Хикмет. Мы все знали, что молодой человек, высокого роста, с горбатым носом, тайно прибыл из Турции, где его отец был губернатором одного из восточных вилайетов. Этот студент писал стихи. Я не могу простить себе, что, когда из газеты «Кавказская здравница» в

1957 или 1958 году я узнал о том, что в одном из наших санаториев отдыхает Назим Хикмет, я не пошел встретиться с ним.

Федор Михайлович Певзнер — комсомольский работник из Калининской области. Получил 10 лет тюрьмы. Когда его арестовали, ему не было и 23 лет. В Норильске работал диспетчером Metallургстроя, а потом диспетчером управления капитального строительства. После реабилитации в 1954 году Певзнер выехал в Красноярск, откуда родом была его жена Наталья Максимовна Попкова. Он умер в августе 1988 года.

Степан Митрофанович Новицкий (псевдоним). Настоящая фамилия Михайлов. Человек легендарной судьбы. Член партии с 1919 года. Во время Гражданской войны был нашим разведчиком в Румынии, здесь был арестован и приговорен к смертной казни. Благодаря Советскому правительству Новицкий был спасен. В Норильск попал, имея срок тюрьмы 5 лет. В приговоре было написано одно слово: «Шпион». По предложению инженера-электрика Новицкого и его товарищей-электриков на комбинате впервые, если не ошибаюсь, был введен электропрогрев бетона, а затем и кирпичной кладки, что намного ускорило строительство Норильска. В 1954 году он был реабилитирован. Новицкий живет в Риге.

В сборнике 1941–1945 годов «Кузница победы» была помещена интересная статья С.М. Новицкого под названием «Норильские плавки» (М.: Изд-во политической литературы, 1985).

Петр Михайлович Лепешев — член партии с 1919 года. Учился в Москве в Институте красной профессуры, а потом там же преподавал философию. В Норильске он несколько лет был заведующим инструментальной мастерской Metallургстроя. После освобождения по сокращению срока в 1944 году Лепешев заведовал учебной частью заочного отделения Всесоюзного заочного политехнического инсти-

туда в Норильске. Он хорошо знал жену М. Горького Марию Федоровну и много интересного рассказывал о ней. В те годы Мария Федоровна ведала Домом ученых на Кропоткинской улице в Москве. В 1954 году Лепешев был реабилитирован и из Норильска уехал.

Александр Михайлович Божко — член партии, ученый, педагог, был приговорен к 10 годам тюрьмы. В Норильске работал весовщиком на железной дороге. В 1954 году был реабилитирован и выехал в Кисловодск, где стал директором средней школы № 2. Как автор учебника по ленинскому воспитанию школьников и как новатор, Божко был награжден орденом Ленина и золотой медалью им. Н.К. Крупской. Умер в 1987 году.

Передо мной две книги, одна называется «Вечно живой родник» — это сборник статей. Он выпущен в Ставрополе в 1975 году. Сборник начинается со статьи М.С. Горбачева (в то время первого секретаря Ставропольского крайкома партии) «Учиться у Ленина, учить по Ленину». Следующая статья в сборнике принадлежит перу А.М. Божко. Авторы другой книги А.М. Божко и В.В. Макеев. Книга имеет подзаголовок «Из опыта кисловодской средней школы № 2 по обучению и воспитанию школьников на примере жизни и деятельности В.И. Ленина» (издана в Ставрополе в 1965 году).

Мария Викторовна Нанейшвили — жена первого секретаря ЦК ВЛКСМ (с 1929 по 1938 год) Александра Косарева. На Metallургстрое Мария Викторовна работала экономистом в плановом отделе. Скромная, тихая и трудолюбивая, она вечно была занята своим арифмометром. В седьмом номере журнала «Огонек» за 1988 год в статье Анатолия Головкова «Не отрекаться от себя» рассказано, как были арестованы А. Косарев и его жена. Об этом Мария Викторовна говорит так: «Я уже провожала Сашу, одетого, стоявшего под конвоем, когда в гостинной заметила наркома НКВД. «А ну, ее тоже возьмите», — крикнул Берия». После

ареста семьи Косаревых осталась их шестилетняя дочь Лена, которую воспитала ее бабушка. Когда дочь выросла, окончила среднюю школу, в институт ее не приняли и сослали в Дудинку, где после второго ареста находилась ее мать Мария Викторовна. В августе 1988 года по Всесоюзному телевидению транслировали торжественный спуск на воду морского судна, которому присвоили имя Александра Косарева. На митинге по этому случаю выступала дочь Косарева.

В том же году через адресное бюро Москвы я узнал адрес Марии Викторовны и ее дочери. Написал письмо. На первое письмо она не ответила, оказалось, что в это время была в больнице. Тогда я написал второе письмо, на которое получил ответ с домашним номером телефона. Я тут же заказал Москву и рад был услышать голос Марии Викторовны через 30 с лишим лет.

Павел Викторович Нанейшвили — родной брат Марии Викторовны. До ареста работал секретарем Копыльского райкома партии в Белоруссии. В Норильске мы оказались в одной строительной бригаде и крепко подружились. Это был веселый, неунывающий человек, что благотворно сказывалось на настроении и работе всех членов бригады. В 1991 году я получил письмо от его сестры Марии Викторовны с печальным сообщением, что несколько лет назад Павел Викторович скончался.

Леонид Артемьевич Пода получил 10 лет лагерей. В 1937 году окончил Московский инженерно-строительный институт. В конце ноября того же года была назначена защита его дипломной работы. Однако такой волнующий и вместе с тем счастливый день для любого студента был сорван. 6 ноября 1937 года, когда вся семья сидела за праздничным столом в честь 20-й годовщины Великого Октября, нагрянули трое работников НКВД и арестовали его отца, члена партии с 1906 года, работника КПК при ЦК ВКП (б) Артема Пода, и мать, прихватили и их сына — Ле-

онида Артемьевича. Так без пяти минут инженер Леонид Пода, пройдя суровую школу тюрем и этапов, оказался в Дудинке.

Время было весеннее, и только что сданная в эксплуатацию узкоколейка от Дудинки до Норильска, частично проложенная по снегу, не работала. И потому молодому арестанту (тогда ему шел 23-й год) пришлось по этапу все 112 километров пройти пешком.

В Норильске Леонид Артемьевич работал про-рабом на строительстве временной электрической станции, а потом 16 лет был главным инженером Горстроя. На этой должности в 1956 году он был реабилитирован, в том же году узнал о гибели отца в 1937 году.

Последние годы Леонид Артемьевич живет в Кисловодске и всегда, как и все норильчане того времени, с чувством печали и патриотической гордости вспоминает о годах, проведенных в заполярном городе, где в каждом здании, на любом метре улицы есть и его труд...

Этот список невинно осужденных, работавших в Норильске, я мог бы продолжить. Только в моем личном архиве таких фамилий более 100. Однако и этих имен достаточно, чтобы показать, как при культе личности Сталина расправлялись с лучшими представителями партии и народа.

Воздадим должное этим и тысячам других коммунистов и беспартийных товарищей, высоко державших свои головы и сумевших в труднейших условиях сохранить честь и совесть советского человека и построить город Норильск.

ПОЕЗДКА В ПАВЛОДАР

Итак, мы с женой снова в Москве. От знакомых норильчан я узнал, что бывший начальник Жилстроя Норильска Латышев назначен начальником большого строительства в Казахстане и подбирает себе работни-

ков. Я узнал номер его домашнего телефона, созвонился и встретился с ним, разговорились. Латышев предложил мне поехать на новое строительство. Я дал согласие участвовать в строительстве комбайнового завода, потом перепроектированного в тракторный завод. Быстро оформив командировочные документы, мы с женой поехали в Павлодар.

Нам предстояло жить в голой степи, в 15 километрах от большой деревни, каким тогда был город Павлодар, и строить огромный завод. Пришлось после сорокаградусного мороза Заполярья привыкать к сорокаградусной жаре Казахстана. Однако нам повезло, и даже очень, поскольку в Павлодаре строительство велось ведомством НКВД, как и в Норильске, мне были сохранены все льготы Заполярья, что имело для семьи немаловажное значение. Поездкой в Павлодар закончилась еще одна эпопея нашей жизни, полная кипучей трудовой и общественной деятельности, драматизма и зигзагов. Все это с честью и мужеством

*Встреча ветеранов войны и труда. Петр Осипович Сагоян (первый слева).
Ессентуки, 28 ноября 1981 г.*

выдержала мой верный друг и жена Мария Яковлевна Сагоян. Пусть эти слова будут эпитафией от мужа на ее свежей могиле, члена партии с 1921 года, делегата XVII съезда партии, Петра Осиповича Сагояна.

Ессентуки. 1991 г.

Николай Владимирович Супруненко. 1960 г.

Николай Супруненко:

*«Плохо же, что вы живёте
на свободе не лучше, чем я
в лагере».*

Когда их разлучили, ему было 25, ей 22. Встретились через десять лет. Он был сед и почти беззуб.

.. Жизнь и сам Николай Владимирович ответили на вопрос, вынесенный в заголовок. Три десятилетия, которые судьба отпустила выходцу из Норильлага, были достаточно щедры на события, поиски и находки. Сверхблагополучными эти годы не были, но счастливыми их назвать можно, несмотря на трудности и беды: Супруненко не зря их прожил, нашел свое место в жизни, проявил себя даже в двух ипостасях — аграрника и литератора.

Его хорошо знали как сортоиспытателя, большого знатока картофеля и других сибирских культур — в стране, в крае и особенно в «каменском» Сухобузимском районе, близко от «Тлаежного»; естественно, еще более широким был круг читателей и слушателей Николая Владимировича, постоянного автора газет и журналов, радио и ТВ, собственных и коллективных книг. «Второй хлеб» на конкурсе в Москве удостоен диплома и премии.

Он умер в 1978 году от неизлечимой болезни шестидесяти шести лет. Письма в ответ на просьбу из Норильска прислала в 1989 году его вдова, Анна Александровна; она пережила сердечную боль, отрывая с кровью, отдавая на чужой суд строки, предназначенные ей одной. Спасибо за то, что понимала, как станут дороги эти письма нам, независимо от возраста, — настолько в ломких листах плохой бумаги жив голос того времени, когда будущий заслуженный агроном республики считал дни до окончания срока... Редкой удачей надо считать знакомство со столь безыскусными свидетельствами уже далекой от нас норильской жизни — в первые годы после окончания войны. Видимо, мало сохранилось документов такого рода, и они бесценны.

А. Львов

«ГДЕ БУДЕТ МОЕ МЕСТО В ОБЩЕСТВЕ И ЕСТЬ ЛИ ОНО?»

|| Я думаю, за эти годы ты столько пережила, что есть о чем писать, тем более что я-то совсем не жил.

25-VIII-46.

Здравствуй, Аня!

За последние шесть с половиной лет сегодня я получил первое письмо. Пишет племянница Варя. Для меня это целый праздник. Даже два праздника. Во-первых, я разменял сегодня последний год, а это что-нибудь да значит, а во-вторых, восстановилась связь с родиной, с родными, близкими людьми.

Из письма Вари я узнал и о тебе, но очень мало. Наверное, они сообщили тебе мой адрес. Напиши, как ты живешь, где, в общем, обо всем. Ведь столько лет прошло, с 41-го года я ни о ком ничего не знал.

Расскажу о себе. В 42-м году я попал в Норильск. Это далеко на Севере, за Полярным кругом. С тех пор нахожусь здесь. С 1945 года работаю в совхозе агрономом, начальником отделения. При моем положении это очень хорошо, редкое исключение, этим выражено мне большое доверие. Мое отделение далеко в тундре. Сюда летом совсем нет дороги, а зимой — только на санях. Здесь пасутся коровы, овцы. Здесь много озер, а рыбы в этих озерах — нам не съесть. В тундре много ягод — морошки, голубики, брусники, клюквы.

Я подчиняюсь только директору совхоза, и для меня это очень хорошо, никакие другие начальники не трут мне шею.

Прошло столько лет, а случилось так мало, и это хорошо. Я здоров, а здоровье мне очень нужно, ведь через год я должен начать какую-то новую жизнь. Какая она будет, не представляю.

Варя пишет — «тетя Аня», а я думаю, теперь и вправду ты уже тетя Аня. Ведь тебе тоже 30 лет и на одной ноге не скачешь, как 10 лет тому назад. Когда, где и как мы встретимся, пока ничего не известно. Напиши обо всем. Как твои дела, как войну прожила, на Украину как попала? Что за работа у тебя? Как живет твоя сестра Маруся и ее муж Алексей? Я думаю, за эти годы ты столько пережила, что есть о чем писать, тем более что я-то совсем не жил.

Наверное, в живых меня вы больше не считали, и как ты восприняла мое воскресение? А я был так обрадован известием о тебе, что можно было расплакаться, а Иван Жеваго говорит: «У тебя, Коля, даже пот на лбу выступил».

До свидания. Пиши. Я жду.

Николай.

Сегодня получил письмо из редакции газеты «Красноярский рабочий». Писатель Устинович приглашает меня принять участие в конкурсе на лучший очерк. Это следствие моей статьи о норильском совхозе. Можно сказать, это была не статья, а настоящий очерк размером в подвал.

Однако Устинович не знает, что я заключенный, а заключенным строго запрещается печататься. Свою статью я передал через вольного.

|| *Раньше я ничего не понимал, а теперь, когда пережил и посмотрелся на ужасы, стал политиком.*

5-XII-46.

В наших широтах солнце давно уже не всходит. Без конца тянется полярная ночь. Только в феврале покажется на горизонте, в первый день — на несколько минут. А летом тоже нехорошо: если ждать вечера, спать не пришлось бы месяца три.

Два дня был в городе, там мне здорово попало за то, что скот потерял в весе. Причина была одна — скот нечем кормить. Добываем из-под снега осоку, ягель-мох, рубим ветки кустарников и этим

кормим крупный рогатый скот и овец. Скотина остается жива, но приплода нет, а овцы молока не дают даже ягнятам. Нарушается график плана. Дело настолько плохое, что я уже начинаю бояться за благополучный исход, а значит, и за конец своего срока. Пошел бы до весны на самые тяжелые общие работы, только бы избавиться от этой ответственности. Но не отпускают. Посылать сюда вольнонаемного начальника — ему надо платить 1500–2000 руб. в месяц, а заключенные работают бесплатно. Мне все же платили 60 руб., но так как я потерял плащ, его списали на мой счет в 12,5-кратном размере, и теперь эту сумму — 1250 руб. — удерживают.

В прошлом году я плохо отозвался об одном начальнике. Ему донесли, и меня отправили на штрафной лагпункт — Каларгон на 6 месяцев. Это очень тяжелое наказание, потому что там уже мало кто выдерживает шестимесячный срок, чаще кончают саморубами или просто кончаются. Узнал об этом директор совхоза и, вызволив меня, отправил обратно пасти коров и овец. Плохо то, что здесь нет ни книг, ни газет. Одно время играл в шахматы, осенью стихи сочинял, потом ударился в прозу.

На днях пришел мне денежный перевод из редакции газеты «Красноярский рабочий» — гонорар прислали, но здесь на переводе написали «заключенный», и ушли мои денежки обратно в редакцию. Жалко не так деньги, как то, что теперь узнают, что я заключенный, и больше ничего не напечатают. А у меня как раз вдохновение. Так, например, что может быть хуже для нас, заключенных, тундры на 70° северной широты? А я описал ее в очерке как блаженный край. Люди читают и удивляются, что не замечали, в каком хорошем краю они живут.

Раньше я ничего не понимал, а теперь, когда пережил и насмотрелся на ужасы, стал политиком. Но мы не сильны здесь, чтоб помешать движению истории. А это дьявольское историческое колесо оказалось действительно сильно. Кто бы мог подумать, что... (предложение не окончено. — А.Л.).

Что за переписка была у тебя с Борисом Дзюб? Похоже, он аферист и выступал в роли Николая. Это подло и низко. Я знал этого Бориса в 1938 году, потом меня из Рыбинска перебросили на штрафной л/пункт в Ольхово, и я с ним больше никогда не встречался. Галя Шерemet пишет мне, что вы даже посылки ему высылали. Благодарю тебя, ведь, посылая посылку, ты имела в виду меня. Только не делай больше этого. Заключение в нашей родной и любимой стране так много, так много — ты и не представляешь сколько. И никакая помощь с вашей стороны не может быть практически полезной.

До конца срока мне осталось (не считая дней) 8 месяцев. И чем меньше остается, тем тяжелее переживаю каждый день.

До свидания, буду ждать от тебя письмо.

|| При самом незначительном колебании государственных устоев изолируют в первую очередь нас.

19-XII-46.

Сегодня мне исполнилось 35 лет. Этот день праздновал я, торжественно подготавливаясь к нему с начала декабря. Подготовка заключалась в приобретении литра водки и закуски — соленых огурцов и квашеной капусты.

Гостей на именинах было двое. Один из них (Иван) кончает 10-летний срок заключения, второй (Вася) начинает. Этим они существенно и отличаются друг от друга. Как и подобает, были тосты:

- Чтоб тебя в ШИЗО не посадили!
- За благополучное окончание срока!

И прочее в этом роде. Я читал свои стихи, а Иван аплодировал. Весело не было. А когда они ушли, мне стало и совсем тоскливо. Не от одиночества, я уж к этому привык. Тяжесть в сознании — не знаю, как назвать это чувство. Началось с того, что Вася долго рассказывал о войне, он фронтовик, офицер, пробыл на фронте до конца войны и потом попал в лагерь.

Мы с Иваном внимательно его слушали, потому что войны не видели. Брели уголовников на передовую фронта, а политическим всем отказывали... Вася тяжело вздохнул и говорит:

— Да, пострадали мы! Таких переживаний человечество не знало и вряд ли будет знать когда-нибудь!

Тогда я начал рисовать картину наших страданий за 10 лет заключения. Вначале я рассказал о трагедии Кима (корейца). Его арестовали во время свадьбы. Потом как поэту Ключановичу (польский эмигрант) следователь выдергивал пышную бороду по одному волоску. Затем случай со знакомым мне по Чимкенту Хилько — его продержали много времени в клетке, залитой до колен водой, и у него на теле образовалась «крокодиловая» кожа... Как инженер Рудь убежал из кабинета следователя, взобрался по лесам на 4-й этаж строящегося дома и бросился вниз — убился. Как умирали люди, а мы не заявляли о смерти товарища по 2–3 дня, чтобы получить на него хлеб (400 г). Как на Волгострое к одному москвичу (доходяге) приехала на свидание жена; увидев своего мужа, в ужасе убежала. Как в 1937 году жена Давыдова голосовала за смертный приговор своему мужу, а потом сошла с ума. И еще многое такое я рассказывал фронтовику Васе.

Потом представил картину нашего будущего, то есть после 10 лет заключения. Это далекое будущее для Васи, совсем близкое для меня. Это будущее оказалось тоже мрачным. Дело в том, что страдания не кончаются после 10 лет, они будут продолжаться до тех пор, пока будет существовать тот общественно-политический строй, который нас репрессировал.

Нас не прописывают почти ни в одном городе, все города для нас режимные, работу дают не по специальности, а смотря на личность. При самом незначительном колебании государственных устоев изолируют в первую очередь нас. И эта временная изоляция может продолжаться бесконечно долго.

Для нас, по существу, невозможен семейный образ жизни, потому что стать членом семьи — это значит сделать и семью несчастной. Мы как прокаженные, которых можно жалеть, сочувствовать, но общаться с которыми опасно.

Понимаешь ли ты, Аня, всю глубину этого? Я еще не продумал до конца, в чем будет заключаться моя и подобных мне жизнь? Где будет мое место в обществе и есть ли оно вообще? Прожив эти десять лет ада, я узнал то, чего не узнал бы никогда, не попав сюда.

Вот поэтому я не писал никому больше шести лет. Я хотел, чтобы все знавшие меня думали, что меня война «съела». А в этом году, думая, что остался жив, написал письмо сестре Наталке. Она и сообщила всем мой адрес. И тебе.

У тебя, наверное, возникнет вопрос, зачем это все я тебе пишу. Видишь ли, милая Аня, это то, что самое больное у меня теперь, а кому я об этом напишу? Только ты из всех знакомых и родных поймешь меня вполне.

До свидания! Как долго остается ждать.

22-XII-46.

Сегодня получил первые твои два письма. Одно с письмом Пети и письмами Дзюбинского. Второе то, в котором «продолжение в следующем номере», где ты рассказываешь, как сеяла гречиху, ехала во время шторма по Иссык-Кулю, как искала Норильск на картах. Жалею, если остальных писем не получу, а это вполне возможно. Ты пиши по телеграфному адресу, тогда письма идут самолетом и мне почтальон Петя отдаст в руки. Я расконвоирован. Тот адрес я тебе писал.

В отношении Дзюбинского: я написал заявление прокурору того лагеря, где он находится. Всего заявления переписывать тебе не буду, а кончается оно так: «Только из последних писем стало для меня ясно, что Дзюбинский, зная адреса и состояние моей жены и родственников, использовал это с целью аферы — на-

живы. Играя на чувствах родственности и интимной связи, он выманивал, «доил» и без того плохо живущих в военное время моих родственников, и они с болью, может быть, с кровью отдавали последнее жулику-аферисту. Вероятно, з/к Дзюбинский считает меня погибшим, выступая перед моими родственниками в качестве брата, сына и даже мужа под моим именем и фамилией. Это мародерство, это преступление. Надеюсь, что Вы, г-н Прокурор, усмотрите в этом и другие преступления, за которые з/к Дзюбинского следует привлечь к уголовной ответственности».

Я сначала был удивлен, как мог тебя Дзюбинский обмануть? Неужели ты забыла мой почерк, мою роспись, ведь он совсем по-другому расписывается. Сестрам это простительно, они малограмотные... Но когда я прочел его письма, которые ты прислала, я подумал, что можно было поверить, ведь он, гад, писал, что на погрузке сломал правую руку и пишет левой, чтоб не писала на мою фамилию, как будто я бежал, и меня поймали, и теперь я в карцере, — пиши на Дзюбинского.

Его поступок мерзкий, вызывает во мне отвращение, я чувствую себя виноватым, и мне стыдно перед тобой и сестрой. Ты мне, милая, ничего не посылай. По тому адресу, что ты знаешь, я все равно не получу ни денег, ни посылку. Это надо посылать через лагерь (адрес нарочно не даю), а письма я получаю через совхоз, почтальон отдает их, не зная, что я заключенный.

Здесь есть не одна, а даже три метеостанции, работают на них и вольные, и заключенные. На метеостанции «Пром. площадка» работал Николай Седов после освобождения. Этим летом он улетел дальше на север, на метеостанцию «Мыс Входной». Отделение совхоза «Второй Норильск», где я начальником, далеко в тундре, здесь метеостанции нет, и не очень она нужна. С нас достаточно и одного термометра, что прикреплен к столбу. По нормам полагается, если температура ниже -40°C или ветер сильнее 24 м/с, заключенные

на открытых объектах не работают — «активируются». А так как температура здесь постоянно ниже -40°C , а не работать нельзя, иначе скот кормить будет нечем, термометр объявлен «вредителем», «врагом скота». Так что работать приходится ежедневно, независимо от погоды. Как видишь, метеослужба не всегда бывает в пользу. Это, наверное, заденет тебя как спеца, и ты будешь возражать, но все равно термометр до мая месяца будет считаться «врагом»... Если кто здесь умирает, труп надо обязательно отправлять в город — сначала в морг, а потом там и хоронят, под горой Шмидта.

Как много под этой Шмидтихой нашего брата!

Норильский совхоз.

15-III-47.

Здравствуй, милая Аня!

Здесь даже в воздухе еще не пахнет весной, скорей наоборот. Только в душе уже весна. Зима в этом году очень холодная, но ожидается теплое лето, скорей бы оно пришло. Как медленно тянется время. Я начал счет своего срока днями (осталось 160 дней), но от этого не легче никому. Наоборот, чем короче срок, тем мучительнее ожидание.

До сих пор я был ежедневно обеспечен работой, питанием, хотя и ограниченным. Так как личной жизни все эти годы не было, то и не смущала никакая ограниченность. Прошло 10 лет! Скоро начнется обратное вращение колеса. Я стою на пороге этого нового, и мне как-то не по себе. Откроется дверь — и как меня встретит эта свобода? Я совсем другой, я отвык от той жизни. А одежда? Ведь в лагерном обмундировании выехать вообще немислимо. Оставаться работать здесь, как и многие другие, привести себя в божеский вид, а потом видно будет.

Но мне и думать не хочется оставаться здесь после освобождения. Сегодня написал письмо Пете на эту тему. Ты только не думай о помощи мне. Я знаю, что ты нуждаешься еще больше меня. Лучше сыну купи ботинки. Пишу тебе об этом потому, что привык писать тебе обо всем.

Не хвали ты мои стихи, какой из меня стихотворец! Ты получила то мое письмо, в котором написано сестре, напечатано письмо в газете и письмо мне от Устиновича? Если получила, то видишь, какой из меня поэт.

Я получил письмо от Андрюши, сына Палаши. Он пишет, что у них хранятся мои вещи, которые ты привозила на хранение. Только я не помню, чтобы у меня было что-нибудь достойное хранения 10 лет.

Пиши мне по-прежнему на совхоз, почтальон обещал отдавать мне письма.

До свидания. Остаюсь с надеждой на скорое лучшее и встречу с тобой.

|| Гибнут сплошь и рядом прекрасные,
|| хорошие, совершенные люди, а живут
|| и успевают всякая дрянь...

1-IV-47.

Наверное, я все твои письма получил, кроме тех, которые с фотографиями. Буду еще ждать. Может быть, направили через лагерь. О том, что ты где-то на Украине, я узнал из письма Вари. Другая племянница, Галя, написала все обстоятельно. Оказывается, ты живешь в Пржевальске, в Киргизии.

Аня, ты просто смешная. Спрашиваешь меня о фамилии китайца. Их здесь, я думаю, не меньше двух тысяч человек, и большинство из них называются Ваня, реже — Володя, Андрей, Миша. Настоящие их тройные имена и фамилии записаны в личных делах. И твою знакомую китайку я не могу утешить, не найду мужа ее здесь. Норильск не такое место, где можно найти человека. Здесь 60 тысяч рабочих. Из них половина заключенных, а другая половина — вольные, бывшие заключенные. И очень много заключенных погибает. Гибнут сплошь и рядом прекрасные, хорошие, совершенные люди, а живут и успевают всякая дрянь, кретины, дегенераты.

Если так будет долго, плохие будут последствия. Милая Аня! Вся Украина хочет хлеба, даже несколько

Украин, и ты своим куском хлеба не спасешь их от гибели, от голода. Уже хорошо то, что ты понимаешь трагедию создавшегося положения, понимаешь не вообще, а в конкретных выражениях — фактах смерти. Умерли мать и отец. А как он любил тебя! А помнишь, как он тебя на руках нес, шли под дождем до Синельниково, я помню, как он говорил — «наша русская донюшка».

Ты пишешь, что ваша гидрометеослужба по снабжению хлебом причислена к милиции, получаешь 500 и 300 г на Олега. Хоть это хорошо, но ты не распыляйся, выбери кого-нибудь одного, допустим твою сестру с дочкой. На меня не расходуй ни одного рубля. Об Украине брось думать — ты бессильна в этой борьбе с голодом. Что значит ведро картошки для голодной Украины? А тебе под силу только такая помощь.

Я не хочу, чтоб письма были печальные, но уж если положение дрянь, так уж говорить об этом во весь голос; тогда уж это ясно и не так грустно, а просто дрянь.

Нет, я вполне тебя понимаю. И объясню, почему мы любим друг друга. Дело в том, что очень редко встречаются люди, идеально отвечающие друг другу во всем, а мечтают об этом все и всегда.

Зря ты мечтаешь о Севере. Хуже чем Север придумать ничего нельзя. Это о нем только пишут хорошо, чтобы людей заманивать сюда, потому что кто же сюда добром поедет? В кинокартине или в рисунке все красиво: и черная пурга, и вечные снега, и собачьи упряжки, и олени; и даже длинную 4-месячную полярную ночь можно изобразить красиво, а в природе все это — сплошной холод, и ничего хорошего. Очень красивое бывает северное сияние, но на него уже никто не смотрит.

А еще страшна цинга. Она так изматывает людей, особенно в первые годы каторги! Особенно трудно достается заключенным, из них так много отходят (под Шмидтиху) в первые два года, а выжившие потом делаются крепкими, выносливыми, сильными, но

в большинстве — сердечниками. Здесь, кроме ягод в тундре, никаких фруктов нет. И единственный доступный «фрукт» — это капуста, которую с большим трудом выращивает наш совхоз. Остальных овощей так мало (это продукция закрытого грунта), что для заключенных не остается и понюхать. Я расконвоирован, и мне эти два года жить легче.

Какого-то Пискунова я знал в 1944–1945 годах, попытаюсь что-нибудь узнать о Саше. Если он здесь, найду, и если он плохо живет, то помогу ему.

|| Легче становится от сознания, что кто-то обо мне думает.

9-V-47.

Писем от тебя все нет и нет, не думаю, чтобы к этому была какая-то серьезная причина. Просто почта виновата. Скучно. На днях получил твою телеграмму, текст ее таков: Дубрунецка Николаю сообщи адрес фамилию имя отчество послать деньги — Аня. Денег посылать не надо. Я хотя и мало надеюсь, что к августу месяцу деньги у меня будут, но думаю, найду выход из положения. И откуда у тебя деньги? Наверное, последние вещи продала? Если деньги у тебя появились, купи хоть полпуда муки, а то опять могут долго хлеб не продавать. Береги Олега, купи ему ботинки. 800 рублей пуд! О такой свободе и подумать страшно. В июне (3-го) освобождается из лагеря мой товарищ. Он, безусловно, остается работать в совхозе по вольному найму. Ему дадут какой-то огород. Он предлагает мне то же самое — эксплуатацию этого огорода, на чем, безусловно, можно заработать. Так делают многие освободившиеся, чтоб выехать отсюда.

Таковы перспективы. Кроме того, я надеюсь, что брат поможет. Мне остается 3,5 месяца — это так мало из 10 лет, и, главное, теплое время года. Такое чувство, что я подхожу к финишу — устал, но выжил и считаю себя победителем.

Сегодня 9 Мая, но демонстрации ни 1-го, ни 9-го не было из-за плохой погоды. Сегодня я проходил по

главной улице нового города. Со всех этажей из открытых окон на улицу выплеснулся праздник. Музыку, песни пьяных и возбужденный разговор ветер уносит в тундру. Здесь все еще зима. По улице тоже много пьяных. Весна придет через месяц — с начала июня. Если бы я получил письмо, было бы совсем хорошо, но письма нет, и поэтому невесело. И все же я не беспокоюсь по этому поводу, уверен, что причина в почте. Думаю, что когда-нибудь получу целую пачку твоих писем, ведь ты продолжаешь писать? Скоро будут ходить пароходы по Енисею, и тогда письма будут доставлять регулярно.

Нам и так повезло, это только в этом году зимой письма доставляли самолетами, а раньше такой роскоши не позволялось, переписка была возможна только в период навигации.

Как Олег? Загорает, рыбу ловит, с девочками дерется, письмо мне пишет?

Я пишу письмо в первом часу ночи — (стоит) светло-белая ночь. Все электрические лампочки сданы в склад до следующей осени. Пока до свидания. Как я благодарен тебе за заботу! Легче становится от сознания, что кто-то обо мне думает и даже заботится о моем благополучии.

На земле больше миллиарда женщин, и если бы их фотографии разложили передо мной — на самую красивую и самую умную я не смотрел бы так, как на твою.

16-V-47.

Вчера, 15 мая, получил твое письмо с фотокарточками. Странно, я думал, что за 10 лет человек меняется настолько, что его не узнать. Оказывается, ты очень даже похожа на ту, какой я тебя помню. Чувствуется, что тебе не 20, а 30 лет, тем не менее ты очень похожа на себя.

Я целый вечер смотрел тебе в глаза и многое думал. В мыслях не было последовательности — о чем

думал вчера, не помню сегодня. Помню, хотелось поцеловать, но это желание похоже на желание прижать, обнять теплый весенний день. Жалко, правда, такого дня в этом году еще не было, — зима все еще продолжается, но не страшно, все равно скоро будет тепло.

Где-то в Игарке, по Енисею, идет ледоход. От этого здесь сильнейший ветер и холодно. В начале июня придет в Дудинку первый пароход, и тогда будет тепло.

Оттого что с окончанием срока предоставляется возможность уехать на Большую землю, возможна встреча с тобой, оттого что ничего не известно о будущем, я прямо болезненно переживаю это время. Считаю дни, а их так много — целых 100!

Как я хочу встретиться с тобой. На земле больше миллиарда женщин, и если бы их фотографии разложили передо мной — на самую красивую и самую умную я не смотрел бы так, как на твою.

За эти 10 лет я привык думать о воле, как о чем-то совершенно непохожем на среду, в которой я вращался столько лет. Но, глядя на вашу бедность, думаю, что она немного отличается от нашей. Я помню, как мы в Ленинграде покупали тебе шапку, а о пальто ничего не помню — когда и при каких обстоятельствах. Если ему 10 лет — это значит, что ты не роскошно жила. И у Олега валенки большие, а пальто мало.

Все-таки самым большим желанием я считаю посидеть рядом с тобой за чашкой чая, даже ни о чем не говорить, а знать, что мы вместе.

Читаю письма с Большой земли (ко мне и товарищам), и делается страшно, поэтому многие после освобождения остаются здесь.

Норильск, разумеется, живет независимо от урожая и даже независимо от войны. Здесь все время стабильный паек — норма и всякому работающему гарантирован прожиточный минимум, причем этот минимум «не совсем минимальный». Специалисты здесь получают высокую зарплату — агрономы не

меньше 1000 руб. в месяц, а другие и по 3–4 тысячи. Рабочие горно-металлургических предприятий зарабатывают тоже до 2 тысяч руб. в месяц, даже неквалифицированные рабочие совхоза получают около тысячи рублей. Неплохо, с одной стороны, а с другой — плохо тем, что Норильск ничего, кроме металла и угля, не производит, и поэтому все дорого. Так, например: стакан табака стоит 15 руб., литр молока 50 руб. Питаться в столовой стоит 800 руб. в месяц. Так что 1000 рублей — это и есть минимум, на который только можно прожить.

Я так и не понимаю, как же живут где-нибудь на Украине, где зарабатывают в 3–4 раза меньше, а ведро картофеля — 200 руб.

Совсем недавно я послал тебе письмо в ответ на телеграмму. Прошло несколько дней, и положение изменилось. Теперь ясно, что никаких денег мне не дадут к моменту освобождения. Обращусь к брату и, вероятно, к тебе. Когда это будет нужно, я напишу позже, а пока мне деньги не нужны.

Пока до свидания, пиши мне по старому адресу — в совхоз.

|| Похоже, что вы живете на свободе
не лучше, чем я в лагере.

1-VI-47.

За эти дни я получил от тебя так много писем, что не знаю, как и быть. Бумаги НЗ не хватит, а одним письмом не ответишь. И вообще за этот год я так много получал и писал писем, что вознагражден за все прошлые годы.

Из письма я узнал, откуда у тебя больше тысячи рублей и как ты богата. Как же вы жили эти пять месяцев без зарплаты? Пишешь, что помогала с отчетами продавщице, где хлеб получаете, и она вас подкармливала. Да, горький выход из положения, но ты молодец, оптимистически смотришь на это, хотя чувствуется, как тебе трудно.

Похоже, что вы живете на свободе не лучше, чем я в лагере. Мне не хотелось бы, чтоб ты высылала мне деньги, но если ты так настойчива, то высылать надо на кого-нибудь. Денег заключенному не выдадут и могут отправить обратно. 4 июня освобождается мой товарищ Островский Мечеслав Болеславович, он получит паспорт. Вот на него и пошли, а он мне передаст. Посылать надо не в лагерь, а в город.

А чем-нибудь помогают тебе медаль и грамота за доблестный труд во время войны?

Ты еще делаешь одну глупость, посылаешь мне посылку. Я совсем не бедный и почти ни в чем не нуждаюсь, хотя у меня ничего и нет. Я расконвоирован и более свободен. В совхозе я второй год. Один год прожил на отделении — у черта на куличках, где мы выкармливали скот, я тебе об этом писал. Теперь я работаю в парниковом хозяйстве.

Сегодня, 1 июня, первый день Троицы и первый по-настоящему весенний день. Я руководил сегодня бригадами на пикировке капусты в парниках. Весна наступила, а весну здесь так все ждут! Стало повеселее.

|| *Милая, как хочется свободы, я думаю, что буду целовать землю, где есть поля, луга и рощи.*

*Норильск. Совхоз.
5-VIII-47.*

Письмо, написанное 15-го, я так и не сумел отправить потому, что попал в ШИЗО (это значит: штрафной изолятор). Остается совсем мало дней, и чем ближе освобождение, тем труднее. Нервы на пределе. Не сдержался, назвал начальника дураком. Сволочи, последние дни не дают спокойно пожить. Вместо 10 заработанных суток продержали в ШИЗО 20.

Ты, Анечка, и не представляешь, как тяжело. Я стал совсем седой. Ты меня и не узнаешь. Совсем не похож на того Кольку-Хохляндию, как ты меня

*В правлении колхоза «Путь Ленина».
Слева направо: В.Д. Трапезников — председатель колхоза;
Н.В. Супруненко — зав. ГСУ; бухгалтер колхоза — фамилия на снимке
не указана. Село Шила Сухобузимского района. 1960 г.*

Поле № 6 — сортоиспытание кукурузы на силос. 1963 г.

называла. Но о волосах не тужат, хорошо, что голова осталась. Милая, как хочется свободы, я думаю, что буду целовать землю, где есть поля, луга и рощи.

С освобождением, наверное, будет не все так, как я думал. Раньше я думал выехать на материк морем на теплоходе Дудинка—Архангельск, который будто бы выделен правительством для Норильска. Я бы мог тогда заехать в Петрозаводск к твоей сестре. Но теперь, вероятно, в Петрозаводск мне не попасть, так как освобожденных вывозят отсюда организовано, партиями, до Красноярска. Это, с одной стороны, и хорошо — можно доехать до Красноярска бесплатно.

Нельзя уже ехать до Мурманска, и, главное, в этой организованности будет продолжаться заключение. Однако это все неточно, и я не знаю, что для меня лучше.

Денег пока нет. Угрожает еще одна опасность. Начальник комбината ходатайствует перед правительством о предоставлении права людей освобожденных распределять по его усмотрению. Наверное, право он это получит.

Если все будет нормально, то не позже сентября я буду в Пржевальске.

До свидания, милая Аня. Как здоровье Олега?

|| Я на свободе! Хожу, земли под ногами не чувствую. Как хорошо!

25-VIII-47.

Позже я напишу тебе подробно о своих последних днях в лагере, а сегодня только несколько слов по существу. Я на свободе! Хожу, земли под ногами не чувствую. Как хорошо! Ничего не изменилось по сравнению со вчерашним днем, и все-таки все по-другому. Ем я ту же пищу, одет в ту же одежду, ночью там же, хожу по тому же маршруту, как и будучи заключенным. Но все это теперь совершенно по-другому воспринимается. В кармане у меня теперь не пропуск, а паспорт, а в ОУРЗ лагеря на мой вопрос, что делать дальше, девушка ответила: «Что хотите, теперь вы

вольный гражданин». Какие слова! И некрасивая девушка, сказавшая такие слова, вдруг превратилась в красавицу.

Я вышел на Заводскую улицу с теплотой в груди, ходил по тротуару до усталости.

До свидания, милая, до скорой встречи.

26-VIII-47.

Здравствуй, милая Аня!

Не так получается, как предполагалось. Дело в том, что я не смогу приехать в Пржевальск, по крайней мере, в ближайшее время. Меня освободили, но оставили работать в системе Норильского комбината — направляют работать в один из южных совхозов, это где-то около Минусинска — южнее Красноярска километров на 500.

Ст. Абакан, Шушенский совхоз Норильского комбината МВД СССР... Все считают, что мне чертовски повезло. Ты, милая, не обижайся, пойми меня правильно — я тоже думаю, что мне повезло. Спасибо тебе большое за 900 рублей (мне их отдал Островский, он получил их 10 августа), но мне не на что было выезжать, так как только до Красноярска билет на самолет стоит 1500.

Биостанция. Здесь работали студенты. Красноярск, 1975 г.

Конечно, печально и жалко, что встреча с тобой отодвигается. Но кажется, это единственный выход из положения. Все командировочные расходы оплачивает комбинат — проезд, суточные — и дает еще подъемные.

Командировка хороша тем, что я уже не задержусь здесь долго, самолет улетает на юг через 2–3 дня. Так что ночь заполярная и зима 1947/48 года уже, слава богу, не для меня.

Шушенский совхоз — это вроде подсобного хозяйства Норильского комбината, и работать в нем значительно легче, чем в совхозах министерства земледелия, так как этот совхоз не делает госпоставок и подчиняется только начальнику комбината, который там, конечно, никогда не бывает.

В этом совхозе я буду чувствовать себя свободно в своей среде, и никто мне там не напомнит о 10 годах и о том, что я был заключенный.

Шушь — это все-таки далеко на юге, там сады и пасека, бахчи, овощи, скот и поле.

3-IX-47.

Все еще Норильск.

Послал тебе письмо 29 августа, думал, что последнее из Норильска. Ожидаю я не погоды, а самолета. 8 дней прошло, как я освободился и не работаю. Совсем немного, а мне начинает надоедать безделье. Скорей бы уже быть там, где строят, создают, творят. Мне ждать невыгодно и потому, что это дорого стоит.

Раньше, когда меня кормил начальник, никакая дороговизна не смущала. Я думал, если одни продают, другие покупают, значит, у тех и у других много денег. А теперь мне надо покупать каждый день, и я, конечно, недоволен. Недоволен в шутку, потому что по-настоящему нельзя сердиться. Я знаю, что мне следовало бы писать не о таких пустяках, а о том, что я еду не к тебе, а в какой-то совхоз, не имеющий ничего общего с нами. Но что тут в утешение можно

написать? Все равно получается плохо. Столько ожиданий, мечтаний, надежд, и вот встреча не состоится в намеченное время.

Когда мы увидимся и где, трудно сейчас сказать. Как бы хотелось быстрее!

Я еще не знаю, что это за Шушь, куда я еду (где-то там отбывал ссылку Ленин), каково там будет мое место работы, каково положение в обществе, какие там условия жизни — квартира, условия питания и пр. Если все будет в меру хорошо, то я останусь там подольше и в ближайшее время возьму отпуск и приеду за тобой.

Вообще, все эти вопросы хотя и недалекого, но все же будущего, и отвечать на них сейчас очень трудно.

Думаю, что это последнее письмо из Норильска.

Милая Аня, ты еще не получила моего письма, в котором я сообщаю о Шуши. Это я заключил из полученного от тебя письма от 29-VII. Письмо такое хорошее, я читал его 3–4 раза подряд, причем первый раз читал на ходу. Иду новым городом по тро-

Могила Н.В. Супруненко на кладбище Бадалык. 1979 г.

туару — роняю ребяташек, сталкиваю прохожих, натыкаюсь на мусорные урны и блаженно улыбаюсь. Пасмурно, идет дождь, грязь под ногами, а мне тепло и радостно.

Ты получишь письмо и разочаруешься, хотя я объяснил, почему я еду в Шушенское. Тебе, конечно, очень хочется, чтоб я приехал к тебе, поэтому никакие причины не покажутся уважительными. Ты не беспристрастный критик, но я уже чувствую себя виноватым перед тобой, получается, вроде я тебя обманул. Но поверь, что это не так. Первый шаг в своей новой жизни я сделал не вслепую, а глубоко обдумал все. И не обижайся, милая.

Если ты рада моему освобождению вообще, тогда тебя не должен особенно волновать вопрос несостоявшейся встречи в намеченный час. А я уверен, что ты рада моей Воле. Остальное все будет хорошо в свое время.

До свидания, моя милая.

Николай.

*Участник норильского восстания
Бронюс Златкус. Вильнюс, 2005 г.*

VISUOMENĖ

"Norilsko vyčiai" - riterių ir karžygių dvasios karta

Lidija Veličkaite

Norilsko sukilėlių susitikimas 2005 m. gegužės 28 d. prasidėjo Iv. Mikomai šv. Apaštalo Pilypo ir Jokūbo bažnyčioje. Po mišių sugiedoti Lietuvos ir Norilsko sukilėlių himnai. Norilsko sukilėliai - Lietuvos organizacija, pasivadinti "Norilsko vyčių bendrja". Norilsko sukilimas įvyko 1953 m. Jame dalyvavo 89-ų tautiečių 30 000 sukilėlių. Ji jų apie 60 tautybų (1500 žmonių) užsieniečių. Visų tautiečių žmonės buvo viena jėga - kova su sistema - komunizmu.

Toliau susitikimas tęsiasi Vilniaus įgulos karininkų ramovėje. Tai jau 16-asis susitikimas (nuvairavimas), kai "Norilsko vyčiai" susirenka II Lietuvos pabėgimo kartą, pabėgdami. Buvo pakviesta ir kitų vietovių buvę sukilėliai, kaip Karagandos, Kengyro, Vorkutos, Taldos. Dalyvavo atstovai iš Maskvos, buvę Norilsko sukilėlis Netto Levas Aleksandrovičius.

Vėl buvo sugiedoti Norilsko sukilėlių himnai. Mažomis buvę žiūrėti į pagyvenusių žmonių veidus, jų ryškiai niekada nepasiduos. Norilsko sukilėlių himnų parašė kunigas Česlovas Kavaliuskas 1953 m. Jis pradėtas giedoti Magadano lageryje.

Pirmąjį žodį išne bendrijos "Norilsko vyčiai" pirmininkas Bronius Zlatkus. Kalbėjo, kad

spėmė visą Gorlago sistemą. Įvairiatasę kalinių minioje gimusi vertybė siekė didžiausio gyvenimo tikslą - laisvę. Siekė parodyti pasauliui, kokiomis nežmoniškomis sąlygomis įvaldyti tautų ir socialinių sluoksnių kaliniai sugeba organizuotis bendrai kovai.

Nuolapinis Norilsko sukilimo įvyko reikšmingi įvykiai. MVD (Vidus reikalų ministerijos - rus.) valdoma lagerių gyvenvietė tapo laisvų piliečių

organizacija "Memorial" ir A. Sacharovo muziejui. Sudarytas visuomeninis tarpvalstybinis koordinacinis komitetas. Tikslas - istoriškai įvertinti sukilimo reikšmę. Lietuvai atstovauja Irena Martinkutė-Smetonienė, Bronius Zlatkus ir Lietuvos gyvenimo genocido ir rezistencijos tyrimo centre dirbantis istorikas Evaldas Gelumauskas.

A. Sacharovo muziejuje "Norilsko vyčių" pastangomis yra nuolatine ekspozicija, skirta 1953-1954 metų įvykiams Norilске, Vorkutoje, Kengyre. Norilске kalyjūnų užsieniečių vaikų ir vaikaitėlių - dažni svečiai muziejuje, todėl Lietuvos vardas žinomas jų valstybėje. Ir žinoma, kad liūdniausiasis kalinių grupė buvo lietuviai. Ne mažai medžiagos pateikta apie 1944-1953 metų ginkluotą pasipriešinimą sovietų okupacijai Lietuvoje.

Rizantėje leidžiamas žurnalas "Karta" (rus.). Apie jį rašė prof. Ona Voverienė ("Lietuvos aidas", 2005 05 30 "Kraujo suvirtinta draugystė tęsiasi iki šiol"). Jame nagrinėjama disidentinė veikla Kustijoje, Ukrainoje ir Lietuvoje.

"Norilsko vyčių" bendrijos pirmininkas paminėjo, kad Lietuvoje jaunimas pradeda domėtis istorija - smeliai pasakojimais apie tremimus, apie pasipriešinimą sovietinei sistemai. *

Norilsko sukilėlių suvažiavimo dalyviai prie šv. Apaštalo Pilypo ir Jokūbo bažnyčios Vilniuje

sitikis pasidžiaugė Norilsko vyčių energingais balsais. Lietuvių užvalde vartojamas pobūris į gyvenimą. Negalvojama, kas bus po 20-50 metų. Jaunimas privalo žinoti praeitį, žinoti savo tėvų, senelių, savo tautos istoriją. Televizija nerodo pokario Lietuvių įvykių ir kančių.

Prof. Ona Voverienė, pasveikinusi visus susirinkusius "Norilsko vyčius", pabrėžė, kad jie yra pakutinė lietuvių karta, išsaugojusi eterišką ir karžygišką dvasią, ir kreipėsi į juos pralaidama leisti prisiminimų krūgas ir išsiųsti komunistinio tizmo Europoje.

Kengyro sukilimo atstovas Antanas Seikalis kalbėjo, kad sukilimas Lietuvoje tęsiasi per 700

lageriai, kaip atrodo Lukičkių aiktė. Kreipdamasis į susirinkusiuosius, prašė nuotraukų, laiškių, daiktų, kad būtų išsaugota, kas dar liko.

Suvažiavimui baigiantis Antakalnio ansamblio "Bočiai" moterų grupė, vadovaujama Dailos Vihraštienės, padovanojo politiniams kaliniams gražių koncertų.

Ir dar kartą nepalstami kovotojai ultraukė Norilsko sukilėlių himnų:

Sušarės vėtroje vyrų pakirsd, šaukia "Vyčiai", galimais ritimais! Mūsų kovoją prisiekę gėdė! Mūsų šoulo ir Šiaurės dangus.

Muzikėliai suvaidino šį himną

Бронюс Златкус:

«Организация сопротивления лагерному режиму «Норильско-Вичай» («Норильские вичази») по сути родилась...

8 сентября 1952 года...».

*Ирена и Бронюс Златкус с сыновьями
Арвидасом и Вилюсом. Вильнюс, 1975 г.*

Бронюс Златкус с женой Иреной. 2004 г.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ВОЛК», АРЕСТ, НОРИЛЬСК

Яродился 14 октября 1927 года в Литве, в деревне Скирьечай, в семье крестьянина. Нас было пятеро детей, я был старшим. В 1946 году окончил гимназию и поступил в университет в г. Каунасе. Через год меня арестовали за принадлежность к организации сопротивления «Железный волк» — мы хотели вернуть свободу и независимость Литве, мы все помнили ее такой. Итог ареста — 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

С первым этапом 1948 года меня привезли в Норильск. Свои воспоминания о лагерной жизни я делю на два периода: 1948–1950 годы в Норильлаге и 1951–1956 годы в Горлаге. Условия пребывания там очень сильно отличались по режиму, продолжительности рабочего дня, поддержанию связи с близкими и по другим, уже описанным ограничениям прав заключенных. Нас пытались превратить в покорных рабов, обычными были директивы такого содержания: задания выполнять, несмотря на людские потери.

Меня и шестерых земляков направили на завод по производству кокса. Бригадир, человек вольнонаемный, поставил нас на уборку цеха. Через пару дней я заметил, что какой-то верзила шарит в наших карманах, угостил его крепким ударом (в университете я занимался боксом). Стянас Балтрушис подбежал ко мне на помощь. Бригадир видел это, и на следующий день нас двоих и еще человек 20 из нашего этапа перевели в 1-е лаготделение. Меня определили в бригаду по ремонту подъездных путей учетчиком. Рядом с конторкой дорожников дымилась труба небольшого цементного завода. Я узнал,

что там работает техруком латыш Кексис Август, инженер, офицер, привезенный в Норильск в 1941 году с группой арестованных военных из Прибалтики. Встретились с ним, поговорили. Он взял меня сначала лаборантом, а позже технологом... У меня началась цинга, заболели ноги — покрылись синими пятнами, зашатались зубы... Бесчеловечная лагерная система расставила в моей голове все на свои места. Я понял, что в новых условиях надо искать новые методы сопротивления режиму. Но как и с кем? Тут выжить-то непросто.

Мое состояние заметил Кексис, посмотрел на мои ноги и приказал утром на работу не выходить: повел в санчасть. Меня положили в больницу и не выпиывали, пока я не восстановил силы. Меня посещал Альфонас Яловецкас, поддерживал, как мог. Потом определили меня в лабораторию, где я научился делать зеркала — они были большим дефицитом в Норильске, что и облегчило мне жизнь в лагере. Кексис не очень-то считался с чекистами рангом пониже. Его все ценили как специалиста, он имел пропуск на свободный выход из зоны, всегда имел выпивку, да и в лаборатории применяли спирт для химанализов. Под конец 1949 года Кексис окончательно «запраздновал» и ушел с завода.

Техруком назначили начальника лаборатории латыша Мервальда Лаздиньша, а меня определили начальником лаборатории. Лаздиньш, химик, доцент, интеллигентный, общительный пожилой человек, в Норильск прибыл с первым этапом. Я выдержал экзамен в комиссии центральной лаборатории, и мне присвоили квалификацию технолога по стройматериалам. Кроме меня в лаборатории работали латыш Александр Круминьш, его землячка Илга Смилдзиня и Валя Хитрова. Женщины работать на завод приходили из 7-го лаготделения. В середине 1950 года был построен новый большой цементный завод. Почти всех наших рабочих направили туда. На старом заводе остались я, один мастер и несколько рабочих.

За первые два с половиной года в Норильлаге случились две аварии в шахтах, обе в ночное время, поэтому жертв было относительно мало. Первый взрыв произошел в шахте рудника 3/6. Газом отравилось человек 600. Медики съехались со всего Норильска. Спасали людей, которые были без сознания. Большинство удалось спасти, погибло человек десять. Второй взрыв, в результате которого на угольной шахте возник пожар, имел более тяжелые последствия. Потушить пожар не удалось, и тогда заложили все входы в шахту, с озера подвели по трубам воду и залили-заморозили шахту вместе с людьми, которые уже погибли в огне.

Ежедневно в лагере от болезней, непосильного труда, недоедания умирали люди. Наш завод, где работало человек 150, был в каком-то смысле исключением — труд здесь не был таким тяжким, как в шахте. Я особенно оценил это, когда попал в Горлаг. Тут условия жизни и работы были особенно трудными

*Заклученные 2-го лаготделения Норильлага (Кайеркан).
Нижний ряд (слева направо): Витаутас Бельсис, Петрас Кланаускас;
верхний ряд: Витаутас Микутенас, Пранас Бучис,
Ионас Чепонис. 1954 г.*

и унижительными. Недаром именно здесь вспыхнуло сопротивление заключенных. Они, участники и активисты восстания, очень красноречиво рассказывали о его ходе в 6-м и 7-м томах издания «О времени, о Норильске, о себе...». Есть в 7-м томе и мой рассказ.

В 1954 году я получил освобождение из лагеря и был определен на спецпоселение. Только в конце 1955 года я получил разрешение на поездку в Иркутскую область к родителям, которых выслали из Литвы в Бодайбинский район. Здесь я окончил горный техникум, работал мастером, а потом старшим мастером на буровых работах. В конце 1958 года мое спецпоселение закончилось, и летом следующего года я вернулся в Литву, но жить на родине мне разрешили только в 1962 году. Заочно я окончил сельскохозяйственную академию по специальности инженер-механик.

Со своей женой я познакомился в Бодайбо. Она тоже была спецпоселенкой. Мы вырастили двоих сыновей, с 1964 года живем в Вильнюсе. Нас и тут преследовали власти, проводили обыски. А мы собирали материалы о жертвах репрессий. Потом активно участвовали в перестройке Литвы. Мы и сейчас ежегодно собираемся на съезды нашего общества «Норильские витязи», председателем которого я являюсь. В 1999 году меня наградили боевым орденом «Виче Крижус» («Крест витязя»), и теперь я являюсь кавалером Офицерского Креста.

«НОРИЛЬСКИЕ ВИТЯЗИ»

Организация сопротивления лагерному режиму «Норильско Вичай» («Норильские витязи») по сути родилась после прибытия карагандинского этапа 8 сентября 1952 года в Норильск. После волнений и столкновений с криминальным контингентом, неповиновения лагерной администрации зачинщиков и активистов отправили на Крайний Север, «на вымерзание», как выражались сами чекисты. 1200 человек разбросали по лагерям. В основном это были западные украинцы, но и литовцев в этом этапе было более 50 человек.

Съезд норильских повстанцев в 2005 году состоялся в Вильнюсе. На переднем плане четверо (слева направо): Л.А. Нетто, гость из Москвы, Ирена Сметонене (10 февраля 2006 года ее похоронили в Каунасе рядом с мужем, тоже политическим заключенным), Бронюс Златкус и Иоанна Мурейкиене

Снимок на память. «Норильские витязи» съехались в Вильнюс со всей Литвы. Май, 2005 г.

В лагерях в это время свирепствовали придурки — подручники администрации из числа заключенных. Сеть стукачей доносила в оперчасть разговоры заключенных. Многие смирились с лагерным рабством. Кто-то был просто сломлен духовно... Непокорных за малейшее неповиновение бросали в ШИЗО, БУР, режимные бригады. А тут привезли вирус мятежа, который попал на уже подготовленную почву: новые объединились со старожилками, была принята программа конкретных действий. Решили:

1. Образовать литовскую группу сопротивления.
2. Создать пятерки защиты, в каждой из которых должен быть старший.
3. Запретить самостоятельно проводить акты террора.
4. Собирать сведения об агентурной сети оперчасти.
5. Собирать сведения об активных пособниках лагерной администрации, любителях с помощью палки наводить порядок.
6. В каждой секции барака иметь своего человека для сбора информации.

Структура организации: представительное и исполнительное звенья, координаторы, советники, штаб.

Представительное литовское звено поручили возглавить адвокату Вацловасу Зубкявичусу. Координаторами назначили Микаса Мисюрявичуса, Бронюса Раманаускаса и меня (я держал связь с народностями Северного Кавказа). Советником стал ксендз Чесловас Каваляускас. Штаб возглавил Юозас Лукшис, имевший опыт организации групп сопротивления в карагандинских лагерях. Первые пятерки создали и возглавили Юозас Лукшис, Казимерас Везбяргас, Антанас Зинкявичус, Казимерас Шалкаускас.

В первую очередь мы вступили в союз с западными украинцами, потом с русскими, при необходимости проводили совместные акции. Решили, что каждая нация сама наказывает виновных земляков.

Комитет литовцев вынес смертный приговор старшему нарядчику Ионасу Мисявичусу, прозванному Удавом. В октябре 1952 года исполнили еще один смертный приговор Варнасу, известному заключенным как Ворона. Больше в среде литовцев извергов не было. Атмосфера в лагерях изменилась к лучшему, люди свободно стали разговаривать, стукачи боялись бегать в оперчасть или искали приюта у чекистов.

Во время восстания мы призвали к действию все активные и резервные пятерки. Мне было поручено обеспечивать внутренний порядок в лагере и его противопожарную безопасность. Мы упростили на Медвежке представительство от бараков, назвали его комитетом. Руководство поручили Павлу Френкелю. Измайлов, Галема и другие выработали требования для переговоров с московской комиссией, изготовили плакаты, проводили собрания и т.д. Всей лагерной жизнью во время восстания руководили подпольные братства, комитеты, обеспечивая порядок и охрану зоны.

И хотя восстание заключенных было подавлено, мы, несмотря ни на что, победили: московские власти наши требования удовлетворили, вскоре многих из нас освободили, лагеря стали закрывать. Я спрашиваю себя: виноваты ли мы были? И в чем? Если бы в 1940 году в нашу независимую Литву не пришли непрошеные гости, мы бы жили свободно, учились, работали, создавали семьи... Мы никогда бы не попали в Норильск, не стали бы рабами в сталинских лагерях, не были бы обречены на долгие годы страданий... Во всем мире признано право человека бороться за свободу своей Родины, и мы боролись. Так в чем же мы были виноваты? Ответ на этот вопрос дала наша страна. «Норильских витязей» литовцы назвали поколением наследников духа рыцарей и героев. Они получили самую высокую национальную награду — орден «Креста Витис». Этим орденом удостоивают тех, кто защищал

*Президент Литвы Валдас Адамкус
и Ирена Сметонене. 1999 г.*

*Бронюс Златкус у флага общества «Норильские витязи».
Вильнюс, 2004 г.*

свободу и независимость Литвы, участвовал в боях («лесные братья»).

«Норильские витязи» собираются ежегодно с 1989 года. Уже прошло 16 съездов нашего общества в Вильнюсе, Каунасе, Тельшае, Радвилишкисе, Паневежисе и других городах. Мы не просто подводим итоги и строим планы своей общественной работы, мы обсуждаем события в стране и в мире. К нам прислушивается власть. Например, мы писали в 2005 году обращения к президенту Литвы Валдасу Адамкусу по поводу министра, потерявшего доверие людей, критиковали работу Сейма и правительства, наши тексты были опубликованы в газетах, по ним были приняты меры, как и должно быть в свободной стране.

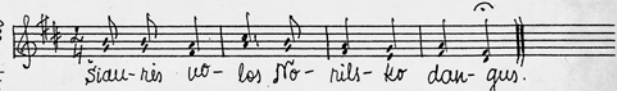
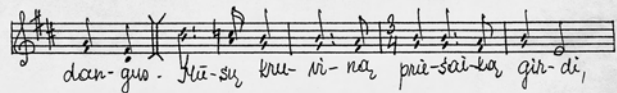
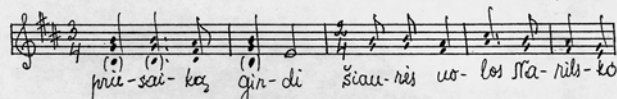
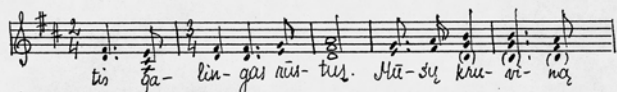
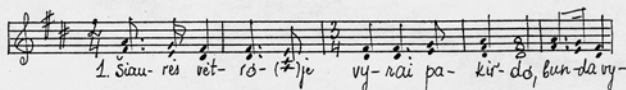
...А я и сегодня вспоминаю русскую группу. В ней было немало крупных специалистов, ученых, инженерно-технических работников. Со многими я был знаком. Они были настоящими патриотами своей страны и производства, где трудились. Они гордились достижениями норильской промышленности, позже работали на руководящих должностях, вплоть до главных инженеров. Их называли лордами. А под Шмидтихой обрели покой тысячи и тысячи «винтиков» — простых людей, которые работали на свою страну до последнего вздоха, имели семьи, близких людей, с которыми им так и не довелось даже проститься... Хочется надеяться, что труд заключенных уже никогда не станет основой политико-экономической системы ни в одной стране.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С литовцами я познакомилась в 2003 году, когда по инициативе активного участника норильского восстания Льва Александровича Нетто в Москве состоялась Международная конференция в год 50-летия массового сопротивления в норильских лагерях. Среди прибалтов литовцы оказались самой представительной и дружной группой. Приглашений во все государства было разослано немало, но наи-

Nõrilsko Vyčiai

tekstas Č. Kavaliauskas

Говоритесь ищите
где спрятаться.

/ 50 klavos mātāi Nõrilsko Vyčiai
juona Leksy /

Нозас пчүцис, замкючюккис чорпала, медвешка. ли чохоример
в одном палере, бим музикальниск палер, хорошо чен,
в пилвис закючюккис музикальниск шюпч. менюзия черкюво шювча,
нечемаявти.

Гимн норильских повстанцев (литовцев)

более организованно откликнулись «Норильские витязи». Они считают местом рождения организации норильские лагеря. Здесь же родился их гимн, который подстрочно на русский язык перевел Витаутас Ракаускас. Автор Чесловас Каваляускас назвал его «Гимн норильских повстанцев (литовцев)». Там есть такие слова:

*В ветрах Севера парни воспряли,
Пробуждается Витис, грозный, могучий.
Наша верная клятва слышна
Небу Севера, острым скалам.*

Витис — это всадник, преследующий врага. В тексте упоминаются Дзукия, Жемайтия, Аукштайтя — части Литвы, различающиеся только по диалекту. В Дзукии много лесов, в Жемайтии равнин, а Аукштайтя полна холмистых полей и озер. Можно представить, с каким чувством люди пели на чужбине гимн с такими родными названиями!

В 1989 году четверо из Литвы (в их числе архитектор и фотожурналист) посетили Норильск. В то время под горой Шмидта, на месте массовых захоронений заключенных, размещались гаражи и стоянка автотранспорта. Здесь побывали гости из Литвы перед приемом в исполкоме горсовета. Норильские власти автобазу под Шмидтихой обещали убрать и обустроить на этом месте площадку для возведения памятников жертвам сталинизма не только из Литвы, но и всем захороненным там заключенным. Так на Таймыре появилось еще одно место скорби.

В 1990 году в Норильске прошла первая Неделя памяти жертв Норильлага. Ее инициаторами были члены общества «Мемориал» и работники музея. Под горой Шмидта перезахоронены останки погибших — здесь были сооружены могилы, установлены кресты с покаянными надписями. Позже здесь построили часовню. Активистка «Мемориала» Вера Константиновна Паузер, предприниматель Вадим

Наговицын, молодые строители Фундаментстроя, Горстроя, Строймеханизации, Промстроя, Отделстроя приложили много усилий, чтобы в сентябре 1990 года была открыта эта часовня. Ее освятили, и зазвучал маленький колокол часовни...

В центре площадки установлен памятник военнослужащим Прибалтийских государств, погибшим в лагерях Норильска в 1941–1956 годах. Автор проекта памятника Ромуальдас Свидинкас.

Фотографии памятников под горой Шмидта, на озере Лама мы приводим из книги Римвидаса Раценаса. Она называется «Памятники в местах заключения и ссылки жителей Литвы» и вышла в 2005 году на трех языках: литовском, английском и русском. Автор издал книгу на собственные средства, ее тираж 1000 экземпляров. Свою книгу Р. Раценас подарил нашей норильчанке Тамаре Николаевне Захаровой, которая ежегодно бывает у своих родственников в Вильнюсе. Как настоящая связная между издательским фондом «Норильский» и «Норильскими

Памятный ансамбль военнослужащим Прибалтийских государств, погибшим в лагерях Норильска в 1941–1956 гг.

Фрагмент литовского этнографического памятника, установленного около монумента у озера Лама

В Литве создана временная комиссия по памятникам при министерстве культуры. Она (в лице Р. Раценаса) ежегодно выделяет на содержание каждого памятника за рубежом Литвы по 100 долларов. Часть этих денег поступает и в Музей освоения и развития Норильского промышленного района. Кроме Таймыра памятники погибшим в годы сталинских репрессий установлены в Республике Коми, Бурятии, в Алтайском и Крас-

витязями» Тамара Николаевна привозит в Москву воспоминания, фотографии бывших узников Норильлага, с которыми она встречалась в Литве. В 2006 году Т.Н. Захарова заочно познакомила нас с удивительным человеком Римвидасом Раценасом. Он тоже был заключенным, отбывал срок в Республике Коми. Во время строительства завода минеральной ваты он, как инженер-теплотехник из Вильнюса, отправлял своих людей в командировку в Норильск.

Литовская сторона памятника

ноярском краях, Казахстане, Якутии, Таджикистане и, конечно, в самой Литве. Такова география горя и скорби литовского народа... В книге Римвидас Раценас приводит данные Центра по исследованиям геноцида и резистенции жителей Литвы. Всего с 1940 по 1953 год было сослано 126 817 литовцев, заключено в лагеря 152 496 человек. Кроме того, погибло на родине с 1944 по 1953 год 18 000 партизан.

Любая история — это всегда история множества разных человеческих судеб. Сложите цифры $126\,817 + 152\,496 + 18\,000$... Судьбы этих людей оборвались у кого-то в расцвете сил, у кого-то в самом начале жизни. А ведь у всех были родные, на которых отразились не лучшим образом аресты близких. Их ни за что ни про что согнали с родных мест и выслали на Север, в Сибирь, в Среднюю Азию. Ведь и тут погибли литовцы, пополнив смертные списки репрессированных сталинским режимом...

Иногда приходится слышать: почему в наших книгах столько литовских авторов? Намекают на перекося... Надо бы по справедливости рассказывать о сопротивлении лагерному режиму всех народов. Но в том-то и дело, что литовцы, впрочем, как и западные украинцы, были наиболее активными борцами в лагерях. Это официально признано и лагерниками, и властями. В отличие от российских народов, русского прежде всего, литовцы не были рождены в неволе, они попали в заключение из свободной жизни в независимой стране. Это наши прадеды, деды, отцы уже много лет жили в молчаливой покорности: разве могли пройти даром для каждой семьи гражданская война, когда свои убивали своих, раскулачивание и коллективизация, голод и массовые репрессии?.. Литовцам легче, чем нам, было бороться. Они не были, как мы, парализованы страхом. Пусть не обо всех это можно сказать, но об очень многих. И наша книга, как правдивое зеркало, отразила то, что было на самом деле.

Напомню, что воспоминания «О времени, о Норильске, о себе...» мы пишем народным методом: каждый, кому есть что сказать, аргументировать свое мнение фактами, документами из семейного архива, может стать одним из авторов нашей очередной книги. Нет ни одного человека, кому бы в этом было отказано. Пишите — адрес и телефон в обращении к вам, читатели, в начале каждой книги.

Галина Касабова.

1
[Дорогой Павел Николаевич!]

В Вашей писемке явилось, Вы просите написать о себе, о передвижном лагере, и даже упомянуть о семье, это мои восторженные будут Ваши и нужны всем. Спасибо.

Я напишу. Но, с какой-то прелестью и страхом я буду это делать. То, что я Вам пишу, я храню в душе и сердце, даю их 28 лет. Это моя святая память, в которой я не могу никому ранее рассказать. Мне уже почти девятый десяток. Жизнь моя не безоблачна, и как неопытный бы "уложил" с собой эту мою сокровенную память. Вы точно знаете о том, как тяжело человеку тяжело жить с невысказанной тайной.

Так и у меня. Я с этой священной моей тайной поделился с Вами. Вы, Павел Николаевич, будете хранить тайну, которую я делюсь с Вами.

О Кибуре & Ожигорском уже написано много. Поэтому я напишу не все, что вспоминаю, а об отрывочной моей личной истории, связанной с этими днями.

Итак. Воспитание наше было строгим, резко дисциплинированным в плане поведения и привлекания. Воспитательным делом молодежи это, что после того, как Кибурские охотились все ночи, когда надвигались стурасво убегали из зоны, и власти перешли в дисциплинарную и руководимую Кибурскими — из зоны не было ни единого случая победа заключенных, хотя для этого лучшее оборудование придало браться в лазаретные стены. Но, всякого провального заключенного не пощадил. Выходило это жестокое, суровое, замечательное.

Гурий Черепанов:

«Видел, как ТТ-34, наш советский танк, победоносно оставив после себя раздавленных и искалеченных, двинулся дальше к другому входу в барак, чтобы и там навести смерть» .

НЕБОЛЬШОЕ ПОЯСНЕНИЕ К ПИСЬМУ Г. ЧЕРЕПАНОВА

Через год после норильского восстания, весной 1954 года, в 3-м лаготделении Степлага (пос. Джебказган Карагандинской обл.) на 40 дней более 5 тысяч политических заключенных взяли власть в лагере в свои руки. В отличие от норильского сопротивления эту акцию сами з/к часто называли сабантуем, что по-татарски означает праздник. Почему?

«В лаготделении было почти поровну мужчин и женщин. Работали на одних и тех же стройках, но в разные смены. Весь лагерь перемешивался с сестрами или братьями по несчастью. И вот в сабантуй любовь, по выражению А.И. Солженицына, «спустилась с небес на землю». Венчал о. Антон Куява, ксендз из Польши. ...Любовь была и счастьем, и бедой Кенгира. ...Раз вдохнувших свободу, нашедших друг друга людей, взявшихся вить, как птица в клетке, из подножного сора гнездо, различить можно было только силой. А ее было в достатке. 26 июня в 3.30 утра в лагерь вошли 5 танков Т-34, 3 пожарные машины, 1600 вооруженных солдат и 98 служебных собак с проводниками. Точное число погибших неизвестно. Цифры называют самые разные. Официальные в секретной докладной записке министру МВД Круглову — 46 убитых, 52 тяжело- и 454 легкораненых заключенных*. ...Насколько известно,

* ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 228, л. 277–278. Докладная записка...

это единственное лагерное восстание в истории ГУЛАГа, при подавлении которого использовались танки».

Это строки из многолетнего исследования Николая Формозова, опубликованного в газете «30 октября» (№ 44, 2004 г.). Оно называлось «Кенгир: 40 дней и 50 лет» и было посвящено трагическому событию в Степлаге полувековой давности. А теперь почитайте письмо его молодого участника о превращении «праздника» (невольню просят кавычки) в кошмар, ужас, жуткую смерть, которые преследуют человека всю жизнь... Прочитайте скорбную исповедь Гурия Михайловича Черепанова, 1919 года рождения, арестованного по политической 58-й статье в 1945 году и освобожденного только в 1956-м. Он написал это письмо Фаине Николаевне Чистяковой, тоже репрессированной и реабилитированной. В свои 88 лет она продолжает работать в фонде А.И. Солженицына: разыскивает по стране пострадавших от сталинских репрессий и рассылает им ежемесячно от имени фонда денежные переводы.

Мы публикуем письмо Гурия Михайловича Черепанова с его согласия.

* * *

«Дорогая Фаина Николаевна! Вы просите написать о себе, о пережитом мною, и даже упомянули о том, что мои воспоминания будут важны и нужны всем. Спасибо. Я напишу. Но с каким же трепетом и страхом я буду это делать. То, что я Вам поведаю, я хранил в душе и сердце долгих 45 лет. Это моя святая тайна, о которой я не мог никому ранее рассказывать. Мне уже пошел девятый десяток. Жизнь моя небесконечна. Не хотелось бы уносить с собой эту мою сокровенную тайну. Вы, конечно, знаете о том, как тяжело человеку жить с невысказанной тайной. Так и у меня. Я священной моей тайной поделюсь с Вами. Вы, Фаина Николаевна, будете первым человеком, кому я доверил ее.

О Кенгире и Джезказгане уже написано много, поэтому я напишу об отдельной моей личной трагедии, связанной с теми днями.

Итак. Восстание наше было спровоцировано творящимся в лагере беззаконием и произволом. Доказательством тому может быть то, что после того, как восстание охватило все зоны, когда надзиратели трусливо убегали из зоны и власть перешла к организаторам и руководителям восстания, из зоны не было ни единого случая побега заключенных, хотя для этого лагерное начальство проделало бреши в наружных стенах. На «ихнюю» провокацию заключенные не поддались. Дисциплина была жесткая. Среди заключенных не было ни единого случая скандала или драки. Не было ни одного случая плохого обращения с женщинами-заключенными. Никаких запретов на посещение женских барачков не было. Были созданы группы, которые наблюдали за порядком в зонах и днем, и ночью. У нас даже работал изолятор, куда водворяли возмутителей порядка. Но их были единицы.

Мы ведь на всех встречах и разговорах с лагерной администрацией просили одного — чтобы к нам приехал кто-либо из членов правительства и чтобы мы могли изложить наши просьбы и требования.

Одним из пунктов наших требований было: облегчить труд заключенных-женщин — не использовать их на тяжелых работах, в частности на обогатительной фабрике, где работали наши женщины.

Мы, зэки, конечно, в душе все чувствовали да и подспудно (подсознательно) готовились к тому, что с нами все равно расправятся, и жестоко. Но жить хотелось.

Когда зоны, мужская и женская, соединились, многие встретили друзей, и знакомых, и родных, и просто земляков. Появилось много пар с благими намерениями: пожениться и связать свои судьбы. Были клятвы, и были свадьбы. Свадьбы были и религиозные. Венчали заключенные-священники.

Уважаемая Фаина Николаевна, позвольте мне сейчас перейти к самой сути.

В момент восстания я сидел в лагерной тюрьме. И только после того, как нас освободили из камер друзья, я присоединился к восставшим. Не буду описывать все дальнейшие события. Главная задача восставших — соединить зоны — была решена.

Когда зоны соединились, я познакомился с девушкой Аллой Пресман. Она была евреечка, родом из Киева. Ей было около двадцати лет. Мы очень привязались друг к другу (восстание длилось целый месяц) и поклялись в том, что будем искать друг друга и соединим свои жизни. Все это было искренне и серьезно. Я в то время не был еще женат (до лагеря), и мы полюбили друг друга. Мы строили планы и верили в счастливую судьбу.

А она распорядилась иначе.

На рассвете 25–26 июня 1954 года раздался страшный гром. Это орудийная канонада разбудила нас. Мы были вместе в ее бараке. Мы, как и все, бросились из барака наружу. Началась паника. Никто не знал, что будет с нами дальше. Воздух наполнился гулом. Что за гул, не могли понять. А оказывается, это танки близко маневрировали и стреляли из своих орудий, видимо, холостыми.

Когда мы все выскочили из барака, а нас было, наверное, человек 50–60 (может быть, чуть меньше), то увидели, что наш барак окружен строем солдат и отрезан от других барачков. Судя по погонам, это было какое-то военное училище. Женщины толпой с криками и воплями двинулись в сторону солдат, но, не доходя метров 10 до шеренги, мы все остановились. Возгласы и проклятия на миг прекратились. Мы увидели среди солдат какое-то движение, и перед строем появился офицер. Он прокричал в нашу сторону: «Если будете подходить, то будем стрелять». Но женщины продолжали ругать их и стыдить. И тут я увидел, как офицер взмахнул белой перчаткой, строй разомкнулся и из-за соседнего барака, повернув на

нас, двинулась железная махина — танк Т-34. Солдаты взяли ружья на изготовку.

Танк как шел на малой скорости, так и шел, направляясь на толпу. Мы с Аллой были впереди. Когда заключенные увидели, что танк приближается, все бросились назад и стали заскакивать в барак. Водителю танка, видимо, дали задание отрезать заключенных от барака. Танк стал теснить женщин. Люди кричали, плакали. Танк врезался в толпу женщин и стал гнать их. Трудно описать то, что творилось, когда танк врезался и толкал перед собой живую массу людей, которые не успели проскочить в барак. В этот момент, когда танк вклинился в живую толпу и стал двигаться дальше, мы с Аллой потеряли друг друга. Я в этот момент заскочил на танк, а ее он настиг сзади. И сквозь весь этот адский шум я вдруг услышал: «Гурий! Гурий!» Это был ее голос! И она звала меня. Я не мог сразу определить, где она. Танк прошел, и земля была усыпана людьми. Да, я видел и слышал этот ад. Видел, как Т-34, наш советский танк, победоносно оставив после себя раздавленных и искалеченных, двинулся дальше к другому входу в барак, чтобы и там навести смерть.

Когда я услышал голос Аллы, то соскочил с танка, стал искать ее и только с помощью женщин нашел, так как было не совсем светло. Я увидел ее сидящей около барака, и она увидела меня. Я услышал ее истошный крик и увидел руки, протянутые ко мне. Нужна была помощь, для того чтобы ее занести в барак и положить на топчан. Кошмар! Здоровые и живые оттаскивали раненых и мертвых. Вот эти женщины и нашли мне в этом кошмаре мою Аллочку и помогли ее занести в барак. На ноги она встать не смогла. Левая нога безжизненно болталась.

Когда танк настиг ее в толпе, то гусеницей содрал с нее все мясо с зада. Она сумела отскочить от танка в сторону и поэтому не попала под гусеницу. А может, ее отбросило. Мы положили ее на самое крайнее место в бараке. Женщины убежали помогать раненым,

а я остался с ней. Она стонала и умоляла помочь ей выжить. Вся была в крови. Мне она говорила: «Все равно мы выживем и будем вместе». Я сидел рядом и не знал, что же мне делать дальше. Я гладил ее по щекам, целовал и успокаивал. Говорил ей ласково: «Все пройдет, все поправится, и мы всю жизнь будем вместе». Она только шептала: «Я люблю тебя, Гуря».

Я смотрел на нее, видел ее страдания и чувствовал, какие тяжелые боли она испытывает. А за окнами барака шла война. Мимо пробегали солдаты, сновали военные машины скорой помощи (санитарные), бегали санитары с красным крестом на нарукавных повязках.

Алла сильно застонала. Я понял, что ей неудобно лежать, и решил помочь ей сменить положение. Когда я хотел поправить ногу, то увидел, что левая лежит как-то неестественно. Нога была вывернута на 90°. К моему ужасу, я понял, что нога была вообще выдернута из таза и держалась на коже. Я похолодел от ужаса. Видимо, оттого, что я ее пошевелил, она вскрикнула и простонала: «Гуринька, мне очень больно, положи под меня подушку». Я взял с соседнего топчана чью-то подушку. Она взяла меня за шею. Я хотел ее приподнять и подтолкнуть под нее подушку, но моя рука вошла в какую-то жидкую кашу. Весь зад у нее был месивом. Пересилив свой страх, слезы и ужас, я все-таки подсунул под нее подушку. Я только молил Бога тогда, чтобы самому от такого ужаса не потерять сознание. Когда я вынул из-под нее свою руку, то увидел, что она по самый локоть усеяна маленькими кусочками мяса — мяса человеческого, мяса молодой женщины, безвинной жертвы советского беззакония. Мясо моей любимой. Такое трудно пережить. Я незаметно от нее достал платок и вытер руку. На платке осталось множество кусочков мяса.

Платок этот до сих пор со мной. До сих пор видны кусочки мяса в подрубленных краях платка.

А война продолжалась. В это время солдаты атаквали наш барак. Что-то дико крича, они прикладами стали выбивать окна и забрасывать в барак дымовые пашки. В бараке поднялись еще больший шум и паника. Люди не знали, что делать. Женщины бросались к окнам, а там были солдаты. Брал страх. Люди не знали, что делать с ранеными, и я тоже не знал, что же делать с моей Аллочкой.

А барак наполнялся едким дымом. Стало очень трудно дышать. Я посмотрел на нее — ей было очень плохо, она задыхалась. Тогда я накинул ей на рот полотенце и стал дышать с ней рот в рот. Другого способа ей помочь я не знал. Пострадавших и раненых было много. Санитары с носилками (солдаты) часто стали появляться за нашими окнами. Я сам валился с ног от этого кошмара. И тогда я почувствовал, что всему наступает конец. Я решил как-то спасти Аллочку. Или я, или кто-то из женщин позвал пробежавших мимо наших дверей санитаров с носилками. Вместе с женщинами мы осторожно вынесли Аллочку и положили на носилки. Я наклонился над ней, она холодными руками крепко обняла меня за шею, и мы поцеловались последний раз в жизни.

Санитары прервали наше последнее прощание. Они с носилками, на которых лежала моя умирающая любимая женщина, растворились в дыму. Бой за взятие зоны еще шел. Еще рычали где-то рядом танки, изредка оглушая пушечным выстрелом. Еще бегали санитары, подбирая раненых и павших, а санитарные военные машины вывозили улики, а для меня было все кончено. Как только санитары с носилками скрылись из виду, я тут же сел в оцепенении. Потом, как пьяный, шатаясь, пошел к тому месту, где она жила. Сел на ее постельку и громко заплакал. Заплакал от бессилия. Хотелось рвать и метать. Осмотрел в последний раз уголок, где мы жили вместе, где дарили друг другу чистую, искреннюю ласку, где говорили самые святые слова — слова о вечной нашей любви.

Вижу, лежат на постели ее беленькие носочки, которые она не успела надеть. Вижу, лежит на тумбочке ее косыночка, и ее не успела надеть. Не осознавая ничего, взял с тумбочки ее носовой платок и зубную щетку. Барак пустел. Прикладами выгоняли непокорных. И я пошел к выходу. (Все ее вещи спрятал на груди и сохранил до сих пор.)

Дальше была голодная степь. Нас посадили на землю. Уже поднималось солнце и начинало палить. Жара и жажда.

Видели мы, мужчины, как невдалеке по дороге от лагеря бойко, колонной шли четыре танка Т-34. Они возвращались к месту дислокации после успешного проведения боевой операции.

А чуть правее колонна женщин шла на обогатительную фабрику. На работу. Неробкие махали нам руками.

Пишу я это и плачу. В то же время и радуюсь я, что излил перед Вами свою глубокую-глубокую и святую тайну. Стопудовый камень упал с моего сердца.

Мы просидели до вечера на раскаленной земле без воды и пищи. В последней группе, которую выводили из зоны, был и Володя (фамилию забыл, был он работником здравпункта). Этот Володя принес мне самую страшную весть. Он был рядом с Аллочкой до последних минут ее жизни. Умирая, она просила: «Передай Гурию, что я его любила».

Так закончилась жизнь молодой, энергичной, веселой девушки, которая хотела только спокойной и свободной жизни и себе, и всем. А нас из Кенгира эшелонам повезли на Колыму».

* * *

На конференцию, посвященную 50-летию кенгирского восстания, Гурий Михайлович Черепанов приехать не смог: «Была бы Божья воля, я бы на крыльях прилетел встретиться с участниками Кенгира, с теми, кто еще жив... Но годы — 85 лет — го-

ворят сами за себя, одним словом, старость... Самое существенное — это зрение: после двух операций один глаз видит на 50 %, другой — 0 %». За Гурия писала письма жена Ольга. Он диктовал ей: «...все воспоминания всколыхнулись, и хочется пройтись по тем местам, где пролилась кровь наших братьев по несчастью. Но никогда не встретиться мне с Аллой Пресман».

И вот последнее письмо из Майкопа, которое Ольга Черепанова написала уже мне 4 марта 2006 года:

«Получили от Вас бандероль с книгами 22 февраля (я послала в Адыгею 6-й и 7-й тома издания «О времени, о Норильске, о себе...» и просила прислать фотографии Гурия Михайловича. — Г.К.). И в этот же день Гурий Михайлович слег и больше не поднялся. Он умер 28 февраля, пролежав всего 6 дней, а так он все время был на ногах. Большое спасибо за книги, внуки интересуются Вашими книгами, так как там воспоминания их дедов. Фотографии я подберу и позже вышлю, у него много осталось снимков из лагеря».

Галина Касабова.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдуллаев (Давлетов) Андрей	23
Аистов Владимир Григорьевич	378
Алексеев	279
Алпатова И.А.	382
Амирэджиби Чабуа (Чабук)	274, 288–290
Андреюк	231, 232
Андросов	390
Аникин	479, 480
Анохин Саша	296
Антонов	306
Антонович Владимир Бонифатьевич	185
Антонович Дмитрий Владимирович	185, 187
Антонович Михаил Дмитриевич	182–187
Арсентьев	340
Артюшин	66, 95

Б

Бадаш Семен Юльевич	264–266
Базылева Г.И.	382
Балайка	93
Балтрушис Стянас	521
Балуева Нина	394, 397
Банарцев	58, 59, 66, 86
Бантуров	26, 33, 34, 60
Баранчик Иван Иванович	35, 37, 138
Барбон Микола	182
Баринов	26, 33, 34, 60
Бархатов	59, 60, 77, 86, 90, 95, 98, 105, 106
Бахарев	422
Бедей Иван Васильевич	182
Бедрак Александр	23
Безверхий	33, 35, 36, 46
Бейер	460
Бейнер	69
Белоус Александр Яковлевич	307
Бельсис Витаутас	523
Бергер Иосиф Михайлович	347
Бережанский Михаил	301, 304

Берман Лев	433, 434
Беспалова П.М.	8, 21, 371
Билень Р.	21
Бобик Иван Васильевич	94
Богатырев Иван Иванович	483, 484
Богданов А.С.	193, 214, 236
Божко Александр Михайлович	456, 489
Бондаренко	87, 174
Борисенко К.	64, 69, 102, 166, 167, 169, 170, 174, 175
Борщевский	120
Брахтман Роман	275, 276, 284– 286
Бублий	64
Буднис	374
Бuzинский	81
Булава Иван	160
Бутрий	119, 127
Бухало Иван	23, 139
Бучис Пранас	523

В

Вавилов	380
Вавилов	49–52, 61, 81, 146, 147, 218, 228, 279
Валюм	43, 44, 95
Вареня Г.Р.	410
Вареня Гавриил Дмитриевич	419–425
Васильев Василий	23
Везбяргас Казимерас	526
Векслер	390
Венгеров Владимир Иванович	374
Венецкий Александр Васильевич	478
Вепштас	30–32, 75, 81
Власов	374
Властовский Май Георгиевич	8, 9
Вождев	45, 47, 92, 139, 167
Войченко Михаил Афанасьевич (Михайло Опанасович)	182, 183, 186
Волкова Антонина Петровна	423
Волохов	471
Волошин	146
Волошина-Куц Н.	346, 364

Волунгявичус Анастас	567
Волхонский	236
Воробьев И.Е.	18, 32, 33, 45, 59, 60, 63, 64, 66, 75, 85–88, 90, 92, 101–103, 112, 139, 167, 169, 170, 230, 233, 369
Воробьев	69
Воронцов	23, 30, 33–36, 119, 175
Воротняк	179

Г

Галема	527
Гарри А.Н.	336, 340
Головин	390
Головко С.Г.	22, 59, 60, 77, 78, 86, 87, 90, 92, 93, 95, 98, 104, 108, 166, 167
Горелов Анатолий	414
Горошко	179
Горшенин К.	237
Грамп	487
Грим М.М.	22

Грицяк Евгений	178–180, 567
Громов Г.И.	214, 236
Гуль Александр Иванович (Анисимович)	43, 45, 69, 139, 146
Гумилев Лев	336, 346

Д

Даниэлус Казимир Петрович	382
Дважашвили	51, 231
Деменчук	390
Денисов	236
Денцель Карл Карлович	370
Джваршейшвили	21
Дзюбенко Нина Семеновна	324, 325, 353, 364
Дзюбинский	502, 503
Дзюбук	193
Дикарев Петр Зиновьевич	299
Долгих Владимир Иванович	422
Доронин Леонид	44–46, 49, 69, 87, 93, 119, 123, 139, 166–168
Дорош	215
Достовалов	236
Доценко Георгий Сергеевич	485

Дудин Михаил	405
Дурышин	214
Дюльдин	374
Дятлов	193

Е

Евграфов	236
Евсенин	236
Евтенко	21, 44, 47, 51, 69
Егоров	224
Егоров	31, 62, 69
Егоров	423
Ельчанинов Евгений Александрович	192
Енин Семен Михайлович	458, 459, 471

Ж

Жданов	174, 175
Жеваго Иван	498
Жженов Георгий Степанович	310, 311, 377
Жигайлов	193
Жидков Иван Никитович	303
Жидков Леонид Иванович	303, 304
Жиров	60

З

Заболотин Костя	379
Забрамная Елизавета Евсеевна	429, 469
Завенягин	279
Завольский	194
Завьялкин	213
Загоруйко Роман	23, 45, 95, 139, 180
Закитин Василий Васильевич	6
Залоев	233
Запаренко Борис Петрович	44, 47, 65, 139, 146, 147
Захарова Тамара Николаевна	532, 533
Зверев Владимир Степанович	10, 199, 203, 347, 463, 464
Зеленская	203
Зинкявичус Антанас	525
Златкус Арвидас	520
Златкус Бронюс	518–520, 525, 528
Златкус Вилюс	520
Златкус Ирена	520
Зосяк Григорий	118
Зубкявичус Вацловас	526

И

Игнатъев А.Д.	<i>18, 60, 69, 86–88, 101, 105</i>
Измайлов	<i>527</i>
Ильин	<i>236</i>
Ирнев	<i>58, 66, 86</i>
Исович	<i>69</i>
Ищук Иван	<i>569</i>

К

Каваляускас Чесловас	<i>531</i>
Казлаускас Витаутас (Иозас)	<i>21, 44, 69, 139, 176, 378</i>
Калашников	<i>23, 30, 31, 56, 68, 75, 81, 152, 156</i>
Калюжный	<i>119</i>
Каплиенко	<i>470</i>
Капулер	<i>479</i>
Капыловский	<i>43</i>
Каратовский Федор Тимофеевич (Смирнов Федор)	<i>295, 296, 299–301</i>
Карпенко	<i>290</i>
Картманов Марат	<i>396</i>

Касабова Галина Ивановна	<i>11, 192, 236, 535, 545</i>
Катаев	<i>64, 102</i>
Кац Рувим Моисеевич	<i>449, 450, 452</i>
Кексис Август	<i>522</i>
Керсновская Е.	<i>352, 567, 568</i>
Ким М.В.	<i>381, 501</i>
Кирпиченков	<i>58, 59, 63–65, 86</i>
Киселев А.И.	<i>46, 48, 214, 236</i>
Кланаускас Петрас	<i>523</i>
Клейменов	<i>236</i>
Климов Григорий	<i>258</i>
Климчук	<i>193, 202</i>
Кляченко	<i>202</i>
Кобза Иван	<i>139</i>
Ковалев Василий Иванович	<i>197, 305–310</i>
Козырев Н.А.	<i>335, 336</i>
Кокшаров	<i>105, 106, 108, 112</i>
Колпаков Михаил	<i>410</i>
Колясников	<i>87</i>
Кононов Алексей Егорович	<i>364</i>
Концевич Леонид	<i>123, 152, 153</i>
Копелев Лев	<i>412</i>
Коржев	<i>193</i>

Корниль Генри (Анри)	252, 253
Корнисюк Олекс	156
Король К.П.	23, 45, 47, 65, 95, 139, 167, 168
Короткий	64
Косарев Александр	489, 490
Кочарцев	236
Кравец Э.В.	382
Кравченко Александр	302, 303
Кравченко Виктор	302
Краюхин В.П.	214, 236
Кривуцкий Иван	568, 569
Круглов Василий	373
Круглов С.Н.	70, 191, 199–201, 214, 237, 537
Круминьш Александр	522
Крылосова	104–106
Крымов А.Б.	486, 487
Кугультинов Давид	387, 405
Кузнецов	193
Кузнецов М.В.	37, 46, 47, 51–54, 57, 59–61, 64, 108, 193–202, 204, 214, 225–227, 235, 279, 282, 289, 369, 371, 568, 569

Кузнецов Юрий	422
Кулиев Кайсын	405
Куцай Степан	116–118, 161
Кучеровский	69
Куява Антон	537

Л

Лаздиньш Мервальд	522
Лапуга	69
Ларин	68, 69
Латышев	491, 492
Лейнвальд Александр	350, 351
Лемех	23, 81
Лендел Йожеф	336–338
Лепешев Петр Михайлович	461, 478, 488
Лещенко	72, 79, 101
Лисюк С.С.	8
Логинов А.Б.	372, 374, 474
Ломако Петр Фадеевич	423
Лукшис Юозас	526
Лукьянцев Саша	137, 139
Львов А.	496
Любинецкий	58, 63, 64

Любченко Андрей Михайлович	366–368, 379, 380, 385
Любченко (Машинец) Валентина Петровна	378, 379, 381, 382, 385
Любченко Евгений Михайлович	384, 385
Любченко Катерина (Кэти)	384, 385
Любченко Михаил Владимирович	383
Любченко Михаил Михайлович	384
Любченко Ольга Антоновна	383, 385

М

Мазепа	203
Макарова Алла Борисовна	161, 181, 279, 289, 344, 352, 353, 567
Макарьев Иван Сергеевич	410–417
Мамаев	30–32, 75, 81
Мамедов	53
Маргулис Михаил	263, 275, 288, 291
Мартыненко	111, 112
Мартынов	414
Мацев	69
Мачаховский	271

Мгебрашвили Иосиф Михайлович	465, 485
Медведев	60, 193
Межевич	95
Мелентьев Алексей Алексеевич	296, 297, 300
Мельгуй	21, 51
Микутенас Витаутас	523
Милов	31, 32, 68, 80–82
Мильчаков Александр	417
Минц Лева	242
Минц Макс Григорьевич	240–243, 245, 248, 258–263, 275–277, 287, 288, 290, 291
Мисюрявичус Микас	526
Мисявичус Ионас	527
Михайлов В.В.	58, 63, 64, 214, 236
Михайлов (Новицкий) Степан Митрофанович	488
Молчанов	8, 9
Морикава	379
Москалев Иван	137
Муравьев	374
Мурейкиене Иоанна	525
Муханов	68, 82

Н

Наговицын Вадим	532
Надейко	193
Найменов	23
Нанейшвили (Косарева) Мария Вик- торовна	429, 489, 490
Нанейшвили Павел Викторович	490
Недоростков	202
Нестерец А.И.	382
Нетто Игорь	289, 298
Нетто Лев Александрович	289, 292–295, 302, 308, 309, 312, 364, 525, 529
Никитин Виктор Александрович	462
Никифоров	56, 69
Николаев	45
Николайчук П.В.	18, 28, 45, 69, 98, 112
Ногтев	333
Нусбаум Ласло	275

О

Овсянников Алексей	131
Огнищев	51
Олексюк Олекс	156
Омельчук (Емильчук) Евгений (Ярослав) Данилович	154, 275, 370, 567–569
Орлова Раиса	412
Осовалюк	43, 45, 64
Осповат	414
Островский Мечеслав Болеславович	511

П

Павлов Леонид Леонидович	371
Павловский Е.В.	346, 348
Паникаров Иван Александрович	305, 309, 312
Паншина А.Ф.	4
Панюков	34, 359
Панюшкин	236
Пасальский Арсен	145
Паузер Вера Константиновна	531
Певзнер Федор Михайлович	488
Перфилов Иван Макарович	429, 469

Перфилова Мария Александровна	469
Песоцкий	59, 60, 86
Пети (Петит) Франсуа	340–345, 364, 365
Петри Олег	345, 364
Петров	358, 359
Петров Андрей Степанович	111–113, 378
Петров Тихон Иванович	300, 301, 305
Петросян Геворг	435
Петрук Павел Варламович	327
Пилипенко	226
Пилипенко Владимир Иванович	373, 456, 485
Плужник	43, 45
Пода Артем	490
Пода Леонид Артемьевич	429, 490, 491
Поленов	200, 214
Полостяной	22, 31, 33–35, 37, 50, 56, 57, 75, 83, 134, 136, 138
Полтава Владимир Иванович	374, 465
Попеску (Попадеску)	160, 161
Попова	236
Пресман Алла	540–544
Продан Василь	568
Пушилин Григорий	125, 126, 143, 150, 151, 156

Р

Разумов	72, 93
Ракаускас Витаутас	531
Раманаускас Бронюс	526
Ранчэн Тру	337
Расщепа Анатолий	380
Рацenas Римвидас	532–534
Родионов (Радионо́в) Владимир Е.	355, 358, 359, 394
Рознатовский Николай Николаевич	463
Росси Жак (Тейхман, Яцек)	325, 327–339, 341–353, 355, 358, 364
Россон	21, 51
Рудик Вилли	77, 78, 88, 92, 93, 101, 104, 108
Рудминский Лев	289, 290
Рудный	414
Рудь	501
Рудь Саша	380
Рюмин	87
Рязанцев	307

С

Савельев	6
Савич Милан	246
Савченко Иван Иванович	373
Сагоян Мария Яковлевна	430, 454, 460, 493
Сагоян Петр Осипович	426–428, 430, 434, 463, 465, 470, 472, 475, 479, 492, 493
Светлова С.	346
Свидинскас Ромуальдас	532
Свищев	22
Свячевский Вилли	275, 288
Себесяк	30–32, 75, 81
Седов Николай	503
Селегенов	390
Семенов	29, 32, 33, 46, 49, 50, 58, 60, 75, 108, 135, 136, 159, 196, 214
Семенюк Мелетий	88, 137, 178
Сендек Вячеслав Владиславович	485
Сериков Петр	300, 301

Серов И.А.	191, 193–197, 201
Сидорчук	69
Сильченко Николай	137, 139, 154
Сироткин А. С.	46, 214, 235, 371
Слуцкий	414
Случанко	340
Смекалин Александр	390
Сметонене Ирена	525, 528
Смешной Аркадий Иванович	377
Смилдзиня Илга	522
Смирнов В.	43, 45
Смирнов И.	31, 32, 58, 65, 66, 69, 80–82, 86
Снегов Сергей	339, 346, 416
Соловьев Сергей Дмитриевич	296, 297, 301, 305–310
Соловьева	479
Софроник Эмиль Петрович	193
Стальский Николай	412
Старостин Андрей Петрович	296–298
Степанов	178
Степанюк Герман Петрович	179, 216
Стэн Адам (Мирко, Штен, Цур Адам)	246, 260, 261
Сузин Михаил	142, 159

Супруненко Николай Владимирович	<i>494, 495, 512, 516, 517</i>
Сысоев Иван	<i>23</i>

Т

Табатадзе Василь	<i>56, 59, 77, 78, 86, 95, 98, 104, 173</i>
Тарковцаде П.У.	<i>18, 43, 45, 46, 49, 69, 72, 139, 168</i>
Тарновский Юлиан Константинович	<i>296</i>
Тархов	<i>22, 30–32, 36–38, 46, 48–50, 56, 60, 62, 68, 119, 123, 136, 146, 161</i>
Теплов Ф.А.	<i>214, 236</i>
Тимошук Владимир Терентьевич	<i>186, 187</i>
Тиховский	<i>95</i>
Ткачук Николай	<i>270, 272, 275</i>
Ткачук Петр	<i>270, 272, 275</i>
Толстихин	<i>79, 110</i>
Трамбицкий Ю.А.	<i>312</i>
Трапезников В.Д.	<i>512</i>
Труба Тарас	<i>188</i>

У

Уваров	193
Умаров	64, 102
Урванцев Николай	422
Усевич И.В.	8, 9
Усков Николай Андреевич	378
Ушацкий	72, 78, 79, 87, 88, 92, 93, 95, 101, 102, 104

Ф

Фарберов Арон	258
Фикс	378, 379
Филлипов Виктор Борисович	303, 304
Френкель Павел	527

Х

Ханжин Вячеслав Николаевич	406–410
Хачатуров	568
Хилько	501
Хитрова Валя	522
Ходюня Н.А.	8–10

Хорошилова Надя	568
Хробак Василий	119, 126, 139, 146, 150
Худоба Н.	68

Ц

Царев	57, 60, 61, 108, 214, 228
Царева Наталья Ивановна	461
Цыганков В.С.	23, 27, 44, 139

Ч

Чебуркин П.В.	346
Чепонис Ионас	523
Черепанов Гурий Михайлович	537, 538, 541, 544, 545
Черепанова Ольга	545
Чернобай	69
Чернышов	376
Чигин	6
Чистякова Фаина Николаевна	536, 538, 540
Чоповский О.Ф.	187

Ш

Шайкевич Женя	371
Шакуров Зинур	303
Шалкаускас Казимерас	526
Шамаев Борис Александрович	7, 12–14, 18, 19, 87, 92, 115, 139, 146, 147, 166– 170, 348
Шатуновская	416
Шевцов	59, 77, 78, 86, 87, 90, 93, 95, 98, 104, 108
Шевчук	157
Шеруденко Анастасия Павловна	309
Шидловский Виктор	373
Ширяев	29, 70
Шниперов	60, 69
Шовен Жан-Рене	356, 357
Шульжинский Анатолий	425
Шумук Данила	69, 162, 163, 175, 177, 181
Шупак Илья	286
Шушковский Леонид	145

Щ

Щеглов Сергей Львович (Норильский)	4, 346, 347, 386, 387, 391, 394–396, 402, 404
Щеголев	378
Щеголь Василий	271
Щерба	169, 170, 173
Щура	176

Ю

Юзовский	414
Юркевич	193
Юшков Леонид Павлович	410, 418, 419

Я

Язан Евдокия	421
Яловецкас Альфонас	522
Янулявичус Иосиф	394

УТОЧНЕНИЯ

В каждой книге воспоминаний норильчан мы обращаемся к читателям с просьбой присылать не только свои рассказы о прошлом Норильска, но и замечания, уточнения, дополнения. Ни одно мемуарное издание не обходится без неточностей, ошибок в фамилиях, именах. И тем ценнее письма, звонки от тех, кто присылает свои поправки. Сегодня мы публикуем уточнения от Аллы Борисовны Макаровой.

В воспоминаниях Анастаса Волунгявичуса (том 7-й, с. 278) есть упоминание о хирурге по фамилии ЕМИЛЬЧУК. Хочу внести поправку: речь идет об известном заключенном, враче центральной больницы лагеря, отличном хирурге по фамилии ОМЕЛЬЧУК, звали его Евгением Даниловичем. Он находился в военные и послевоенные годы в Норильлаге, а затем в 4-м и 5-м лаготделениях Горного лагеря. Сообщается о нем в воспоминаниях многих бывших норильских невольников.

У Евгена Грицяка в книге «Норильское восстание» (пер. с укр. яз., Новосибирск: «Свеча», 2001 год, с. 36) есть упоминание о том, что заключенный хирург Омельчук во время восстания политзаключенных в 1953 году оперировал раненых после штурма 5-й зоны Горлага.

У Евфросинии Керсновской («Сколько стоит человек», том 5-й, тетрадь 9, с. 147 и далее, Фонд Керсновской, ОАО «Типография «Новости». Москва, 2000): «Круглолицый, полный, с тихим голосом и добродушной улыбкой, он производил впечатление увальня, всячески старался остаться в тени. Для меня он так и остался загадкой. Украинец, родом из Чехословакии. Почему он оказался военным врачом

в немецкой армии? Ведь немцы чехов не мобилизовывали. Ему дали расстрел, затем заменили его 15 годами каторги, а каторгу сменили на 10 лет ИТЛ. Врач-педиатр. Когда он стал таким эрудированным хирургом? Он «не владеет» немецким языком. Но когда из спецлагеря приводили на операцию немецвоеннопленных, меня вызывали как переводчика, и однажды, войдя в палату, где лежал немецкий офицер, я услышала, как Омельчук вполголоса вел с ним беседу. Врач он был действительно первоклассный, когда хотел... Впоследствии его отправили в спецлагерь. Кузнецов не мог ему простить удачной операции на сердце (пьяный бытовик полез в зону ЦБЛ, охранник выстрелил, пуля прошла через перикард, распорола левый желудочек и вышла под лопаткой). Три шва хирург наложил на сердце, и три раза сердце останавливалось. Омельчук пальцами делал массаж, и сердце оживало».

Керсновская восхищалась тем, как быстро и мастерски это было сделано. Через месяц больной начал вставать, а через два вышел из больницы прямо на волю: пока лежал, срок кончился. Она же приводит еще два примера из хирургической практики Омельчука — как он сшил попавшую под электровоз Надю Хорошилову и тяжело травмированного Хачетурова, как мастерски накладывал гипс при переломах — быстро, уверенно и очень точно. Среди больных о нем ходили легенды.

У Ивана Кривуцкого в книге «За Полярным колом» (Львів-Полтава, «Духовна вісь», 2001, с. 110–112, 209, 215, 217, 297): «Говорят, что он первым в Союзе делал операции на сердце. Говорят, его большевики выкрали в Западной Европе и судили за «измену Родине». Высокий, мощный стати, всегда серьезный, задумчивый. Не все могли ему ассистировать во время операции: что не так — сердился, кричал, не глядя, кто перед ним — заключенный или вольнонаемный. Персонал поэтому сам подбирал: в 4-м лаготделении у него в больнице фельдшером был Василь Продан

с Тернопольщины, санитаром Иван Ищук». Там же Кривуцкий вспоминает, как Омельчук поставил правильный диагноз (чего не могли сделать другие врачи в лагере) больному базедовой болезнью латышу Эльмару Петровичу Велде и тем спас ему жизнь, а Велде «сделал для операционной чудо-люстру, она сегодня могла бы находиться в музее как образец неумирающего человеческого гения, находчивости, творчества даже за колючей проволокой». В 1953 году, по воспоминаниям И. Кривуцкого, Омельчук предложил комиссовать 72 заключенных с радикулитом, но его диагнозу не поверили. А через год новая медицинская комиссия во главе с Кузнецовым признала свою ошибку: «То, что видит у больного на рентгене Омельчук, к сожалению, из нас никто не может видеть». По сообщению И. Кривуцкого, Омельчук родом из Ровно, а его имя и отчество — Ярослав Данилович.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Шамаев Б.</i> : «...возмущает не столько бездушное, халатное, сколько трусливое поведение Красноярского краевого суда, разбиравшего наше дело. Казалось, что не интересы народа и государства отстаивал этот суд, а как будто бы задался единственной целью — помочь норильским лагерным работникам и не испортить с ними отношений»	12
<i>Куцай С.</i> : «Те, кто участвовали в похоронах, сообщили, что убитых было около 600 человек»	116
<i>Шумук Д.</i> : «Получился страшный шквал. Одни падали, другие молили о спасении, истекая кровью, третьи бегали из угла в угол»	162
<i>Барбон М.</i> : «Тайно Антоновича привезли на север Франции. Ночью в порту передали на борт советского торгового парохода в руки переодетых чекистов».....	182
<i>Рассказывают документы</i> : «...принимаются меры к выявлению через агентуру намерений заключенных — зачинщиков волынки, а также работа по разложению организованного сопротивления».....	188
<i>Миц М.</i> : «Очень трудно нести бремя, много превосходящее твои силы...»	240
<i>Бадаш С.</i> : «Автоматчики открыли огонь по толпе заключенных».....	264
<i>Брахтман Р.</i> : «...это восстание было началом долгого процесса отмирания сталинщины...».....	284
<i>Нетто Л.</i> : «Лозунг «Свобода или смерть!» вдохновлял и объединял людей, но Демократическая партия смерть отвергала»	292
<i>Дзюбенко Н.</i> : «Жак Росси прожил жизнь, но не окаменел душой»	324
<i>Любченко А.</i> : «Отслужил Норильску ровно полвека, а жена Валентина — сорок лет...»	366

Щеглов-Норильский С.: «В Норильск Давида Кугультинова привезли с очередным этапом заключенных в 1946-м»	386
Ханжин В.: «Покоя нет ни сердцу, ни уму..»	406
Сагоян П.: «...люди, в первую очередь партактив, продолжали жить страхами 1937 года»	426
Супруненко Н.: «Похоже, что вы живете на свободе не лучше, чем я в лагере»	494
Златкус Б.: «Организация сопротивления лагерному режиму «Норильско Вичай» («Норильские вятязи») по сути родилась... 8 сентября 1952 года...».....	518
Черепанов Г.: «Видел, как Т-34, наш советский танк, победоносно оставив после себя раздавленных и искалеченных, двинулся дальше к другому входу в барак, чтобы и там навести смерть»	536
Именной указатель	546
Уточнения	571

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель
Г.И. Касабова

Корректоры
В.Л. Соловьева,
И.В. Курносова,
П.М. Смирнов

Компьютерная верстка
О.Г. Егин
Н.А. Свиридова

ООО «ПолиМЕдиа»

Лицензия ИД № 03287 от 20.11.2000 г.
143003, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101

Подписано в печать 09.09.2006. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 18 печ. л.
Заказ № .
Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ОАО «Полиграфический комплекс «ОРИУС»
398055, Липецк, ул. Московская, д. 83

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок